

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

ТАНГО
С ПРИЗРАКОМ
—
ОРИЛЬЕРО

Annotation

Моя судьба – мое право выбора. Хорошо или плохо, правильно или нет, но я, Антония Даэлис Лассара, потомок старого рода темных магов, привыкла и выбирать сама, и выживать сама. Рано умершая мать, спившийся отец, и ты – последняя веточка древнего рода... Последняя его надежда на возрождение.

Родственники, которые приютили из милости, любимый человек, который женится на другой, сила, которая рвется наружу. Достаточно, чтобы сломаться? Или наоборот? Чтобы выпрямиться и сделать первый шаг. Сегодня мы танцуем танго! Маэстро, музыку!

- [Галина Дмитриевна Гончарова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глоссарий](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Галина Дмитриевна Гончарова
Танго с призраком. Орильеро

*Ольге Анатольевне Л., которая так никогда и
не прочтет эту книгу. С любовью.*

© Галина Гончарова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

– Калле Тарралонга, ритана, – таксист неодобрительно покосился на Антонию. И вовсе уж сухим тоном добавил: – С вас два реала.

Антония прикусила губу, чтобы не вздохнуть.

Два реала!

Дома она могла два дня жить на эти деньги... может, и больше. Если покупать продукты перед самым закрытием рынка. А здесь?

Одна поездка от вокзала на модном мобиле уже пробила брешь в ее кошельке. Но – никуда не денешься.

Тони достала небольшой кошелек, вышитый старой Долорес – на счастье, нашла в нем две серебряных монетки – и сунула таксисту.

Взгляд черных глаз мужчины стал еще неодобрительнее. Кажется, он рассчитывал на чаевые, но Антония просто не знала, сколько их давать. И давать ли? А вдруг она обидит этого мужчину?

Пока она колебалась, таксист решил все сам.

– Вы выходить будете, ритана?

Нет, за такое она чаевых точно давать не станет! Хоть дверь бы перед ней открыл!

– Благодарю вас, – сухо ответила девушка. И попробовала открыть дверь. Новомодный рычаг не поддавался, сначала она тянула не в ту сторону, потом недостаточно сильно... таксист наблюдал за этим представлением с откровенной ухмылкой.

Понаехали тут!

Тони уже откровенно вспыхнула и, видимо, на нервах, дернула за проклятый рычаг именно так, как надо.

Дверь щелкнула и открылась.

Тони вышла сама, вытащила чемодан с вещами – и такси, едва дождавшись, пока она хлопнет дверью что есть сил (а вдруг не закроется?), развернулось почти на месте, обдав ее вонючим дымом и больно хлестнув по ногам мелкими камушками из-под колес.

Антония медленно выдохнула.

Вдохнула.

Посмотрела на большой дом за массивной кованой оградой.

А потом решительно подошла к воротам.

Молоток? Нет... вот тут нечто новомодное. Кнопка. Антония поколебалась минуту – и надавила на нее. А потом еще раз – для верности.

Не было ни шума, ни звонка, ничего.

Но...

– Проходите, ритана.

Ворота медленно открылись.

Тони вздохнула, подхватила неудобный громоздкий чемодан, который так и норовил дать ей под колени острым углом (и углов у него было не меньше двенадцати... или все двадцать четыре?), и медленно побрела по дорожке, посыпанной таким же гравием, как и небольшая площадка перед воротами...

Дорожка оказалась ужасно длинной, и к ее концу Тони вся взмокла. Лучшее платье противно липло к спине и подмышкам, над верхней губой прямо-таки ощущались противные капельки пота, равно как и на лбу, и на щеках, а еще она ободрала нос туфли об особо выдающийся камушек. Почему-то это ее вконец расстроило, так что до дверей особняка она добралась в отвратительном настроении.

Там девушка и была встречена лакеем в темно-красной ливрее. Явно дорогой и сшитой лучше, чем ее платье. Увы...

– Прислуге надо было с черного входа, – попенял ей раззолоченный малый. – Что ты – правил не знаешь? Новенькая? На кухню?

Это оказалось последней каплей.

Тони плюхнула чемодан прямо на пол, сама почти упала на него сверху и разревелась.

Рядом громко и совершенно немелодично взвыл лакей, на чью ногу был поставлен чемодан. Да, очередным особо острым углом. И попробуй тут не взвой! Девушка хоть и хрупкое существо, но вес у нее есть. Определенно.

Но разнести в пух и прах нахалку в дешевеньком платьице он не успел.

– Что здесь происходит?!

Лакей подскочил и вытянулся по стойке «смирно».

– Тан Аракон, простите! Это случайно! Это...

Тан Аракон?!

Дядя?!

Антония подскочила еще быстрее. Чемодан опрокинулся на лакея (вторым по счету острым углом), а девушка вытащила из кармана письмо.

– Тан Аракон, мое имя – Антония Даэлис Лассара.

Тан Аракон прищурился. Медленно взял письмо, чуточку влажное от пота и смятое от долгого лежания в кармане.

– Ритана Лассара?

Антония кивнула головой. Копна черных волос не выдержала, вырвалась из плена заколок – и буйным облаком разметалась по плечам.

– Мой отец... умер.

Носом она все же хлюпнула, не справилась с собой. Тан Аракон безглаголиво поморщился. Но не ушел, просто стоял и разглядывал племянницу. Молчал.

Тони в ответ разглядывала его.

Дядя был очень сильно похож на отца.

ОЧЕНЬ сильно.

Те же черные прямые волосы, стянутые в недлинный хвост бархатной лентой.

Те же внимательные черные глаза, длинный крючковатый нос, высокий лоб, тяжелый подбородок. Смуглая кожа, широкие плечи, массивный торс, чуточку коротковатые для такого тела ноги и длинноватые руки.

У отца было так же... только отец под конец жизни распустился. Кожу испещрили красные прожилки, лицо опухло и расплылось, глаза налились кровью...

Тони проглотила тяжелый комок в горле.

Она не будет думать об этом сейчас!

Не будет!

Хватит, и так себе уже реветь позволила. Теперь лицо опухнет, и пятна будут. Но уж очень все один к одному сложилось! Она тоже живой человек!

Но сейчас надо собраться. Ну, Тони?! Держись! От этого твоя жизнь зависит!!!

– Давно?

– Два месяца назад, тан.

– Хм... пройдите в гостиную, ритана. – Тан Аракон кивком указал направление, и сам отправился вслед за девушкой.

Чемодан Тони из вредности оставила в прихожей. Авось, не своруют! А если решатся... тогда и узнают, что такое заговор старой Долорес.

Гостиная повергла девушку в шок.

Единственное впечатление, которое было у девушки – БОГАТО!

Роскошные красные бархатные портьеры, золотая отделка темной дубовой мебели, бархат дивана и кресел, ковер, в котором ноги тонули по щиколотку... Тони, повинувшись кивку, опустилась в одно из кресел и застыла, чувствуя себя плевком на роскошной ткани.

Тан Аракон с достоинством опустился в соседнее кресло и вскрыл письмо.

Хм...

Братец!

Если ты читаешь это письмо, значит, я отправился к Даэлис. Наконец-то!

Жаль одного – Антония остается без родных и близких.

Присмотри за ней, пожалуйста. Она умненькая и хорошая девочка, она не доставит тебе хлопот.

Мое имение можно продать, наверное. Пусть полученные деньги будут ее приданым. Я надеялся сам устроить ее жизнь, но – не судьба.

Твой брат Даэрон.

P.S. Помнишь наш детский девиз? Не предавать и не бояться! Я иногда вспоминаю. Может, сложись все чуточку иначе... а впрочем, что мечтать о несбыточном? Не предавай, братец, и не бойся. А я за вами пригляжу.

К письму был приложен еще один лист.

Уважаемый тан Адан Мигель Аракон.

С прискорбием сообщаю вам, что шестнадцатого марта этого года ваш брат Даэрон Эктор Лассара скончался на руках своей дочери Антонии Даэлис Лассара.

Причиной его смерти стал разрыв сердечной мышцы. Акт о смерти был составлен доктором Ассуна, подписан и заверен мной, а также градоправителем, таном Саллеро. Смерть его была совершенно естественной и ожидаемой.

Прилагаю к письму список имущества покойного, а также номера фонемов, по которым можно с нами связаться для уточнения дальнейших вопросов, касаемых наследства.

С уважением, нотариус А. М. Авиель.

Список был невелик. Всего одно поместье Лассара.

Тан Аракон посмотрел на племянницу.

М-да.

Свалилось ему счастье на голову.

Вслух он, конечно, этого не сказал, но... но девушку разглядывал очень тщательно. И вынужден был признать – ни в мать, ни в отца она не пошла. Получилась такая странная помесь.

Красивая?

Сложно сказать.

Волосы, как у Даэрона. Черные, глянцевые, выются крупными кольцами. Только вот это дополняется кожей непонятого оттенка... загорелой? Или от природы такой? Желтоватой?

Пока не понять.

Лицо правильное, брови и ресницы черные, но глаза неприятно светлые. Не такие, как у Даэлис, у той глаза были цвета голубого серебра. У Антонии они намного светлее, почти прозрачные, белесые, неприятно смотрятся на смуглой коже. Губы тонкие, упрямо сжатые. Фигура вроде неплохая.

Платье?

Жуткое. Такое... в цветочек, у него в доме даже служанки носят нечто приличнее. Впрочем, это уж вовсе не его забота.

– Антония Даэлис.

Тони продолжала молчать.

– Не могу сказать, что рад твоему визиту, племянница. Ты в курсе нашей семейной истории?

Антония кивнула.

В курсе.

Отец в последние годы сильно пил, а напившись, разговаривал о чем угодно, только спроси. И о своей ссоре с семьей, и о свадьбе, и о матери... Тони слушала.

– Тогда ты понимаешь, что на радушный прием рассчитывать не стоит.

Антония кивнула еще раз.

Выгонят сейчас – или хотя бы переночевать дадут? Идти было откровенно некуда, разве что возвращаться в Лассара. Но там... м-да.

Туда было лучше не возвращаться.

Да и денег ей на обратную дорогу точно не хватит. Несколько десятков песет – ладно, может, на билет в дилижанс ей и хватит. Но не на поезд, это уж точно.

– На улицу я тебя, разумеется, не выгоню.

– Благодарю, тан Аракон.

Мужчина поморщился.

– Можешь называть меня дядя Мигель.

– Благодарю, дядя Мигель.

– Но на многое не рассчитывай. У меня две дочери на выданье, и в первую очередь я буду думать о них.

– Да, дядя Мигель.

Тан Аракон довольно кивнул. Кажется, девчонка оказалась понятливой.

– Моя супруга с дочками отправились по магазинам. Когда они вернутся, я вас познакомлю. Наша семья не слишком богата, придание мы тебе выделить не сможем. Поэтому рассчитывать надо лишь на имение. Что ты знаешь о его рентабельности?

Антония знала.

Но стоит ли раскрывать все свои карты?

– К моему сожалению, дядя Мигель, я не способна к математике. Эти цифры такие сложные.

Мужчина даже не удивился.

– Да, женщинам бывает сложно спланировать свои расходы. Ладно, я свяжусь с нотариусом. Как его зовут?

– Александр Мария, дядя Мигель.

– Хорошо. Скоро должна вернуться моя супруга...

Мужчину прервали звонкие женские голоса, щебетавшие нечто очень содержательное.

Антония прислушалась.

Шляпка, ленты, отделка...

Есть хотелось – аж желудок судорогой сводило. Но кормить ее явно никто не собирался. А в чемодане есть несколько маисовых лепешек...

Желудок скрутило вовсе уж неприятно. Антония выпрямилась и крепко сжала кулаки. Потом медленно расслабила пальцы. Что-то ей подсказывало, что накормят ее не скоро...

– Папа, это ужасно!

– Это невыносимо!

– Девочки, спокойнее!

В гостиную одна за другой вторглись три женщины. В первую минуту у Антонии даже в глазах зарябило, но потом она кое-как собралась, сосредоточилась, и оказалось, что все не так страшно.

Первой в комнату влетела очаровательная девушка лет восемнадцати. Если ее что и портило, так это несколько жидковатые черные волосы. Но накладной шиньон успешно исправлял это маленькое недоразумение, а все остальное и так было выше всяких похвал.

И кремовая кожа, и большие карие глаза, и тонкие черты лица. Фигура тоже отвечала последним канонам красоты – высокая, тонкая, стройная. А уж про дорогое бледно-розовое платье и упоминать не стоило. Антония оценила и шелк, и кружево... м-да.

Если у дядюшки и есть проблемы с деньгами, или он это скрывает, или платья куплены с рук, или... это надо выяснить.

Вторая девушка была на год или два моложе. У нее и фигура еще не сформировалась, но Антония видела, что эта девушка, скорее, пошла в отца. И более крепкой и коренастой фигурой, и чертами лица – нет, не красавица. Может, еще и перелиняет, но пока – на троечку. Даже бледно-зеленое платье не скрывает ее огрехов. Но приданое – лучшее украшение девушки, не так ли?

Последней вплыла их мать.

Антония прикусила губу.

Даже сейчас она была красива. Черные волосы, карие бархатные глаза, улыбка...

Фигура, несмотря на двое родов, не расплылась, только налилась и обрела завершенность. Костюм цвета сливы облегал ее уверенно и элегантно. На черных волосах неведомым чудом держалась шляпка с пером. И брошь, которой было приколото это перо...

Да чтоб Антонии сквозь кресло провалиться, если это не аметист. С бриллиантами!

– Дорогая, – поднялся ей навстречу дядя Мигель.

– Михелито! – улыбка, протокольный поцелуй в щечку... Только вот Антония кожей почувствовала, как ее почти что просканировали. Просветили лучами от ушей до пяток, оценили старое платье, сбитые каблук на туфлях, неухоженное лицо – и сделали выводы.

Весьма нелестные для девушки.

– Позволь тебе представить, дорогая. Наша племянница, Антония Даэлис Лассара.

Точеные брови тетки вздернулись вверх.

– Вот как? Девочки, выйдите вон.

– Мама?! – возмутилась старшая. Что ж, красавице явно многое позволялось.

– Папа? – с более вопросительной и менее скандальной интонацией уточнила вторая.

– Девочки. За дверь.

В голосе дамы лязгнул капкан, и девушки не решились протестовать. Первой выплыла младшая, потом прошествовала к двери старшая – и мягко прикрыла ее.

Несколько секунд в гостиной стояла тишина.

Потом дядя Мигель прошел к двери – и резко открыл ее.

– Ой!

– Папа!

– Юные ританы, если я увижу вас подслушивающими под дверь, о новых платьях в этом месяце можете забыть.

Угроза прозвучала достаточно веско.

Девушки надулись и удалились. В этот раз окончательно.

Тетка сверлила Антонию ледяным взглядом. Пауза затягивалась.

Девушка смотрела в пространство рассеянным взглядом и молчала. А зачем говорить?

О чем говорить?

Вот спросят или попросят высказаться – тогда.

Молчание нависало над полем битвы, давило, требовало разрядки... первым, что и неудивительно, сдался дядя Мигель.

– Розалия, я понимаю, что ты не в восторге.

– Да, Михелито. Я не в восторге.

– Но мы не можем выгнать на улицу юную девушку, оставшуюся сиротой.

Розалия вздохнула. Вот здесь и сейчас красавицу она уже не напоминала. Скорее – жабу. Есть такие... остромордые.

– Мигелито, у нас две дочери на выданье.

– Да, Розалия.

– И нам важна их репутация.

– Несомненно.

– А если кто-то узнает... о той истории? Это бросит тень и на наших девочек. Они могут не сделать удачную партию. Ты знаешь, что Альба сегодня разговаривала с Сесаром-младшим?

– Сесар вернулся из Приграничья?

– Да. И семья срочно подыскивает ему невесту. Сам знаешь, после той истории с Амандой...

– Об этом потом, Розалия. Такие новости не для девичьих ушей.

– Если твоя племянница еще девица, – поджала губы ритана Аракон. – В провинции нравы достаточно вольные...

– Антония? – посмотрел тар Аракон на девушку.

– Можете отвести меня к любому доктору по вашему выбору, – безразлично ответила Антония. Внешне безразлично. Только покажи, как тебя оскорбило и задело такое предположение – мигом вцепятся!

– Отведу, – гадюкой прошипела ритана.

– Вот и договорились, – подвел итог дядя Мигель. – Розалия, Антония останется у нас. Мы подумаем над устройством ее судьбы, безусловно, после того, как устроим девочек. Я понимаю, что тебе это не слишком приятно, но вести разносятся быстро. И если мы откажем Антонии в помощи, будем выглядеть намного хуже.

Ритана поджала губы. Но тут уж крыть было нечем. Сплетни летают быстро, летают далеко... это кому-то кажется, что Лассара

далеко. Ан, оглянуться не успеешь, как узнаешь о себе много нового и неприятного.

– Ты знаешь, как меня зовут?

– Отец рассказывал. Вы – Розалия Инесса Аракон, в девичество Мондиго, – отозвалась Антония.

– И обо всем остальном он тоже рассказывал?

– Да, ритана Аракон.

– Можешь на людях обращаться – тетушка Розалия, – надавил голосом Мигель. Женщина скривилась, но спорить не стала.

– Пусть так. Почему ты приехала к нам?

– Потому что другой родни у меня не осталось, ритана Аракон.

– И ты решила, что тебе здесь будут рады?

– Нет, ритана Аракон. Но в большом городе проще найти работу, проще устроить свою жизнь. В Лассаре я могу только умереть от голода и холода. Здесь у меня появляются перспективы.

– Хм...

Женщина смотрела на Антонию – и девушка ответила прямым взглядом. Глаза в глаза. Отлично зная, что ее взгляд вынести очень сложно.

Так и сейчас произошло – ритана отвела глаза – и тут же сморщила нос.

– Ты ужасно выглядишь, кошмарно одета, и надо полагать, собираешься поправить это за наш счет?

– Розалия, поместье можно продать, а деньги от него потратить на обустройство Антонии в жизни, – спокойно перебил ее дядя Мигель.

Антония промолчала.

Ей не хотелось продавать свое единственное достояние. Но – кто ее сейчас спросит?

– Сколько тебе лет, девушка?

– Восемнадцать.

– Перестарок. Моей Альбе семнадцать, но я уже подыскиваю ей супруга.

– Отец был слишком занят, чтобы заниматься устройством моей судьбы.

– Пил?

– Пытался воссоединиться с мамой, – не вытерпела Антония.

И была вознаграждена злым блеском в карих глазах. Что бы эта тетка ни говорила – она помнит. И ей до сих пор обидно.

Антония мысленно поблагодарила старую Долорес за науку.

– И ему это удалось.

– Да, ритана Аракон.

Женщина вздохнула.

Она бы с огромным удовольствием выпнула наглую девчонку на улицу. Но – нельзя. Репутация – это святое. Не бойся грешным быть, а бойся грешным слыть. Да и муж против...

– Хорошо. Я распорядюсь, тебя устроят в доме. Сегодня изволь принять ванну и отмыть всю грязь. Обед и ужин тебе подадут в комнату. Завтра мы съездим к врачу. Гардеробом займемся потом, если ты не соврала. Если соврала – выкину сразу. Я не потерплю разврата рядом с моими девочками. Это понятно?

Антония кивнула.

Кажется, продержалась?

Почти, почти.

– Да, ритана Аракон.

– Насчет работы – подумаем. Смотря, что ты умеешь. Возможно, это будет лучшим выходом из положения.

– Я...

– Потом расскажешь. Возможно, сейчас это преждевременно обсуждать.

Антония кивнула. Может, и преждевременно. Посмотрим...

В любом случае она отдохнет, искупается, выпится и поест. А в ее положении это очень много.

А еще...

Какое-то время она в безопасности. А вот что будет потом? Но пока все спокойно, надо хотя бы чуточку отдохнуть.

Комната, выделенная Тони, была не из роскошных. Скорее, комнатой для прислуги. Но девушка была не в претензии.

Комната была оклеена светлыми обоями, в ней стояли кровать, шкаф, комод, стол и стул. Более того, в ней была личная ванная.

Крохотная такая, поддон и душ. Развернуться негде. И вода текла прохладная, почти холодная, но Антония не обратила на это внимания.

Дома, если она хотела принять ванну, ей приходилось самой кипятить воду в больших кастрюлях, самой таскать ее по лестнице, равно, как и холодную, а чтобы наполнить старинную чугунную ванну, воды требовалось много.

И остывала она быстро. Не успеешь последнее ведро притащить, как уже прохладно. А тут вода сама течет! Замечательно!

Тони вымыла волосы и с огромным удовольствием вышла из ванной.

Позвольте!

Поднос-то с едой ей прислали! Но помимо того...

Тот самый лакей, который встретил ее в холле, стоял рядом с кроватью, на которую она водрузила свой боевой чемодан. И примерялся...

– Руки убрал! – рявкнула девушка, напрочь забывая, что вообще-то стоит в одной простыне на голое тело.

Лакей обернулся – и расплылся в улыбке.

– О, а ты ничего так, детка!

– Руки. Убрал, – мягко повторила Антония.

Когда она начинала говорить с такой интонацией, разбегались даже подручные мясника. Но лакея никто не предупредил, и он явно решил, что бессмертен.

– А то что? Сейчас я твой чемодан уберу, и мы с тобой поваляемся немного на кровати, правда? Ты же мне не откажешь?

Антония и сделать ничего не успела. Сам нарвался, идиот!

Лакей схватился за чемодан, потянул... крышка распахнулась.

– Ой...

А больше он ничего толком и не сказал. Потому как шок.

Руки негодяя на глазах покрывались большими и весьма болезненными чирьями. Красными такими, воспаленными...

– А...

– Стой смирно, – рыкнула Антония. – И молчи, а то вообще не снимут. Запомни – еще раз подойдешь или прикоснешься, вообще необратимо будет!

– А...

– А так через три дня пройдет. Я с тебя эту вину снимаю.

Чирьи чуток побледнели.

Лакей дернулся к двери, но тут уж начеку была Антония.

– Стоять!

Сказано было увесисто. Мужчина повиновался.

– Кто приказал?

– Никто. Я сам...

– Да неужели? А если чирьи верну?!

– НИКТО!!!

Тони прищурилась.

Вроде не врал. Ну да ладно, бес с ним!

– Пошел вон. И всем скажи – кто что стащит, с ними то же и будет.

М-да. Хорошо пошел, антилописто.

Антония посмотрела на дверь.

Замок, не засов, не щеколда.

Плохо. Щеколду заложил – и хоть весь дом сюда стучись. А от замка, выходит, у кого-то ключи есть. У кого-то?

Считай, у всех!

Ладно, авось и не полезут, побоятся. А щеколда... если ее оставят жить – и именно в этой комнате, она ее сама прикрутит.

А пока...

Антония переоделась в свежее платье и принялась за еду.

Суп был густым и горячим, жаркое вкусным, а кусок пирога пропитан кремом. Девушка разве что тарелку не облизала. Потом улеглась на кровать и прикрыла глаза. Отдохнуть, хоть чуточку отдохнуть...

* * *

Антония Даэлис Лассара появилась на свет восемнадцать лет тому назад, в поместье Лассара. Отец был счастлив до безумия. Жену он любил, дочь обожал... жаль, судьба бывает скупа на счастье.

Не прошло и десяти лет, как в семью пришло настоящее горе. Даэлис Серена Лассара хоть и была магом, но роды... такая штука.

Хрупкое телосложение, не успевшая вовремя помощь, кровотечение – и на кладбище, оцепенев от горя, стояли, держась за руки, отец и дочь.

Стояли над холмиком, под которым спали Даэлис Серена Лассара и Антонио Мигель Лассара. Мать и сына не стали разлучать после смерти.

Для Антонии настали черные времена.

Ей было больно, плохо, тоскливо... да, они не были богаты, но когда Даэлис была жива, Лассара полнился смехом, светом... забавно, но жилье потомственных некромантов было уютнее и теплее любого другого жилья на день пути вокруг.

Пока Даэлис была жива.

А потом старый дом затосковал.

И равно тосковали его обитатели. Только вот проявлялась эта тоска по-разному.

Если Тони убегала из дома и целыми днями слонялась по холмам и долинам, то ее отец – пил.

Жестоко, беспощадно, стараясь хоть в алкогольном забытьи увидеть тех, кого он потерял. И Антония не могла осуждать его. Нет, не могла...

Особенно когда ей все объяснили.

Да, когда девочка ходит, где хочет, по пятам за ней могут ходить и приключения, и неприятности... чаще – вторые. Но иногда судьба присматривает за малышами.

Вот и сейчас...

Судьбе было угодно обломать основную ветвь Лассара, но росток остался. Маленький, хилый, но очень живучий.

В одну из своих прогулок Тони упала в ручей, промокла, а когда пыталась высушиться у костра, познакомилась со старой Долорес.

Ведьма и травница, Долорес арендовала один из коттеджей с незапамятных времен. И знала еще отца Даэлис. А может, и деда – она не распространялась.

Какие уж между ними были счеты, какие отношения?

Антония не знала. Но увидев ребенка и расспросив, Долорес пригласила ее приходить в гости. Что Антония и сделала.

Долорес была темной...

Так уж повелось от века, что Бог даровал людям магию. Даровал, чтобы они могли построить дома, защититься от бед... даровал светлую магию.

Потом, как водится, вмешалась противная сторона. И часть людей... они не то чтобы переметнулись. Некромантия была необходима, это признавала даже Церковь.

Поди, упокой кладбище? Справься с упырем, поговори с призраком, а как насчет проклятий, которыми люди разбрасываются по поводу и без повода?

Без специалистов тут никак.

Но темные маги всегда были ближе к Нему. Неназываемому. Или Безымянному Богу, кому как больше нравится.

Неназываемый, Темный, Безымянный – это все о нем.

Из рода некромантов была Даэлис. Род Лассара считался весьма и весьма древним, и все его представители были темными. Все...

Один талант, или второй, слабый или сильный, развитый – или заброшенный, как у матери Антонии, одинаковым был принцип.

Темные маги рода Лассара, хоть и заглядывали во Тьму, но полностью ей не предавались никогда. И честно служили государству.

Если бы еще на государственной службе можно было хорошо заработать!

Или Даэлис чего-то не знала, или не успела рассказать, но жили Лассара небогато. Небольшое поместье, родовой замок, больше всего похожий на башню... выезжать в столицу?

До этого просто не дошло. Вроде бы они и не нуждались, но...

Когда Антония была маленькой, ее это не интересовало. Когда выросла – спросить стало не у кого.

Долорес тоже была темной. Не магом с королевской печатью, а просто деревенской ведьмой. Отлично справлялась с мелкими проблемами и горестями, могла снять порчу или проклятие, могла их наслать, могла что-то заговорить, хорошо лечила те болезни, которые происходили из Тьмы, да и в травах разбиралась...

Вот она и взялась опекать девочку. Пару раз проговорила, что знала ее деда – мол, Эрнандо Лассара никогда не позволил бы дочери и брак этот, и так распуститься, и с поместьем чтобы... нет, не позволил бы.

Антония слушала.

Да, романтика...

Некроманты теоретически могут жить долго. Очень долго.

Практически?

Это не целитель, который, наткнувшись на неизлечимую болезнь, разводит руками и горестно вздыхает. У некроманта очень часто не бывает шанса отступить. Подробностей Долорес не знала, но знала, что дед и двое дядей Антонии так и погибли. На королевской службе.

Даэлис Лассара, как сирота, была призвана в столицу, и даже приглашена ко двору.

Но...

На первом же балу она увидела Даэрона Аракона.

Старший сын рода Аракон был молод, красив, очарователен... помолвлен с другой.

И им с Даэлис стало это безразлично.

Это была любовь с первого взгляда. Настоящая. Искренняя до последней секунды и дыхания... помолвка? Клятвы? Обязательства?

Даэрон махнул рукой на всё.

Наследство? Титул? Чин? Придворная жизнь?

Даэлис...

Антония помнила свое детство.

Если мать о чем-то и жалела – только о том, что не может подарить отцу дюжину детей.

Если отец о чем-то и жалел – только о том, что решился на второго ребенка. Если бы не это – Даэлис была бы жива. Вот и все сожаления.

Даэрон бросился в ноги королю, умоляя о милости. И тот согласился, чтобы не прерывался род Лассара, ввести жениха в семью невесты. Пусть принимает фамилию, земли... родовую магию Даэрон принять, правда, не сможет. И с магией будут определенные сложности.

Араконы хоть и были аристократами, хоть и принадлежали к достаточно старому роду, но магией не владели. Да и с деньгами у них было не так, чтобы очень. Родовитость?

О, да!

А вот магии не дано. Уже давно не дано. Не было в семье проявленного дара. Ни у кого. Оставалось пытаться поправить свое положение выгодными браками. И Даэрон собирался жениться на Розалии Инессе Мондиго.

Девушка из богатой торговой семьи была еще и красива, и неглупа – так что еще надо?

Даэлис.

Розалия была в гневе, в отчаянии – бесполезно! Даэрон и слышать ни о чем не хотел. И остановить его было нереально – словно поезд сорвался с рельсов. Все, что причиталось Даэрону, получил его младший брат. Невесту – тоже.

Он-то в претензии на брата не был, скорее, наоборот.

А бывшая невеста?

Она явно не была в восторге. Но Антонии это было безразлично. Неприязнь? Нелюбовь?

А вы думаете, некромантов любят? Род Лассара – темный, от этого не отвертишься. И арендаторы к ним на земли не рвутся, и люди при встрече оберегающие знаки творят, а кто и за спиной плюется...

И что?

Это – их проблемы! А Антония, как и ее мама, с детства научилась держать голову высоко. Если вам не нравится некромант... поверьте – для некроманта вы не проблема. Разве что после смерти. И то если зомби станете.

Есть ли сила у Антонии?

Определенно какая-то была. Но определить, какая именно, Долорес не могла. Заговоры Антонии давались, хотя и хуже, чем старой ведьме. Там, где благодаря заговору Долорес, вора обсыпало чирьями, у Антонии получились бы мелкие прыщики. И те быстро пройдут.

Там, где у серьезного проклятийника враг ломает ногу, у Антонии он максимум – споткнется и палец ушибет. Нет, проклятия – это было не ее. Ни наложить, ни снять.

А что другое?

Вот тут засада.

Целительской магии можно обучиться по книжкам.

Огненной, воздушной, хотя бы азам.

Некромантии так не научишься. Тут никакие книжки не помогут. Учить некроманта должен другой некромант, а их раз-два, да и обчелся. Вообще в Астилии с ними проблема.

Да Антония и не рвалась. Не нравились ей ни кладбища, ни покойники... а если еще возиться с ними...

Фу!

Вы знаете, как пахнут старые трупы? А как пропитываешься этим запахом?

Вот лично Антония предпочла бы обойтись без таких радостей в своей жизни. Правда, иногда радостям плевать на ваше желание. Два раза плевать! И лезут они вам на голову, совершенно не считаясь с чьим-либо мнением. И не знаешь, куда от них залезть... куда бы подальше!

Глаза девушки закрывались... усталость брала свое.
Спать... и еще раз – спать. Завтра будет новый день.

* * *

– Михелито, мне не нравится эта идея.

Мигель Аракон нечасто возражал жене. Чего уж там – домашние дела он полностью отдал под управление Розалии, а все остальное – тестю. Сам он в торговле разбирался крайне слабо, разве что счета проверял. Не дано!

А раз нет способностей, нечего и лезть со своими нотациями. Ты – мне, я – тебе, все взаимнообразно.

Тесть это качество зятя оценил и без зазрения совести использовал его имя и связи. Расплачивался, правда, вовремя. А Мигель мог вести жизнь рантье.

Уютную, спокойную и сытую.

Ходить в клуб, попыхивать дорогой сигарой, рассуждать о несовершенстве времен... дорогих увлечений, вроде карт или скачек у него не было, любовниц он заводил из тех, что подешевле, так что в бюджет укладывался.

Розалия к мужу относилась очень хорошо. И не в последнюю очередь благодаря его поступку.

Тогда, двадцать лет назад, ей было очень тяжело.

Даэрона она любила. Мигеля... Мигель был плохой копией своего блистательного старшего брата. Бледненькой и малоинтересной.

Но после омерзительной выходки Даэрона именно Мигель помог ей высоко держать голову. Именно он ходил и всем рассказывал, что Розалия составила счастье его жизни.

Что он безумно благодарен брату, иначе такая девушка никогда бы не обратила на него внимание.

Что Даэрон просто идиот – отказываться от такого сокровища... ладно еще имя или титул! Это – бывало! Но Розалия... Если бы Даэрон не поступил так глупо, Мигель бы просто вызвал его на дуэль, потому что Розалия покорила его с первого взгляда. Ее глаза, ее улыбка... она достойна принца, но тот уже женат.

Не повезло.

Принцу. А вот Мигелю повезло, и он от своего счастья не откажется!

В результате девушка оказалась даже слегка в выигрыше. А еще...

Мигель пришел к ней и честно признался во всем. Нельзя сказать, что он любит. Но у его семьи есть обязательства. И он постарается их выполнить и стать хорошим мужем. Не будет оскорблять и обижать, не позволит это делать другим – и вот аванс.

У него все получилось.

Розалия чувствовала себя... не то чтобы счастливой. Для полного счастья ей надо было, чтобы ее любили. Искренне. И все сделанное выполняли по любви, а не по расчету.

Но так... так тоже было неплохо.

Она чувствовала себя спокойной и уверенной. Двадцать лет, как чувствовала. Свербела лишь одна мысль, что она не может подарить мужу наследника. Не получалось.

Две дочери – и дальше как отрезало. Даже забеременеть не получалось, сколько она ни пыталась лечиться. Все было бесполезно.

Разводили руками целители, качали головами проклятийники. Все в порядке, а детей нет.

Мигель махнул рукой и попросту получил высочайшее разрешение. Кто-то из его зятьев попросту примет фамилию Аракон и войдет в его семью на правах сына. Вот и все...

Кровь пойдет дальше, линия продолжится, род не прервется.

Розалия создала себе маленький и уютный мир. А сейчас...

Сейчас в этот мир вторгалось нечто новое.

Неприятное, неожиданное, незнакомое. И выглядело это нечто, как тощая девица с неопрятным простонародным загаром и слишком пристальным взглядом светлых глаз.

Почти как у матери.

Розалия помнила...

– Роза, я понимаю твое состояние. Но это – моя племянница.

– Это ЕЕ дочь!

– Но и дочь моего брата тоже. А я ему обязан.

– Чем?!

– И Даэлис я тоже в каком-то смысле обязан.

– Михелито!

– Если бы Даэрон не влюбился, если бы девушка не ответила ему взаимностью – что ждало бы меня? Жизнь приживала на содержании у брата? Скорее всего, я знаю себе цену, и вряд ли смог бы многого добиться. Вместо этого я унаследовал титул, женился на самой очаровательной женщине всей Астилии, живу в свое удовольствие – хотя бы за это я благодарен брату.

– Д... Даэрон не думал о тебе.

Впервые за несколько лет Розалия произнесла его имя. Привычно царапнуло сердце.

А она надеялась, что отболело. Нет, некоторые раны не заживают, просто на них перестаешь обращать внимание. Привыкаешь...

А когда напоминают – вдвойне, втройне становится больно.

– Даэрон думал только о себе. Но мне грех жаловаться на его эгоизм.

Розалия покачала головой.

– Дитя двух эгоистов. Милый, как это может сказаться на нас? На нашей жизни, наших детях? Я не скрою, мне неприятно видеть эту девицу у себя дома. Но это не просто предубеждение. Это еще и страх. Что она выкинет? Я не знаю, но я боюсь...

Мигель вздохнул.

– Антония кажется разумной девушкой.

– А еще она наверняка *темная*.

– Я этому не удивлюсь, – Мигель вздохнул... м-да. Его затея оборачивалась неприятной стороной. Но и отказывать от дома сироте? Его просто не поймут, когда узнают. И узнают – наверняка.

– Розы, солнышко, Антония принадлежит к роду Лассара.

– И? Что с того, кроме их жуткой магии?

– Их слава, родная. Их слава. Темные маги на службе Астилии – это Лассара. У Антонии, как у последнего представителя своего рода,

есть возможность подать прошение королю. Думаешь, она не рассматривала эту возможность?

Женщина сдвинула брови.

– Она не кажется дурочкой. Нищенка, оборванка, но не дура, тут ты прав.

– И как мы будем выглядеть в этом случае? Отвергнув девочку? Отказав ей от дома?

Розалия скривилась.

Да, в этом случае ее дочерям не видать приличной партии. Такое пятно на репутации – это не купчиха в женах у аристократа, это-то как раз привычно. А вот предательство одного из своих...

Родовые связи весьма сильны в Астилии. Даже не родственные – родовые. И связь в пятом-шестом колене может быть важнее денег или оказанных услуг.

– Ты прав, родной. Но как же мне это не нравится!

– Роза, милая, своди ее к врачу. Приведи в порядок и объясни ситуацию. На многое эта девочка рассчитывать не может, все верно. Но я постараюсь поступить с ней честно. Превращу ее наследство в деньги, дам за ней приданое, а взамен она обязуется не доставлять нам никаких хлопот. Или – вылетит из нашего дома.

Розалия медленно кивнула.

– Да, это другое дело, любимый. Совсем другое.

– И поговори с девочками.

Розалия поджала губы.

– Пока я запретила им общаться.

– А теперь объясни ситуацию. Они уже взрослые, должны понимать.

– Что – понимать? Михелито, ты сам видишь. И Альбу, и Антонию, и Паулину... если Альба красавица, то бедняжка Паулина проигрывает Антонии. И сильно.

– Ничего. Приданое ее выручит.

– Это если Антония также не подаст прошение о наследовании имени Лассара.

– Вряд ли. Темные – этим все сказано.

Розалия кивнула. Но все же она сомневалась.

– Кто знает...

– Все будет хорошо, родная.

– Ох, Михелито, – уткнулась в плечо мужа женщина. Расчет, да! Но за двадцать лет сюда и симпатия примешалась, и уважение, и понимание, и даже капелька любви. Любовь – она ведь разная бывает, и вот такая – тоже.

Не огонь, норвящий спалить все вокруг, но ровное и уютное пламя, на котором хорошо готовить утренний кофе.

– Все будет хорошо.

Розалия кивнула. Но она искренне в этом сомневалась. Сердце женщины чувствовало беду.

Какую?

Знать бы! Она бы ее... но было у Розалии подозрение, что уже поздно, непоправимо поздно.

Когда стукнула дверь хижины, Долорес не особо удивилась. Разве что пожала плечами и повернулась обратно к очагу.

Что ж...

Так решила Судьба.

Двое мужчин, вошедшие в домик, явно почтения к судьбе не испытывали.

– Где она?! – скрипнул один.

Долорес бросила взгляд через плечо.

Визитеры ей не нравились. Ни старший – лет сорока на вид, худощавый и весь какой-то дерганый. Похожий на паука-сенокосца. Ни младший, более плотный и внешне симпатичный. Но признать его хотя бы обаятельным мешал взгляд...

Снулый, вялый, ей-ей, в тухлой рыбине огня и то больше, чем в этом типе!

Долорес пожала плечами, незаметно расстегивая брошь на шали.

– Не знаю. Место, Марти!

Маленький песик – помесь терьера невесть с какой дворнягой, которого Долорес брала с собой в лес, злобно зарычал на пришельцев. Не кинулся – был неглуп и понимал, что сразу такую пакость ему не одолеть. Но дайте волю – мигом вцепится.

Или хозяйка хочет с ними сначала поговорить?

Вот уж зря... от эти типов смертью пахнет!

– Врешь, старая гадина.

Долорес ответила словами, которые не положено знать почтенной старой сеньоре. А вот старой гадине – в самый раз.

Услышав несколько вольное описание своей родословной, младший из мужчин почему-то обиделся. Хотя ничего оскорбительного для животных Долорес и не сказала. Но сеньор шагнул вперед, протягивая руку и норовя ухватить женщину за костлявое плечо.

Наивный...

Нападать на деревенскую ведьму, в ее-то доме!

Долорес резко взмахнула рукой.

Шаль слетела с плеча, полоснула по глазам, словно живая обернулась вокруг мужчины, спутала ноги – и тот сам, по инерции продолжая движение, упал в очаг головой. Попал лицом в огонь, но не закричал – так удачно приложился лбом, что убивай – не очнется!

Второй из мужчин оказался умнее – и навел на сеньору небольшой огнестрел.

– Я из тебя сейчас решето сделаю, гадина! Только дернись!

Долорес фыркнула.

– А живым потом уйдешь? Паучок?

– Что ты мне сделаешь, если сдохнешь? Где она? Отвечай?

– Сказала же – не знаю!

– Тогда скажи, на какую ногу хромать хочешь. Я тебе сейчас колено прострелю...

Долорес вздохнула – и скрестила руки на груди.

– Убивай. Я свое отжила, не жалко...

Выстрел действительно грянул.

«Паук-сенокосец» споткнулся – и рухнул вперед. А за его спиной возник сеньор Хуан.

– Долли, я тебя не задел?

Сеньора Долорес покраснела, как девочка. Это она-то Долли? В ее семьдесят?

– Все в порядке. Со мной.

– А этим что надо?

– Девочку искали.

– Плохо... не успокоились, значит...

– Где ж им успокоиться? Ты как маленький...

– Рано или поздно они обо всем догадаются. Ты же понимаешь...

– Понимаю.

– И нам бы хорошо отсюда уехать.

Марти согласно гавкнул на слова Хуана. Ради такого дела он даже ногу дохлого мерзавца выпустил... ничего, сейчас еще потреплет!

Долорес нахмурилась.

Уехать?

Здесь ее дом, ее земля... и вообще – почему она должна это делать? Жизнь прожита, чего трепыхаться? Хотя... пожить бы еще! Лет двадцать так... лучше – тридцать. Она может, ведьмы живут долго...

Сеньор Хуан опередил отказ.

– Если они сразу тебя найдут, да и спросят – быстрее потом поиски начнут. А вот если девочка уехала, а потом, спустя какое-то время, и ты... не к ней ли?

Долорес задумалась.

– Могут и так подумать.

– И за тобой кинутся. Давай попробуем путешествовать? Неужели тебе никогда не хотелось увидеть другие страны?

Долорес фыркнула.

– На какие шиши, старый?

– Не такой уж я и старый, – степенно ответил сеньор, поглаживая бородку клинышком. – На пропитание нам заработаю, а там и на домик, с Божьей помощью найдется...

Долорес покачала головой.

– Приросла я здесь.

– Ради девочки можно бы и оторваться ненадолго? Разве нет?

Долорес вздохнула.

– Ну...

– Опять же, два трупа... я совершенно не хочу давать разъяснения властям...

Долорес оставалось только вздохнуть. Вот ей тоже эти разъяснения давать не хотелось. И трупы в ее возрасте таскать-закапывать тоже...

Не молоденькая уже! Вот когда б ее в лесу подкараулили – дело другое! Там и закопать можно, а то и дикое зверье бы постаралось...

– Что ты предлагаешь?

Предложение Долорес не понравилось. Но зато оно было рабочим...

Спустя два дня вся округа знала, что старая ведьма сгорела в своем доме.

Засиделись старики до полуночи, вино попивали, да много ли ей с соседом надо? Напились, уснули, уголек-то и выпали из очага... конечно, угорели.

А поскольку коронер в провинции бывал в трактире куда как чаще, чем на работу захаживал, акт он подписал без малейших сомнений.

Пропала травница Долорес Делия Веско? Пропал картежник Хуан Амон Мартель? И что? Значит, их скелеты на пожарище и найдены.

А что там было вовсе даже два мужских скелета... и собаки там не было...

И кого это волнует?

Сказано – Долорес Делия Веско и Хуан Амон Мартель – значит, так тому и быть. И точка!

Глава 2

Солнечный зайчик пощекотал нос Антонии.

Вчера девушка устала настолько, что уснула, не задергивая штор. Вот и пришла расплата – на рассвете. Комната была ориентирована окнами за восток, и солнце сработало не хуже будильника.

Антония открыла глаза, чихнула и окончательно проснулась.

Потянулась, вспоминая вчерашние события.

Что ж.

Пока ее не выгнали. А если еще и завтраком накормят – будет вообще великолепно. Но пока... пока ей лучше не дергаться. Умыться, принять душ, привести себя в порядок...

Антония закрутилась по комнате.

Вскоре черные волосы были расчесаны и крепко стянуты светло-серой лентой. Светло-серое же утреннее платье неплохо сидело на фигурке. Правда, оно было перешито из мамино, но фигуры у Даэлис и Антонии были похожи.

Обе среднего роста, обе скорее худощавые, а в лиф хорошо бы что-то подложить. Потому как выпуклости там есть, но – маловыразительные. С другой стороны, это платье было самым простым и удобным из всех имеющихся у Антонии. До середины икры, юбка в складочку, талия перехвачена ремешком, лиф на пуговицах, аккуратный воротничок.

И цвет ее любимый, серо-стальной.

Украшения?

Откуда бы! Единственное, что было у Тони – «траурные» вещи, и те – мамины. Ониксовая брошь Даэлис, простой серебряный медальон с двумя локонами – ее и отца, крепко сплетенными в косичку, тяжелый гребень для волос, к которому должна крепиться вуаль. Все достаточно дешевое. Пропить у отца рука не поднялась... а может, и поднялась бы, но Антония вовремя утащила их и спрятала.

Оставалось ждать.

Антония сидела, смотрела в окно и размышляла.

Ей не рады – это безусловно.

Ее выгонят? Вполне возможно.

Она справится? Антония вздохнула, наворачивая на палец кончик упрямого локона.

Сложный это вопрос. Очень сложный. Чтобы выжить в большом городе, надо иметь хоть какую-то специальность. А что она умеет делать? Всю работу по дому? Безу словно. Но прислуга... это вопрос сложный.

Как объяснил ей милейший сеньор Хуан, хороший приятель Долорес, в служанки лучше идти не с ее внешностью и возрастом. Женщина ее не наймет – кому ж нужно искушение рядом с мужем или сыном? А та, которая наймет, может нанять как раз с этой целью. Вряд ли Антонии хочется ложиться с кем-то в постель. А от этого еще и дети бывают...

Антонии не хотелось.

Ни постели, ни детей. Последних пока особенно.

А какая-то специальность... что она еще умеет? Готовить? Но не так, чтобы хорошо, в кухарки ее точно не возьмут. Все, что она съела вчера в этом доме, все выше ее скромных способностей. Ей так не приготовить. Не дано.

А что она еще может?

В принципе, она неплохо знает травы. И может попробовать получить место в аптеке. Или в подручных у аптекаря. Вот это возможно. Надо будет обойти аптеки и поинтересоваться.

Увы, список женских профессий был удручающе низок.

Можно пойти работать в лавку. Платят там немного, но с голоду она не помрет, а торговать у нее должно получиться. Правда, она благородного происхождения. А для дам торговать считается унизительно... ага, а помирать с голоду не унизительно? Антония оставила для себя это на крайний случай. Авось да пригодится.

Рукоделие?

Вот с этим у Антонии все было плохо. Шитье, починка вещей, раскройка и прочее... на практике она могла заштопать дыру на одежде. Но и только. От вида спиц, пряжи, коклюшек, иголок, ниток у нее просто нервный тик начинался. Жуть же жуткая!

Стирка?

О, это требуется всегда. Но Антония, увы, не могла этим заниматься. Щелок мгновенно разъедал кожу на руках, спину сводили судороги... а зимой, когда она попробовала отбелить белье на снегу,

она простудилась и чудом не умерла. Даже отец вышел из запоя и за ней ухаживал...

Нет, это она не сможет. Тяжелая физическая работа просто не для нее. Можно, но – недолго. А потом она помрет мучительной смертью.

Зато быстро, и мучиться не будет. Но жить хотелось...

Актерство? Пение? Художества?

Нереально. По той простой причине, что у нее должен быть покровитель. Где его найти, и как удерживать внимание мужчины... в теории Антония это все понимала. На практике?

Пусть кто-то другой в этом практикуется. На панель она всегда успеет.

Переписывать тексты? Переводить их?

Надо знать языки и иметь неплохой почерк. Антония не могла похвастаться ни тем, ни другим. Почерк у нее был не особо разборчивый, после маминой смерти ее некому было усаживать за уроки. А что до языков...

Антония хмыкнула.

Ругаться она могла. А вот что-то еще – сомнительно. Чему научил сеньор Хуан, тому и научилась. А умел старик достаточно многое. Но... специфическое.

Вот в карты Тони играла хорошо. Осталось придумать, как этим заработать.

В кости... даже плутовать могла.

Казино?

Не хотелось бы, все же это сложный мир, со своими законами и порядками. Но если придет край – лучше продавать свой разум и свои руки. А не свою... женскую суть.

Замуж?

Замуж Антония вообще не хотела. Но подозревала, что говорить это окружающим не стоит. Так и Долорес наставляла.

Запомни, детка, – она задумчиво попыхивала трубкой, сидя у очага. И Тони сидела рядом, а очаг дарил тепло. Или это было тепло двух одиноких сердец? Робкое, неумелое, откровенно трусоватое...

И все же оно было!

– ...почему-то считается, что женщина не может жить без мужчины. Без мужа, сына, вообще без штанов в доме. Якобы мы глупые, бесполезные, мы пропадем одни... Это глупость, конечно. Но

миром правят мужчины. И если не хочешь подохнуть в сточной канаве...

Антония не хотела.

– ...научись притворяться. Что ты тоже слабая. Что ты в ком-то нуждаешься. Что ты – такая же, как все.

– Я не как все. Я Лассара.

– И что это значит? Кроме фамилии?

Антония пока не знала. Ей казалось, что некроманты... ну, это такое... ну такое...

А что именно?

Она не знала. Долорес наблюдала за ней с легкой насмешкой.

– Запомни, детка. Сама по себе ни фамилия, ни вереница славных предков ничего не значат. У нас принято гордиться своими предками, но мы никогда не задумываемся – станут ли они гордиться нами?

– Это как?

– Вот так. Ты Лассара. Чем ты достойна своих предков?

– Ничем. Но я...

– Вот когда ты сможешь что-то сделать... что-то, чем будешь гордиться, тогда тебе можно будет сказать с гордостью: Я – Лассара. А пока ты просто личинка. И кем ты станешь – неизвестно.

Это было обидно. И тем обиднее, что сказано честно и правильно. Без прикрас.

Пока ей еще нечем гордиться. Но – вдруг? Стоит начать с того, что она выживет.

Размышления оборвал стук в дверь.

– Сеньорита...

– Ритана Лассара, – спокойно поправила Антония.

Сеньорита – обращение к неблагородным. И не владеющим магией. Сеньор, сеньора...

Для благородных или для магов – тан или ритана.

Служанка вспыхнула, но спускать Антония не собиралась. Раз, второй... да, она здесь может и не задержаться. Но это не повод вытирать об нее ноги!

– Простите, ритана Лассара. Тан Аракон просил пригласить вас к завтраку.

– Хорошо.

Антония встала, расправила платье... и лишний раз поблагодарила старого Хуана. Да, на землях некромантов мало кто хотел селиться. Несколько бедняков, Долорес, Хуан...

Старый картежник обучал девочку тому, что умел сам Плутовать в карты. В кости. А еще – блефовать.

Ты можешь иметь на руках две шестерки и десятку. Но выглядеть ты должна на все четыре туза. И наоборот. Если ты слабая – покажи силу. Если сильна – покажи слабость. И девочка училась.

Играть было интересно. Весело, забавно... а что за промахи ей доставалось линейкой по пальцам... ну так что же? Не промахивайся!

Здесь и сейчас Антония решила не показывать своей неуверенности.

Она улыбнулась – и вышла из комнаты так стремительно, что служанка отстранилась.

– Как тебя зовут?

– Анита, ритана.

– Проводи меня в столовую, Анита. Пожалуйста.

– Да, ритана Лассара.

Чего стоило Антонии не застыть на пороге столовой – знала только она.

Не сжать руки в кулаки (у хорошего игрока руки должны быть расслаблены, чего ты издеваешься над мышцами, их что – узлом связали?!), не удрать, не застыть на месте...

Все семейство Аракон было в сборе.

Тан Адан восседал во главе стола, совсем как некогда отец. По правую руку от него сидела ритана Розалия в нежно-зеленом платье и сверлила девушку недобрым взглядом.

По левую руку – младшая из дочерей, кажется, Паулина, в чем-то желтом... цвет ей не слишком шел. Кожа девушки казалась не смуглой, а грязной.

Рядом с матерью сидела старшая дочь, Альба, в белом платье. Вся воздушная... но, на вкус Антонии, на ней было слишком много оборок. Хотя – это ее личное мнение.

Напротив Альбы был поставлен еще один прибор.

– Доброе утро, Антония. Проходи, – дядя любезно пригласил ее за стол. – Знакомься, это твои кузины, Альба Инес и Паулина Мария. Девочки, это Антония Даэлис Лассара, дочь моего старшего брата.

Девушки кивнули. И даже сделали они это по-разному.

Паулина – как устрица, которую за холку вытащили из ракушки, и она мечтает спрятаться обратно.

Альба – с уверенностью записной красавицы.

Антония склонила в ответ голову.

– Я рада нашему знакомству, хотя и произошло оно поздно. И при достаточно печальных обстоятельствах.

– Прошу, присаживайся, – тан указал на место рядом с Паулиной. Антония опустилась на отодвинутый лакеем стул – и вздохнула.

Рядом с ее тарелкой лежало штук шесть разных приборов... а как быть, если они пользовались только ложкой и вилкой? Ножом мясо резали, вот и все.

А тут какие-то вилочки сложные, крючок, непонятно зачем...

Антония тихо вздохнула.

Ритана Розалия тут же это подметила.

– Что-то не так?

– Благодарю вас, ритана. Все замечательно, но... к сожалению, мои манеры недостаточно хороши для вашего стола, – сформулировала Антония. Вот языком болтать ее сеньор Хуан научил, это важная часть блефа. Вести разговор обо всем – и ни о чем. Легко, спокойно, не напрягаясь, сколько раз они так болтали за картами на любую тему...

– Ваши манеры? – ритана явно не ожидала такого признания.

Антония развела руками.

– В связи с известными вам обстоятельствами, ритана, пострадало и мое образование, и мое воспитание. Я просто не представляю, для чего нужно такое количество столовых приборов.

Ритана вздохнула.

Она бы с удовольствием пошпыняла невоспитанную девуцу.

Но – как?!

Вот если бы Антония попробовала строить из себя даму... тут да! Розалия могла бы оттоптаться на ее самомнении. А когда девушка во всем честно признается? Как ее можно винить за смерть матери?

Или за то, что ее отец – безответственная свинья и эгоист?

А ведь и правда...

Розалия посмотрела на Михелито почти с любовью.

Представила себя на месте Даэлис Лассара – и аж передернулась. Да, любовь, все это чудесно, но живем-то на земле! Она точно знает,

случись с ней что плохое – так муж девочек и в люди выведет, и замуж выдаст с присущей ему обстоятельностью, и не бросит... потом, может, и женится, так потом же! А бросить родного ребенка на произвол судьбы – и спиваться?

Отвратительно!

Такого она бы для своих детей не хотела!

Розалия перевела взгляд на Антонию. А ведь девчонке нелегко пришлось. И платье у нее с чужого плеча, и кожа такая... видно, что девушка привыкла проводить много времени на солнце, вот и нос облупился, и загар неприличный. Но это действительно не ее вина!

Ей кажется – или ей очень повезло с мужем?

– Паулина, покажи кухне, какими приборами и для чего пользоваться. Впредь это твоя обязанность.

– Мама!

– Считай это тренировкой. У тебя будут дети, а гувернантка может не всему научить малышей. Ты же не захочешь за них краснеть?

– Да, мама.

– Тогда подавайте на стол, – кивнула ритана лакею. И посмотрела на девушек. – Наши планы на сегодня – Антония.

– Да, ритана Розалия.

– Надо свозить тебя к врачу. Это первое. Второе – твой гардероб.

– Мой гардероб, ритана?

– Для столицы он не подходит. Ты не поломойка, а племянница. Появись ты в таком ужасном виде хотя бы два раза – и все заговорят, что у Араконов плохо идут дела. На грани разорения.

Антония вспыхнула.

Ритана пронаблюдала это с едва заметной улыбкой. Да, она *поняла*. Но она ведь двадцать лет жила с мыслью о том, как ее обидели! И мысль никуда не делась, она все еще жила в глубинах души. А от понимания до растворения мутного осадка пройдет еще много времени.

И все же...

Было в этом нечто язвительное.

Ты бросил меня, Даэрон? Ты бросил всех. Ты предал и меня, и свою мертвую жену, и свою живую дочь. А я лучше тебя. Я – не предаю.

Тан Адан наблюдал за своей женой. Внимательно, серьезно – и был доволен результатом.

Купцы ведь!

Не стоит ждать от купеческих дочек истерик, криков, скандалов... это не к ним. А вот расчетливость присутствует.

Розалия не поняла пока еще, но вчера он подбросил ей пару «гвоздиков», за которые обязательно зацепятся мысли.

Не то чтобы Адан обожал брата – доставалось ему в давние времена от Даэрона. Но здесь и сейчас принять в свой дом племянницу было меньшим из зол. А вот устроить поле боя в своем доме...

Ну – нет!

Его и так все устраивает, поэтому надо перевести возмущение Розалии в конструктивное русло. И тан Адан справился.

Он нечасто пользовался своими знаниями, но уж родную-то супругу изучить за двадцать лет можно!

Не женился бы он на злобной и тупой дуре, а Роза неглупа и практична. Сейчас позлится немного, и то на Даэрона, а потом, глядишь, и девочку выгодно пристроим.

А что? Семья, как дерево, ветвями сильна, вот ими и прирастать надо!

Розалия тем временем продолжала раздавать указания.

– Девочки, пока мы съездим к врачу, вы переберете свой гардероб и отберете для Антонии по три платья.

– Мама! – взвилась Альба.

– Не из новых. Вам я потом еще закажу.

– Тогда – ладно! – тут же сориентировалась Альба. – Пусть!

Антония промолчала.

Не в ее положении чего-то требовать. Да и... она подозревала, что старые платья дядюшкиных дочерей будут новее ее платьев. Лет так на десять-пятнадцать. Она-то сейчас мамино носит...

– А по дороге заглянем к белошвейке, – припечатала Розалия. – Белье, надо полагать, у вас тоже не новое?

Антония кивнула.

И сказала то, что можно было сказать в данной ситуации.

– Ритана Розалия, полагаю, вы можете называть меня просто – Тони? Как родственницу?

– Тони... звучит достаточно простонародно, – вздохнула дама. – Ладно, пусть так. Паула, Тони – кушайте и будем собираться.

Завтрак не то чтобы удался. Особого удовольствия Антония не получила, было не до того. Какой уж там вкус, когда контролируют каждый твой жест?

Паулина подошла к вопросу очень ответственно, вплоть до того, что толкала девушку под оттопыренный локоть.

Сердиться тут было не на что. Действительно – позорище. Но обидно ведь!

Так что к концу трапезы Антония была рада и встать из-за стола, и выйти из комнаты. А уж к себе она поднималась даже с улыбкой.

Ей сказали, что пока ту комнату закрепят за ней – пусть живет. Это все же хозяйское крыло, хоть и третий этаж, мансарда...

Не апартаменты, как у хозяев и их дочерей, но все же есть своя ванная комната, а Антонии больше ничего и нужно не было!

– *Помни! За любые благодеяния придется расплачиваться, и чем меньше их окажут, тем меньший счет придется оплатить.*

Голос сеньора Хуана так и скрипел в голове.

Как-то там старики без нее? Хотя эти – не пропадут! Не тот случай!

Долорес уж семьдесят лет исполнилось, и не просто так она их прожила. Темная, да еще травница, считай – ведьма деревенская. А сеньор Хуан – картежник, шулер, надо полагать, немного мошенник, и успешный! Ведь отошел от дел, живет... что в глуши – понятно, кому ж охота проблемы со старыми товарищами получить? Главное тут другое.

Сам отошел от дел. И жив остался.

В его профессии это большая редкость.

В комнате Антония взяла сумочку и переобулась в уличные ботинки. Но ритана Розалия только глаза закатила.

– Ужас! Даже не так – УЖАС!

– Я неправильно одета? – уточнила Антония.

– В вашей провинции так и принято – выходить на улицу без шляпки и перчаток?

– Эммм...

Антония откровенно не знала. А какая разница? Она ходила, как ей удобно, а Долорес вообще шляпы не терпела, и повязывала голову платком...

– Понятно. Дита!

В коридор выплыла одна из служанок.

– Мою шляпку с незабудками. И нитяные перчатки под нее! Мигом!

– Да, ритана.

Служанка унеслась вихрем, и вскоре вернулась с заказанным. Правда – увы.

Вот на Розалии шляпка сидела, как надо. А на Антонии... то ли шляпка была великовата, то ли голова маловата, то ли прическа не та – Розалия махнула рукой и решила, что так сойдет. Потом разберемся. Перчатки тоже были великоваты. Но выбирать не приходилось.

Розалия мученически покосилась на туфли и чулки девушки, но говорить уже ничего не стала, только рукой махнула.

– К врачу.

Антония у врача не была никогда.

В детстве она не болела, если только чем-то несерьезным, с чем отлично справлялись и травы Долорес, а потом... потом у них не было на это денег. Да и Долорес была лучше любого врача.

А потому Антония с интересом разглядывала белый кабинет и металлическую рамку посредине.

– А зачем это?

– Встаньте, пожалуйста, в рамку, ритана. Это устройство считывает ваши параметры ауры и выдаст результат.

– Хорошо.

– Только прошу вас сначала разуться и снять шляпку.

– Да, конечно...

Розалия, которая присутствовала в кабинете, только вздохнула.

Дикая девчонка. Да что ее – отец и к врачу не водил ни разу? И как она только до своих лет дожила? Почему-то с каждой минутой Розалия все больше радовалась, что не вышла замуж за Даэрона.

Антония послушно встала, куда сказали.

Врач коснулся считывателем аурной рамки – и повел палочкой по листу пергамента, на котором медленно появлялись буквы. Дорогое

удовольствие.

Но зато данное заключение нельзя подделать. В нем только чистая правда. И обмануть считыватель нельзя – его такие маги делали! Деревенским девкам до них, как на кривой козе до столицы!

Впрочем...

Розалия взяла пергамент (почему-то с бумагой так не получалось, все могло отпечататься только на пергаменте, наверное потому, что он некогда был частью живого существа) и пробежала глазами по строчкам.

Что ж.

Неплохо, она ожидала худшего.

Восемнадцать лет, девственница, это просто отлично. Полностью здорова, даже зубы не болят. А вот эта строчка – плохо, очень плохо.

– Ритана? – Антония заметила изменения на лице тетки. – Что-то не так?

– Да.

– Я чем-то больна?

– Нет. Ты полностью здорова, но вот это...

Антония посмотрела на строчку, подчеркнутую пальцем тетушки.

– Что-то не так?

– Ты просто не понимаешь...

– Нет. Проявленный и оформленный темный дар. Направленность – спиритизм. Это что-то плохое?

– Как бы сказать... погоди! Ты видела призраков?

– Нет, никогда.

– Та-ак... как бы это проверить?

– Если ритана желает, – вмешался врач.

– Желает, – решительно отрезала Розалия.

– Это будет стоить чуточку дороже...

Женщина вздохнула – и махнула рукой.

– Делайте.

На стол легла небольшая тарелочка с буквами и цифрами, нарисованными на фарфоре. И стрелочкой посередине.

– Антония, прошу вас прикоснуться к ней.

Антония пожала плечами и повиновалась.

Бесполезно. Тарелочка осталась просто тарелочкой. Старой, ей уж лет сто, наверное? Это Антония и озвучила.

– Я должна что-то увидеть или почувствовать?
– Мы должны были стать свидетелями вашего общения с призраком.
– Эээээ?
– Вы никогда не видели спиритическое блюдо?
Антония задумалась.
– Я видела такие тарелочки дома. А они спиритические?
– Ритана?
– Мы из них омлет ели. Удобно, как раз большой кусок помещается, и благодаря шпеньку не сдвигается никуда... и фрукты выкладывали.
Врач открыл рот. Закрыл.
– Нет. Если у вас и есть дар, то общаться с вами призраки точно не хотят.
– Вот и замечательно! – кивнула ритана Розалия. – Укажите это в заключении, доктор Мендес.
– Конечно, ритана. Жаль, такая способность...
– Девушке она ни к чему! – припечатала Розалия.
Антония молчала.
А что тут скажешь? Про свои способности она ничего не знала. Да, они должны быть. Наверное... Но общаться с какими-то посторонними призраками ей совершенно не хотелось. И так найдется, чем заняться.

На улицу ритана Розалия вышла гораздо более довольной, чем пришла. Девчонка оказалась действительно девушкой. Это хорошо.

А магия...

М-да.

Темный поток – это плохо. Но если у мужа будет светлый и более сильный, есть хорошие шансы на рождение светлых детей. Опять же, поместье... надо обговорить этот вопрос с мужем. Смотря что будет выгоднее.

– Ритана Розалия! – отвлек ее от размышлений мужской голос.

Ритана развернулась – и заулыбалась.

– Тан Риалон! Какая встреча!

– Глазам своим не верю! Что привело вас в нашу вотчину?

Антония смотрела на стоящего перед ними мужчину – и почему-то поеживалась.

Что-то в нем было такое... страшноватое.

А так посмотришь – ничего необычного. Да, мужчина. Лет сорока на вид, осанистый, представительный, с короткой ухоженной бородкой, с черными волосами, обильно присыпанными сединой. Таких много.

Выделяются только его глаза.

Угольно-черные. Такого насыщенного цвета, что даже зрачка не видно.

Эти глаза – самое значимое на его лице. Остальное сразу просто не замечаешь. Хотя мужчина достаточно симпатичный. Четкие скулы, квадратный подбородок, высокий лоб, тонкий прямой нос – чувствуется порода и не один десяток благородных предков.

Но эти глаза словно вытягивают из окружающего пространства весь свет. И из человека тоже. Вытягивают, выпивают, уничтожают...

Так он тоже – темный маг! – вдруг сообразила девушка.

– Я привела на осмотр свою племянницу, – заулыбалась ритана. – Тан Эрнесто, может быть, вы тоже посмотрите на нее? Мне сказали, что у девушки темный поток и направленность – спиритизм, но к общению с духами она вроде бы не способна?

Тан Риалон прищурился. Сделал шаг вперед.

Антония подавила желание отодвинуться назад. А лучше вообще сбежать.

Она – Лассара!

И девушка вздернула подбородок. Правда, даже так она была мужчине от силы по плечо.

– И как зовут юную красавицу?

Не разозлилась Антония так на свою трусость, она была бы более вежлива. Но – злость одолевала. Ее предки были не хуже, а она... она боится?! И было бы чего!

Не съедят ее!

– Насколько я знаю, тан, первым представляется всегда мужчина.

Ответом ей была веселая улыбка, показавшая белые зубы.

– Не только красавица, но еще и умница.

– Антония! – разозлилась тетка.

Тони перевела на нее взгляд. И вдруг поняла, что не одна она здесь боится. Тетка тоже трусит, просто старается этого не показывать. И прячется за светскими манерами.

– Мое имя – Эрнесто Карлос Риалон. Тан Риалон, а для вас, юная ритана – просто Эрнесто. Полагаю, мы с семьей Адана дружим достаточно давно, чтобы я заслужил подобную привилегию?

– Антония Даэлис Лассара, – сухо ответила Антония.

– Для друзей можно просто Тони, – взмахнула рукой ритана Розалия. – По-домашнему...

– Те самые Лассара?

– Да, тан...

Судя по вздоху тетки – на ее плечах лежала каменная плита размером с дом.

– Странно... я знал вашего деда, ритана. У всех Лассара четкий проявленный и оформленный дар. Был... с вами кто-то занимался?

– Нет, тан Эрнесто.

– Это печально.

– Что вы, тан Эрнесто, – махнула рукой ритана Розалия. – Это чудесно! Я понимаю, что темный поток необходим, что это важно, но для молоденькой девушки это просто трагедия! Ей ведь предстоит устраивать свою жизнь...

Антония почти кожей почувствовала перемену настроения мага. С заинтересованности – на легкую... брезгливость даже.

– Да, разумеется. Замужество и дети, что может быть достойнее.

– О, я так рада, что вы меня понимаете, – не заметила и малейшей иронии ритана Розалия.

Антония стиснула зубы.

Терпи, детка! Терпи!

Да что б вам всем три раза опаршивает!

– Полагаю, ритана, здесь неподходящее место для осмотра, – решил темный. – Возможно, мы как-нибудь встретимся в менее формальной обстановке?

Ритана думала недолго.

– О, я буду счастлива пригласить вас с семьей на ужин. В этот четверг, вы ведь не откажете нам в визите, тан?

– Разумеется, нет.

– И Адан будет счастлив! А я буду рада пообщаться с милейшей Барбарой! И Амадо, надеюсь, нанесет нам визит?

Мужчина подумал пару минут.

– Да, пожалуй. Если не случится ничего непредвиденного, я обязательно буду.

– Заодно и Тони отдохнет с дороги. Бедная девочка только вчера приехала из своей провинции... это так утомительно.

– Не сомневаюсь, – мужчина еще раз улыбнулся и откланялся.

Розалия развернулась и направилась к коляске. И только там, спрятавшись за тентом, позволила себе потерять ненадолго лицо.

Расслабилась, поежилась.

– Жуть какая! Бедная Барба...

– Простите? – Антония решительно была настроена получить даже крохи информации.

– Ты думаешь, я просто так огорчилась? Ну так посмотри на темного мага! Ты хочешь, чтобы такое было рядом с тобой – постоянно?

Антония подумала.

– Не знаю. Не уверена.

– Да рядом с ним оставаться невозможно! Могилой тянет!

Антония ничего такого не чувствовала, кроме легкого холодка и ощущения опасности, но сочла за лучшее покивать головой.

– Вот! А каково его супруге? С ним же надо... так, это не важно! Но поверь, мужчинам проще устроиться в жизни, чем женщинам! Терпеть супругу с таким даром не станет никто!

– А такой же темный? – с чисто практическим интересом уточнила Антония.

– Темных слишком мало! И всем точно не хватит. А сын Эрнесто, Амадо Риалон, увы, не одарен магией. Хотя... может, оно и к лучшему.

– Думаю, для его отца это трагедия.

– Пфффф! Зато для Паулины это хороший шанс. Так что с юношей не кокетничай, поняла?

– Да, ритана Розалия.

Момент откровенности прошел. Ничего не изменилось.

Следующим пунктом поездки была церковь.

Разумеется, центральный собор – разве Араконы могут ходить куда-то еще?

И духовник у них должен быть не абы какой, а один из *видящих*. Об этом Розалия сообщила девушке, пока они ехали в собор, и заставила сильно поволноваться.

Последний раз... когда же девушка была в церкви последний раз?

Когда маму с братиком хоронили. А потом отец и все иконы из дома вынес, и все уничтожил. Орал, что если Бог не сберег ему самое ценное, то и плевать ему на такого бога! И в храм он ни ногой, и дочери не даст...

Дочь не возражала.

Вставать в пять утра, отправляться к заутрене, сидеть и слушать, когда тебя клонит в сон, да еще и чувства какие-то изображать?

Не стоит требовать от ребенка то, на что не всякий взрослый способен. Антония только радовалась.

А сейчас...

Страшновато было. Поджилки тряслись. Все же – церковь.

В Астилии это серьезный институт. Да и в других странах – тоже. А началось все лет пятьсот назад.

Люди, они такие люди...

Историю Антония знала, хотя и не с официальных позиций.

Лет пятьсот тому назад астилийцы, как и многие, приняли участие в освоении новых территорий. Да, вот так.

Есть корабли, есть ветер, даешь новые континенты!

Начали-то эдорийцы, но где теперь та Эдория? Остатки поглотили Вандер и Эсклот.

А дело было так.

Когда открыли новый континент, на континенте старом весьма этому обрадовались.

Новые земли! Деньги! Люди! Налоги!!!

Но что для этого надо? Конечно же, поставить все под свою руку! Своим указом верховный жрец поделил земли, кому что достанется, огласили указ... все отлично?

Не учли местное население.

Которое прекрасно жило на своем континенте, которому было, собственно, чихать на мнение пришельцев и на их указы, которому и

на Бога чихать было – у него свои боги были.

И не просто так.

Что-то эти боги да значили.

Налийцы, так называли себя жители другого континента, сопротивлялись завоеванию. И весьма успешно. Но пришельцы были лучше развиты, у них было лучшее оружие, Эдория вообще слала войско за войском, давила, напирала, стремясь поглотить, проглотить как можно больше, собрать ценности – на алтари своим богам жители тех земель приносили изумруды и рубины... как тут устоять? Налийцы дрались отчаянно, но их было меньше, они были разобщены, да и предательство играло свою роль, и принесенные пришельцами болезни... А потом, когда поняли, что проигрывают...

Что-то они такое сделали. Магия? Да, до той поры магии, считай, не было. И церковь с ней серьезно боролась. Любой колдун, любая ведьма были обречены гореть на костре.

Так вот.

Верховный одро налийцев – не король, не жрец, но тот, к кому снисходят боги, тот, к чьим голосам они прислушиваются, *воззвал*.

И его слышали.

Наверное, так часто бывает. Долорес рассказывала девочке то, о чем говорили деревенские ведьмы. А эта публика многое передает из уст в уста, не доверяя книгам. Слишком уж лжива бумага. Слишком легко она горит...

Долорес рассказывала, что одро не вмешивался ни во что. Не имел такого права. Но эдорийцы в какой-то миг перешагнули черту. И в храм, в котором он находился, вторглись солдаты. Ворвались, словно дикие звери, чтобы уничтожить спасающихся там детей и женщин.

Может ли стерпеть такое человек?

Если он человек – не может. А если он – одро?

Тот, кого слышат боги?

Он воззвал – и ему ответили.

Боги слышали свою паству, и все, кто находился на старом континенте, увидели в небесах лик громадного змея. Страшного.

Жуткого.

– Вы хотели получить земли. Вы их получите.

Вы хотели получить золото. Вы его получите.

**И платой станут жизни тех, кто проливает кровь моих детей.
Их жизни – и все связанные! Да будет так!**

Может, он имел в виду нечто другое.

Может – нет. Но то, что случилось...

Во-первых, одновременно умерли около миллиона человек на Старом континенте. И сколько-то на новом.

Те, кто ушли туда воевать – умерли все. И умерли те, кто был связан с ними кровью. Родители. Дети. Братья и сестры... по счастью – до второго поколения, а то бы вообще континент вымер. Эдория, считай, и вымерла.

Во-вторых, на новом континенте не осталось ни одного налийца. Они куда-то ушли.

Ушли сами, судя по тому, что и храмов не осталось, и ничего не осталось – с дирижаблей это смогли разглядеть точно. Тогда их еще могли поднять в воздух.

В-третьих, новый континент каким-то чудом очутился через небольшой пролив от старого. И завелась на нем такая дрянь...

Если бы не пролив – точно бы все вымерли к бесовой матери еще в первые сто лет! А так...

Человек – существо, приспособляющееся к любым условиям.

Тем более что в мире появилась магия. Два источника, два потока, если их можно так назвать. Светлый и темный.

Светлая магия, как легко догадаться, была целительской. Вот с целительством получалось просто замечательно. А дальше... пока придумали, как преобразовать магическую энергию в механическую, пока догадались, как с ее помощью облегчить себе жизнь... понятное дело! Вот ты создал молнию.

А на фига? Что с ней дальше-то делать? В землю бухнуть? Да со всей дури, чтобы ошметки в разные стороны полетели? Очень полезно...

Вода... тут лучше, конечно, водопровод штука полезная. Но ведь не посадишь же мага в этот водопровод постоянно. Так что целительство, артефакторика, зарядка артефактов – да, безусловно. Светлый поток ни дня не сидел без работы.

И темный поток.

Сначала было церковь вякнула.

Потом там нашелся умный человек, имя которого сейчас частенько поминают в молитвах. Есть такое ответвление – боевые монахи.

Живут себе люди, сражаются с разной нечистью, а нечисти пришлось много вылезать, никакого серебра не хватало... на новом континенте оно точно было! Золото, серебро, драгоценные камни... но ты поди, доберись! Вот их главой и был избран смиренный брат Томмазо из Астилии.

И достижений у него было много.

Именно брат Томмазо останавливал прорывы, именно он боролся с сектой Запретных, именно он остановил лхамаари...

Вот, в том бою и случилось...

Темный источник отлично помогает против темных же тварей. Когда прорывались к гнезду, были ранены все – и братья, и их предводитель... а в гнезде обнаружили нескольких детей. Любят эти твари человеческое мясо. Понежнее...

И даже вытащить малышню было некогда... отбиваться не успевали.

Дар открылся у одной из девочек. Хлобыстнуло так – лхамаари полегли, где стояли. Монахи были серьезно потрепаны, но и сами спаслись, и детей вытащили. А девочка...

Раньше бы ее сожгли.

Сейчас же...

Брат Томмазо грохнул кулаком по столу и сказал – учить надо! Такие способности, да не использовать?! А вы не враги ли, часом?

Так и появилась первая ведьма.

И первая боевая сестра.

Не все некроманты посвящали себя Богу, случались и такие, что пытались приручить нечисть к собственной выгоде, впадали в ересь... да много чего бывало.

Но Лассара веками стояли на службе короны. И предателей среди них не было.

А все равно – страшно.

Носителей темного источника проверяли вдвое чаще – им же проще обернуться ко злу, правда?! Не притесняли лишний раз, но приглядывали. Пусть и доброжелательно.

И это пугало. Так что в храм Антония входила с определенной настороженностью. Оглядывалась по сторонам, но ничего такого в нем не было.

Сводчатые потолки, расписанные фресками стены, Творец всего сущего, его святые...

Вот икона брата Томмазо.

Как живой... седые волосы, яркие темные глаза, черные брови, орлиный нос. Почему он?

Знак. Белая ряса – и на ней знак раскрытой окровавленной ладони. По преданию, когда творец спускался в мир, над ним решили подшутить – и протянули ему раскаленный гвоздь. Творец послушно взял его. А когда спросили: больно? Творец раскрыл ладонь, обожженную и кровоточащую, и сказал, что это – не боль. А вот сердце его за людей болит сильнее. С тех пор символ Храма – раскрытая ладонь, обогрелая кровью.

А вот и...

Монах, который подошел к ним, был просто картинным священником. Иначе и не скажешь.

Белейшая сутана, седые волосы, падающие на плечи и спорящие с ней белизной, седая же борода, черные брови – и умный серьезный взгляд карих глаз. Кажется, это просто маска. Вроде как шулер иногда и таном представится, и пиджак с золотыми пуговицами наденет.

Вот и здесь.

Все видят белейшие одежды и участливую улыбку.

А что под ними?

Что внутри?

Антония решила глубоко не заглядывать. Целее будет. И преклонила колени, как полагается.

– Благословите, отче.

– Да пребудет Творец в твоей душе, дитя, – и уже ритане Розалии: – Я ежедневно молюсь за вашу семью, чадо. Все ли у вас благополучно?

– Отче Анхель, ко мне приехала племянница... к моему мужу, – чуточку скомкала рассказ ритана. Волнуется. – Я бы хотела, чтобы вы, с вашим опытом, с вашим умом, поговорили с девочкой. Антония, это отец Анхель. Отец Анхель, это Антония Даэлис Лассара.

– Лассара?

– Да, темный источник, – согласилась ритана Розалия.

Антония смотрела в пространство.

Не знаешь, что делать?

Не делай ничего!

– Что ж. Пойдем, дитя, я приму у тебя исповедь. Кто твой духовник?

– У меня его нет, – безразлично ответила Антония.

Интересно, сколько Араконы отваливают на храм, что ради них такие представления устраивают?

– Почему?

– Потому что моему отцу стало не до церкви, – тон Антонии оставался таким же ровным и невыразительным. – Когда умерла моя мать, он... заливал горе вином.

Как же не хочется это произносить. Больно!

Но – подавитесь, стервятники!

Антония отлично понимала, что никто ее из церкви просто так не выпустит, не рассмотрев, как интересную зверушку, не потыкав палочкой, не потормошив, и решила приоткрыть створки. Ни к чему ей интерес столь серьезной организации.

С церковью дружить надо. Особенно некромантам...

– Горестно слышать это. Последний потомок рода Лассара – и такое...

– Мой отец – не урожденный Лассара. Он принял эту фамилию ради моей матери.

Скажи еще, что ты об этом не слышал! Вся столица год гудела!

Священник не стал разыгрывать неведение.

– Да, прости, чадо. Это было давно, и подробности вылетели из моей памяти. Что ж, я буду рад исповедовать тебя. Ритана Розалия, вы...

– Я подожду здесь, отец. С вашего позволения.

– Да, конечно.

Полумрак исповедадьни.

– Творец да пребудет в твоём сердце, дитя мое. Исповедуйся искренне и открывай свои грехи без страха – они останутся между тобой и Им.

– Да, отче.

Антония и отродясь не знала, что говорить. Поэтому священник мягко поправил ее.

– Правильнее отвечать так. Моя последняя исповедь была... когда?

Антония задумалась.

– Наверное, лет десять назад... или больше? Я не помню, отче. Простите.

– Правильно говорить так. Моя последняя исповедь была тогда-то. И у меня накопились грехи. А теперь можешь перечислять их.

– Мне сложно сказать, какие у меня были грехи. Наверное, они были, отче. Может, вы будете спрашивать, а я отвечать? Отец действительно не водил меня в храм. Ему было слишком больно, когда Творец забрал маму и братика.

– Ваш приходской священник не пытался с ним побеседовать?

Антония фыркнула. В исповедальне звук получился откровенно издевательским, ну так что же!

– Отче, мы – Лассара. И отношение к нашей семье... особое. Нас никогда не звали в храм, приходской священник опасался, что мы распугаем ему паству.

– Это грустно слышать, чадо. Тогда давай я буду спрашивать, а ты отвечай.

– Да, отче.

– Веришь ли ты в Творца, чадо?

– Безусловно.

– Творишь ли молитву ежедневно, с благодарностью...

– Нет, отче. Я верую, но молюсь редко.

– Не страдаешь ли ты грехом уныния, чадо?

– Регулярно, – призналась Антония. – Как мама умерла, так все и стало плохо... и сделать ничего нельзя. Когда такое случается, а папа начал словно нарочно убивать себя... мне было очень плохо.

– Обычно мы спрашиваем про ереси, про леность в молитве, про любовь к земному более, чем к небесному, чадо. Но здесь и сейчас спрашивать об этом бессмысленно. Это я рассказываю тебе на будущее.

– Благодарю вас, отче.

– Лассара всегда были верны короне. И церковь никогда не имела к ним претензий. Мне бы хотелось, чтобы так и оставалось впредь.

– Мне бы тоже, отче.

– Тогда продолжим. Допускала ли ты грех человекоугодия? Льстила, преклонялась, лгала, подличала, пресмыкалась перед человеком...

Антония задумалась.

– Наверное, нет. Вежливо себя вела. Старалась хотя бы. Пыталась не раздражать тетю и дядю, это верно. Но не пресмыкалась... хотя со стороны виднее.

– Я спрошу об этом у твоей тети. Любишь ли ты Творца превыше всего? Благодарна ли ты ему?

– Не знаю... любовь – это сложно. Отец из любви разрушил и себя, и мою жизнь... я не уверена, что хочу такую любовь.

– Творец никогда тебя не предаст, чадо.

Но и не поможет.

Слова так и повисли в воздухе, но вслух сказаны не были. Вместо этого Антония вздохнула.

– Грешна, отче.

– Понимаю... и не стану спрашивать о грехе неблагодарности Творцу. Не впадаешь ли ты в грех гордости или честолюбия?

– Было бы чем гордиться, отче, – горестно откликнулась Антония. – Выжить бы...

– Роптала ли ты на Творца в тяжкие минуты?

– Грешна, отче.

– Совершала ли ты грех клятвопреступления?

– Нет, отче. Такого точно не было. Я вообще никому не клялась и слова не давала.

– Уважаешь ли ты Храм, его святыни, праздники?

– Отче, сложно уважать или не уважать то, чего нет в твоей жизни. Как-то не получается у нас с Храмом...

– Понятно... тогда это пропустим. Не согрешила ли темными чарами?

– Вообще ни разу не пробовала, – призналась Антония. – То есть пробовала, не получилось, но это давно еще было, ну и бросила это дело. Наверное, у меня дар непроявленный, как у мамы. Ты тоже Лассара, но магией вообще не владела.

– Понятно... ты никого не убивала, чадо?

– Животных... живя в деревне, иначе не получится.

- Это не в счет. Но не людей.
- Нет! Отче, вы что?!
- Это вопрос, Антония. И не все на него так отвечают, как можешь ответить ты. Уж поверь.
- Простите, отче. Я не сообразила.
- Ничего страшного, так бывает. Помогаешь ли ты своим близким, участвуешь ли в их жизни...
- У меня нет близких. Отца похоронили.
- Не стремилась ли ты оборвать свою жизнь?
- Нет. Жить хочется.
- Не согрешила ли ты блудом? Плотской грязью?
- Я девушка, отче.
- Нечистыми помыслами?
- В деревне поневоле знаешь, откуда дети берутся, – усмехнулась Антония. – Но чтобы я... вот так... фу! Гадость!
- Ей показалось – или святой отец тоже тихонько фыркнул?
- Не осквернила ли ты себя грехом воровства?
- Нет.
- Грехом мошенничества?
- Тоже нет, отче.
- Я выслушал твою исповедь, чадо.
- И?.. Я что-то должна сказать?
- Нет. Я должен наложить на тебя покаяние.
- И... как это должно выглядеть?
- Обычно человек должен сделать что-то для Творца, чтобы тот убедился в искренности его слов.
- Полы в храме помыть?
- Короткий смешок в темноте исповедадьни.
- Не так буквально, чадо. Твоим искушением будет постижение того, что ты не узнала в детские годы. Я скажу об этом твоей тетушке и дам тебе несколько священных книг. Ты должна будешь их прочитать.
- И пересказать вам?
- Нет. Это не обязательно. Ты читаешь их не для меня, а для Творца. Это между Ним и тобой. Мне можно солгать, а Ему?
- *А Он меня ни о чем не спрашивал,* – сердито подумала Тони.
- А нужно? Я прочитаю эти книги, если так... правильно.

– Конечно, правильно. Ты будешь жить в столице, ты будешь ходить в храм. Тебе это пригодится.

– Благодарю, отче.

– Словом и силой Творца, я отпускаю тебе твои грехи, чадо. Ты можешь идти, Антония, но я надеюсь видеть тебя в храме.

– Я... постараюсь, отче.

Девушка вышла.

Священник задумчиво посмотрел на сплетение виноградных лоз на решетке. В этом переплете были укреплены кристаллы, которые сигнализировали, искренен ли отвечающий.

Девушка не лгала. Пару раз недоговаривала, но это естественно.

Но – не лгала. Это хорошо.

Интересная девушка. Да и род Лассара... пожалуй, храм примет в ней участие.

Антония не знала, что сказал святой отец ритане Розалии. Но по выходе из храма тетушка посмотрела на нее более приветливо.

– Что ж, Антония. Теперь мы можем ехать домой.

Антония кивнула.

Ее руки отягощали три тяжелых книги. «Молитвенник на каждый день», «Как вести себя в храме», «Посты, праздники, обычаи, ритуалы».

Отец Анхель оказался действительно умным человеком. Он дал девушке именно то, что ей было необходимо. Не абстрактный набор рассказов, а сборники с конкретными указаниями.

Как, когда, зачем, для чего...

Пожалуй, Антония будет ходить в храм даже с удовольствием. Это с дураками разговаривать тяжело. А с умным человеком – наоборот. А еще интересно – был бы отец Анхель так же благодушно настроен, не будь она – Лассара? Почему-то Антонии казалось, что эти два фактора взаимосвязаны.

Странно, правда?

В доме Араконов ее ждали две девушки в гостиной и шесть платьев.

М-да...

Нельзя сказать, что они были щедры. Но и что собрали вовсе уж потенциальные половые тряпки – тоже.

Паулина расщедрилась на три платья, но расцветки... палевая, темно-желтая и бледно-бледно-розовая попросту были не к лицу Антонии. Зато фасон был достаточно модным. Узкая юбка, лиф, скроенный так, чтобы подчеркивать грудь, модный квадратный вырез, три пояса к платьям. Было видно, что платья не из лучших, но и не из худших. И даже если они отобраны по принципу – на тебе, что мне не в цвет... ну так что же?

Нищим выбирать не приходится.

Альба расщедрилась на три платья, но разных фасонов. Юбка-клеш, рукава фонариком, светло-зеленый цвет, юбка-клеш, рукава с буфами, темно-синий цвет, и один костюм. Прямая длинная юбка, пиджак, блузка. Светло-серый.

– Я в нем выгляжу ужасно, – честно пояснила Альба. – Сливаюсь со стеной. А у Антонии глаза светлые, ей может подойти.

– Да, пожалуй, – согласилась ритана Розалия. – Девочки, вы умницы. И платья я вам обязательно закажу.

– Огромное вам спасибо, – тихо произнесла Антония. – Я очень благодарна... и за помощь, и за внимание...

Она действительно была благодарна.

Ее могли выгнать, могли не заниматься ее проблемами, могли... да много чего могли и сделать, и не сделать.

Вместо этого ее приютили, с ней возятся, а что намного меньше, чем с родными дочками... и что? Вы бы так же отнеслись к племяннице, которая свалилась вам на голову? Да еще которую вы ни разу в жизни не видели? Да и расстался ее отец с семьей не лучшим образом...

Антония могла оценить ситуацию правильно.

Ее не любили. Но делали, что должно. А мало это или много?

Время покажет!

* * *

Статуя Ла Муэрте утопала в цветах. Белых, чистых...

С неба бледным глазом смотрела полная луна. Смотрела и любовалась. Белизна цветов, белизна одежд, белая улыбка оскаленного черепа... улыбка смерти.

Кто-то сказал, что поклонение смерти обязательно сопряжено с кровью? Жертвами?

Но зачем?

Рано или поздно к Ней придут все. Так стоит ли отдавать часть там, где рано или поздно будет – всё? Вот и идут паломники, вот и несут то, что Ей может быть приятно.

Цветы смерти.

Асфодели.

Бывают иные жертвы, бывают. Но всегда добровольные. И не сегодня, о нет. Сегодня обычное богослужение, пришли те, кто сам захотел.

Пришли спокойно, ничего не опасаясь.

Церковь?

Они в курсе.

Не одобряют, но и не запрещают. Знают, что часть прихожан оказывают почтение и Ей, но также отлично знают, и что происходит на богослужениях. Предпочитают держать всех смутьянов в одном месте и под своим благожелательным присмотром. Ереси будут всегда, равно как и культы. Проще следить с самого начала, чем потом разгребать последствия. Несколько священников всегда приходят, и жрецу иногда кажется, что не просто так.

Они приходят не только контролировать.

Они приходят к Ней.

Богослужение простое.

Нет ни молитв, ни псалмов – к чему? Каждый молится в своем сердце.

Есть только дешевенькие лучинки, которые горят в темноте, и цветы. Возложи цветок, зажги лучинку – и жди.

Она догорит и погаснет. А ты можешь в это время молиться.

Что делает верховный жрец?

В каком-то смысле направляет мероприятие. Зажигает огонь в чаше, готовит алтарь, на который возлагаются цветы, первым опускается на одно колено... это – тоже различие. Во время официального богослужения все сидят и слушают священника.

Ла Муэрте не нужны долгие богослужения.

Ее помнят. Этого достаточно.

На всех присутствующих – белые плащи с широкими капюшонами. Не балахоны, нет... выглядит это впечатляюще.

Статуя с любовью смотрит на своих детей. Выглядит она, как скелет, одетый в подвенечное платье. Вечная Невеста.

Ла Муэрте.

Но разговор начался потом, когда жрец остался с самыми доверенными людьми, у алтаря.

Убрать остатки лучинок, сложить цветы, закрыть пещеру – благодаря противовесам широкий камень уверенно закрывает вход к статуе. Она откроется верующим только в следующее полнолуние.

– Сегодня одной из сестер было видение. В наш город придет Ее дочь.

– Ее дочь?

– Девушка, которая приближена к Ней. Ей угрожает опасность.

– Как ее зовут?

– Неизвестно.

– Где ее можно найти?:

– Тоже неизвестно.

– Мы что-то должны делать?

– Этого в видении не было. Она придет. Пока это всё.

– Что ж. Тогда подождем Ее слова. Но если это будет Ее дочь – она обязательно найдет дорогу сюда. Рано или поздно.

С этим были согласны все присутствующие.

Придет.

Как она узнает? Как ее узнают?

Ла Муэрте подаст свой знак. Просто так Она видений не посылает и с верующими не говорит. А опасность...

Будет видно. Жрецы не боялись. Опасность? Тем хуже для опасности. Они подождут знака^[1].

Глава 3

Идею с работой Антония не оставила.

Но для начала решила изучить книги, которые ей выдали в храме. Программу для нее тетушка уже сообщила.

На завтра она с девочками едет к портнихе. Антония там не нужна, несколько аксессуаров и без нее прикупят. Сумочку, туфельки. Белье?

Антонии вменилось в обязанность выдать тетушке пару своего белья, а ей подберут по размеру. Подходящее.

Антония поняла все правильно.

Сплетни разносятся быстро, поэтому тетушка не желает спешить. Сначала она убедится, что племянница умеет себя вести, не опозорит ее при людях, а уж потом...

Лавки – это не только место покупок. Это еще и место встреч, обмена новостями, место... место пристрелки, если хотите! А за себя и дочек тетушка была спокойна, а что Антония? Не растеряется ли она под обстрелом? Не дрогнет ли от яда, который льется с гадючьих дамских языков?

Не говоря уж о ее внешнем виде. Да, приличные платья ей выдали, но их еще подогнать надо. Пока служанки с этим справятся... Да и внешность... м-да. Слово «маникюр» вы слышали, ритана?

Нет, это не когда вас куда-то заманивают. Ладно, до ухоженности и холености девочек вам не дойти, но хоть на человека походить-то надо!

Пройдет слух, что у Араконов племянница вообще нищая...

Ладно еще – доктор! Ладно – священник! Этим мужчинам все показывают. А вот остальным – не надо. Но чтобы день у девушки не прошел даром, ей выдали книгу по этикету. И пообещали пригласить куафера. Разумеется, не абы какого, а самого мастера Доменико!

Пользоваться услугами кого-то другого?

Простите, но Араконы не могут себе этого позволить! Положение диктует! И иногда – достаточно жестко. Они просто не могут вызвать к племяннице абы кого.

Почему? Все равно же все дома, никто не узнает... ошибаетесь!

Узнают те, кто всегда рядом с вами. Узнает прислуга. И разнесет вести по всем домам. Сейчас Розалия зарабатывала себе репутацию с помощью Тони. По сути...

Да, вы знаете, когда Даэрон ее бросил, это была трагедия для девушки. Но вот, прошли годы, судьба покарала негодяя – и посмотрите на Розалию! Она помогает его дочери! Так благородно! Так восхитительно порядочно! Купеческая дочь?

Да какая дворянка на ее месте поступила бы так!

Впрямую Розалия об этом не говорила. Но намеки прослеживались. Тони протестовать не стала. И около девяти утра, когда все только позавтракали, была атакована «творцом причесок».

– Где она?! Ну же, покажите мне эту ритану!

В гостиную Тони входила с определенной опаской, и не зря. При виде ее невысокий кругленький человечек, сидевший в большом кресле, буквально выкатился из него, воздел руки к небу и возопил так, что недоуменно качнулась люстра:

– Творец Единый!!! Девочка, кто тебя так изуродовал?!

Антония только и смогла, что открыть рот. Потом закрыла его – и продолжила слушать, справедливо подозревая, что ее мнение «художника расчески и щипцов» вообще не заинтересует.

Никак.

А тем временем выяснялись неприятные истины.

Волосы – хорошие, но ужасно запущены.

Руки – хорошие, но ужасно запущены.

Лицо – неплохое, но ужасно запущено... короче, вот вам лопух, и как хотите из него розу, так и вырезайте! А это ранит нежную душу настоящего маэстро.

Он страдает!

Его – его! – заставляют заниматься бог весть кем! Еще бы крокодила подсунули и приказали из него белую кошечку сделать!

Впрочем, причитать он причитал, но и времени не терял даром. Из объемистого саквояжа появлялись странные инструменты, баночки, коробочки, раскладывались на туалетном столике, Антонию усадили на табуретку, завернули в простыню – и началось!

Что-то мазали.

Смывали.

Щелкали ножницы, причем не одни, а как бы не полдюжины, резко и едко пахло какой-то гадостью, на лицо намазали страшноватую зеленую субстанцию, которая щипала так, словно проела кожу до мяса...

О руках Антония вообще думать не хотела. Только надеялась, что они у нее еще остались. Но вроде как перчатки что-то заполняло. А пекло и горело под ними...

Магия сильно помогала при изготовлении косметических снадобий. С ними и из чудовища можно было пристойного сеньора сделать.

Правда, стоило это достаточно дорого, но... но тут была своя тонкость.

Когда Адан породнился с родом Мондиго, он не прогадал. Мондиго занимались в том числе и поставками трав... а куда в нелегком парикмахерском труде без них?

Никуда...

Поэтому для тана Адана всегда делалась существенная скидка. В расчете на травы «для своих». Посвежее, покачественнее, или – на их отсутствие для конкурентов. Дело-то житейское.

Антония об этом не знала. Молчала, ожидала результата.

– Вот так! – наконец кивнул мастер. И потер руки.

Ответом ему стал восхищенный мужской голос:

– Творец единый! Мастер, вы волшебник!

– Да, и уже не в первом поколении. Но здесь моя магия не требуется, я всего лишь применял косметику, тан.

Тан Адан восхищенно разглядывал свою племянницу.

Да, вот что ухоженность с человеком делает!

Волосы, как и прежде, черные. Но раньше это было лохмы, а сейчас – локоны. И овал лица появился, и скулы выделились...

Поменяли форму бровей – и глаза стали больше. Подкрасили реснички, которые выгорели на солнце, и оказалось, что они и длинные, и густые. Убрали с кожи многолетний загар, и обнаружилось, что Антония – не смуглая, а белокожая. Словно ее рисовой пудрой осыпали с ног до головы. И глаза уже не такие бесцветные, они красиво оттеняются черными ресницами и похожи на два горных озера.

А ведь действительно – никакой магии. Тан Адан знал, как приукрашивают женщин – живя в доме с двумя девушками на выданье, странно было бы не узнать о таком. И с Паулиной много чего проделывали.

А с Антонией – нет. Там данные были от природы... и она действительно сильно похожа на Даэлис. Только волосы черные, а Даэлис была светлой, почти пепельной блондинкой.

– Да ты красавица, девочка!

Антония подняла брови.

– Я?

– Мастер, вы ей еще зеркало не давали?

– Пока – нет.

– Боюсь, что вы сейчас нажили себе врага, в лице моей супруги. Антония так похорошела, что может стать серьезной конкуренткой нашим дочкам, – тан Адан говорил вроде бы в шутку, но Антония поняла, что под смехом скрывалась и доля беспокойства. И нахмурилась.

– Я этого не хочу. Может быть... есть какой-то способ?

– Уродовать мою работу?! – вознегодовал мастер.

Но возмущенные дамы в клиентках ему тоже нужны не были. Поэтому двое мужчин и девушка переглянулись заговорщиками. И мастер достал из саквояжа несколько склянок.

– Антония посмотритесь сейчас на себя в зеркало.

Девушка послушалась.

Не веря, коснулась серебряного ободка...

– Это – я?

– Да. И вы такой можете быть сколько вам будет угодно.

– Ох...

– А теперь – приступим к камуфляжу. Я затратил много сил и магии, чтобы отчистить вашу кожу, поэтому сильно уродовать вас мы не будем. Но... вот, смотрите.

Ватка была смочена раствором, и мастер провел ей по щеке Антонии.

– Ой!

Нежная кожа на глазах покрывалась россыпью красных мелких прыщиков.

– Но я же...

– Правильно. Ты ничего и не должна чувствовать, это просто камуфляж.

– Поняла. А убрать?

– Умоешься. Просто водой смоешь...

– А если дождь?

– Знаешь что, юная ритана, меньше претензий. Или не попадай под него, или носи флакон с собой... и вот этот тоже могу посоветовать.

Теперь прыщи перемежались с веснушками.

Антония грустно вздохнула.

Красоту терять не хотелось. Совсем. Но у нее оставались ухоженные руки, волосы, а это...

Плата за то, чтобы не раздражать тетку и двоюродных сестер. За то, чтобы дяде было комфортно.

Что ж, она потерпит.

– Дядя Адан, а когда кузины выйдут замуж, мне можно будет это не носить?

– Конечно. Я надеюсь Альбу выдать замуж уже в этом году. А Паулина, может, на следующий год выпорхнет из гнезда. Так что терпеть недолго.

Антония посмотрела благодарными глазами.

– Спасибо вам, дядя. Спасибо, мастер. Вы действительно – Мастер. Волшебник и кудесник.

Мастер улыбался.

А что тут скажешь? Все ясно.

Вернувшиеся к обеду дамы осмотрели лицо Антонии, и тетушка поджала губы.

– Мне казалось, у тебя вот этого... не было.

– К сожалению, у меня оказалась аллергия на снадобье, – потупила глаза Антония. – А веснушки... просто их не видно было под загаром.

– Что ж, так бывает. Смотрится, конечно, ужасно...

– Простите, тетушка Розалия, что разочаровала вас, – потупила глаза Антония.

С другой стороны – все это было к лучшему. Замуж она не хотела, планы дяди и тети ее откровенно пугали... мало ли кто появится на горизонте?

Какой-нибудь старый, толстый, лысый, да еще с шестью детьми... выдадут ее за такого?

Запросто! Еще и благодетелями будут! Лучше уж побыть кошмаром всех мужчин. Но если она в таком виде кому понравится...

Это будет серьезным аргументом в пользу любого мужчины.

Даже старого, толстого, лысого и с шестью детьми.

– Ладно, – смирилась с неизбежностью ритана. – Волосы у тебя неплохие, глаза, опять же... платья что? Подогнали?

Антония об этом пока не спрашивала. Она честно читала выданные ей книги, пока было время и возможность. Вот об этом и отчиталась.

Ритана кивнула уже чуть более одобрительно и позвала служанку. Оказалось, что два платья кое-как подогнали, но надо бы примерить...

Увы.

Все платья изумительно гармонировали с прыщиками на лице девушки.

– М-да, – подвела итог дама. – Показывать тебя людям придется. Но – это кошмар. Я поговорю с мастером Доменико.

Увы, мастер сказал примерно то же самое.

Прыщики со временем пройдут, все же у девушки темный источник, а у него – светлый. И может стать только хуже. Пока же... можно поискать косметолога с темным источником... нет?

Тогда просто подождать. Или воспользоваться простыми народными средствами, которые не содержат и капли магии.

Ритана Розалия закатила глаза, но махнула рукой.

Что поделаться! И вообще, она и так уже многое сделала, с прыщами девчонка сама справится, рано или поздно. А пока и так проживет, ничего страшного!

Девушки тоже были довольны. Кому ж хочется иметь рядом с собой конкурентку?

Никому.

* * *

Второй день подряд Антония занималась самообразованием. Честно прочла все книги, а потом подошла к дяде.

Тот подумал и карандашом отчеркнул те молитвы, которые ей надо бы выучить. Антония послушно принялась за учебу.

Если у тебя темный источник, лучше не пренебрегать хорошим отношением Церкви.

Молитвы ее просто... раздражали и злили, но что принято, то принято. А Долорес учила, что ведьме необходимо святости – втрое. Обычный человек может и в церковь не прийти, и пост прогулять...

Ведьма?

Никогда!

Мигом все припомнят, а что не припомнят, то придумают. Вот она, пока в городе жила, все выполняла. И Антонии очень советует, если та в столице будет жить.

Не то чтобы ей хотелось учить... или нравилось, или просто – легко училось. Но выбора-то не было! Вот и приходилось зазубривать, как детскую считалочку, слова, которые для нее ничего не означали.

А то ж!

Тексты молитв были на древнеронейском! А с ним у Антонии вообще никаких отношений не было. Ни хороших, ни плохих – кто бы ее учил?

Некому. Долорес его не знала, сеньор Хуан тоже... и кто?

Так что...

Ишалье, да авера, лос ласия...

Ьыыыыыыы!

Не Ласия, а Пасия... а ведь придется запомнить! Статус Творца состоит из восьми больших и шестнадцати малых молитв, и их надо знать наизусть.

ТЬфу!

Так что вечер четверга Антония восприняла на редкость спокойно. Хоть отдохнет, а то у нее от молитв уже почесуха начиналась. И была реальная опасность покрыться настоящими прыщами.

Большими.

С горошину!

Хорошо хоть какая-то отдушина была в лице Риты.

Пару дней назад, когда Антония сидела у себя в комнате и пыталась читать выданные ей книги, в дверь постучали.

– Разрешите войти, ритана?

– Да, пожалуйста.

Девушка, которая заглянула в дверь, была удивительно симпатичной. Темные волосы, скорее каштановые, чем черные, большие темно-серые глаза, румянец на нежных щечках.

– Ритана Антония, мне приказали ваши платья ушить. Можно я с вас мерки сниму? Пожалуйста...

– Да, конечно, – согласилась Тони.

Слово за слово, там мерка, здесь шутка, а когда совершенно случайно Рита кольнула девушку булавкой, подкалывая платье, и получила в ответ не выговор, а утешение: «не горюй, от этого не помирают», и диалог наладился.

Рита была в курсе всего происходящего в доме. И решила поделиться с ританой.

Просто – пожалела, если честно говорить. Вот и решила рассказать, кто чем дышит и кто что слышит.

Семейство Риалон популярностью явно не пользовалось. Тетушка проговорила, что хотела пригласить подруг, но те услышали о предполагаемой компании – и почему-то отказались приезжать. Так что за столом будет семейство Риалон – и семейство Аракон.

Тетушка грустила, девушки переглядывались.

Антония это видела, но решила не спрашивать, что, как и почему. У тетушки?

Ох, не хотелось....

А вот у Риты спросила, не удержалась. И служанка подсказала, понимая положение племянницы тана Адана.

Нелегко это – быть приживалкой.

У слуг проще, тут или уволят, или не уволят. Уйти тоже можно, хорошая прислуга без работы не останется. А вот приживалки...

Тут все намного сложнее и грустнее. Девчонку жалко, сразу видно, хоть и из благородных, а денег нет. Когда есть – трусы не штопают... да еще так неумело. И чулки... хозяйка ей хоть и купила новое бельишко, да разве от слуг старое утаишь?

А может, сыграло роль и поведение лакея.

Да-да, того самого Романа, который откровенно бесил и раздражал Риту своими приставаниями. А тут хоть как-то гадкий надоеда да получил!

Разве плохо?

Рита рассчитывала, когда Антония чуток обживется, поговорить с ней о том заговоре. А вдруг повезет? И можно его еще на что наложить, не только на чем одан?

Полез негодяй к тебе в лиф, да и обсыпался язвами! Прелесть же! Как представишь, так картинка медом по сердцу!

Если б мужчины знали, как они иногда раздражают женщин! Не в шутку, не ради игры или набивания себе цены, а просто – всерьез. Иногда никаких денег не надо, лишь бы отстал, противный и липкий! Так ведь нет! Кого надо – не дожدهшься, кого не надо – не отгонишь. Жизнь...

Так что Рита приветливо улыбалась Антонии. И просветила.

– Тан Эрнесто Риалон – доктор мертвых. Темный источник, все такое... жуть, говорят, жуткая. А вот жена у него обычная, разве что из знати. Но дара у нее нет. Ни непроявленного, ни какого другого! И сын родился бездарным. Так что... для девочек партия вроде как и подходящая, но уж очень тяжело рядом с его отцом рядом находиться.

– Разве?

– Вы-то, ритана, темный источник. Вам легче.

Антония вспомнила свои ощущения и пожала плечами.

– Возможно...

– Правду вам говорю! Вот посмотрите, кто и как себя во время ужина поведет!

– Вряд ли меня пригласят.

Рита пожала плечами.

Дело такое... ты в доме из милости, вот и отношение к тебе, как к нищенке. Оно понятно, у каждого по-разному бывает. Кто-то и любит такое! Есть пиявки, присосутся, так не оторвешь, и ноют, и вымазживают, и всю тебя с ног до головы медом облить и зализать готовы... есть.

А девчонка вроде и не такая. Рита в людях разбиралась, когда с двенадцати лет в прислуге, мигом понимать научишься.

Девчонка гордая.

Ей и милостыню просить не хочется, и не пришла б она сюда. Но...

Свое положение Антония отлично понимала.

Отцу хоть какая пенсия шла, как бывшему военному, а ей?

Ей ничего не дадут. Денег нет? Жить не на что. В глуши...

Нет, она бы там не выжила, в замке, одна... другое дело – столица. Тут можно и зацепиться попробовать, и рыбку половить.

Расчетливо?

Так что же? На земле живем.

Бедная сиротка?

Да, бедная. Но с умом и определенной расчетливостью. Не говоря уж о темном потоке.

Замок Лассара, земли Лассара, последний потомок рода некромантов...

С точки зрения Риты, все было правильно. Куда еще и податься, как не в столицу? Авось, не выпрут вон... и ведь не выперли же! Хоть и кривятся...

Кто все знает о хозяевах?

Так слуги же! Слуги!!!

И где бывают оные хозяева, и сколько зарабатывают, и спят ли вместе или врозь, и не только спят... все прислуга знает. И может рассказать любому заинтересованному.

К примеру, Антонии.

Рита рассказывала.

Антония слушала. И запоминала.

Ей тяжело придется в столице, но... наверное, это лучше, чем дома. Там все же страшновато.

К четвергу у нее было готово платье. Желтое. Цвет, конечно, девушку убивал, но – какая разница? Антония даже рада была этому. Замуж?!

Она?!

Отбивать кавалеров у сестер?!

Нет! И снова – нет!!!

Девушка тенью скользила по особняку, а на взгляды ританы Розалии отвечала своими. Серьезными и честными. Она не хотела зла этим людям. Да, они ее не любят. Но свой долг они исполняют. Как его понимают. И хотя бы за это стоит их уважать и ценить. Сколько у нас народа, которому на все плевать?

Много, то-то и оно. А тут – приняли, делают необходимый минимум... для себя Антония решила, что оплатит добром за добро.

Хотя бы постарается.

– Нам надо серьезно поговорить!

Альба и Паулина подкараулили Антонию после ужина и буквально втолкнули в комнату. Неизвестно, чего они ждали, но девушка только кивнула.

– Надо. Дверь стулом подоприте, чтобы никто не помешал.

– Чего? – удивилась Паулина.

Антония молча подошла и сама подперла дверь. До щеколды дело еще не дошло, а мало ли кто сюда войдет?

– Если хотите говорить о чем-то серьезном, предлагаю уйти в ванную. Комната крохотная, в коридоре нас прекрасно будет слышно.

– С чего это ты такая умненькая, – прищурилась Альба.

– Мне скандалы ни к чему, – отрезала Антония. – А вам?

Альба сдалась первая и под пристальным взглядом Антонии прошла в крохотную ванную комнату. За ней туда же вошла Антония. Паулина встала в дверном проеме.

– Поговорим? – предложила Альба.

– Слушаю, – решила не обострять Антония.

– Чего ты хочешь?

Кривить душой девушка не стала.

– Устроиться в жизни. Сама понимаешь, в провинции, в заброшенном замке у меня шансов никаких. Ни на достойную жизнь, ни на нормальное замужество. Поэтому решила ехать в столицу. Если найду работу – попробую снимать комнату и жить самостоятельно.

– Так родители тебе и дали!

Антония пожала плечами.

– Не попробуешь – не узнаешь.

– Это верно, – Альба была лидером, потому и разговор вела именно она. – Учти – будешь у меня или у Паулы мужчин отбивать, пожалеешь, что на свет родилась.

Антония покачала головой.

– Альба... если не возражаешь, я буду называть тебя именно так. Ты посмотри на себя – и на меня?

Все верно, в естественном виде Альба кузину так и не увидела, а прыщи и веснушки человека не красят. Так что красотка сморщила нос и фыркнула.

– И кому это мешало прыгать в постель к мужчине?

– И кому из мужчин это мешало бросить женщину? – парировала Антония, отбрасывая вежливость в сторону. – Подумай сама! У меня

ни приданого, ни знатной семьи... Лассара, это конечно, род! Но ты много мужчин знаешь, которые захотят жениться на женщине с темным источником?

– Ну...

– Мужчины-то пару себе найти не могут! В моем положении если на кого и рассчитывать, то на старика, или вдовца с детьми... тебя такие интересуют? Или Паулину?

Альба хмыкнула.

– Ну, рассуждаешь-то ты здраво.

– Когда денег нет, быстро думать учишься.

– А у тебя их нет. А будешь пакостить – мигом отсюда вылетишь!

Я это устрою.

– Не буду, – спокойно ответила Антония. – У меня другие планы.

– Я тебя предупредила.

– А я повторю – у меня другие планы, Альба Инес. Я не стану рисковать своим будущим из-за мужчин. Мне нужно устроиться в жизни, а не сдохнуть в сточной канаве с внебрачным ребенком на руках. И я свое место знаю.

– Вот и знай.

Несколько минут Альба и Антония мерились взглядами.

Потом Альба резко вышла из ванной – и потянула за собой Паулину.

– Пойдем, Паула. Я думаю, всем всё понятно.

Антония кивнула.

Понятно, конечно.

Творец единый, какое ж это детство! Босоное, сопливое, незамутненное... она уже в двенадцать лет была старше, чем эти девочки в свои восемнадцать и шестнадцать. И ничего удивительного – она бы иначе не выжила.

А эти...

Если бы они знали, как им хорошо живется под крылом у родителей!

Если бы понимали, насколько счастливы...

Только обычно об этом никто не задумывается, пока жизнь носом об забор не приложит. А жаль. Антония искренне надеялась, что этим девочкам повезет. И все у них в жизни сложится хорошо.

Не страшно жить в хрустальном замке. Страшно, когда его разбивают на осколки.

В четверг ритана Розалия была расстроена и огорчена. Все же ей было тяжело. Ни крови, ни магии, ни наследования, а рядом – человек с темным источником. Антония колебалась какое-то время, но после обеда все же решилась. Чай, не секрет. Выбрала момент, осталась наедине с теткой – и выпалила, словно в воду бросалась. Да так и было, в каком-то смысле.

– Ритана Розалия, вы мне минуту не уделите?

– Да, Антония?

– Простите, что лезу не в свое дело. Вы так расстроены из-за тана Эрнесто?

– Какая тебе разница?

– Я видела, вам тяжело в его присутствии. И могу помочь.

– И как же?

Антония вздохнула.

– Ритана Розалия, я ведь тоже – темный источник. Но рядом со мной вам не так сложно...

– Верно. Но я полагала, это потому, что ты – непроявленный маг, а он – активный?

– Не совсем, – Антония вздохнула еще раз. Но рано или поздно это откроется, от магов такое вообще не спрятать. А потому... – Вот, возьмите.

Перед лицом ританы закачался небольшой мешочек. Саше с травами.

– Что это такое?

– Если это будет на вас, присутствие темного мага вас тяготить не будет. Ну... хотя бы не так.

– Я спросила не об этом, – лязгнул металл в голосе ританы.

– Это заговоренные травы. Одна из наших арендаторов, Долорес, деревенская ведьма. Она их сама собирает, смешивает и наговаривает.

– Зачем?

– Она еще моего деда знала. Вот он тогда рецептом и поделился, – грустно улыбнулась Антония. – Как старуха сказала, общаться с ним было невероятно сложно. Он просто... уничтожал всех окружающих. Не убивал, но подавлял, притягивал самые дурные мысли...

– И?

– Она была молода, он был молод. А как тут пообщаешься с девушкой, если она от тебя за тридевять земель удрать готова?

Ритана Розалия определенно заинтересовалась.

– Это темная магия?

Антония пожала плечами.

– Ритана Розалия, хотите – завтра это саше в храм отнесите. Хотите – траву из него заварите, только не всю, я отвар выпью. Да что хотите могу с ним сделать. Это безвредно, просто на вас так давить не будет. Это соль, зверобой, ромашка, полынь, крапива, верба, шалфей, лаванда, чертополох и желтый глаз... там девять трав, все это сушится, измельчается, кладется на год под порог храма, чтобы силу набрало, потом наговаривается, только обязательно темной ведьмой...

– Такие сложности?

– Вот поэтому и не получило распространения.

– А ты?

– А я Лассара. У нас же все такие, род такой. Потому и придумали... ну что поделать? Если нас тянет не к темным, а к кому-то другому?

Ритана Розалия помрачнела, вспоминая свой опыт. Но ладанку взяла.

– Хорошо. Сегодня я попробую, а завтра обязательно схожу в храм. И ты пойдешь со мной.

– Да, ритана Розалия.

– И мужу я об этом расскажу.

– Вам решать, кому и когда рассказывать, – безразлично отозвалась девушка. – Я могу кровью поклясться, что не хотела причинить вам вреда. И что эти травы именно, чтобы ослабить давление темного источника.

– А ты тоже носишь что-то такое?

Антония кивнула. И оттянула воротник платья, вытаскивая такое же саше на веревочке.

– Если носить на теле, оно лучше действует.

– Хм... хорошо. Но завтра – в храм. Почему ты первый раз об этом не сказала?

– Меня не спрашивали. Потом я увидела, как вы реагируете на тана Эрнесто. Потом расспросила прислугу – уж простите, ритана

Розалия, но вы... вам не нравится предстоящий визит.

– Нравится, не нравится... а девочкам тоже такие можно?

– Наверное, можно. Но у меня столько нет. Это надо делать заново, а у меня только одна штука, – честно созналась девушка. – И они не должны так сильно реагировать? Разве нет?

– Они-то нет... Аракон все же. А я вот, – досадливо вздохнула ритана Розалия. И тут же спохватилась, что откровенность иногда не к месту. – Благодарю. Я попробую.

Антония кивнула и отошла.

У нее действительно была только одна ладанка. А запас трав, соли и прочее...

Темный источник, даже непроявленный, прекрасно работает. Нашептать заговор Антония вполне могла. Только делать этого не станет.

Пусть к Долорес обращаются.

Ровно без пяти семь к особняку Араконов подкатил модный мобиль.

Антония наблюдала за этим из окна. Красивая все же штука – мобиль. Такая мощная, уверенная... лошади, конечно, лучше. Но и мобиль может быть обаятельным.

Она бы себе завела мобиль.

Но стоит он, наверное...

Антония решила не думать о грустном и принялась наблюдать дальше.

Из мобиля вышел мужчина, подал руку даме в темно-синем платье. Вышел второй мужчина, третий... сердце глухо стукнуло.

Что случилось, Тони?

Но девушка и сама не знала. Она отошла от окна и принялась медленно спускаться вниз.

Альба и Паулина были уже внизу, равно как и ритана Розалия. Тетушка в темно-лиловом платье, Альба в белом, Паулина в светло-розовом. Антония в желтом рядом с ними проигрывала по всем статьям. Волосы она стянула в непритязательный узел, причем с такой силой, что глаза выпучились, а прыщи стали еще ярче. Да и цвет ее не красил, и фасон. Паулина была чуточку полновата и платья были скроены так, чтобы показывать грудь и не подчеркивать талию. А вот у Антонии груди особо не было. Зато талия была тонкой... сейчас все ее

достоинства были успешно скрыты. А по вырезу Антония прошлась ваточкой, смоченной настоем, благодаря про себя мастера Доменико.

Восхитительно, просто восхитительно!

Россыпь прыщиков на белой коже изумительно гармонирует с желтым цветом платья...

Чучело?

Пусть так! Зато жива, цела и на свободе!

Первым в комнату вошел тан Эрнесто под руку с миниатюрной дамой. Антония вздохнула про себя.

М-да, так ей никогда не выглядеть.

Дама была белокожей блондинкой, наверное, чуть за сорок, но выглядела она лет на десять моложе. Бледно-лиловое платье делало ее похожей на ирис, и даже запах духов был таким же...

Ледяной ирис, – подумала про себя Антония.

Из образа выпадало только выражение глаз дамы. Красивых глаз, бледно-голубых... только вот в них светились не любовь, дружелюбие, радость...

Расчет и холодность.

Что ж, Антонию это ничуть не волновало. Вас же не волнуют чувства змеи в террариуме? Насмерть не закусает, остальное – неважно!

В противоположность ей, тан Эрнесто улыбался. Вот ведь проблема!

Темный маг так и лучится дружелюбием. А его супруга, явно не маг, попросту замораживает всех вокруг. Интересно, почему так получается?

Ритана Розалия разулыбалась.

– Барба, милая...

– Роза, ты сегодня прелестна...

Дамы обнялись, поцеловались и задрожали раздвоенными язычками. Нападут?

Удержатся?

Да кто ж их, гадюк, знает? Во всяком случае, ритана Розалия держалась намного спокойнее и увереннее. Видимо, саше помогло. Долорес дряни не делала. Тем более для Антонии, которую считала пусть приемной, но внучкой.

Молодого человека, который вошел следом, Антония окинула незаинтересованным взглядом.

Копия отца.

Симпатичная, но... недосоленная, что ли? Пресный он какой-то. И глаза голубые, материнские... только у матери взгляд жесткий, расчетливый, а этот – рыба вяленая. Ни туда, ни сюда...

А вот второй...

Антония почувствовала, как пошатнулась под ней земля. Закружилась, медленно уплывая из-под ног. Потому что следующим вошел ОН.

Тот самый мужчина, о котором она мечтала.

Высокий, красивый, с золотыми волосами и синими глазами, с потрясающей улыбкой...

– Мой племянник, Эудженио Рико Валеранса, – представила его блондинка. – Он недавно из Шалеверо, пока поживет у нас.

– Как мило, – проворковала тетушка, протягивая руку для поцелуя и представляя своих дочек, а потом и Антонию. – Вы к нам надолго?

– Учитывая, что в этом городе живут столь очаровательные дамы? Я готов остаться здесь на всю жизнь, – согласился Эудженио.

Антония стояла ни жива, ни мертва.

Теплые губы прикоснулись к ее руке, голубые глаза посмотрели прямо в глаза.

В животе разливалось тепло, внутри словно бабочки порхали... а улыбка! Какая у него улыбка! Только вот он на нее и не посмотрит!

Не в таком жалком виде!

На миг Антонию охватило желание выбежать вон, сорвать с себя уродское платье, смыть грим, явиться такой, какая она на самом деле...

– Моя племянница, Антония.

Голос тетушки отрезвил не хуже пощечины.

Никуда не делись ни трепет, ни бабочки, но сейчас девушка уже пришла в себя. Нельзя! Ей нельзя раскрываться... она серая, страшная, она вообще – мышь. Такая... заплинтусная!

Судя по глазами молодого человека, даже не мышь, а таракан. Это хорошо... но почему так больно?

Хотя ответ Антония и сама знала. Наверное, что-то подобное испытала Даэлис Лассара.

Наверное, так чувствовал себя Даэрон Лассара... родители полюбили.

Она заплатили за эту любовь своими жизнями! И почти разрушили ее жизнь! Доломать остатки?!

Антония не собиралась этого делать. И когда красавец отпустил ее руку, пробормотала нечто невнятное и отступила за спины кузин, заслужив одобрителный теткин взгляд.

Все правильно. Иногда важно не как женщина выглядит, а как она себя ведет. И страшилка может быть опасной даже для признанных красавиц, если она умна, обаятельна, мила, умеет подать себя...

Антония сознательно устранилась от борьбы. Даже наоборот, старалась подчеркнуть внешность кузин. И тетушка это оценила положительно.

В гостиной Антония тоже расположилась подчеркнуто отстраненно. Вроде бы и рядом с кузинами, но не на диванчике и не на креслах рядом, которые тут же заняли молодые люди, а чуть поодаль, на стуле с жесткой спинкой. И сиденье у него было таким же жестким.

Костяшки впивались в нежную кожу даже сквозь юбку.

Вот и отлично. Зато не забудется, не расслабится и не замечается.

А в гостиной тем временем разворачивалось настоящее театральное действо.

Ритана Розалия, избавившись от подавляющего ее воздействия темного мага, щебетала, словно птичка, расспрашивая милую Барбу о милой Эжени, милой Инезилье, милой... количество милых ужасало. Антония прислушивалась краем уха, но запомнить и не пыталась.

Нереально.

Мужчины обсуждали политику и прорывы. Это интересовало Антонию намного больше, и она старалась прислушиваться к низким басовым голосам. Жаль, мешали молодые люди, которые трещали, что та стая сорок.

Оказалось, что Эудженио воевал на границе, сейчас приехал отдохнуть и подлечиться... и конечно, он должен был рассказать дамам о своих подвигах. Но поскольку нельзя забывать и про Амадо, тому тоже уделялось внимание. Альба уверенно брала Эудженио в свои ручки. Спрашивала про одно, про второе, хлопала глазками...

Антония честно старалась не вслушиваться.

Так было лучше, честное слово. Кусаться хотелось...

Это могла быть она! Она бы смотрела в голубые сияющие глаза, она бы разговаривала с ним... с любимым?

Не краток ли срок для любви?

Нет! Полюбить можно за одну минуту! Просто увидев, как твой, действительно *твой* человек просто идет к тебе и улыбается. И смотрит... и становится неважно, хороший он или плохой, черный или белый...

Ничего не важно.

Но шею царапала веревочка с саше старой Долорес, левая рука сжималась в кулак, вдавливая ногти глубоко в ладонь, жесткий стул впивался в тело... ничего! Зато контроль над собой не потеряет!

Держись, Тони!

Держись!

Антония старалась прислушиваться к словам старших мужчин, благо те очень удачно сидели.

Тан Эрнесто рассказывал, что прорывы участились. И секта Истинных проявилась. Все чаще появляются инициированные источники, а это плохо.

Сил попросту не хватает.

Неприятные новости.

Антония знала не так много, как ей бы хотелось, но... Инициированные источники – она была в курсе. Долорес рассказывала.

Это когда магии у тебя нет и не было, а хочется. Очень хочется.

Ее можно получить. Но... не просто так.

Когда сблизились два континента, стали появляться те, кто пробовал управлять нечистью. Кто уходил на другой континент – в попытке ли получить богатство и власть, или просто бежал от властей... да разные бывают обстоятельства.

Неизвестно, кто или что обитало там.

Но людей оно меняло.

Могло подарить источник, почему-то всегда темный. Могло изменить человека и превратить его в чудовище. Или перевертыша. Или...

Да много чего бывало, всего не перечислишь. Долорес рассказывала о том, что видела сама, и то у Антонии волосы дыбом

вставали. Страшно, знаете ли!

Знающие... ну так всегда есть кто-то, кто умеет Бога лучше церкви славить. В частности, Знающие. Потому как только они знают истинную дорогу к спасению.

А для спасения надо проводить жертвоприношения, надо зачем-то разрывать могилы, надо...

Им – надо? Надо! Они же для всех сразу и в расчете на лучшее будущее! А церковь почему-то этого совершенно не понимала, и относилась без малейшей любезности!

Преследовала, гоняла, ловила, ну и по результатам могли и казнить. Впрочем, знающих это совершенно не останавливало.

– ...вчера вскрывал – интересные изменения. Адан, ты вряд ли поймешь, это специфика, но мне кажется, что такой человек может идеально видеть в темноте. И сильнее, чем обычный мужчина раз в пять-шесть.

– И только?

– Наверняка и что-то еще есть. Но это надо долго возиться. Анализы проводить.

– Ты будешь?

– Конечно, такой интересный случай...

Дамы – о своем, о гадючем... или о ней?

– ...кошмар в желтом?

– Моя племянница.

– Дочь Даэрона? Творец единый, дорогая! Это ужасно! Как она только посмела, как он посмел...

– Даэрон умер.

– Да что ты!

– Спился от горя, когда умерла его жена. Ну а дочь... дети за грехи отцов не отвечают. Да и Единый велел нам прощать и не помнить зла.

– Розы, ты просто образец благородства!

Антония шевельнулась так, чтобы впилось еще больнее. Сжала зубы.

Сволочи!!!

– Ты же понимаешь, Барба, девочка не виновата. Пусть поживет... потом найдем, куда пристроить.

СУКА!!!

Взрыв смеха перекрыл слова дам. И это к большому счастью для Антонии. Выдержка у некромантов небеспредельна, знаете ли! Темный источник сильно влияет на сознание.

Жестокость и жесткость, рассудочная холодная ярость, гнев – это все его производные. И недооценивать их не стоило.

Антония перевела взгляд на молодых людей и увидела, как Эудженио, склоняясь, целует руку Альбе.

– Ритана, быть такой, как вы – это преступление. Столь умна, сколь и прекрасна – невозможно!

– Почему же это преступление? – воркующим томным тоном поинтересовалась Альба.

– Потому что вы одним своим присутствием разбиваете мужские сердца.

Да.

И сердце Антонии – тоже. Вот возьмет – и расколется хрупкой звонкой льдинкой... как же это бывает больно!

И всегда не ко времени...

Но что ей еще остается делать? Антония прикусила губу. Пусть больно. Она выдержит. Она справится...

Ужин.

Тоже в своем роде священнодействие. Все расписано от и до, все роли разыграны... Амадо провожал к столу Паулину, Эудженио, разумеется, Альбу. Вместе они смотрелись так, что Антония до крови прикусила щеку с внутренней стороны... не вечер, а сплошная симфония боли! То физической, то душевной... да что ж это такое?!

Больно же!

Всерьез!!!

Ритану Барбару провожал хозяин дома. Тони не удивилась бы, если бы для нее не нашлось места, или ей пришлось бы идти одной, позади все, но на помощь неожиданно пришел тан Эрнесто.

– Адан, ты позволишь мне сегодня побыть вдвойне счастливым?

– Эрнесто?

– Я позволю себе предложить руку не только твоей очаровательной супруге, но и твоей чудесной племяннице. Надеюсь, обе дамы мне не откажут? Ритана Розалия? Ритана Антония?

Антония посмотрела с благодарностью.

Все же... она сознательно шла на все это, но кто сказал, что от этого менее больно? Еще как больно!

Она дождалась согласного кивка тетушки – и едва коснулась локтя мужчины кончиками пальцев. И плохо представляла, как это должно быть, и... страшновато.

Никуда не делся легкий холодок, бегущий по позвоночнику в присутствии темного мага. Никуда.

Интересно, это потому, что свой источник она прикрывает? Или есть другие причины?

Теплая ладонь легла сверху на ее ледяные пальцы. Каким-то образом, продолжая говорить комплименты ритане Розалии, тан Эрнесто бросил на Антонию веселый взгляд.

И даже улыбнулся украдкой.

Не пошло, типа – красotka, погуляем?

А как-то очень по-дружески. Словно говоря: я понимаю, что тебе сложно. Мне тоже. Ты держись.

Антония опустила глаза.

Нельзя. Нельзя, чтобы кто-то смотрел за ее маску. А темные маги – пронизательны, иначе им не выжить.

Конечно, ее место оказалось в конце стола.

Конечно, на нее не обращали внимания. С ней никто не заговаривал, кроме тана Эрнесто, который несколько раз спрашивал о какой-то чепухе.

И конечно, все это было правильно. Так и было задумано.

Но почему же так больно?!

А больно было настолько, что Антония даже не обращала внимания на попытки Барбары ее укусить. Механически ковыряла кусок мяса. Механически отвечала на все вопросы. И так же механически поднялась из-за стола...

После отъезда гостей ритана Розалия подозвала к себе племянницу.

– Умничка, Антония.

– Благодарю вас, тетушка Розалия.

– Ты понимаешь свое место. Смотри, дальше не забудь его.

– Да, тетушка Розалия.

– Молодец. Можешь идти к себе, и помни – завтра мы едем в храм. Михелито, дорогой, как ты думаешь, что за человек этот Эудженио?

– Надо наводить справки, дорогая. Валеранса – старинная семья со множеством потомков, а в столице он раньше не был.

– М-да... спросить бы у Барбы, но ведь и соврать может... она, кстати, тоже из Валеранса.

– Если это – ее племянник? Я попробую узнать по своим каналам, а ты попроси отца, хорошо?

– Конечно, дорогой. Альба, детка, я вижу, что молодой человек тебе понравился...

– Очень! Мама, правда же, мы красивая пара?!

Дальше Антония уже слушать не могла. И как могла быстро сбежала в свою комнату.

Упала на кровать, лицом в подушку, потом вытащила ее – и ударила кулаками.

Раз, второй, третий... да что ж такое?!

ЗА ЧТО?!

* * *

Отец Анхель встретил дам приветливо.

– Ритана Розалия, мое почтение. Рад видеть вас в храме. Ритана Антония, мое почтение.

– Отец Анхель, благословите.

Под благословение подошла и Антония. Получила свое, уже вполне уверенно отвечая на ритуальные слова святого отца, чем заслужила одобрительный взгляд. И отец Анхель посмотрел на ритану Розалию.

– Что-то случилось, чадо Творца? Вы кажетесь взволнованной, ритана?

– Да, отец Анхель. Вот, посмотрите, нет ли зла в этой вещи?

Саше опустилось в протянутую сухую ладонь.

Отец Анхель поднес мешочек к лицу, понюхал.

– Травы... вы позволите оставить вас на пару минут, ритана?

– Да, конечно. Мы пока помолимся...

Но молитва не удалась. Отец Анхель оказался достаточно быстр. Не две минуты, но и не двадцать. Минут десять, не больше.

– Это артефакт. Слабый, но работающий. Травы, соль, заговор, сделанный темным магом.

– Отец Анхель, это безвредно?

– Эта вещь не несет зла. Чтобы разобраться, что именно за наговор, нам нужно больше времени. Но сразу видно, что это сделано ко благу.

Ритана Розалия вздохнула. И сдала племянницу с потрохами.

– Вчера у нас в гостях были Риалоны. Вы знаете, что тан Риалон – сильный темный?

– Да. Проявленный, активный...

– И я плохо реагирую.

– Да, ритана. Я вам искренне сочувствую...

– Этот артефакт мне дала Антония. И он помог. Я не испытывала никаких неприятных ощущений... ну, почти. Разве что когда тан Эрнесто взял меня под руку, чтобы проводить к столу, стало немного неудобно. Но по сравнению с тем, что было – небо и земля.

– Ритана? – повернулся отец Анхель в сторону Антонии.

Та скрываться не стала и честно повторила и про состав, и про свойства.

– Говорите, соль должна лежать под порогом храма?

– Иначе ничего не получится. Я очень мало знаю о магии, отец Анхель...

– И все же знаете, ритана.

– Сложно быть Лассара – и не знать, – развела руками Антония. – От некоторой нечисти можно обороняться, насыпав вокруг соли. Или серебра.

– Да, об этом все знают.

– Здесь – то же самое. Ладанка действенна при прикосновении к коже, как бы – человек в защитном круге. Темные маги не нечисть, но их эманации подавляют. Артефакт слабый, но для такой защиты его более чем достаточно.

– Нам надо изучить его подробнее, ритана.

– Я могу оставить амулет в храме, – согласилась ритана Розалия. – Но если он безопасен, смогу ли я получить его обратно?

– Ритана Антония, вы сможете сделать такой же амулет?

Антония покачала головой. И даже не солгала.

Сделать в точности такой же – нет! У нее все равно получится чуточку, но по-своему. Не так, как у Долорес. Любая работа индивидуальна....

– Нет, отче. Я не смогу. Но могу отдать рецепт в руки храма. Это несложно, не опасно... разве что долго. Соль надо год держать – это самое малое.

– И вы ее год выдерживали?

Антония вдруг улыбнулась. Широко и искренне.

– Долорес всегда несколько горстей держит под порогом храма. Так, на всякий случай. Она туда раз в год ходит, не чаще. Проверить, посмотреть... взять горсточку, положить. Есть запасы.

Отец Анхель оценил и улыбнулся.

– Хорошая идея, ритана. Да, я бы хотел получить рецепт. И слова наговора.

– Вот они, – Антония передала ему лист бумаги. Специально сегодня с утра попросила у тетки и записала все, что надо сделать.

И собрать травы, и измельчить, и наговорить...

Темный источник?

Ну что поделать, какой есть, тем и пользовались.

– А светлый источник может попробовать сделать нечто подобное? Ритана, вы не пробовали?

– Отче, да откуда ж мы мага бы взяли? – удивилась Антония. – Чтобы на наши земли приехал, да еще и работал с Лассара...

Мужчина понял и улыбнулся.

– Храм благодарен вам, Антония. Как вы исполняете свое покаяние?

– Я учу молитвы, – честно созналась Антония. – Мне сложно, но я справлюсь.

– Старайся, чадо. Верь, это пойдет лишь во благо для твоей души. А артефакт я вам верну, ритана. Скажите, если его развязать – и завязать заново, силу он не потеряет?

– Мы не пробовали, – пожала плечами Антония. – Наверное, потеряет. Все же это получится разрушение и новый артефакт.

– Вот как... и все же храм благодарен вам, ритана.

Антония понимала, что отец Анхел заинтересуется.

Что с ней захотят побеседовать. И узнать, нет ли еще чего полезного и интересного. Но...

Это был один из ее шансов! И отказываться было глупо!

* * *

– Ритана Розалия, скажите, пожалуйста, могу ли я попробовать погулять по городу?

Антония воспользовалась тем, что ритана была довольна визитом в храм, и решила попробовать. Тетушка нахмурилась.

– Просто гулять по городу?

– Да, ритана.

Женщина нахмурилась еще сильнее.

– Это не лучшая идея, Антония. Это – столица.

– Мне тяжело в доме, ритана Розалия. Я привыкла к другому.

Антония выглядела так печально, что ритана смягчилась.

– Я понимаю, в провинции все не так жестко. Но и ты пойми меня правильно. Одинокая девушка, на улицах столицы, более того, провинциальная девушка... это может плохо кончиться.

– Я понимаю, – поникла Антония. – Но может... я хотя бы по одной улице погуляю? Или как-то... я не прошу брать меня в лавки, но может, я смогу ходить с прислугой за продуктами? К примеру?

– С прислугой?! За продуктами?!

– Конечно, это не принято. Но я ведь приехала из провинции и совсем не знаю столицы. Где, что, как, сколько...

Ритана Розалия задумалась.

Это верно, Антония была типичной провинциалкой. И что было с ней делать? Запереть в доме? Но она права. Хозяйка должна проверять слуг, контролировать их, а как? Если она ничего не знает, не умеет... да и тяжело ей, действительно. И девушка вроде неглупая.

С другой стороны, если она ввяжется в неприятности, ее всегда можно убрать. С полным на то основанием.

С третьей – послать с ней слуг, которым ритана доверяет. Потому как Антонии она тоже пока не верит до конца. Пусть посмотрят на нее в другой обстановке...

– Я скажу Дите. Будешь ходить с утра на рынок вместе с поваром, закупаться. Заодно научишься разбираться в продуктах, выбирать лучшее для стола, узнаешь цены, посмотришь на столицу...

Антония засияла ясным солнышком. Даже прыщи не помешали.

– Тетушка Розалия! Благодарю вас! Обещаю, вы не пожалеете о своей доброте!

Если тетушка и жалела, то вслух она об этом благо разумно не сказала.

Ни к чему.

* * *

– Где девчонка?

У говорящего явно были какие-то проблемы. Или «волчья пасть», или «волчья суть»...

Голос его звучал... достаточно странно.

Так могла бы говорить змея, которая обрела голос.

– Неизвестно, тан.

– Почему? Вы ее упустили?

Теперь в голосе было еще и обещание страшных кар. Собеседник невольно поежился.

– Не знаю, тан. Дома ее нет, а арендаторы тоже исчезли. И наши люди, которые были туда посланы – пропали.

– Арендаторы исчезли?

– Я неверно выразился, тан. Сгорели два коттеджа. В одном из них найдены два трупа. По слухам – арендаторов.

– Так... а наши люди – пропали?

– Да, тан.

– В этом есть нечто странное. Я хочу, чтобы вы разобрались в этом случае. И нашли девчонку.

– Да, мой тан.

Мужчина жестом отпустил подчиненного и задумался, глядя в камин. Пляска огня завораживала, успокаивала...

И где может быть эта девчонка?

Нет, неизвестно...

Раздражает... просто невероятно раздражает! Его планы нарушены. И кому-то придется за это ответить. Да, кому-то придется...

Глава 4

На следующее же утро, еще до рассвета, в комнату Антонии постучали.

– А? Войдите?

В дверь просунулся хорошенький носик Риты.

– Сеньор главный повар сказал, что выходит через полчаса! Поторопитесь, ритана!

– Полчаса?! – подскочила ритана.

– Пока все самое лучшее не разобрали.

Этого Антония уже не слышала. Она металась по комнате, пытаясь одновременно одеться, причесаться и умыться. Рита хихикнула – и прикрыла дверь.

Внизу Антония оказалась через двадцать минут.

Старший повар был похож на помидор. Толстенный такой, краснощекий, кругленький...

– Ритана Антония, доброе утро.

– Доброе утро, сеньор...

– Фарра, – шепнула оказавшаяся рядом Рита.

– Доброе утро, сеньор Фарра, – тут же поправилась Антония. Колючие кругленькие глазки повара оглядели ее без особой приязни. Точно так же, без приязни, смотрели на нее два лакея, которые обычно сопровождали повара на рынок. Хулио, с большой тачкой, в которую было погружено несколько корзин, и весьма недовольный жизнью Роман.

– Ритана, я понимаю, что вы благородная. Но на рынке прошу мне не мешать и стараться...

– Вести себя потише. И как обычная сеньорита, – согласилась Антония.

Она надела одно из привезенных с собой платьев, и сейчас на благородную даму вовсе не походила. Простое черное платье в горох могло бы прекрасно смотреться на служанке. И дело даже не в цвете, а в старомодном фасоне и дешевом ситчике, который на него пошел. Благо, на улице стояло начало лета, было тепло и уютно.

На голову Антония повязала косынку, так, как это было принято у крестьян. Стянула на лицо ровный край, закрывая лоб почти до бровей, завязала узел на затылке, свободный конец подвернула так, чтобы волосы были полностью под тканью. Самое то, что нужно.

– Хорошо бы, ритана Антония, – не поверил повар.

Антония пожала плечами.

– Сеньор Фарра, я постараюсь не доставлять вам неприятностей. И пожалуйста, называйте меня Ритой, пока мы будем на рынке.

Повар несколько секунд смотрел на нее, а потом ухмыльнулся.

– А что... хитро. Если кто и услышит – то ли имя тебе, то ли титул... хорошо, рита... на. И если что не так – не обессудьте.

– Спасибо вам, сеньор Фарра.

– Спасибом корзинку не наполнишь. Идемте, рита... на.

Четверо человек, повар, Антония и два лакея – Хулио и Роман, вышли из дома.

* * *

Рынок!

Как же Антония любила рынки!

Яркие, веселые, шальные, разноцветные...

Запахи накатывают и оглушают, сбивают с ног, запах квашеной капусты мешается с запахом духов, шелка – с дерюгой, нищие с богачами, повсюду снуют вездесущие воры...

Кричат торговцы, привлекая покупателей, кричат сами покупатели, вот, идет торговля...

– Да вы что! Рыба тухлая!

– Свежайшая! Только вчера плавала!

– В канализации?! Вот туда ее и спусти, а мне дай вон того окуня, которого под прилавком прячешь!

Антония с огромным удовольствием глазела по сторонам. Сеньор Фарра посмотрел на девушку, потом вздохнул и вдруг купил на лотке пирожок. Теплый, еще горячий, с яблоком.

– Кушайте, рита... на. Небось, не завтракамши... это мне ничего, а вас-то сейчас ветром снесет.

– Благодарю, сеньор Фарра, – Антония впилась зубами в пирожок.

Вкусно!

– Да вы с ума сошли! Реал за фунт чая?! Я курицу за эту цену куплю!

– Вот и заваривайте ее вместо чая!

Сеньор Фарра приценился к крупам, к муке...

– Первый сорт!

– Да что ты?! А чего такая тяжелая?!

– Смеяться извольте, сеньор! Не мука – россыпь!

– Тогда гирую из нее вытащи! А то слишком мешок тяжел для россыпи, небось, водой смачивал?...

Крики, шум, гам...

Антония оглядывалась по сторонам.

Да, здесь ей было хорошо и уютно. Эх, не уезжала бы она из Лассара, сейчас покупала бы продукты для себя и Долорес. Торговалась бы, понятно...

– Сеньор Фарра, список есть, что нам нужно?

– Конечно. Специи нужны, рита... на. Разбираетесь?

– Не особенно, – не стесняясь призналась Антония. – А вот овощи купить могу. Птицу могу...

– Овощи, говорите?

Антония кивнула, ожидая проверки. И не ошиблась.

– Лук нужен. Сладкий, но лежкий. Сможете выбрать?

Антония уверенно подошла к прилавку.

– Так... эта связка нам не нужна. Слишком сильный запах. А вот здесь лук подгнил – видите, у основания. Явно с корешков что-то счищали. И этот мне не нравится – видите, шелуха тусклая, и вот, влажные участки, их просто внутрь заплели...

– Да вы что, сеньорита!

– А я вот сейчас любую луковицу очищу по своему выбору. Если она не окажется подгнившей, я ее лично куплю и съем. А если окажется – вы ее съедите? С гнильцой, – предложила Антония. И уверенно взяла в руку следующую луковицу. – И этот лук мне не нравится. Крупный, но легковат, теперь внутри пустой...

– Сеньорита!

– Проверим? – мило улыбнулась Тони.

– А вот этот лук вам нравится? – скрипнул зубами продавец, вытаскивая из-под прилавка косицу некрупного красного лука.

Антония ловко ощупала его, осмотрела...

– Сойдет. Сколько?

– Реал! – злорадством на лице торговца можно было лук вместо масла заправлять.

– Это за косицу – или за весь товар? – Антония и глазом не моргнула, начиная торг. Сошлись на десяти песетах за косу, взяли три штуки за реал – и разошлись друзьями. Ну как – друзьями?

Кажется, под конец торговец готов был лично скормить девушке весь свой товар. Но разве это не проявление истинной дружбы? Когда для друга – ничего не жалко!

Сеньор Фарра улыбался в усы.

– Доводилось торговаться, ритана?

– Дома у меня слуг не было. А кушать хотелось... так дешевле, чем по луковице покупать.

– И то верно. Вижу, разбираетесь. Купите, вот, морковку, свеклу, репу и капусту. Картошку хорошо бы и зелени. Роман, давай со мной и корзины возьми. Хулио, тачку захвати и сходи, помоги выбрать. И приходите к ряду со специями, я там буду.

– Сколько надо?

– А вот по мешку, лучше даже по два, если хорошую найдете. Тыква нужна, штук десять. Начало лета, приличных овощей днем с фонарем не разыщешь.

Антония кивнула, но вдоль ряда пошла.

Тыквы ей приглянулись почти сразу, крепенькие, рыженькие, пухлощекие, хоть ты их сейчас на картину и натюрморт рисуй. Но осмотрела девушка каждую и принялась торговаться, сбивая цену. Постепенно нашла и остальное...

Хулио следовал за ней. Не помогал, но и не мешал. Только один раз поворошил морковку, хотя Антония так и так весь мешок перерыла и штук шесть подгнивших выбросила, и одобрительно кивнул. Второй раз он вмешался, когда с Тони потребовали два реала за мешок свеклы. И сообщил, что за такую цену два мешка купить можно.

Антония приняла слова мужчины к сведению. Мешков и купили – два. Свеколка была мелковатой, но хорошей. Не вялой, не гнилой, пахла правильно...

– Да что ж ты делаешь, охальник?!

Антония охнула и кинулась на помощь пожилой сеньоре, которую толкнул проходящий мимо мужчина. А поскольку здоров был мужчина, аки бык, то и женщину он к своим ногам поверг одним движением плеча.

– Сеньора, вы в порядке? Обопритесь на меня и вставайте...

На вид женщине было лет около пятидесяти. Темные волосы с проседью, смуглое загорелое лицо, аккуратное черное платье. Волосы собраны в узел на затылке и на нем, с помощью булавок, закреплена шляпка. Небольшая, словно блинчик.

– В порядке, сеньорита. Ух, оглашенный! Носятся тут, как вечером зенки зальют, так с утра ничего и не видят!

Антония помогла женщине отряхнуть юбку и улыбнулась.

– Может, вам еще чем помочь?

Женщина прищурилась, но отказываться не стала.

– Я смотрю, ты со спутником?

– Да, сеньора.

– А у меня ноги уже не те. И годы мои уже не те... если я сейчас мешок муки куплю, не завезете ко мне на дом?

– А где вы живете, сеньора? – осторожно уточнила Антония.

И отказывать женщине не хотелось. Но и топтать через весь город она никого не заставит, можно даже не сомневаться.

– Калле Тарралонга, двадцать пять.

– Ой...

Антония удивленно посмотрела на женщину.

Ну да, городской особняк ее родственников тоже стоит на калле Тарралонга. Только номер – два.

А двадцать пять – это в конце улицы... это она договорится с сеньором Фарра.

– А что удивительного? Не одни ж там богатеи обитают!

Антония и не удивлялась.

– Я у родственников живу. Рядом. Калле Тарралонга, два.

– А то я не знаю. Эва, на спутника своего посмотри, кривится весь, как луку облопался!

Антония посмотрела на Хулио.

И верно, лакей кривился, но не спорил. Но происходящее ему явно не нравилось.

– А все потому, как быдло, – припечатала бедолагу сеньора. – Тан Адан как меня встречает, так и здоровается, и кланяется. А этим, вишь ты, не по норову, что кто-то беден, а не пресмыкается. Услужаящая порода, весь мир бы в холуи загнать, да не получается.

– Сеньора, я вас прошу не оскорблять моего спутника. Тем более что вы неправы.

– Ишь ты... а не мала судить, кто прав, а кто не прав?

– В самый раз, – отрезала Антония. – Чтобы не оскорблять человека, которого о чем-то прошу.

Сеньора захихикала.

– И то верно. Ладно, прости, милоч. Знаю, меня не любят, да мне любви и не надо. А вот муки мешок – пошли, сейчас сторгуем да и погрузим.

Хулио закатил глаза, вопрошая Творца – за что? Но поскольку Творец был занят, отправился грузить мешочек с мукой. Скромный такой, фунтов^[2] на сто...

Вопреки опасениям Атонии, сеньор Фарра не разозлился.

– Сеньора Маркос? Эта может...

И видя, что только Антония не поняла, в чем суть, пояснил:

– Сеньора Маркос – заноза для всей калле Тарралонга. Как увидите – так поймете, ритана. Так... морковка хорошая, свеколка...

Тележка была нагружена до краев.

Потом так же, до краев, нагрузили корзины. Антония – и та несла корзинку со специями и травами. Но возвращались они уже другой дорогой.

– Смотрите, ритана, – сеньор Фарра показал Антонии кивком головы на стоящие дома.

М-да...

Понятно было сразу. Именно это и есть – калле Тарралонга, двадцать пять.

И понятно было, почему кривился лакей.

Вот представьте себе – зубы.

Белые, ровные, чистенькие... и вдруг один зуб, хотя бы и с краю – гнилой! Черный, с дуплом и язвами!

Вот именно такое впечатление и производил этот дом.

Старый, в два этажа, с небольшой башенкой – так уже лет двести не строят, и с крохотным же балкончиком, который держался только

чудом. Потемневшие от времени камни, старая черепица, поблекший от времени навес...

И вывеска над входом. Старая же, с почти неразличимыми буквами.

«Лавка антиквариата «Монисто».

– Лавка... антиквариата?

– Да, ритана.

Сеньор Фарра сделал несколько шагов и постучал в дверь лавки.

– Открыто!

Тихо звякнул колокольчик.

– Сеньора Маркос, куда муку поставить?

Антония смотрела во все глаза. Перед ней словно бы гостиная открылась. Но... захламленная до предела.

К примеру, в ней было три стола.

Шесть зеркал.

Два дивана... а уж всякой мелочи, вроде вазочек, статуэток, часов и прочего – легион! И на всем этом были написаны цены. Мелом, от руки...

При этом... Тони подозревала, что половину вещей они просто не видят. Потому что разглядеть их не представлялось возможным.

Вот симпатичный столик. Но стоит на нем три вазы, два подсвечника и несколько блюд. И он теряется. А ведь красное дерево.

И узор красивый...

Трюмо.

Но флаконов на нем – столько, что зеркала, считай, не видно. И сверху еще какая-то пакость свисает. Вроде гирлянды из тех, что на елку вешают. Но пыльной – жуть!

Хозяюку долго ждать не пришлось.

– Муку привезли? Это хорошо, заносите...

Хулио послушно взвалил себе мешок на плечи – и пошел, куда сказано. Антония невольно посмотрелась в зеркало.

Старое стекло было пыльным и мутным, лица было почти не видно. Тряпку бы, да протереть все...

– Благодарствую, – хозяйка в этот раз не язвила и не пыталась укусить. – Удружили... легкой вам дороги. А ты, ритана, заглядывай, как мимо проходить будешь.

Антония посмотрела с удивлением.

– Вы...

– Нет, не знаю. Только что ж я – темный источник не увижу? – хохотнула хозяйка. – Небось, старшенького дочка? Даэрона?

Антония медленно кивнула головой.

– А ты не удивляйся, и я молодой была... ох и парень был! Да и история... по нему все бабы с ума сходили, а он некромантку выбрал! Как такое забудешь? Ты на нее, кстати, и похожа. Когда волос не видно... та светленькая была.

– Все верно, сеньора.

– А раз верно – заглядывай в гости, ритана. Чайку попьем, о предках посплетничаем.

Сеньора рассмеялась дребезжащим смехом и достаточно бесцеремонно принялась подталкивать гостей к выходу.

Антония не возражала. Интересное знакомство...

– Сеньор Фарра, а вы можете мне рассказать про сеньору Маркос? Пожалуйста?

До дома было идти минут десять, и повар не стал отказываться. Тем более продукты девушка купила хорошие, денег сэкономила, корзину несла без возражений, а что старой ведьме на крючок попалась – не одна она такая. Не первая и не последняя...

– Так-то она не сеньора, а сеньорина Маркос. Просто уж забылось за давностью лет.

– А...

– Луиса Каталина Маркос. Сестра у нее тоже есть, кажется, Хелена Каталина, я уж не упомяну. Давно дело было. Мужика две девчонки не поделили, да и разругались вдрызг. Младшая с ним сбежала, старшая осталась, да и лавку унаследовала. Отцу, вишь ты, тоже не понравилось, что дочка на какого-то проходимца польстилась. То ли на актера, то ли на жонглера – уж и не упомяну. Но уехала. Магазин этот на своем месте уж лет сто находится, как бы не больше, и держит его шестое поколение Маркосов...

– А ремонтировало его какое поколение? Четвертое?

Сеньор Фарра от души хохотнул.

– Примерно так. Старый Маркос... именно, что старый и был. Ему не до того было. А дочка его... не знаю уж, на что она живет, но как-то концы с концами сводит.

– Худо-бедно?

– Вот и оно-то, ритана, что худо и бедно. Сами видите. А предлагали ей домик продать – так в крик. Шуму, визгу... здесь ее предки жили, здесь и она умереть желает...

– А соседям, понятно, дом не нравится.

– Сами видите, ритана.

Ритана видела. Действительно... в богатом квартале, на богатой улице, магазинчик был, как бельмо на глазу.

– А...

Сеньор Фарра понял вопрос до того, как он прозвучал.

– Нет, ритана. Род такой... то ли она что умеет, то ли не умеет, но связываться никому неохота. Знаете, есть такие люди – глаз у них дурной...

Ритана знала.

То ли он украл, то ли у него украли... вот Долорес, кстати, такой славы старалась избегать. И Лассара тоже. Хотя им – избегай, не избегай, темный род – и все этим сказано. Дурная слава за ними не бежит. Они с ней давно сжились, срослись, даже сроднились...

– А церковь?

– Не пойман – не ответчик. Глаз там, ухо – у нас просто так людей на улицах не хватают.

С этим Антония тоже была согласна.

– Как вы думаете, сеньор Фарра, стоит мне к ней зайти в гости?

– Сложно сказать, ритана. Дело такое, что старой ведьме в голову взбретет – никто не знает. Может, хорошее, может, и не особо...

Антония задумчиво кивнула.

– Спасибо, сеньор Фарра. Вы не будете возражать, если я еще раз с вами за продуктами схожу? Или... почаще?

– Рад буду, ритана. А тан знает?

Антония кивнула.

– Тан Адан и ритана Розалия в курсе, что я буду ходить с вами. Мне же надо научиться выбирать продукты, чтобы гнильем не кормили?

– Конечно, надо, – согласился мужчина. И хитро улыбнулся еще раз. – Конечно, ритана.

И потянулись дни.

В храм Антония ходила со всей семьей – в воскресенье. И...

Там был – ОН!

Стоял, улыбался Альбе Инес...

Говорят – мужчина не может описать любимую женщину. В чем она была одета, как выглядела... для него то неважно! Она есть, и она освещает своим присутствием мир.

А Антония смотрела на Эудженио.

Какой же он был красивый...

Вот спроси – во что был одет, как причесан – не рассказала бы. Для нее мужчина словно был в ореоле света.

Приблизиться? Уже невероятно!

Дотронуться? Даже до рукава? Заговорить первой? Антония даже представить этого себе не могла. Язык словно цепями сковало.

И это она!

Лассара...

Но все было бесполезно! Все...

Антония могла только стоять и смотреть. А мужчина, которого она, кажется, полюбила, подошел к Альбе, поклонился ритане Розалии, поцеловал дамам ручки, сделал комплимент Паулине...

Антонии комплимента не досталось. Небрежный взгляд, улыбка...

Девушка покраснела, как клюква по осени. Но...

В сером костюме, словно мышь... прыщавая, страшненькая мышь – на что она могла рассчитывать?

Антония все понимала. Но Творец Единый, как же хотелось! Как хотелось расправить плечи, улыбнуться, показаться в своем настоящем виде... и?

А вот что потом – Антония не знала.

Язык не поворачивался. О чем с Ним можно говорить?

Но Эудженио вовсе не испытывал неловкости и сам болтал за шестерых. О погоде. О природе. Об очаровательных глазах Альбы.

О пикнике, на который обязательно надо поехать столь очаровательной девушке... и ее не менее очаровательной сестре, и матери...

Антонию он словно бы и не видел, и это всех устраивало. Кроме самой Антонии. Но – ей ли было отстаивать свое мнение?

Девушка молча сдвинулась в тень от колонны и кусала губы.

Что она может сделать, чтобы привлечь Его внимание?

Ничего...

Девушка сдвинулась еще дальше, за колонну. И просидела там все богослужение, честно не услышав ни единого слова из молитв.

Она смотрела на Эудженио.

На светлую прядь волос, падающую на чистый лоб, на точеный профиль, на очаровательную улыбку... на то, как он иногда, помогая Альбе переворачивать страницы молитвенника, касается ее руки. И девушке было больно.

На этот раз на исповеди Тони отвечала на вопросы намного увереннее. И молитвы прочла – две штуки, которые выучила. Отец Анхель от души похвалил девушку.

– Ты умничка, дитя.

Антония вздохнула в ответ. Умница, да.

А хочется – быть красавицей. И любви. И чтобы Эудженио касался ее руки...

Но сердце девушки царапнули еще раз.

Когда красавец попросил позволить ему проводить до дома очаровательную Альбу. Ухаживание было объявлено по всем правилам... и ритана Розалия дала согласие.

Но как же было больно и тоскливо Антонии, которая садилась в мобиль. Как же грустно.

Впрочем, ее настроения никто не заметил. Тетушка щебетала, как птичка.

– Барба сказала, что Эудженио не беден. Раньше он служил, но сейчас получил наследство и может себе позволить небольшой отдых. Приехал в столицу, попробовал подать прошение о переводе... куда-то в канцелярию.

– Канцелярию? Это так скучно! – надула губы Паулина.

– Ничего ты не понимаешь, дочка, – посмотрела на нее с улыбкой мать. – Запомни, с военным и по гарнизонам поездишь, и по разным местам службы, куда его начальство отправит, и денег у него мало будет, если это не интендант. А уж что мужа убить могут в любой момент, я и вовсе молчу. То ли дело – чиновник. Да и пригодится свой человек на хорошем месте. Всегда.

Паулина надула губы.

– Военная форма намного красивее.

– И все же это ненадежно. А вот для Тони можно и посмотреть военного. Если в невысоких чинах...

– Я полностью положусь на ваше решение, ритана Розалия, – бесцветным голосом произнесла Тони.

Ритана одарила ее благосклонным взглядом.

– Ты умница, Антония. Веди себя так же и дальше, будь благоразумна, и судьба твоя будет устроена.

Не с Эудженио.

Красавец и умница, перспективный чиновник должен достаться родной дочери.

А племяннице сойдет и что попроще... впрочем, Антонии ли пенять? И девушка попробовала улыбнуться.

– Я постараюсь не подвести вас, ритана Розалия.

– Можешь называть меня тетушка Розалия, – снизошла ритана. И улыбнулась, выслушивая благодарности.

Она рисковала, конечно. Но девочка оказалась неглупая, и что приятно, страшенькая. Как раз достаточно страшна, чтобы оттенять красоту своих кузин, и достаточно умна, чтобы это понимать и не протестовать. Как же хорошо, что она не вышла замуж за Даэрона!

И Розалия принялась наставлять Паулину, которая упорствовала в своей любви к военным мундирам. Военные...

Мундир – это красиво, но в него еще и человек завернут. С молодежью никогда не знаешь, что из них получится, то ли сопьются и загуляют, то ли в бою погибнут, то ли хватит ума и удачи выше пробиваться. В молодости – не поймешь. А постарше либо уже женаты, либо вдовцы с детьми, либо, если уж о вовсе высоких чинах говорить, попросту старики. Зачем за такого дочку отдавать?

Не надо!

Розалия дочкам счастья хочет. А именно – спокойной и сытой жизни за мужем. Как за каменной стеной. Как у нее самой. Понимать надо!

А то, что дома Антония подперла дверь стулом – и долго редела в подушку, стараясь, чтобы никто не слышал всхлипываний, и вовсе никого не касалось.

Мало ли кто и почему плачет?

Может, она дом вспомнила? Или отца? Или...

Плакалось ей по другому поводу. Но о своей непрошенной любви Тони решила молчать.

Чем должна заниматься юная ритана из благополучной семьи?

Разумеется, принимать участие во всякой и всяческой благотворительности! Состоять в комитетах спасения, защиты, помощи...

Работа?

А вы считаете, что ЭТО – не работа?!

Да вы знаете, сколько хлопот у милых дам? Сколько времени занимает организовать даже один благотворительный базар? А подготовиться к нему?

А работы, которые будут продавать на базаре?

А обойти малоимущие семьи и определить, кому и какая помощь нужна? Где-то родители могут пить, где-то лениться, где-то недостаточно усердствовать с молитвами, и это все надо учитывать! Творец помогает тому, кто рук не покладает. А заодно скромн, благочестив и знает свое место.

Но это уже детали!

Важно то, что юные ританы заняты с утра до вечера. И правильно, ибо в незанятую голову тут же лезет Нечистый!

Ритана Розалия, кроме того, вела бухгалтерию семьи, распределяла бюджет, выделяла деньги на хозяйство... это кажется, что жизнь хозяйки дома легка и приятна. На самом деле она не оставляет ни минуты свободного времени.

Вот и сегодня...

Ритана Розалия решила съездить с девочками на заседание Комитета помощи неимущим. Посмотрела на Антонию с сомнением и решила уточнить.

– Антония, ты умеешь рукодельничать?

– Рукодельничать, тетя Розалия?

– Шить, вышивать, возможно, что-то еще? Плести кружева, к примеру...

Антония покачала головой. Там, где дело шло об иголках и нитках, у нее обе руки были левые. Поставить заплатку она могла, но и только. А что-то перешить! Разобраться с выкройками!

Плести кружево?!

Да, конечно, именно этим надо заниматься ритане, даже подыхая от голода.

Антония могла задать другой вопрос. Знает ли тетушка, как копать червей, как прикармливать рыбу? Умеет ли ее ловить, потрошить, запекать на костре? Может ли подбить из пращи птицу?

Сажать картошку? Или окучивать ее?

Неблагодарно? А что поделаться, жить как-то хотелось, а для жизни надо три раза в день кушать. А не кружева плести.

Вслух Антония этого не сказала, но в своей бездарности призналась. Ритана нахмурилась.

– Плохо... а что у тебя с почерком?

– Не могу сказать, что он хорош, тетушка Розалия.

– Переписывать книги тоже не получится... жаль. Тебе было бы полезно.

– Переписывать книги? – искренне удивилась Антония. Зачем, если дешевенькие отпечатки с деревянных досок были по карману практически всем, кроме уж вовсе бедноты?

– Мы переписываем изречения из священных книг и раздаем их беднякам, – изрекла Паулина. – Чтобы не роптали на судьбу, а несли свою ношу с достоинством.

Каких усилий Антонии стоило не расхохотаться – знала только она сама. А еще она бы знала, что сказать таким благодетелям, в пору своего голодного детства. И ни единого слова из этой речи в священных книгах не было. Предлоги разве что!

Но говорить вслух Антония ничего не стала. И попросила разрешения остаться дома и почитать книги, данные ей в храме. Все же неловко надолго задерживать такую ценную литературу... это не библиотека.

Ритана Розалия подумала – и согласилась. Действительно, дело полезное... И опять же! Возьмешь девчонку с собой, а она и делать-то ничего не умеет, будет чучелом в углу сидеть... нет, ни к чему.

Ритана взяла себе на заметочку потом расспросить племянницу подробнее, а может, и поучить чему. И отправилась в Комитет вместе с дочками.

Антония честно читала.

Часа полтора.

Потом повторяла молитвы, как попугай.

Потом довела себя до зубной боли и, зеленая, вышла в столовую.

– Ритана, да на вас лица нет! – ахнула Рита.

Антония помассировала виски.

– Погода, наверное, поменяется. Так давит и давит...

– То-то вы вся бледненькая. Может, вам прогуляться пойти?

Ритана?

– Пожалуй, – задумалась Антония. – Далеко я не пойду, страшно, а вот по улице пройтись можно. Туда и обратно, может, хоть развеюсь?

Со стороны слуг возражений не последовало.

Антония вышла из ворот особняка, огляделась – и решительно зашагала в тот конец улицы, в котором уже побывала недавно. К двадцать пятому дому.

Ей срочно требовалось пообщаться с кем-то нормальным....

Сеньора Луиса была в магазине.

Звякнул колокольчик, она подняла глаза от большой книги и увидела на пороге Антонию. Ухмыльнулась.

– Пришла? Ну, заходи, гостьей будешь.

– Благодарю, сеньора, – Антония прошла внутрь, стараясь ничего не задеть и ни за что не зацепиться. Сложно, конечно, но попробовать надо.

Старуха фыркнула.

– Было б за что благодарить. Воздух не купленный. Чая налить?

– А можно? – уточнила Антония.

– Чего ж нельзя? Проходи, садись. Может, заодно и старуху сплетнями потешишь...

– Да разве ж вы старуха? Сеньора?

Попытки Тони польстить были пресечены взмахом сухой ладони.

– О себе я и сама все знаю. Не мети хвостом, рассказывай. Тошно тебе у Араконов?

– Душно, – согласилась Антония. – Понимаю, они хорошие, добрые...

– Да только шапку из доброты не сошьешь. Даже на заплатки не пустишь ту доброту.

Антонии вдруг стало легко и уютно.

– Моя... бабушка говорит так же.

– Бабушка?

– Ну... кто-то вроде того.

– Мяу, – раздалось из темноты, и на свет вышел здоровущий кот. С кошачьей легкостью прошелся по столу, не скинув ни единого предмета, посмотрел на Антонию.

– Хорош! – искренне восхитилась девушка.

Кот был дворянином. То есть – властителем подворотен и помоек, явно. Совершенно не породистым.

Но зато обаятельным. Серо-бурым, большим, пушистым и мордастым. Умные желтые глаза смотрели в лицо Антонии.

– Сеньор Мендоса, – представила его хозяйка. – Маркус Мендоса.

Антония протянула коту руку.

– Укусит, – предупредила хозяйка. Но вместо этого кот обнюхал предложенные пальцы, мурлыкнул – и потребовал, чтобы его почесали за ухом.

– Ишь ты....

– Меня коты любят. Вот собаки – те не очень, – призналась Антония. – Темный источник...

– Ах, ну да. Я и запомнила.

В это Антонии точно не верилось.

Запомнила она! А еще снег вверх пошел! И маргаритки на деревьях расти начали... забавно. Она сеньору Луису видела-то второй раз в жизни. Но уже почему-то испытывала к ней симпатию. Вряд ли взаимную.

Кот прыгнул к Антонии на колени и устроился там уютным клубочком. И замурлыкал.

– Так почему ты к Араконам приехала? – осведомилась женщина, ставя на стол чайник.

– Так я еще не говорила.

– А ты скажи.

– А что меня ждало в провинции? – пожала плечами Антония. – Я и так с трудом выживала, отец, считай, все, что мог – пропил. А как дальше...

– А в столице, значит, лучше будет?

– Не то чтобы намного лучше. Я понимаю, что в Римате тротуары медом не намазаны, и молочные реки по улицам не текут. Но шансов у меня здесь все-таки больше.

– Ну... врешь ты неплохо. Так что шансы есть.

– Я? Вру?

Правда, возмущалась Антония не слишком качественно. Сложно разыгрывать дурачку перед умным человеком.

– А то я не вижу. Фу-ты, ну-ты, табуреты гнуты... это перед Араконами ты милую девочку разыгрывать можешь, им происхождение задумываться не дает. А я-то все вижу... и глаза у тебя сообразительные, и повадки... ты не в благородном обществе росла. Верно?

Антония перестала притворяться и позволила себе расслабить спину.

– Все верно. Меня просто научили... играть. Копировать тех, кто рядом, подражать...

– Это видно.

Антония напряглась.

– Всем видно?

– Ну, не знаю. Мне видно было, а уж насколько оно всем остальным... может, если человек и приглядится, тогда понятно станет. Но Араконов можешь не бояться. Ему на все плевать, лишь бы солнышко светило, Розалия слишком озабочена своим происхождением, все ей чешется кому-то доказывать, какая она вся из себя ритана, а девчонки еще маленькие. Им бы по парням да по балам... дурешки. Там тебя точно не разоблачат.

– Это хорошо, – вздохнула Антония и, уже не жеманясь, отпила чай из чашки.

– Хорошо... только вот от кого ты сюда сбежала?

– Ни от кого.

– И снова врешь. Видно же... и еще как видно!

– Правда? – погрузилась Антония.

– Мне – видно. Но у меня и у самой...

Антония подцепила на коже ладанку, которую ей нашептала Долорес, оттянула. Пригляделась.

– У вас тоже темный источник. Но непроявленный, верно?

– Верно. Мать погуляла, да очень удачно. Вот и досталось. Уметь ничего не умею, да и учиться неохота, слишком уж хлопот много, а радостей мало. Но кое-что разглядеть могу. И что ты боишься, и что маскируешься... а для чего?

– Чтобы от меня люди не шарахались.

– И не станут, не рассчитывай. Девочек много, а темных источников, да еще проявленных – единицы.

Антония погрустнела.

– Тоже верно.

Если сеньора Луиса и сделала свои выводы, то озвучивать их вслух не стала.

– Ты пей чаек. И печенки бери, а вон там, в вазочке, колотая шоколата. Угощайся.

Антония послушно утащила кусочек. Положила в рот, осторожно рассосала сладость и получила в ответ улыбку.

– Нравится?

– Она у вас совсем не такая, как в конфетах!

Конфеты Антония не любила за приторную сладость. А тут шоколата была на грани горечи. Но почему-то еще более вкусная. Чувствовался вкус собственно шоколаты, не щедро насыпанного в нее сахара...

– У меня знакомая есть. Сама бобы перетирает, сама варит.

– Вкусно.

– Кушай на здоровье.

– Сеньора Луиса, а чего это вы меня так приваживаете? – хитро поинтересовалась девушка.

– А чего б не приваживать? Девка ты неглупая, а мне и поговорить тут не с кем. Вокруг одни сплошные аристократы, хоть ты не плюйся, обязательно в тана угодишь!

– Ага, и подруг у вас нет, и друзей...

– Знаешь, какой самый серьезный недостаток моего возраста?

– Какой?

– Половина друзей уже померла, а оставшимся внуки помереть спокойно не дают.

Антония хмыкнула, но уточнять, где внуки сеньоры, не стала. Проявила деликатность. Впрочем – зря. Сеньора все поняла и разъяснила честно.

– Мне и в молодости замуж не хотелось, и в зрелости не тянуло. А уж в старости и вовсе глупо.

– А...

– Дети? Не получились. У меня их вообще быть не может.

– А...

– Не рассказывали о таком в твоей деревне?

– О чем именно?

– Почему так мало темных магов?

– Н-нет...

– Подумай сама. Активный темный источник – уже испытание для окружающих.

Антония вспомнила, как ее тетка вела себя с таном Эрнесто – и кивнула.

– Ну да. Наверное...

– У тебя-то, я смотрю, защита?

Антония кивнула.

– Да.

– Давно, если не секрет?

– Нет. Не очень.

– Вот, это тоже заметно. Итак, активный темный источник вообще мужчинам сильно мешает. Поди, пообщайся с дамой, которая от тебя шарахается. Разве что самые жадные соглашаются. Но дети у них рождаются... не особо сильные. Если вообще одаренные.

– Понятно.

Антония читала нечто подобное. Но в библиотеке Лассара все это было изложено так заумно... пока до сути докопаешься – озвереешь.

– Обычно бывает ровно наоборот, когда у бабы в предках темный затесался, и у мужика, а сами они вроде как обычные, иногда и без источника, а ребенок вдруг возьми, да и родись темным. И вот ему пару найти сложно. Дело в том, что темные-мужчины – у них все нормально. И детей делают, дай дорогу, и с бабами им в удовольствие. А вот у женщин-темных часто встречается бесплодие.

– Ох...

Антония поежилась.

Не то чтобы она хотела детей вот прямо сейчас. Но она же Лассара!

Последняя из!

Если она не сможет иметь детей, ее род пресечется! И все ее предки... она всех подведет. Вот что страшно!

Говорят – гордись своими предками! А что ты сделал, чтобы они тобой гордились? Антония могла хотя бы детей родить... или – не могла?

– У тебя, скорее всего, все нормально. Это когда отец – темный, а мать нет, вот тогда у бабы может быть бесплодие. А когда оба родителя обычные, или когда мать темная, обычно все в порядке. А если еще и отец одаренный...

Антония выдохнула.

– Тогда – да. А это можно как-то проверить?

– В храме.

Антония кивнула.

– Я проверю. Спасибо огромное.

С Долорес они почему-то на эту тему не говорили. К слову не приходилось.

– Вот потому темных магов и мало. Кстати – если ты себе такого найдешь, дети у тебя точно будут сильными темными. Так что – смотри.

Антония медленно кивнула.

Вот ей совершенно не хотелось искать темного мага. Она знала, кого ей хочется. Но...

– Я смотрю, уже кто-то к сердцу припал?

Антония опустила глаза.

– Мне там делать нечего.

– А что так?

– На земле живем. На него тетка уже глаз положила для моей кузины.

– Так отбей! Дел-то!

Антония покачала головой.

– Мигом из дома вылечу. А мне сейчас и идти некуда, и жить особо не на что. Хотела трапезницей куда устроиться...

– А диплом у тебя есть?

– Диплом?

– Это город, девочка. Здесь без диплома об окончании курсов тебя просто никуда не возьмут. Разве что полы мыть. Прислугу нанимают – и то ее сначала в агентствах учат. Как подать, как положить, как принести – встать – сказать... а ты как думала?

– Но травы-то я знаю!

– И никого это интересовать не будет. Без бумажки – ты букашка.

Антония на минуту понурилась.

– А закончить эти курсы можно?

– У тебя есть на это деньги?
– Эммм... честно говоря – нет. Наверное. Это дорого?
– Смотри что ты хочешь.
– Я травы знаю. И за больными могу ухаживать...
– Это тебе для лекарок курсы нужны... я не узнавала точно, но думаю, около ста – ста пятидесяти реалов.

Антония ахнула.

Цена для нее была неподъемной, о чем она честно и сказала.

– Ну так... попробуй, заработай денег, а потом и на курсы иди.

– Интересно, где я смогу столько заработать?

– У родственников попроси.

– Курсы не помогут мне выйти замуж.

– Кто знает, кто знает... они такое любят. Прихвастнуть...

Антония вздохнула.

Любят-то любят. Но вряд ли раскошелятся.

– Можно я еще приходить буду? Пожалуйста?

– Приходи, мне не жалко. А если еще поможешь пыль на шкафах вытереть – вообще благодарна буду. Возраст у меня уже не тот, по лестницам порхать...

Антония кивнула.

– Тряпку дадите?

– И лестницу дам. Вон, в углу...

Это был честный обмен. Они поболтали, и Антония понимала, зачем ее приваживают. Действительно, тяжело старухе. А если еще и темный источник...

Она-то не чувствует, и вообще, ей все равно. А кто другой? Да и характер к источнику прилагается не самый шелковый. Понятно, слуги и помощники с бабкой и не уживаются. А так – все честно.

Ее чаем напоили, она пыль протерла.

Никакой благотворительности.

Вот уж что Антония ненавидела пуще тараканов!

Держись, пыль! Мы с тряпкой уже идем к тебе!

К возвращению родственников Антония уже была дома. Честно рассказала тетушке, что выходила погулять по улице, но нагоняя не заработала. Она же не пленница, а в неприятности не ввязалась, проблем нет... ну так что же?

Не держать ведь девушку взаперти?
Да и не удержишь. Возраст такой, лучше где-то и припустить, чем потом получить взрыв и срыв.

А еще...

На заседание клуба заходил Эудженио. И на Альбу он смотрит очень ласково...

Ритане Розалии попросту было не до племянницы.

* * *

Нотариус – профессия сложная.

Надо не просто знать законы – надо идеально знать законы.

А еще надо уметь их применять, надо быть очень педантичным, въедливым, внимательным, надо уметь отстаивать свое мнение, надо, надо, надо...

Александр Мария Авиель был именно таким человеком. Невысокий, кругленький, рано полысевший, в огромных очках с роговой оправой, он совершенно не производил впечатления опасного человека.

Но!

Стоило ему найти в документах... нечто – и он вклещивался в ошибку с энергией голодного кровопийцы! И не отпадал, пока не высасывал из нее весь сок. Всю пользу...

Единственное, что раздражало почтенного нотариуса, что вносило нотку горечи в его вдохновенную работу и добавляло ему проблем – это клиенты.

Вот клиентов мэтр ненавидел. Хотя обожал свою работу.

Почему так?

Потому как человек – существо отвратительно непредсказуемое и вздорное. Сегодня он хочет одного, завтра другого, послезавтра – третьего... а кому, спрашивается, разбираться?

Нотариусу.

Только выбрал наилучший вариант, отработал его, проверил, восхитился красотой решения – и нате-здрасте!

Начинай сначала, съел козел мочало!

Вот как работать с этими людьми?!

Просто невыносимо...

Человека, который постучался к нему в дверь конторы, мэтр классифицировал сразу.

Пакость обыкновенная. И просить будет тоже о какой-то пакости. Хотя казалось бы – почему?

Стоит на пороге симпатичный мужчина лет тридцати, каштановые волосы, карие глаза с длинными ресницами, лицо – хоть сейчас на обложку книги и бабам показывать, весь тираж раскупят, улыбка...

И чего улыбается?

И нет! Ни при чем тут банальная зависть пожилого колобка к молодому красавцу! Ни при чем, сказано! Цыц!

– Что вам угодно, сеньор?

– Сеньор Авиель?

– К вашим услугам.

Хочешь, не хочешь, но упускать клиента – это расставаться с деньгами. А это грустно.

– Сеньор Авиель, у меня к вам серьезная просьба, можно даже сказать – личная.

– Слушаю?

– Я являюсь дальним родственником Даэлис Лассара. Наши бабушки были кузинами...

Молчание.

– Из надежного источника я узнал, что моя кузина осталась совершенно одна, и приехал ее поддержать...

Молчание.

– К сожалению, ритана Лассара уехала и не оставила мне ни письма, ни указаний. Но возможно, вы в курсе дела?

– Молодой человек, с вас шесть реалов.

– За что?

– За консультацию.

Молодой человек поморщился, но деньги на стол выложил.

Александр Мария аккуратно пересчитал монеты, сгреб их в ящик стола и указал посетителю на кресло.

– Итак, вы утверждаете, что являетесь дальним родственником Даэлис Серены Лассара, а также Антонии Даэлис Лассара.

– Да, сеньор.

– Ваши документы.

– Что?!

– Ваши документы. Более того, я хочу видеть вашу родословную, или мы можем запросить ее из архива, в течение часа.

Мужчина замялся.

– Мы можем обойтись без этих формальностей?

– Можем. За десять реалов.

Красавчик со вздохом выложил из кармана еще четыре реала. Нотариус покачал головой.

– Нет-нет, не *всего* десять, а *еще* десять реалов.

– Не много ли за ваши услуги?

– Сеньор, вы всегда можете заявить в полицейском участке, что я вымогал у вас деньги.

Сеньор заявлять не захотел. И добавил еще монет, которые так же закончили свой путь в ящике стола нотариуса.

– Сеньор, – скрипнул Александр Мария, – если бы вы проявили больше участия в вашей родственнице, вы были бы в курсе, что она уехала к родным.

– К родным?

– Да. У Лассара есть родные в Эсклоте, к ним Антония Даэлис и отправилась.

– Эсклот... это так далеко! Это точные сведения?

– Сеньор, я сам посадил девочку на поезд. Более того, я лично писал письмо к ее родным...

– Вы их знаете?

– Пока нет, но надеюсь познакомиться, как только они мне напишут или позвонят.

– Сеньор, умоляю, скажите, где искать кузину?! Я не останусь в долгу!

– Пятьдесят реалов!

– Сеньор!

– Ладно, пятьдесят пять. Уговорили...

– Но позвольте?!

– Шестьдесят. Моя совесть и моя честь нотариуса, сами понимаете...

Визитер понял, что ему проще заплатить, пока торг не пошел дальше, и выложил еще монеты. Александр Мария улыбнулся.

Замечательно.

Теперь он купит жене новое шелковое платье, о котором та мечтает. И дочке тоже. А внучке можно выписать из города целлулоидную куклу. И сыну помочь...

– Эсклот. Поместье Саралас. Тан Саралас, как я понял, дальний родственник ританы Антонии. По линии ее бабушки.

– Благодарю вас, сеньор. А теперь...

– А теперь, полагаю, вы хотите со мной вежливо попрощаться? – улыбнулся Александр Мария.

– Э...

Вообще-то визитер намеревался вернуть свои деньги. Придушить немножко наглеца, выгрести наличные и убраться. Но...

Скрипнула дверь.

Клиенты – они бывают разные, а потому Александр Мария всегда держал при себе не секретаря, а компаньона. Симпатичного пса породы мастиф по кличке Алекс.

– Рrrrrr? – вопросительно уточнил Алекс.

– Да, дружок. Наш гость уже уходит.

Гость подскочил с кресла и закивал головой.

Да, он уходит.

И быстро.

И вообще, он уже ушел.

– Саралас?

– Да, сеньор.

– Прощайте.

– И вам всего самого лучшего.

Когда за визитером закрылась дверь, сеньор Авиель погладил пса – и тихонько фыркнул.

Дилетанты!

Болваны!

Был бы этот тип чуточку поумнее гусеницы, понял бы то, что сразу же понял мудрый нотариус.

Лассара.

Саралас.

Анаграмма...

Антония Даэлис явно кого-то побаивалась. Не этого ли типчика?

Вполне возможно. Что ж, пусть ищут Сараласов. А он действительно написал письмо в Эсклот. Но что-то ему подсказывало,

что там Антонию Даэлис Лассара не обнаружится.

Впрочем – это не его проблемы. Он ведь видел, как типчик касался часов в кармашке на жилете. И... нет, не видел. Но у любого нотариуса есть прибор, настроенный на определение магии. У типа в кармане определенно было что-то такое...

Кристалл правды?

Их слишком сложно зачаровывать. Да и размер там... с человеческую голову. Но может быть, некий аналог...

Вся прелесть ситуации в том, что нотариус не соврал. А о размышлениях его не спрашивали.

Глава 5

– Мамочка, это ужасно!

– Альба, прекрати. Пятно, конечно, некрасивое, но ничего трагичного я в нем не вижу.

– Но это моя любимая пара!

– У тебя туфель – половина гардероба!

– Мамочка! Но это же бальные... и я хотела в них пойти на маскарад...

Ритана Розалия вздохнула.

Да, с этим было сложно спорить. Ах, маскарад!

Раз в два месяца в столице обязательно устраивались маскарады.

Для всех.

Понятное дело, простонародье веселилось в своем кругу, знать – в своем. Для знати специально закрывался парк Кардарера, оцеплялся полицией, и люди веселились в свое удовольствие.

Простонародье же гуляло на улицах столицы.

Конечно, к маскараду готовились загодя. Костюм, маска, туфельки... и вот, на туфельке из золотистого шелка, которую должна была надеть Альба, красуется гадкое грязное пятно.

– Но откуда?!

– Наверное, горничная поставила рядом уличную пару! И не вычистила! – топнула ножкой Альба.

– Я с ней разберусь, – нахмурилась Ритана Розалия. – Ладно, закажем новые туфли. Но я сейчас не смогу с тобой съездить...

– Мама!!! – вопль был исполнен истинного страдания.

Ритана покачала головой.

– У меня встреча с ританой Ладерис. Я не могу ее пропустить. А Паулина себя плохо чувствует...

– Мама, у меня отличная идея! – глаза Альбы сверкнули искрами. – Пусть со мной съездит... вот, она!

Пальчик, украшенный тщательно отманикюренным ногтем, уперся в Антонию.

– Я?! – едва не подавилась омлетом девушка.

– Ты! И кстати, мам, надо будет подобрать ей костюм для маскарада! Или ты хочешь оставить кухню дома?

Кто больше ошалел от этого вопроса – было сложно сказать. Или ритана Розалия, или Антония... переглядывались они обе одинаково расширенными глазами. Ритана понимала, девушки не сговорились. Такое не подделаешь.

Вообще-то именно это ритана Розалия и хотела сделать. Зачем ей на маскараде еще одна обуза? За своими двумя уследить бы! Но не озвучивать же такое вслух?

Поэтому...

– Я об этом не подумала... действительно, у нас остался твой прошлогодний маскарадный костюм? Надо отдать его Рите, пусть подгонит по размеру.

– Ага...

– А туфли... – ритана Розалия прошла взглядом по фигурке племянницы и была вынуждена констатировать печальный факт. – Твои не подойдут. Тони ниже ростом, и ножка у нее меньше. Но ступня шире.

Антония кивнула.

А попробовали бы вы бегать босиком до холодов! Мигом бы лапка «растопталась».

– Ладно. Съездите, купите туфли Антонии, ну и тебе, конечно.

– Мамочка!!! Ты чудо!!!

– Возьмите мобиль...

– Мама, но его отец взял!

Ритана Розалия поджала губы. Но Альба тут же нашла выход.

– Да мы пешком дойдем, тут десять минут!

– Пешком?

– Мамочка, ну что в этом такого?! Соседняя улица! Ладно, через одну! И мы вдвоем будем!

– А если вас кто-то обидит? Пристанет?

– К двум ританам?

– Подонков много, Альба.

– Мамуся, ну прошу тебя!

И что тут было сказать?

– Ладно. Сходите. Одевайся, я сейчас достану деньги.

– УРРРРААААА!!! – завопила Альба Инес и бросилась целовать мать. А потом помчалась переодеваться.

Ритана Розалия грозно посмотрела на Антонию.

– Если что-то случится... ты меня поняла?

– Да, тетушка Розалия. Я пригляжу за Альбой.

– Уж будь любезна.

Можно подумать, у Антонии был выбор. Но если бы ее спросили – Альба точно что-то задумала.

Вот кто бы сомневался.

Стоило им за забор особняка выйти, как Альба Инес развернулась к Антонии.

– Слушай меня внимательно, приживалка! Будешь делать так, как я скажу!

– А то что? – подобными наездами Антонию было не запугать.

Слова?

А драться вам не приходилось? Да с парнем, который в два раза тяжелее?

– А не то скажу, что ты у меня кольцо стащила! Вылетишь в два счета, еще и в тюрьму угодишь!

Антония едва не рассмеялась в лицо оторопевшей красотке.

– Скажи, скажи! Испорти себе будущее на всю жизнь! То ли ты украла, то ли у тебя украли... век оправдываться будешь!

– Ах ты дрянь!

– Дрянь, дорогуша, это ты! А я – дрянь с проявленным темным источником. Мамочка тебе не сказала?

Рот у Альбы Инес открылся.

Даже если сказала, видимо, красотка в это время была занята чем-то более важным. Ноготками, к примеру. Или прической.

– Уж проклясть я тебя всегда успею. Сейчас не смогу, так потом время выберу – на тебя и нищий под забором не позарится.

Судя по тому, как девушка побледнела, подобного ответа она не ожидала. Но – зеркало.

Как вы ко мне, так и я к вам. Вот и все.

И Антония закончила уже более примирительным тоном.

– Стоит ли нам ссориться? Может быть, я и так помогу? Без угроз?

Альба прищурилась.

– И с чего ты такая добрая?

– Я тебе помогу, ты мне. Что тут удивительного? Мне в жизни устраиваться надо... думаешь, меня твои родители выгодно замуж выдадут?

Альба сморщила носик.

– Разве что с их точки зрения.

– А мне за толстого и старого вдовца с шестью детьми не хочется.

Альба соображала быстро. Тем более что у нее была та же проблема.

– Я тебя прикрою, ты – меня?

– Почему нет? Только в доме меня будешь третировать, ругаться и жаловаться, поняла?

Альба нахмурилась. Потом сообразила и кивнула.

– А ты?

– А я буду плакать и говорить, что ни в чем не виновата.

– Можно попробовать.

– Перед возвращением выберем, о чем мне наябедничать. И за что ты на меня злиться будешь, – кивнула Антония.

Альба посмотрела на нее более благосклонно.

– А ты не дура.

– Была б я душой – уже умерла бы.

Это Альбу как раз не заинтересовало. Ну и умерла... ей-то какая разница? А вот что выжила и здесь оказалась – куда как интереснее. И в своих целях можно использовать.

– Продашь меня – голову оторву!

– Я голову не оторву, – не осталась в долгу Антония. – Но ты сама повесишься.

Девушки переглянулись и уверенно зашагали по направлению к лавке.

Туфли сеньора Риколетти

Вывеска была нарочито скромной. Ни позолоты, ни завитушек.

– У него лучшие туфли во всем Римате, – шепотом просветила Альба провинциальную кузину. – Берет, конечно, дорого, но шьет замечательно. И быстро.

– Зачем ты туфли испачкала? – шепотом поинтересовалась Антония.

Шепотом, потому что девушки входили в лавку.

Альба прищурилась на кухню, но ответить не успела – перед ними в поклоне согнулся приказчик.

– Ританы, прошу вас...

Закрутился с поклонами, предлагая товар, но Альба повелительно махнула рукой.

– Я – ритана Аракон. И мне нужны определенные туфли! Позовите мастера!

– Сейчас, ритана! Прошу вас минутку подождать...

Приказчик еще раз поклонился – и удрал за занавеску. Антония вопросительно посмотрела на девушку.

– Ну так?

– Мне надо было кое с кем встретиться. Ты подольше заказывай туфли...

– Я?!

– Сначала я, потом ты...

– Ага. Как раз успеет подойти тот, с кем ты договорилась, – сообразила Тони.

А что тут думать? Схема примитивная. Сейчас приказчик телефонирует клиенту, и тот приедет, пока Альба подбирает обувь по ноге. Это процесс длительный, и провести его в отсутствие заказчика никак нельзя. Не перчатки.

А потом будет подбирать обувь Антония. И даст Альбе с полчаса общения... с кем?

Глухо стукнуло сердце.

Он?!

Антония прикусила изнутри щеку, запрещая себе даже думать об этом.

Не надо! Потом, Тони, все потом...

Мастер Риколетти появился из подсобки примерно через десять минут, когда Альба успела раскритиковать половину товара на полках.

– Ританы? К вашим услугам!

– Мастер Риколетти, – Альба похлопала ресницами и протянула ему испорченные туфельки. – Это просто ужасно!

– Варварство! – согласился мастер. – Отвратительно.

– Можно ли это исправить?

– Можно. Но если я правильно помню, ритана Аракон, вы заказывали эти туфли для маскарада.

– Сеньор, ваша память, как всегда, точна.

– А я не успею за два дня.

– Поэтому мне нужны новые туфли. И моей кузине – тоже.

– Кузине? Хм...

– Ритана Лассара тоже будет на маскараде. В костюме цыганки. Ей нужны красные или черные туфли...

– Лучше черные, – тут же вмешалась Тони. – Возможно, с красной аппликацией...

Красные ей потом не пригодятся, а черные она сможет носить.

– В виде бабочек? Или маков? А может, в виде змей? Красных? – задумалась Альба. Показательно прижав палец ко лбу... – Это надо подумать! Мастер!

Судя по лицу мастера, цена туфель увеличится минимум втрое. Что ж. За все надо платить – и лучше чужими деньгами.

Антония развела руками, и мастер принялся разбираться с туфлями для Альбы.

Цвет, оттенок, каблучок, вышивка, плюс еще сорок дюжин капризов...

Антония ждала.

Звякнул колокольчик над входной дверью, девушка повернулась – и сердце ее пропустило удар.

* * *

Эудженио был прекрасен.

Даже – Прекрасен!

Восхитителен и неповторим! Простой серый костюм сидел на нем так, что мужчины всего мира могли бы преисполниться черной зависти. Золотые волосы растрепал ветер, и непослушные завитки спадали на высокий чистый лоб. Голубая рубашка оттеняла голубые глаза, а улыбка...

Сердечко Антонии зашло в стремительном ритме. Похолодели пальцы, участилось дыхание... Но – напрасно.

Эудженио видел только Альбу. Ей улыбался, ей заглядывал в глаза...

– Ритана Аракон! Какая встреча!

Ритана Аракон расцвела маковым цветом. Не научилась еще врать с такой же непринужденностью.

– Тан Валеранса! Я счастлива вас видеть!

– Я не знаю, как это у вас получается, но сегодня вы еще очаровательнее, нежели вчера. И окончательно разбиваете мое несчастное сердце.

– Я никогда бы не осмелилась...

– О, ритана! Я бросил бы вам под ноги мир, лишь бы грубая реальность не коснулась и подошвы ваших туфелек...

Мастер Риколетти посмотрел на одну, на второго – и аккуратно уточнил:

– Ритана, вас устраивают эти туфли?

– О, да! Да, конечно, – отозвалась ритана, только что назвавшая эти туфли «шедевром кораблестроения» за острый нос и низкий каблучок. Ничего страшного, но ступня в такой туфельке кажется чуточку длиннее, чем есть на самом деле. Глаза мастера блеснули злорадством.

Антония промолчала.

Хотя и подозревала, что именно в этих туфлях кузина окажется на маскараде. Ну так... сама виновата!

И вообще...

Что вообще и в чем виновата Альба – Антония не ответила бы. Но было очень обидно. Потому что она сейчас страшенькая, потому что Эудженио улыбается не ей, потому что...

Обидно же!

Что тут непонятного?!

Конечно, полностью уединиться парочке никто бы не позволил. Но вот удалиться в дальний угол лавки и любезничать там над туфлями, пока Антония примеряла очередное творение мастера Риколетти – запросто.

Впрочем, девушка и мастер легко нашли общий язык.

– Вы, ритана, небогаты, верно?

Сложно было не догадаться.

– Да, мастер Риколетти.

– Тогда я вам предлагаю кое-что другое...

«Другим» оказались туфельки из мягкой кожи. Не шелковые, нет...

– Прослужат долго, кожа с пропиткой, – объяснил мастер. Закругленный нос, невысокий каблук в три пальца, подошва из жесткой кожи, металлическая подковка на каблучке, два ремешка крест-накрест на щиколотку.

Черная кожа ласкает пальцы...

Антония погладила ее кончиком пальца, как кошку.

– Красиво...

– Пощупайте здесь, ритана.

Ритана послушалась.

– Носок... жесткий.

– Да. Там тоже небольшая вставочка. На случай, если вас попробует поцеловать кто-то неприятный.

– Да? – заинтересовалась Антония.

– Очень удобно пинать носочком туфельки в голень, – объяснил мастер. – Поверьте, сносу не будет!

– А какие устойчивые!

– Попробуйте, покружитесь!

Девушка выполнила просьбу. Крутанулась на каблучке, на втором – равновесие держалось идеально.

Антония принялась горячо благодарить. А потом спохватилась.

– Ох! А аппликации?!

– Не переживайте, ритана. Я их прикреплю буквально на бумажный клей. Потом вымоете туфельки с мыльным корнем, и все отстанет.

– Спасибо вам огромное! – поблагодарила Тони.

Она не видела, как в задней комнате мастер отвешивал подзатыльники своему приказчику.

– Болван! Идиот! Кретин!!! Никогда не помогай благородным в их шашнях! Сколько б ни сулили! Они между собой разберутся, а ты виноват останешься!

Уж что там дошло, чего не дошло...

Но мастер отлично разобрался в ситуации. Ясно же!

Вот она, ритана, вот он – тан. Закрутили-замутили... девчонка при ритане – явно приживалка. Такая возражать не станет, донести не посмеет.

Да и жалко ее. А если есть возможность помочь, да за чужой счет... припишет мастер немножко к счету ританы, а достанется вещичка получше ее спутнице. Ибо Альба, ошалев от собственного очарования, не давала спуска никому. И мастера это раздражало.

А еще...

Как бы вы отнеслись к тому, кто намеренно портит вашу работу? Уж не дурнее Антонии оказался мастер Риколетти! И решил взять виру за моральный ущерб!

Пусть платят!

Пока примерка, пока приклейка, пока то да се...

Антония выполняла указания мастера, а сама нет-нет, да и косилась в угол, где, склонив друг к другу темную и золотую головы, сидели двое.

Сидели и разговаривали о чем-то. А мужчина завладел рукой девушки и перебирал тоненькие пальчики, украшенные дорогими кольцами.

И было ужасно обидно...

И колола ревность. Злая, несправедливая, жестокая... она бы тоже так могла!

Если бы мама была жива...

Если бы отец не спился...

Если бы...

Почему – не она?!

За что?!

Мастер Риколетти смотрел на это представление грустными глазами. А потом подумал и умножил цену за туфельки ританы Аракон еще на два.

Так, для профилактики...

На улицу все трое вышли вместе.

– Ритана, вы позволите вас проводить?

– Эудже... тан я была бы счастлива. Но пока родители не разрешили, наверное, не стоит.

Тан огорчился.

Антония... то ли огорчилась, то ли обрадовалась.

С одной стороны – Он сейчас уйдет. А так она могла бы смотреть на любимого человека еще какое-то время.

С другой... разве легко смотреть, как твой любимый человек нежно наклоняется к другой женщине? Как смотрит восхищенными глазами?

Как улыбается ей? Как бережно подает руку, переводя через порог, так, словно она – величайшая драгоценность.

Почему так душно?

И почему так хочется то ли кричать, то ли плакать, почему хочется то ли вцепиться в тщательно уложенные локоны Альбы, то ли схватить за руку Его...

Эудженио, самого идеального мужчину, которого она видела, и умолять, умолять... обратить на ее внимание?

Не смотреть на Альбу?

Почему, ну почему он не понимает, что Антония может составить его счастье? Альба не сможет, она слишком глупая, подлая, злая... даже если она не такая, она все равно его счастливым не сделает! А он достоин счастья!

Антония это точно знала!

Она могла бы сделать его счастливым, могла...

А он!

Почему, почему, почему?!

Ответа не было.

Альба распрощалась со своим... нет! Он пока еще не ее!

Не ее!

Не Антонии, но и не этой подлой дряни!!!

Альба распрощалась с Эудженио – и направилась к дому.

– Туфли принесут сегодня вечером.

– Да, – бесцветно отозвалась Антония.

Впрочем, Альбе плевать было и на цвета, и на голос... спустись к ней лично Творец Единый, она бы и на того внимания не обратила!

Ах, Эудженио!

Такой красивый, богатый, знатный – и ее!

Мама будет счастлива...

Подруги помрут от зависти...

Паулина первая – ей, страшилке, такое счастье не перепадет, пусть и не облизывается...

Антония?

Кого интересует мебель? Вы еще у табуретки спросите, что она себе думает?

А как они будут вместе смотреться? Он, в военной форме, она в роскошном бальном платье, он ее кружит, кружит по залу...

А еще они могут быть представлены ко двору.

Тут еще была своя тонкость. Вот Антония Лассара, несмотря на своеобразие своей фамилии и всю ее славу, несмотря на скандал, бедность и темный источник, могла быть представлена ко двору и принята со всей благосклонностью.

Ибо предки ее столетиями служили короне, благородство происхождения не вызывает сомнений, семейная история – ах, какая романтика, а бедность не порок.

Темный источник в худшем случае мог стать причиной сплетен. На недельку.

А вот Альбу Инес Аракон ко двору если и представят, то девушке придется там ох как несладко. И хорошее место она не получит, и отношение к ней будет плохое – происхождение.

Понятно, что купцы тоже служат короне, хотя и на свой лад, и уважают их не за красивые глаза, но...

Но!

Примирить родословную и деньги не просто сложно – ОЧЕНЬ сложно. Да, можно пользоваться. Но равными себе считать нельзя. Не станут.

Альбе это было ужасно обидно. Но как дочь Розалии Аракон она легко стала бы придворной мишенью для остроумия.

Как супруга Эудженио Валеранса?

Зависть?

Безусловно! Но никак не насмешки и не остракизм.

А значит...

Какие недостатки у Эудженио Валеранса?

Он молод, красив, умен, обаятелен, он отставной военный (ах, они так шикарно смотрятся в своих мундирах!), он знатен и богат... так какой у него недостаток?

Только один.

Он до сих пор не сделал Альбе предложение!
Что ж! Все еще впереди! Альба была настроена решительно.
Победа или смерть? Фи, какие глупости!
Только победа!

Туфли доставили к ужину. И счет – тоже.
– Почему так дорого? – возмутилась счетом ритана Розалия.
– Дорого? – удивилась Альба. – Мама, я должна выглядеть лучше всех!
– Под маской все равно будет не видно, как ты там выглядишь, – хихикнула Паулина.
– В твоем случае и маска не поможет, – цыкнула на сестру Альба. – Твою фигуру скрыть – это паранджа нужна, а не маска.
Паулина покрылась красными пятнами, вскочила и выбежала из-за стола.
– Альба Инес! – рявкнул Адан Аракон. – Извинишься перед сестрой.
– Да, папа, – Альба отлично знала, когда лучше не показывать характер. Ну, Паула! Получишь ты у меня!
– И что там с ценой туфель?!
– Наверное, это за две пары, – наивно предположила Альба.
– Нет. Это только за твои туфли, – отрезала ритана. – Посмотри сама.

Альба бросила взгляд в бумажку.
Да, ее туфли почти в пять раз дороже, чем у Антонии. И что?! Она любимая дочь, она красива, умна, обаятельна, ей надо охотиться на самого шикарного мужчину всей столицы...

Это она родителям и сказала.
Мать покачала головой.
– Детка, если так транжирить деньги...
– Мама, но я же не каждый день?
– Да, только каждую неделю.
– Мааааааам!
Альба скорчила рожицу. Поныла, и с удовольствием увидела, как папа подписал счет. Но это естественно!
Кто самая очаровательная девушка столицы?!
Она!

Она обязана выглядеть лучше всех! И будет!

Платье лежало на кровати, делая Антонию удивительно несчастной одним своим видом. Рита суетилась рядом.

– Давайте, ритана. Надевайте. Сейчас подберем волосы, подколем, где надо, а я и прихвачу. Тут и работы – чуть!

Антония повиновалась.

Альба была более фигуристой. Волосами ее творец обделил, а вот грудью...

Зато у Антонии грудь печально провисала на том месте, где должна была задорно наполнять лиф. Увы...

– Может, ваты подложить? – предложила Рита.

Антония покачала головой.

– Лучше ушить. Ни к чему...

– И то верно. У меня подруга так подложила, да заплясалась с парнем, смотрит – одна грудь на полметра вниз уехала. Утряслась, значит...

Антония фыркнула.

Да уж!

Хотелось ей красивые формы, хотелось! Но – не стоит! Да и нельзя...

Приживалка не должна быть красивее хозяев... проклятая серо-мышьяная шкура! И никуда не денешься! Пока у нее нет выбора!

А платье было красивым.

Алое, из плотной ткани – не шелк, но тоже красиво. Широкая юбка – и под нее две нижних, алого и черного цвета, оборки, чтобы можно было ей взмахнуть покрасивее. Облегающий лиф с искусной вышивкой. Вырез...

– Как ты думаешь, можно его кисеей затянуть?

– Вырез? Не надо, ритана. Ни к чему.

– Я...

Антония красноречиво показала на прыщи в декольте.

– Шаль накиньте, ритана. Вот и красиво будет, и в тему. Не идет сюда кисея, сами понимаете.

Антония понимала.

Идея пришла внезапно.

Средство, которое ей дали – оно на магии.

Кто-то мешает ей взять с собой оба флакончика? Или того проще – протереться дома? И показаться на маскараде, хоть и под маской, но в своем естественном виде?

Без грима?

И может, даже потанцевать с Эудженио в таком виде?

Ну... хоть на глаза ему попасться?

– Сюда, наверное, надо волосы распустить?

– Как еще на это ритана Розалия посмотрит?

Антония только вздохнула.

– Плохо. Ладно, лента у меня есть.

– А тут вот, и поясная сумочка есть...

Определенно, жизнь подталкивала девушку к безрассудству!

* * *

Молитвы, молитвы, еще раз молитвы... какая ж это гадость!

Антония учила их и была только рада отвлечься, когда в комнаты влетела разъяренная Рита.

– Козел!!! Сын шлюхи!!!

– Кто? – с интересом спросила Антония, откладывая в сторону надоевший сборник.

– Роман!!!

Антония посмотрела с удивлением.

– Роман? А что случилось?

– Этот... эта сволочь...

А что может сделать сволочь? Да в углу прижать в очередной раз и под юбку полезть. Рита, будучи девушкой крепкой, саданула нахала в причинное место и в очередной раз пообещала все оторвать. Тем и кончилось.

Антония невольно заинтересовалась.

– Рита, а почему Роман себе столько позволяет? Ко мне он приставать пытался, хотя и ритана, к тебе... у него там – бешенство?

– С...а он! – грубо ответила Рита. За это время они с Антонией не то чтобы сдружились, но относились друг к другу вполне хорошо. – ... и...!

– Это понятно, а все же?

– Он родственник ританы Розалии, – выдала страшную тайну Рита.

Антония аж рот разинула.

– Серьезно?

– Тут целая история, – Рита уселась на постель, Антония кивнула, разрешая, и показала на поднос с плюшками, вареньем и лимонадом. Старший повар после совместных походов на рынок проникся к Антонии определенной симпатией. Девушка неглупая, торговаться умеет, продукты покупает хорошие – можно ее и побаловать. А вот прислуге такой роскоши не перепадало, поэтому Рита взяла за привычку утаскивать у Антонии парочку плюшек. Молодость, аппетит здоровый, да и работы хватает. А тут – скажешь, что ритана тебя попросила об услуге, и хоть отдохнуть чуток можно.

Антония не стала спорить.

И получила свою награду – ключ от садовой калитки, который вообще-то не положено было давать прислуге. Чего им туда-сюда шляться, господ в известность не ставя?

Но...

Мало ли что? Мало ли кто?

Вот и ходил ключик по рукам, вот и делались копии... Араконы, конечно, догадывались, и время от времени запор на калитке меняли. Но хватало этой меры ненадолго.

– Какая история? – Антония сунула надоевшие молитвы в стол, хоть ненадолго с глаз долой, и тоже потащила с блюда плюшечку.

– Ну так ритана Розалия в девичестве же Мондиго!

– Да. Дочь купца.

– Вот! И отец ее, Хорхе Луис Мондиго, известный торговец пряностями, травами... да много чем он торгует... вы его, ритана, еще не видели.

– Он живой еще?

– Чего б с ним случилось? Еще и стариком себя не считает, постоянно норовит кого посмазливее ущипнуть или облапить.

Тони сморщила нос. Но математика – коварное явление. Если ей восемнадцать, то ритане Розалии около сорока лет, точнее она не знала. А значит, ее отцу может быть в районе семидесяти. Нет, не возраст для мужчины.

– А при чем тут Роман?

– Так лет тридцать тому у него связь была с какой-то путаной. Вот и Роман родился. Что уж там с его матерью было, неизвестно, сам он помалкивает, но точно знаю, что ему было лет пятнадцать, когда он к отцу явился.

– Тот пришел в восторг?

– Ага, – хохотнула Рита. – Особенно его супруга. Говорят, половина сервизов в доме пострадала. И голова мужа заодно.

– Как это... непрактично, – посетовала Антония. – Я бы взяла сковородку или скалку. Небьющиеся.

Девушки переглянулись и прыснули.

– Ну так то вы, ритана. А там началось... веселье. А все ж – сын. На помойке не бросишь. Но и супруга твердо сказала, что в ее доме этой нечисти не будет.

– Ага...

– Пробовал купец его в торговлю пристраивать, но что-то там не сложилось. Вроде как воровать Роман начал или на непотребных девок все спускать...

– Верю, – кивнула Тони.

– Кто другой его и подавно не потерпит. Вот и пришлось пристраивать незаконного сына к зятю.

– А ритана Розалия...

– Скрипит зубами, но терпит, чтобы материнский покой не нарушать.

Антония задумчиво кивнула.

Действительно, будешь тут и скрипеть, и терпеть, чтобы незаконный сынок глаза матери не мозолил. Хотя лакей он вроде как неплохой?

Этот вопрос она Рите и задала. И получила в ответ кивок.

– Ну да. Сам-то Роман так ни к чему особо не приспособлен, мозгов у него не хватает свое дело начать или еще как в жизни устроиться. А тут и при деле, и смотрится неплохо...

– Потому он и попытался, – кивнула своим мыслям Тони.

– Да не только, ритана, – хохотнула Рита. – Вы сами подумайте, вроде как девица, из деревни, то ли оставят ее в доме, то ли нет, а нравы, говорят, в провинции вольные? Вот он и разлетелся, мол, я ее поддержу, а она меня отблагодарит...

– И как он меня поддерживать собирался? За какое место?

– Так рассказать, что и как в доме, с кем дружить, с кем враждовать...

Антония фыркнула и вонзила крепкие белые зубки в плюшку. Так раскрылась ей еще одна тайна горделивого семейства Араконов. Но почему-то она не сомневалась – не последняя.

* * *

– Сеньора Луиса?

Антония забежала к владелице магазинчика совсем ненадолго. И тайком.

Да, у нее уже появилась своя тайна, маленькая, но все же. Ключ был, калитка была – почему бы и не прибежать пару раз к хорошей знакомой?

Ладно-ладно, не так, чтобы хорошей, но ведь других и вовсе нет? А с сеньорой Луисой можно не притворяться.

– Тони, рада тебя видеть!

– Что-то случилось? – правильно определила радость Антония. – Чем я могу помочь?

– Ты ж темный маг, хоть и непроявленный...

– Ну да.

– Можешь со мной сходить?

– Куда? – удивилась Антония.

– Стервятничать, – коротко и емко выразилась сеньора.

Антония посмотрела, ожидая продолжения. И сеньора Луиса рассказала, что люди, увы, смертны. Это плохо. Но для ее маленького дела хорошо, что после людей остается наследство. И часто – наследники, которые плохо представляют его ценность.

Вот тут и приходит к ним в гости сеньора Луиса.

От служанок, от своих агентов она знает, кто, где, что, когда... приходит и предлагает свои услуги. Иногда – очистить дом, вывезя все старье на помойку, да и такое бывает. Ей даже за это доплачивают.

Стоит ли говорить, что антиквариат отправляется не на помойку, а в магазин?

Иногда покупает за песеты то, что в других условиях стоит полноценные реалы. Иногда и полную цену платит, зная, что отобьет

свое в другом месте.

Вот, к примеру. Фигурки мастера Маринеско стоят бешеных денег. Фарфор, который он создавал, не теряет своего очарования и спустя века. Цвета яркие, лица словно живые... энергетика от них такая – вот коснешься и они оживут! И они пользуются бешеным спросом.

Такую фигурку сеньоре отдали за пятьдесят реалов. Дамы с собачкой.

Но продала она ее за тысячу пятьсот реалов.

Антония рот раскрыла от названной суммы.

– Но... почему?

– Потому что знаю коллекционера, который хотел дополнить серию. Маринеско творил именно сериями. К примеру, парк. Дама с собачкой, мужчина с тросточкой, играющие дети, дуэнья на скамейке, монашка...

– Ага, – сообразила Антония. – А если серия не полна...

– Коллекционер – это болезнь. Не опасная, но почему бы ей и не воспользоваться?

Антония кивнула. Она это понимала.

– И сейчас...

– Я предлагаю тебе сходить со мной.

– С вами? Но куда?

– На закупку.

– Я в антиквариате не разбираюсь, – честно созналась Антония. – И про этого... маль... нес... Маринеско! В общем, я одну фигурку от другой не отличу.

– А это и не требуется.

– Да? А что тогда?

– Твои способности практически проявленного темного мага.

– Ой...

На большее Антонии и не хватило. Сеньора посмотрела с улыбкой.

– Откуда я узнала? Догадалась.

– Но как?!

– Я ж не Араконы, мне умом жить приходится, – отмахнулась сеньора Луиса. – Что ты темный маг, это понятно. А что проявленный... догадаться можно.

Антония кивнула.

Чем проявленный маг отличается от непроявленного?

Проявленный свободно пользуется своими способностями. Непроявленный – не пользуется. Не может. Способности у него есть, но латентные, нераскрытые.

Впрочем...

Забавная шутка природы.

Светлый маг может пользоваться своими способностями хоть с младенчества. Просто пока ему не исполнится двадцать два года, он контролирует не всю свою силу. А еще может перегореть.

Если сравнивать – светлый маг это система, опутанная каналами. Они постепенно раскрываются и пропускают все большее количество силы. Причем либо они раскрываются, либо нет.

Темный маг – это та же система каналов, но незаметная. До... а вот тут – нет. Не до совершеннолетия. До инициации.

А вот до той поры...

И темные, и светлые маги могут тренироваться, могут развивать каналы, но станут они проявленными или не станут – большой вопрос. Это сложно, муторно, неприятно, надо проводить определенные ритуалы, а будет польза или нет?

Неизвестно.

Обычно маги ждут совершеннолетия, определенности, а уж потом начинают развивать свои силы.

Но!

Есть одно исключение.

Сила мага может включиться раньше, в случае серьезного потрясения, угрозы жизни... да любой стрессовой ситуации. Но стресс должен быть такой, чтобы перетряхнул все мироздание.

К примеру, для девушек – первый интимный опыт частенько становится таким стрессом. Да и для мужчин иногда тоже.

Чья-то смерть может стать таким поводом.

Известен случай, когда маг, у которого сила не проявилась после совершеннолетия, в отчаянии забрался на колокольню и бросился вниз головой.

И что вы думаете?

Полетел!

Стресс так сработал.... Правда, желающих повторить его подвиг пока больше не было.

И опять начинаются тонкости, проблемы... включить силу ты раньше времени можешь. А вот применять ее... это как курицу мечом разделявать. Вроде и металлический, и острый, но наплачешься.

Вот Антония и не применяла. Источник у нее был вполне себе проявленный...

– В храме не заметили.

– Так в храме и не ждали, насколько я понимаю. Ты молодая девушка, находиться с тобой рядом несложно... кстати – ты как-то блокируешь свою силу?

Антония кивнула.

– Покажешь?

Девушка покачала головой.

– Нет. Это долго и не слишком прилично.

Сеньора хмыкнула.

– А применять свои способности ты сможешь? С этой маскировкой?

– Вы мне так и не сказали, зачем они вам понадобились.

Сеньора Луиса кивнула.

– Два дня назад умер сеньор Саларанса. Понимаю, тебе это ни о чем не говорит. Но при жизни он был... нет, не коллекционером, а скорее, сорокой. Есть такие люди, которые коллекционируют нечто одно. Как фарфоровые фигурки, монеты, марки...

– Понимаю.

– А есть – сороки. Тащат к себе все интересное, на что взгляд упадет. Может попасться жуткая гадость, может ценный предмет – не угадаешь. И с его наследниками я неплохо знакома.

– Они вам разрешили выкупить, что понравится?

– Да. А ты мне нужна, чтобы выбрать лучшее, – честно призналась сеньора. – Я знаю, что темный дар позволяет определить, есть ли в вещи магия... была ли, может, увидеть ее следы. Сможешь?

– Смогу, сеньора.

– Сделаешь? Я тебе заплачу честно, один процент от цены, которую возьму за отобранные тобой вещи.

Антония сморщила нос.

– Пять процентов! Хотя бы!

– За то, что ты просто посмотришь? Побойся Творца!

– Боюсь. Но денег у меня просто нет.

– Деньги не нужны для царствия небесного.

– Я пока еще на земле...

Женщины раскраснелись, получая громадное удовольствие и от торговли, и от безобидных подколов. Сошлись на двух процентах и ударили по рукам.

– Только надо будет как-то меня замаскировать, – спохватилась Антония. – Вряд ли дядя и тетя... вы понимаете, они это сильно не одобряют.

– Чего уж тут непонятного. Предлагаю тебе пройти вон в ту комнату и переодеться. И не удивляйся.

Антония послушалась.

Маленькая комната была занята почти полностью. В ней помещались два комода, кровать, стол и три стула. Вот на кровати и лежала одежда.

Мужская.

Антония даже головой помотала, но пиджак и брюки никуда не делись. Пришлось выглянуть наружу.

– Сеньора, но я же...

– Все правильно. Ты попробуй, надень. И толщинки подложи на плечи, а талию не трогай, поняла?

– Вы уверены?

– Ритана Лассара, не тратьте время, оно не бесконечно, – строго оборвала ее пожилая женщина.

Тони махнула рукой и принялась переодеваться.

Черный костюм, как ни странно, был ей лишь немного великоват. Но брюки свободно падали, драпируя худощавые бедра, длинный пиджак прикрывал попу, жилет прижимал и без того не слишком выдающуюся грудь, жабо на рубашке успешно маскировало остальное, а с подложенными толщинками в плечи вообще фигура получилась... странной.

– Отлично! – кивнула сеньора. – Мальчишка, который хочет выглядеть старше. Ну-ка, иди сюда...

Тони и опомниться не успела, как ей затемнили карандашом подбородок и верхнюю губу. Вроде как зародыши щетины...

– Ой!

– Не переживай, сейчас все смоем. Смотри, как красиво получилось. И волосы стяни в хвост...

– Он длинный.

– Тогда заплети в косу, а потом спрячем ее под пиджак. Вот так, смотри? И шляпу сверху... красавец?

Тони оценила. Вздохнула.

– Очки бы...

– И очки есть. Подожди секунду.

Круглые очки с затемненными стеклами дополнили образ, и Тони махнула рукой. Вот уж – воистину....

В зеркале отражался мальчишка, лет семнадцати, которому отчаянно хотелось казаться старше.

– Жуть. Может, проще мне в балахон завернуться и капюшон натянуть?

– Балахон? Я поищу, – согласилась сеньора. И нырнула по шкафам...

Минут через десять на плечи Тони опустился широкий плащ самого что ни на есть злодейского вида. В таких любят играть в театре разношерстных злодеев.

Капюшон закрыл и шляпу, и лицо... хотя что там закрывать того котелка?

– Предлагаю так и оставить, – махнула рукой Тони.

– И мужское обличье тоже, – строго погрозила пальцем сеньора. – Подожди, ты еще мои слова попомнишь. Темные маги – редкость, лучше, чтобы искали парня, а не девушку. Имя-то у тебя подходящее...

Антония фыркнула. Но что толку спорить? Если Тони – это действительно мужское имя? Антонио...

– Когда вы собираетесь навеститься в гости?

– Завтра вечером.

– Я приду, как стемнеет.

– Вот и отлично.

Обе женщины были довольны сделкой. А уж что получится дальше?

Время покажет!

* * *

Кабинет был роскошным – другого слова и не подберешь.

Или все-таки?

Глядя на лепнину, кожаную массивную мебель, алые тяжелые шторы, позолоту на всех выступающих местах стен, кто-то сказал бы «боха-ато»...

А кто-то обозвал бы интерьер жуткой безвкусицей.

Правы при этом были бы и первый, и второй. Действительно, имела место дикая безвкусица за бешеные деньги. Но для должника, оказавшегося в этом кабинете не впервые, роскошь значения не имела.

Точнее... вот было б это все его!

Или – вот отыграется он и себе еще похлеще купит! Если тут диван на четырех львиных лапах стоит, так у него на шесть, значит, стоять будет! Но пока не отыгрался...

– Я отдам все! Честное слово, отдам!

– Отдашь, конечно! А если не отдашь, мы тебя на собственных твоих кишках и удавим, – говорящий мило улыбался.

И кто, глядя на этого симпатичного толстячка с сигарой, заподозрил бы неладное? Милейший ведь человек!

Пухленький такой, уютный, словно бабушкина булочка. И глаза как две изюминки...

Но видимо, булочка пропеклась, а изюм подгорел. Настолько колючими были эти глазки. И таким жестким был их взгляд, что даже страшно становилось.

– Я... я принесу деньги! Дайте мне отыгаться!

– Отыгаться? И на что ты играть будешь?

– Найду!

– Ладно... У тебя есть десятидневье. Потом тебе придется или найти деньги, или – пеняй на себя.

– Сеньор! Благодарю, вы не пожалеете!

Сеньор выслушал изъявления благодарности, чуточку поморщился, когда за посетителем закрылась дверь.

Слизняк!

И не избавишься от них никак – бизнес. Но и терпеть, и выслушивать...

Иногда он даже готов был отказаться от денег, чтобы наказать этих тварей. Должно же и в его работе быть хоть какое-то удовольствие!

Глава 6

Антония слегка трусила.

Жутковато... и кому бы оно так не показалось? Раньше она из дома надолго не уходила. Несколько минут, не больше. Выйти, прогуляться, когда уж вовсе глухо давят и стены, и заборы, пройтись по улице до конца и обратно.

Тони была уверена, что родственники об этом знают, тетя точно. Но молчит.

Все всё понимали. И что девушка жила хоть в относительной, но свободе, и что здесь и сейчас она попала в жесткие рамки приличий, и старается соответствовать.

Но тяжко!

Кто не знал воли, не поймет и гнета ярма. А ведь извечное «что скажут люди» – то еще ярмо. Неподъемное. Страшное и неизбежное. Пока есть люди, они будут говорить, и не всегда лестное. Но...

Антония в такие высокие материи не вдавалась.

Она просто вышмыгнула из калитки, обернулась, осмотрелась... никого?

Никого.

И слилась с вечерними сумерками.

Темный плащ закрывал ее с ног до головы, уж сколько лет таким плащам, а мода не проходит. Длинные полы, глубокие капюшоны – удобно! Слишком удобно, чтобы от них отказываться или менять на новомодные, с отложными воротниками. Хотя днем и такой можно... если лицо скрывать не надо.

Вот и лавка.

Тони не стала стучаться – сеньора предупредила, что будет открыто. И дверь действительно была не заперта на засов.

– Пришла? Переодевайся.

Сеньора была уже одета для выхода. И шляпка с вуалью, и перчатки, и сумочка – все было при ней. Все по последней столичной моде... тридцатилетней этак давности. Тони шмыгнула за занавеску.

Второй раз мужской костюм уже одевался, как родной. Может, оно и верно?

Если кто увидит высунувшийся из-под плаща мужской ботинок, или брюки, или...

Ясно же – мужчина!

Искать будут мужчину, а не скромную провинциалку. И Тони на миг задержалась перед зеркалом.

Что надо сделать?

А вот!

Саше опустилось в карман, и ритана увидела, как чуточку поежилась сеньора Луиса.

– Я думала, ты слабее.

– Я не думала, что настолько неприятно, – честно извинилась Антония.

– А приглушить ты это не можешь?

Девушка качнула головой.

Ее не раздевали, не обыскивали, не отбирали амулет, заговоренный старой Долорес. Поэтому и не поняли, насколько она сильна. Впрочем, был еще и второй вариант.

Те же травы заваривались – и пились, словно чай. Это чуточку сложнее и дольше, но если произнести наговор над чаем, эффект будет держаться дольше. Почти три дня. Или можно просто съесть щепотку смеси. На сутки этого хватит. Пока смесь будет в человеке.

Вкус отвратительный?

Ну да. Но так ее не разоблачат даже в храме.

Наговор делался на смесь соли с травами, а на какое ее количество? И где должна находиться эта смесь, снаружи или внутри девушки?

Небольшой запас у Антонии был, потом она сможет еще сделать. Освященная соль у нее с собой, травы купить не проблема... перед визитом в храм она съела щепотку смеси. И приглушила свои способности.

Даже не совсем так.

Ее сила осталась при ней, Антония могла ее использовать, а вот окружающие ее не чувствовали. Их сила Антонии не тяготила.

На шее – это демонстративно. Вот, смотрите, что у меня есть! Оно и помогает! Но пару тайн Антония решила оставить при себе.

Сегодня она не пила отвар, и амулет сняла. И ее сила фонила... насколько ярко она чувствовалась?

Антония не знала. Ярко, сильно... это уж точно. А в остальном... на темного мага это не действует, а как на других?

Это проблемы НЕ темного мага.

– Если почувствуешь в вещи... что-то – отставляй ее в сторонку. Или покажи мне пальцем. Поняла?

– Да.

– Вслух ничего не говори, ты свой голос не подделаешь под мужской.

– Угу...

– Даже так не подделаешь. И не пытайся.

Тони спорить не стала. Действительно, голос у нее женский. Красивый, грудной, петь она хорошо умеет, но все равно не мужской. И не получится подстроиться.

Хотя...

Долорес рассказывала, есть трава, которая огрубляет связки. Десятидневье попьешь – и хрипишь месяц. Но ей-то зачем?

– Захочешь обратить мое внимание на что-то еще – сожмешь мне ладонь.

– Хорошо.

Сеньора Луиса тоже немного волновалась. Иначе зачем было повторять инструктаж в десятый раз.

А вот и дом коллекционера...

Антония смотрела во все глаза. Красиво... и не меньше, чем у Араконов, кстати. Только у Араконов все вылизано, вычищено, аккуратно, к газону хоть линейку прикладывай, из кустов ни одной ветки не торчит, все фигурное, элегантное...

Неживое.

Иногда хоть ты волком вой от всей этой прилизанности.

А здесь картина другая.

Здесь и ветки у кустов враспырку, и трава вымахала, и сорняки в ней наверняка есть... и так тянет поваляться на этом шелковистом ковре! Дома Тони так и сделала бы! Еще бы и подремала.

Неухожено тут, но уютно и видно, что с любовью.

Дом грустно смотрел темными окнами, словно слепыми глазами, и казался осиротевшим. Ему было тоскливо и плохо... Тони ненароком погладила один из камней, на котором сидела горестная статуя льва. Она тоже печалилась о хозяине.

Пальцы кольнуло, и на льва Антония поглядела с уважением.

Или...

Не может быть! Чтобы ему было уже четыреста пятьдесят лет? Надо потом спросить у сеньоры Луисы.

Да ну, бред! Раньше она ведь с таким не сталкивалась, а в родном замке Антонии камней с историей было куда как побольше, чем здесь.

Антония выкинула все из головы и проследовала в дом за сеньорой Луисой.

– Добрый вечер, – «хозяин дома» не иначе, как страдал острой зубной болью.

– Добрый вечер, мальчик, – сеньора церемониться не собиралась. – Какое печальное событие...

– Для вас, сеньора? Дядюшка специально оговорил в своем завещании, чтобы вы купили все, что вам приглянется.

– Я потеряла выгодного клиента, – сеньора решила не церемониться с наследником. Тони тоже.

Какой-то он весь был... наследник ей не понравился. Невысокий, тощий, похожий на суслика, вставшего на задние лапы, в дешевом костюме... кажется, при жизни богатый дядюшка не сильно жаловал свою родню?

Зато теперь они дорвались.

Антония, разозлившись непонятно на что, выпустила из-под контроля свою силу, и наследник поежился. С опаской посмотрел на Тони.

– Это... это с вами?

– Вы Хорхе Дуардо Саларанса? – сеньора Луиса не собиралась откровенничать. – Сын младшего брата сеньора Саларанса?

– Да.

– Ваш дядя мне о вас рассказывал. И был уверен, что вы выполните его просьбы в точности.

Наследник невольно приосанился.

– Я... да.

– Давайте сделаем так. Ваш дядя упоминал обо мне?

– Да, сеньора Маркос.

– Полагаю, он называл меня старой выжигой? – с ухмылкой уточнила дама.

Наследник забавно запунцовел ушами.

– Эммм... сеньора, он говорил, что цены у вас драконовские.

– Но и я даю честную цену своим поставщикам. Давайте сделаем так, я знаю, что у вашего дяди есть опись имущества.

– Да.

– Мы с моим спутником пройдемся по дому, я отберу то, что хотела бы купить, а потом назову свою цену. Вы сравните ее с той, которая указана в описи, ну и поторгуюсь, если что.

– Приемлемо, сеньора. С вашего позволения, я вас сопровождать не стану. Мне все это хламье не нравится...

Сеньора по-матерински потрепала наследника по руке.

– Не переживайте, мальчик мой. Редко кто может понять этот трепет коллекционера. В этом нет ничего дурного, у вас наверняка есть свои увлечения. Собаки, наверное?

Антония задумалась, откуда сеньора Луиса об этом узнала. Потом пригляделась к брюкам молодого человека и едва не фыркнула.

Собачьей шерсти на них было – хоть ты носки вяжи. Короткая такая, рыжеватая...

– О, да! Я развожу левреток! У нас с родителями свой питомник... – воодушевился парень.

– Вот видите. А ваш дядюшка всю жизнь ненавидел собак.

– Отец рассказывал, как дядюшку в детстве покусала мамина моська...

– В детстве и моська – крокодил.

– Собаки – умнейшие и очаровательные создания, – серьезно произнес наследник. И поскольку спорить с ним никто не стал, предоставил покупателям свободу действий.

* * *

Комната, еще одна комната... особенно Антония и не нужна была. Сеньора Луиса обходила комнаты, что-то помечала для себя в большом блокноте, Антония оглядывалась по сторонам.

Всего было много.

Не так, как в антикварной лавке, но тоже достаточно неприятно. Много хлама, много вещей, много пыли... пару раз она уже чихнула.

Сеньора Луиса остановилась перед столиком с изящной вазочкой.

– Может, еще и это...

Антония пожала плечами.

Ваза была самой обыкновенной. Неинтересной даже, серая роспись по фарфору, блеклые невзрачные цветы...

– Некрасиво.

– А я боюсь, что у меня не хватит денег. Это мастер Шелре, он жил примерно двести лет тому назад. И его произведения покупаются по весу золота.

Антония пожала плечами.

– Все равно некрасиво.

И не удержалась. Взяла вазочку в руки.

Это было...

Как со львом.

Мгновенный укол, словно холодок пробежавший по телу. Словно искорка, блеснувшая где-то в глубине сознания.

– Этой вазе двенадцать лет, – озвучила Тони.

– Полагаешь?

– Подозреваю.

– А столику?

Тони поставила вазочку на место и коснулась ладонью гладкой поверхности, набранной из разных пород дерева.

– Сто двадцать восемь.

– Уверена? – остро взглянула сеньора Луиса.

– Мне так кажется.

– И давно у тебя это «кажется»?

Антония пожала плечами.

– Не знаю. Нет. У Араконов я блокирую свой дар, а здесь выпустила на свободу. Позволила проявиться.

– А дома?

– Дома я и так все знала, – Тони улыбнулась.

Лассара.

Символ владычества некромантов... кто из предков славился своим чувством юмора?

Некроманты злые, черные и им положено жить в башне?

Вот мы и выстроим башню.

Белую-белую. И герб Лассара будет абсолютно некромантским – алой розой на белом фоне.

– Ага... давай посмотрим что-нибудь еще, – решила сеньора.

Антония за всю жизнь не брала в руки столько вещей, сколько за следующий час. Она касалась диванов и столиков, вазочек и статуэток... как объяснила сеньора Луиса, возраст Антония определяла практически идеально. Может быть, и до года...

Для антиквара – чудесное умение.

Для некроманта...

А что в этом удивительного? Возраст покойника любой некромант определит с точностью до дня. Это, конечно, не покойник, но что с того? Сеньора Луиса прожила долгую жизнь и знала, что дар может принимать самые разные формы.

Все было хорошо и спокойно до маленькой комнаты, в которой были выставлены ювелирные украшения.

Маленькие витринки, бархатные подушечки, кольца и серьги, ожерелья и браслеты...

Все пристегнуто цепочками так, что сразу не оторвешь и в карман не спрячешь.

– Сорочья радость, – фыркнула сеньора.

А Антонию неудержимо потянуло в угол.

Перстень был нарочито скромным. Аметист квадратной формы в обрамлении маленьких черных камушков. Красиво, но не привлекает внимания.

– Тони?

– Мне нравится это кольцо...

Тонкие пальцы потянулись, взяли безделушку, погладили...

– Ох!

Сеньора Луиса прижала пальцы ко рту, видя, как открывается пространство под камнем. И под ним обнаруживается легкий зеленоватый порошок.

– Творец!

Хорошо, она не видела лица Антонии, а то испугалась бы еще больше.

– Вина, моя королева?

– Разве что чуть-чуть...

Раскинувшаяся на подушках женщина очаровательна.

У нее громадные карие глаза, роскошные каштановые волосы и тело...

Сейчас она обнажена, и видит Единый, ей нечего стыдиться! За такую фигуру любая женщина даст обрить себя налысо. Высокая грудь, точеные бедра, а какое лицо!

Невероятно красивое...

И улыбка, улыбка, показывающая белые ровные зубки.

Рядом с ней определенно мужчина. Но Антония не видит его лица. Она видит сильные руки, одна из которых украшена этим кольцом.

Видит, как льется в кубок вино, смешиваясь с зеленью порошка, видит, как мужчина с улыбкой подает его красавице.

– Я так люблю тебя, Джастин. Когда мы поженимся, я рожу тебе детей... много...

Красавица отпивает из кубка.

Все происходит так быстро, что она даже не успевает ничего осознать. Вообще ничего.

Откидывается назад голова, белеет точеное лицо, становясь похожим на мраморную скульптуру – неживую... совсем неживую...

Карие глаза тускнеют, из них уходит нечто неуловимое... жизнь?

Это настолько страшно и непереносимо, что мужчина делает шаг вперед – и закрывает их. Рукой с кольцом. Тем самым.

Красивой формы пальцы, овальные ногти, рядом с этим кольцом – еще одно. Белый камень в оправе красного золота... именно белый, не прозрачный, не бриллиант.

Очень необычно.

– Прости, Гвин. Но детей мне будет рожать законная жена, а не подзаборная шлюха.

Взблескивает лиловым дорогое кольцо...

* * *

Антония очнулась на полу.

Она стояла на коленях, сеньора трясла ее за плечи.

– Тони! ТОНИ!!!

– Я в порядке, – шепнула Антония. – Потом поговорим, хорошо?

– Да.

Сеньора что-то черкнула в блокноте.

– Больше тебя ни к чему не тянет?

– Нет, сеньора.

– Вот и отлично.

Антония не сильно удивилась, когда то самое кольцо оказалось в списке купленного.

В лавке сеньора Луиса почти силком усадила Антонию в кресло, налила ей чая и подвинула блюдце с шоколатой.

– Ешь.

– Мне надо...

– Я понимаю. Тебе надо уходить.

– Да, сеньора.

– Но пять минут у тебя есть? Да и силы надо восполнить, ты их много сегодня потратила. Что с тобой было? Возраст кольца?

Антония качнула головой.

А потом принялась пересказывать увиденное. Сеньора слушала молча, а потом начала задавать вопросы.

– Джастин? И Гвин?

– Да.

– И на руке кольцо из красного золота с белым камнем?

– Да.

– Забавно. Кажется, я знаю о каком кольце идет речь. Но не стоит об этом распространяться. Ты не почувствовала, когда это было?

– Это было давно, – Тони прислушалась к своим ощущениям. – Лет двадцать, может, тридцать тому назад. И это была единственная жертва.

– Мужчины?

– Кольца.

– Понятно... ладно, не думай сейчас об этом. Может быть, потом представится случай что-то выяснить подробнее.

Антония кивнула.

– Может быть.

– А пока я тебе должна. Благодаря тебе я сберегла хорошие деньги.

– Сеньора?

– Не всегда можно отличить искусную подделку. Но часто за них платят бешеные деньги. Я могла бы купить несколько таких...

– Как та ваза?

– Да. У тебя полезный талант, ощущать возраст вещи. Но советую не говорить о нем никому.

Антония кивнула еще раз.

– Не буду. И вообще, мне пора домой. Хотелось бы хоть пару часов поспать.

– Приходи, как сможешь.

– Послезавтра маскарад, а потом я приду, – пообещала Антония, отправляясь переодеваться.

Не забыла она надеть и ладанку. Ни к чему привлекать к себе внимание. Хотя... интересно у нее дар раскрывается. А вроде как она больше склонна к спиритизму?

Или это одна из его разновидностей?

Дома Антония посоветовалась бы с Долорес, покопалась в библиотеке. А здесь?

Не в церковь же идти с этим вопросом.

Оставалось только ждать и наблюдать, авось все и само прояснится.

Темная мостовая мягко стелилась ей под ноги. Антония сторожко оглядывалась вокруг, не желая попадаться никому на глаза. И неудивительно, что темную тень у калитки она заметила первой.

Спряталась в тени платана, пригляделась.

Роман?

Но что он здесь делает? Это явно не любовное свидание.

Мужчина кого-то ждал. Вот рядом с ним словно из воздуха соткалась темная тень, Роман передал этому человеку... нечто – и вернулся в дом.

Антония выждала с полчаса и только тогда решила пройти в калитку. Ей повезло – никто не заметил девушку. Все спали.

Тони сбросила одежду и нырнула под одеяло. Вытянулась во весь рост.

– Хорошо...

В столице ей нравилось. Если бы она просто жила сама по себе... но на какие деньги?

Ах, все упирается именно в этот вопрос. Деньги, деньги... хоть церковь и не считает их душеполезными, но ведь и церковники от денег не отказываются!

Почему она не богатая наследница? Увы и ах...

* * *

Ах, маскарад!

Простонародье веселится от души, смеется, выпивает, танцует...

Антония подумала, что там было бы интереснее.

Но и тут...

Маски смешиваются с масками, сатиры и нимфы, разбойники и короли, принцессы и феи, гномы и лепреконы...

Ритана Розалия в наряде королевы Осени и ее супруг в простом черном костюме. Для мужчин возможно снисхождение – простая полумаска и черный костюм.

Дамы себе такого не позволяют.

Альба была в желтом шелковом платье, расшитом нарциссами, Паулина – в розовом, понятно, расшитом розами. Венки на головах девушек были сплетены из соответствующих цветов, равно, как и к поясам были приколоты букетики тех же нарциссов и роз.

Антония стояла в наряде цыганки.

Черно-красная юбка, черный лиф, черная же маска...

Прыщи, которые ярко выделяются на белой коже.

Ритана Розалия с удовольствием поглядывала на девушку. Хорошо, когда человек знает свое место и послушно оттеняет ее дочерей. А Антония считала минуты.

И...

– Тан Адан, мое почтение. Ритана Розалия...

Барбара, очаровательная, словно первоцвет, улыбалась знакомым. Сопровождающий ее Эудженио кланялся, целуя дамам ручки, многозначительно задерживая руку Альбы в своих ладонях.

Сердце Антонии пропустило удар. Руки похолодели.

Как же он очарователен в нежно-голубом!

Как красив!

На светлых волосах ловко сидит голубая, с серебром шляпа, камзол вышит серебряной нитью по моде скольких-то веков давности... кажется, что-то подобное Тони видела в портретной галерее Лассара... лет триста? Может, чуть больше.

Кружевное жабо чуть растрепалось, прядь золотых волос упала на лоб...

Ах, как же он хорош!

Альба стояла рядом с ним, и Творец, какую же очаровательную пару они составляли.

Тони до крови прикусила изнутри щеку.

– Барба, милая, а ваш супруг...

– Он решил не составлять мне сегодня компанию.

– А наш милейший Амадо?

Легкая гримаска.

– Он обещал явиться чуть позже... если вообще явится. Увы, в чем-то мой сын пошел в своего отца и так же не любит праздники. Если бы не Эудженио, я бы осталась в одиночестве, а это так невероятно грустно!

– О, как я вам сочувствую, милая Барбара... возможно, вы не откажетесь провести это время в нашей компании?

– Не откажусь, милая Роза...

И никто не заметил, как Антония тихо отступила в тень деревьев. Всем было не до нее.

Самое уединенное место на маскараде – дамская комната. Туда Антония и зашла.

Р-раз! Лицо и декольте протерто от прыщей и кожа вновь светится матовой белизной.

Два – и черная маска меняется на красную. Благо, в карманах цыганского платья можно поросенка спрятать, не то что маску.

Осталось самое простое.

Снять юбку, вывернуть ее наизнанку и снова надеть.

Она была красной с черными оборками, а теперь станет черной с красными оборками. И волосы. Сколоть в узел, воткнуть высокий гребень, набросить сверху кружево мантильи. Приколоть на грудь алый цветок, сделанный из обрезков шелка, пощипать губы, чтобы покраснели.

И вот перед вами уже не совсем цыганка.
Кто?
Разве важно?
Маска надежно скрывает лицо, а слова...
Тони будет молчать.

* * *

Ах, маскарад...

Симфония света, цвета, звука, хаос – и в то же время строгая упорядоченность.

Освещенная площадка для танцев – и укромные уголки парка.

Стойки с прохладительными напитками и пирожными, крохотные прилавки, на которых продают благотворительные товары, – и беседки, в которых надо перевязывать вход белой лентой – занято.

Не беспокоить.

Чинные танцы под строгими взглядами родителей – и пляска в уголках парка под веселую мелодию, которая доносится с улицы.

Взрывы смеха и вытертые украдкой слезинки.

Здесь разбиваются сердца и возрождаются надежды, здесь делаются признания и нарушаются данные клятвы, здесь, именно здесь все приходит в хаос.

Или становится на свои места?

Ведь и маскарад, несмотря на все свое безумие, организуется достаточно строго. И сил на его организацию уходит немало.

Впрочем, все окупается. Все окупается с лихвой, хотя бы потому, что один вход в парк стоит четыре реала. А есть еще покупки, которые принято делать, и бокал лимонада стоит реал, хотя цена ему не больше пары сантимов.

И благотворительный базар.

И выбор королевы маскарада, и танец с ней, за который танцы платят немалые деньги. Маскарад – достаточно выгодное предприятие, а что хлопотное... Ради денег и похлопотать можно.

Антония медленно шла по парку.

Оглядывалась, все же ей было чуточку страшно.

Она – одна.

С Араконами ей было легче и проще. Это чувство стаи... стада, если хотите. Что рядом кто-то есть, что ты... пусть не защищена, но все-таки... это уже больше, чем пустота.

А вот здесь и сейчас она одна. Случись что – ей и выбираться придется самой.

Именно поэтому она сняла с шеи мешочек с травами и повязала его на руку. Его и не видно под пышным манжетом, но случись что...

Проявленный темный дар позволит отбиться от любого. Не просто так Антония была спокойна за себя, за свою честь, бегая по полям в Лассара. Только дурак будет связываться с некроманткой, от которой жутью веет.

Отец – и то с трудом терпел, он и рассказал про мамин секрет. У мамы тоже такое было...

Каблучки туфелек постукивали по мощным дорожкам. Антония медленно подбиралась к Араконам, стараясь не попасть раньше времени в поле их зрения. Ей был интересен Эудженио, и она собиралась подкараулить его...

Может ведь случиться такое, что он оставит Альбу?

Хотя бы ненадолго?

Как это может быть?

К примеру, он пойдет за лимонадом, а тут Тони навстречу.

И он посмотрит – и скажет: «Вы – моя судьба...» Или – «Почему я раньше вас не видел?»

Мечты, мечты...

А вот и Араконы. Стоят, о чем-то разговаривают с Барбарой. Тони попробовала подойти поближе, благо рядом была очень удобная палатка, прислушалась...

Ей нужно было узнать, где Альба и Эудженио. Рядом со старшими их не было, а вот куда они делись?

– Альба такая очаровательная сегодня....

– И Эудженио...

– Не сомневаюсь, они составят великолепную пару!

– Ах, милая Роза, я должна признаться – я была бы рада, останься этот милый мальчик в столице.

– Барба?

– Конечно! Ах, дорогая Роза, ты не представляешь, как уныла жизнь женщины, муж которой с утра до вечера на своей

отвратительной работе!

– Это так тяжело, милая...

– Не просто тяжело. Знаешь, Роза, когда муж приходит, я всегда готовлю для него ванну с ароматическими маслами... о, этот ужасный запах мертвечины...

– Что поделаешь, Барба. Некромант, паталогоанатом...

Ах, вот что такое «доктор мертвых» сообразила Антония. Что ж, тетку можно понять. Она не испытывала никаких неприятных чувств в присутствии некроманта, но то она, с темным источником! А вот запах мертвечины...

Фу!

И снова – фу!

– И сын... ах, Розалия, мне бы так хотелось, чтобы Амадо был больше похож на меня! Но во всем, не считая силы, он копия отца! Так и сидит над своими дурацкими книжками!

– Я знаю, он мечтает о карьере...

– Роза, я тебя умоляю! Какая карьера! Он же бесталанен! Унаследуй он силу отца, я была бы рада за него, но – увы.

– Не знаю, Барба. Это наследие не всегда к добру, вот моя племянница...

– Ах да! Вот то прыщавое...

– Да, внешность у девочки ужасная. Но она умненькая. А главное – она Лассара...

– Фу! Поражаюсь твоему долготерпению, моя дорогая! Я бы такое и на порог не пустила!

Розалия скорчила гримаску.

– Барба, как можно? Это родная кровь моего супруга, я не могла поступить иначе. К тому же я даже слегка благодарна Даэруну. С моим любимым Аданом я так счастлива... если бы в свое время Даэрон не влюбился в некромантку, я никогда не знала бы любви! Нет-нет, я обязана устроить судьбу его дочери. К тому же... темный источник у нее есть, но не проявленный.

– Не проявленный?

– Барба, ты же сама с ней встречалась!

– Ах да! Что ж, девчонке повезло. Да Творец с ней, где наши дети?

– Скоро придут. Они участвуют в конкурсе костюмов....

– Я полагаю, Альба получит первое место. Более очаровательного нарцисса, чем она, я попросту не встречала.

– Я тоже на это надеюсь.

Антония скрипнула зубами – и отошла.

Конкурс костюмов? Что ж, можно подойти и посмотреть...

* * *

– Как вы думаете, тан Риалон, это снова... то самое?

Эрнесто Риалон, который осматривал труп, пожал плечами.

Некромант и патологоанатом. Сочетание весьма редкое, так что вся полиция Римата на него просто молилась.

Человек, который способен узнать время и причину смерти, а иногда и попросту спросить у мертвеца, кто его убил...

Бесценен!

Добавим к списку, что тан Эрнесто не выпячивал свое происхождение, не требовал почестей, относился ко всем равно и спокойно – что еще надо для хорошей работы?

Полицейские, в большинстве своем простые сеньоры (таны обычно быстро выбивались в начальство), это ценили.

Вот и сейчас «доктор мертвых» склонился над трупом.

Молодая девушка, лет семнадцати, из простонародья явно. Нарядное платье, черные волосы, заплетенные в две тугие косы, улыбка...

А на горле – рваная рана. Словно дыра...

Тан Эрнесто задумался.

– Даже не представляю, чем можно нанести такую рану, честно признаюсь. Посмотрите, у нее вся передняя поверхность шеи словно... разъедена. Словно приложили нечто вроде ядовитого плюща... но не так же быстро и сильно. И она вся белая...

Между пальцами мужчины замелькали синеватые искры. Полицейские невольно попятнулись.

Ценили, уважали, даже восхищались... это было. Но и побаивались тоже. Когда тан Риалон начинал применять свою силу, мороз по коже бежал даже у самых стойких. Такова уж природа темного мага – ужас он вызывает инстинктивно.

– Так... умерла она около часа назад. Умерла от обескровливания, достаточно быстро, не мучилась, ритуал... ритуал не проводился. Но какая-то нечисть тут все же была. Не знаю, какая.

– Док, если мы ее к вам в лабораторию доставим?

– Будьте любезны. Интересно покопаться, посмотреть. Обычно нечисть оставляет более заметный астральный след, а тут... я не могу классифицировать. Надо поработать на месте преступления.

– Мы его сейчас оцепим. Ну и по домам пройдемся. А тело распоряжусь отнести к вам, в морг.

Сержант полиции, Пио Хуан Кастильо, перед некромантом трепета не испытывал – поди, уж лет двадцать улицу топчет. А вот уважение...

Преступников много. Часто случаются бытовые неурядицы. Муж с женой, дети с родителями... и травят, и режут – всякое бывает. Опять же, улица. Тут и грабители, и убийцы не редкость.

Нечисть?

Тоже бывает. Вот, как сейчас Пио помнил, лет шесть тому вампир в столице оказался. Месяца четыре кошмар на улицах творился, иначе и не скажешь. Тоже обескровленные тела находили, но там и мужчины, и женщины. И тан Эрнесто сразу про астральный след вампира сказал...

Ловили, правда, гадину достаточно долго, вампир из высших оказался, ни солнца не боялся, ни дня, и вообще, казался крайне благочестивым человеком. Разве что в храм не ходил. А так...

Пио с тех пор запомнил, что вампир может и серебро носить... браслеты. Кто ж знал, что он их изнутри человеческой кожей обошьет?!

Тварь...

– Будьте любезны, сержант.

Некромант уже расставлял свои приборы. Какие-то пирамидки, шарики на золотых и серебряных проволочках, старое зеркало...

Пио кивнул своим людям. Посмотрел на штатного художника.

– Готов портрет?

Парень кивнул.

Бледный весь, но держится... это из столичного университета изящных искусств. Так-то там высокородные учатся, но и простые ребята встречаются. Вот они и подрабатывают. Портреты потерпевших

рисуют, пропавших, места преступления зарисовывают... этот справлялся.

Лицо девушки было вполне узнаваемым, место преступления пока схематичным, но переулок, дома, окна, ширина и длина – уже намечены, а большего и не требовалось. Следователю и рисунок отдадут, и их описание...

И заключение некроманта тоже.

Конечно, тана Риалона не на каждое убийство вызывают. Чаще полиция сама справляется. Но иногда... да, иногда случается. И тут уж без специалиста не обойтись.

Полицейские аккуратно переложили тело на носилки и отправились в морг. Некромант остался на месте преступления. Позднее он сам доберется до морга. Да и инструмента у него не так, чтобы много – одна сумка.

А Пио предстояло тяжелое и неприятное занятие. Обходить улицы, искать, кому знакома потерпевшая...

А еще эта гулянка...

К утру бы хоть дома оказаться... впрочем, он на это не сильно рассчитывал. Собачья работа!

* * *

Фонтан...

О, эти фонтаны!

В парке их было множество. Но этот...

Завсегдатаи о нем знали. Но откуда могла знать Антония, что решетка, вровень с мостовой – это тоже подземный фонтан? Который коварно вырывается из-под земли и в мгновение ока вымачивает тебя с ног до головы?

Небольшая решетчатая площадка, пересечь ее дело минуты, но в какой-то момент из-под земли вылетают водяные струи. И их много, они холодные...

А на деревьях висят разноцветные фонарики.

И музыка играет. Вот он, оркестр, совсем неподалеку... И...

Неподалеку мелькнуло такое знакомое желтое платье, расшитое золотом. И рядом с ним голубое...

Антония выдохнула.

Вдохнула...

Доля секунды на решение. Всего лишь доля секунды. Она может подхватить мокрые юбки и удрать под язвительный смех окружающих. А может...

Может...

Девушка повелительно вскинула руку, останавливая оркестр. Музыканты так впечатлились, что даже играть перестали. И этого Антонии хватило.

Она подняла руку и защелкала пальцами в четком узнаваемом ритме.

Там. Там. Та-та-там...

Музыканты переглянулись – и подхватили.

Фонтан был устроен коварно. Наступаешь на центральную плиту – и из-под земли вырываются водяные струи. Но в том-то и дело, что если ждешь...

Это уже не страшно. И ночь теплая. И...

Это – шанс.

Альба не собирается отпускать свою добычу, а ей, Антонии, так нужно хоть на миг почувствовать себя свободной! И туфли совершенно не чувствуются на ноге.

Взлетели вверх руки-крылья, изогнулся ивой тонкий стан и, вторя ее движениям, тревожно запели гитары.

Взмах юбки, движения рук, сдержанные и в то же время сильные, страстные... но пока женщина еще контролирует себя.

Пока еще не настало время любви.

Шаги, перестук каблучков – и наконец, взрыв! Взлетает вверх юбка, обнажая стройные ножки, вторит стуку каблучков гитара и барабан, Антония кружится в танце так, что оборки на юбке сливаются в единое черно-красное пятно. Бедро вольно гуляют взад и вперед, словно приглашая обхватить их, удержать на месте, на миг девушка застывает в одной позе – и тут же вновь взрывается хаосом движений.

И снова кружится, изгибается, почти запрокидывается назад...

За пределы фонтана она не выходит, девушка танцует в струях воды, в водяной феерии...

И бьется, бьется, вторит стуку сердца, стуку барабанов дикий перестук каблучков.

Антония четко рассчитала время.

Пять минут, не больше.

Потом пора уходить. И музыканты понимают ее жесты правильно.

Шаг по кругу, второй, третий, разворот – и вот танец заканчивается поклоном.

Антония склоняется в центре фонтана, в обрамлении водяных струй.

Склоняется перед зрителями, которые так ошеломлены неожиданным зрелищем, что не сразу начинают хлопать. И девушка успевает всё.

Бросить быстрый взгляд на Эудженио с Альбой – заметили. Стоят, смотрят, и у Альбы на лице негодование, а Эудженио определенно понравилось. Впрочем, так и со всеми остальными парочками.

Мужчины оценили, особенно то, как мокрое платье обрисовало фигуру.

Женщины – не оценили. Или наоборот, сравнили и обиделись.

И Антония ловко выскользнула из круга людей, прежде чем с ней заговорили.

Шаг, второй – вот она уже возле деревьев, а там – сыщи ветра в поле! Кажется, ей нужна беседка. Платье мокрое, это плохо, вопрос, где бы его высушить? Ночь теплая, но...

Часа два у нее еще точно есть, прежде чем Араконы соберутся домой. Даже если Альба надуется, тетушка раньше времени домой не поедет. У нее тоже есть свои обязанности, здесь же и благотворительный базар...

Да и дядюшка останется... но в мокром к ним лучше не являться... беседка! Ура!

Не занято!

Антония прошла внутрь, повязала белую ленту на дверь и почти упала на скамейку.

Как же это, оказывается, сложно! Вот так...

Минут десять она просто сидела.

Потом встряхнулась и начала приводить себя в порядок.

Первым делом она сняла платье и повесила его на перекладину, оставшись в одном нижнем белье. Пусть подсохнет. Так, на ветру, еще

и лучше будет. А если будет на ней, можно и простудиться. Этого Антонии совершенно не хотелось.

Белье?

Ну... нельзя сказать, что оно совершенно сухое. И панталоны, и корсет – а вы как думали? Под такое платье оно надевается автоматически! Но и не так, чтобы мокрое насквозь.

Ничего, сойдет. Скоро даже высохнет.

Волосы?

Снять мантилью, свернуть и сунуть в карман юбки. Гребень оставить. Им, конечно, неудобно расчесывать волосы, но если их сейчас вот так оставить... мокрые, в причёске...

Тони с ними наутро с ума сойдет! Это будут не волосы, а канат корабельный, в узел завязанный! Не прочешешь! А вот если их сейчас, аккуратно, гребешком... и маску поменять.

Красную сразу в карман, туда же и цветок, отколоть, не забыть...

Вроде бы нормально?

Антония уселась на перила беседки и принялась медленно расчесывать волосы. Вот так, спокойно, и руки не дрожат. И саше вернуть на шею, пусть висит себе...

Безрассудство?

Еще какое!

Но что еще могла сделать Тони?! ЧТО?!

Пусть любимый человек хоть так увидит ее без грима! Пусть задумается, ту ли он выбрал! Ну хоть на минуту...

Еще одна прядь волос прибавилась к общей массе.

На пороге беседки выросла темная тень.

– Ритана, вы позволите к вам присоединиться?

Каким чудом Антония не рухнула с перил?

Видимо, Божьим. Ничем другим это объяснить нельзя. Зацепилась удачно каблучком туфельки за скамейку, вот и осталась сидеть. А могла бы и шею свернуть.

– Ой...

А больше как-то ничего и не произносилось.

– Накиньте. Холодно в одном белье.

И на колени девушки опустился теплый тяжелый плащ.

Мужчина поднял руки и чуть отступил в угол беседки, как бы показывая, что безопасен. Доверять Антония не спешила, но плащ накинула.

Мята.

Лимон.

Что-то едва уловимое, табак? Кажется, да. Кофе. Самый сильный запах – кофе.

– Благодарю вас, тан.

Антония осознала, насколько она уязвима. Один лишний звук, и ей остается лишь вернуться в Лассара. Один крик, один неосторожный взгляд... хорошо хоть она в маске. Но остальное?

Маска, панталоны и корсет. И плащ сверху.

Замечательно!

– Это я должен благодарить вас за доставленное удовольствие, ритана. Я видел, как вы танцевали.

Антония поежилась. Почему-то под плащом стало холодно.

– Я случайно попала в этот фонтан. Оставалось либо бежать, либо....

– Клянусь, продолжись ваш танец хоть на десять минут дольше, и фонтан закипел бы под мужскими взглядами. Вы великолепно танцевали.

– Благодарю вас, тан.

Антония разглядывала своего визави. Но – увы. Сказать о нем она могла не очень много.

Мужчина, безусловно, лет тридцати. Может, чуть больше.

Черный костюм скрывает фигуру. Одет он, как носят крестьяне на севере страны. Черная куртка, которая прячет плечи и грудь, но подчеркивает талию, черные брюки, сапоги. Плащ сверху.

Капюшон.

У куртки принят капюшон, вот его мужчина и надел, так что даже волос не видно. Черная маска закрывает лицо.

Короткая борода, может, своя, а может, и наклеенная, такое тоже в ходу на маскараде, как и усики, как и парики. А уж про шиньоны для дам и вовсе говорить не стоит.

– Я уже сказал – не стоит благодарности. Вы мне подарите несколько минут вашего времени?

Антония прищурилась.

– Если вы попробуете прикоснуться ко мне, я закричу так, что сбежится весь парк.

– Фу, ритана. Какие у вас гадкие мысли, – лица мужчины Антония не видела, но сильно подозревала, что он улыбается. – Никогда не навязывал себя попавшим в беду девушкам, и сейчас не стану. Но могу предложить вам свою помощь.

– Какую? – подозрительно спросила Антония.

– Вы первый раз на маскараде? Верно?

– Да.

– Иначе вы знали бы об этом крохотном секрете.

Мужчина наклонился, покопался – и извлек из-под сиденья небольшую жаровню. Разжег в ней огонь и подвинул поближе к Антонии.

– Думаю, так ваше платье высохнет быстрее.

Антония думала о том же.

– Тан, вы меня просто спасаете.

– Мужчины этим и должны заниматься, не так ли?

– Предполагается, что мужчины должны спасать дам от перелетных драконов. К примеру.

– Но что делать, если драконы перелетели куда-то в другие края?

– Сначала вернуть дракона, потом спасти даму?

– Вернуть дракона, спасти даму... тут главное не перепутать.

– Дракона, конечно, жалко, – не удержалась Антония, – особенно как на дам поглядишь... или отравится несчастный, или подавится.

– Не исключаю обоих вариантов в совокупности, – парировал мужчина. – Кстати, вам говорили, что корсет вреден для здоровья?

– А вам говорили, что разглядывать дамское белье неприлично?

– Не припомню, ритана.

– Возраст? – не удержалась Антония.

– Юношеская память.

– В противоположность девичьей?

– В дополнение.

Девушка сощурилась.

– Надеюсь, ваша память не подведет вас настолько, чтобы забыть обо всем?

– И накинуться на вас, как это пишут в дамских романах?

Тони посмотрела с сомнением. Мужчина улыбнулся и качнул головой.

– Ритана, не стоит меня опасаться. Обещаю не причинять вам вреда.

– Обычно после этого и начинаются проблемы, – пробормотала Антония.

Ответом ей был тихий смех.

– Это верно. Но я действительно не хочу вам зла.

– И это я тоже слышала.

– Я могу уйти. Но не забывайте, любой другой человек может войти в эту беседку. Увы, это отнюдь не крепость Алькара.

Антония только вздохнула.

– Оба варианта хуже.

– Тогда предлагаю вам согласиться на мое присутствие, пока не высохнет платье. А потом мы распрощаемся. Можете даже не называть свое имя, да и я своего не назову. Единственное, что я попрошу в уплату – дружескую беседу.

– Что ж, тан. Давайте попробуем, – кивнула Тони.

Действительно, беседка – не крепость. И черт знает, кого сюда может занести. Да и в плаще было намного уютнее, чем в сыроватом корсете.

– Вы его очень любите?

– Кого? – удивилась Тони.

– Мужчину, ради которого танцевали.

Антония недовольно поджала губы.

– Откуда вы...

– Догадался. Я старше вас, ритана. А возраст иногда дает не только болезни, но и жизненный опыт.

– Быть старше меня несложно.

– И все-таки?

– Думаю, вы догадаетесь и дальше?

– Это несложно. Ты мне так нужна, родная, только я тебе не нужен, ты мое святое солнце, я твои зима и стужа...

– Это поэт?

– Карранса. У него была противоположная ситуация. Он влюбился в жену своего сына, только увы, девушка его не видела. Не замечала. Он писал ей стихи, а она так никогда и не узнала о его грусти.

– Может, и к лучшему.

– Вы не верите в любовь?

– Я верю в святость данного слова. Как несчастная стала бы смотреть в глаза своему супругу? А он? Эта любовь, по сути, предательство самых близких людей. Жены, сына...

– Некоторых людей это не останавливает.

– Знаю. А некоторых – останавливает.

– Магов, ритана?

Антония кивнула своим мыслям.

Действительно, это она узнать успела. Мать рассказала ей об одной из самых серьезных опасностей для мага – нарушать слово. Магия чувствует данную клятву. И карает отступников. Жестоко карает.

Обычный человек ничего не почувствует и не узнает. А маг может лишиться части силы. К счастью, это касается не всех слов и клятв, а только тех, в которые была вложена сила.

– Карранса не был магом?

– Нет. Только поэтом, но великим. Горе сделало его стихи... пронзительными.

– Я их не читала.

– Подозреваю, вы их хорошо поймете. Когда ранят душу, начинаешь понимать человека, который страдает.

– Я не страдаю. Просто... просто...

– Просто он любит другую?

– А меня вовсе не замечает. К сожалению.

– Значит, он глупец. Но сегодня он вас наверняка заметил.

– Я... у меня нет ни денег, ни связей – собственно, ничего нет, кроме дурной репутации, – Антония и сама не поняла, почему призналась так откровенно. – Даже если я открою свои чувства, ему будет все равно.

– Деньги, связи... вы правы, ритана. Это важно. Но... жить приходится с человеком.

– Но всегда есть разница, жить в лачуге или во дворце.

– Вы готовы пожертвовать любовью ради комфорта? Карранса не понял бы вас! Он воспевал счастливую жизнь с возлюбленной на лоне природы...

– А комары его кусали? – приклепнула летучего гада Антония. Ответом ей был сочный мужской хохот.

– Да будет вам известно, ритана, что кусают нас только самки комара.

– И что? Во всем виноваты женщины?

– Напротив. Дураков и влюбленных они не трогают.

– Боятся отравиться?

– Не исключаю и этой возможности. Ну вот, ваше платье практически высохло.

– Это хорошо. Вы отвернетесь, тан?

– Дайте платью еще немного досохнуть – и обещаю не подглядывать. Хотя и хочется.

– У меня есть что-то такое, чего нет у других женщин?

– Разумеется. В моем возрасте уже отвыкаешь ценить даму за форму ног или груди. А вот острый ум, характер, воспитание...

– Надо полагать, все это было видно в моем корсете.

– Сдаюсь, ритана. Вы победили.

– Даже не желая того...

– Так часто бывает. У вас есть то, что необходимо другим, а у других есть то, что нужно вам. И не поменяетесь.

– И не стоит. За восемнадцать лет я как-то успела сжиться со своими недостатками, не хотелось бы менять их на чужие.

– Обаятельна и разумна. Что ж, могу вам только посочувствовать, ритана.

– Почему?

– Потому что дурочкам в жизни проще. Будь вы глупее, вы бы кинулись на шею своему милому, признались в любви иплыли по воле волн. Вы так никогда не поступите.

– Я... не поступлю.

– Поэтому вам придется очень сложно. Поберегите свое сердце, ритана, не стоит вручать хрусталь в руки... недоумка.

– Он не такой... он хороший.

– Наверное? – иронично уточнил незнакомец. – Насколько хорошо вы знаете своего возлюбленного? Вы видели его на работе?

– Он военный. И сейчас в отпуске.

– С подчиненными? С лошадьми? С женщинами... гхм...

– В борделе?

– Да, ритана. Вы видите сейчас обертку. Но вряд ли под ней скрывается шоколата.

– Вы его не знаете! Не надо так говорить... пожалуйста.

– И именно потому, что вы неглупы, вы не можете обругать меня и гордо умчаться в закат.

– В корсете и панталонах. И вашем плаще...

– Еще маска и туфельки.

– Это, конечно, меняет дело.

– Тогда сидите со вздорным стариком, слушайте его откровения и терпите, – хохотнул мужчина. – Я за год столько не смеялся, сколько с вами.

– Это комплимент? Или мне пробоваться в балаган на роль клоуна?

– Вам бы пошло. И коротенькая юбочка, и парик, и нос... такой, круглый.

– Ну, знаете, тан!

– Простите, ритана. Это с чисто мужской точки зрения. Все же у вас замечательная фигура.

– Благодарю за высокую оценку, тан. А теперь, пожалуйста, отвернитесь. Я оденусь, лишая вас возможности ее оценить.

– Не страшно, я все уже увидел. И запомнил.

– Навеки?

– Ну... дней на двадцать – точно.

– А потом будете смотреть на другие фигуры?

– Может, даже щупать. Физиология, знаете ли, ритана. Зов плоти, которому мы, мужчины, так подвержены...

– Хм... подозреваете, что Карранса страдал в борделе? – поддела Тони, снимая плащ. Холодный ветерок пробежал по обнаженной коже. М-да... зря она все же с фонтаном... но в тот момент все было правильно!

И танец, и музыка, и признание... если только Эудженио ее понял!

Ах, если бы!

Фламенко, танец страсти и любви, танец-откровение, танец-доверие... только вот что поделать, если любимый смотрит на другую?

– Подозреваю, что в борделе он НЕ страдал.

Платье скользнуло вниз, по дороге из вредности царапнуло шею и дернуло за волосы. Тони поморщилась.

– Бяка!

Запах, увы...

Жаровня, дым... кажется, все плохо. Если она сядет рядом... да с кем угодно! Ее мгновенно раскусят! Но что же делать?

– Проблемы, ритана?

– Вы обещали не подглядывать.

– Но ваше сердитое шипение я слышал. Так что случилось?

– Запах, – решила не скрывать Тони. – Всего лишь запах.

– Это не страшно. Если вы рискнете принять от меня крохотный подарок.

– Подарок?

– Возьмите, ритана. Думаю, этот запах достаточно силен, чтобы скрыть остальные.

В руке мужчины покачивался маленький керамический кувшинчик.

Антония знала такие, их носили на шее, капали внутрь ароматические масла, иногда еще заговаривали, чтобы те дольше не выдыхались...

– Но...

– Вам нравится этот запах?

Антония послушно взяла кувшинчик. Взмахнула над ним раскрытой ладонью... да, от плаща пахло точно так же. Мята, лимон, немножко кофе...

– Это подействует?

– Поверьте, ритана, это подействует.

– Тогда... я буду вам очень признательна. Но не знаю, чем отдариться.

– Если вы не сочтете меня наглым, ритана может отдариться поцелуем.

– Что?!

– В щечку. А вы о чем подумали? – в очередной раз поддел ее мужчина.

– О поцелуе в лоб, – огрызнулась Антония.

– С этим предлагаю подождать еще лет сто... или подольше.

Антония послушно взяла кувшинчик и тоже повесила на шею.

– Я действительно благодарна вам, тан. И...

Шаг вперед.

Ткань плаща соскальзывает в подставленную руку. А Антония оказывается рядом с мужчиной. Так близко... наверное, впервые в жизни.

Он выше девушки на голову, и массивнее. Куртка скрывает очертания фигуры, но мышцы там...

Руки девушки скользнули по груди мужчины.

– Я благодарна вам, тан. Действительно благодарна.

Под ее пальцами словно гранитные плиты. Антония привстала на цыпочки и коснулась губами чужих губ.

Тоже первый раз в жизни.

Губы у ее неожиданного собеседника оказались теплыми и твердыми. Сильная ладонь скользнула на талию Тони – не удержать, а просто – дать еще одну точку опоры.

– Ритана...

Шепот?

Или движение губ?

Или...

Антония опустила ресницы, разрешая себе этот поцелуй. Первый в ее жизни. Такой... неправильный – и такой единственно возможный.

Такой...

Когда дыхание сбивается, переплетаясь с чужим дыханием, когда глаза глядят в глаза, когда два тела на долю секунды словно сливаются в одно.

Незаконный поцелуй.

Но от этого не менее сладкий...

Впрочем, о законности Антония не думала. Она просто сбежала.

Вовремя... ох, как вовремя!

Араконы как раз оглядывались в поисках Тони.

– Дядя! Тетя!

– Где ты была, гадкая девчонка?!

– Ритана Розалия, я... я сделала глупость, – честно призналась Тони.

– Насколько серьезна эта глупость? – уточнил тан Мигель.

– Не знаю... мне захотелось мороженого. Я подошла его купить, а меня толкнули. И я испортила платье... наверное.

– Пятна не видно, – пригляделась ритана Розалия.

– Я попробовала отмыть оборки в фонтане и просушить их, – глядя честными глазами, созналась Тони. – Получилось плоховато...

Действительно, платье, несмотря на попытку просушить его, было чуточку влажным.

– Тебя при этом кто-то видел?

– Я нашла фонтан в углу парка.

– Ну... будем надеяться на лучшее. Что ж, нам пора домой.

– Да, тетушка.

Тони порадовалась, что не забыла про прыщи и веснушки. Ох... но кто был этот человек в беседке?

Что он делал на маскараде?

Антонию не оставляла мысль, что этот мужчина оказался здесь случайно... он не походил на тех, кому нравятся подобные увеселения.

Так странно...

Ее первый поцелуй – и с незнакомцем.

* * *

Мужчина снял капюшон и маску.

Медленно пригладил волосы.

Вот уж не ожидал от себя... он и на маскарад не собирался, но пришлось приехать на соседнюю с парком улицу, и мужчина решил зайти.

Не повеселиться самому, но хоть на миг вдохнуть эту атмосферу веселья. Молодости, жажды жизни, жадности наслаждений...

Искристости и искренности.

В юности ему этого не досталось, да и сейчас, впрочем... такая судьба. Смотреть на веселье издали, но не участвовать в нем.

Когда он увидел этот танец...

Он был искренне восхищен и танцем, и его исполнительницей. Девушка отдавалась музыке так, словно это было ее последнее действие. Она танцевала, вкладывая себя в каждое движение. Радовалась жизни, любила, признавалась в своей любви... кому?

Наверное, там кто-то был... мужчина нахмурился.

Память уверенно давала сбой. Он настолько был очарован танцовщицей, что зрителей попросту не заметил.

Узнать? А как можно узнать, для кого она танцевала? Если он даже имени не знает?

Знает, какая у нее улыбка.

Знает, какие шелковистые волосы, какие теплые губы, может описать фигуру, но все остальное? Фамилия, семья, где она живет... он уверен, что это благородная ритана. Но...

Впрочем, одна ее примета у мужчины точно есть. Но в столице... это капля в море. И все же...

Он будет искать?

Нет.

Он не станет портить жизнь девушке. Не имеет права. Ни на что не имеет права.

Пусть признается в любви, пусть выходит замуж, пусть будет счастлива... пусть. А он...

А что – он?

Мужчина накинул обратно капюшон, надел маску.

Не надо ему здесь быть. Не надо...

Маска...

На полу лежала бабочка из красного шелка. Явно девушка потеряла. Мужчина поколебался пару секунд, но потом поднял ее и спрятал в карман. Пусть остается. На память...

В его жизни не так много хороших воспоминаний, чтобы ими разбрасываться... будь счастлива, девочка. Будь...

Глава 7

– Тони, нам надо съездить в храм.

– Да, тетя Розалия, – бесцветно отозвалась Антония.

После маскарада прошло два дня. Девушке было грустно.

Альба порхала по дому, едва не светясь собственным светом, и Тони все отлично понимала.

У Альбы тоже было... нечто. Свой секрет.

Поцелуй?

Признание?

Да, наверное... и от этого становилось больно. А еще Тони злилась на себя.

Как она могла?!

Почему она вообще поддалась? Почему решила поцеловать незнакомца?!

Почему?!

Ответа не было. Разве что сама атмосфера праздника, которая невольно затягивает, увлекает, впрыскивает в кровь сладкий яд безрассудства...

– Ты записала заклинание... заговор...

– Тот самый? Для смеси трав и соли?

– Да, Тони.

– Да, тетя Розалия.

– Замечательно. Едем.

Святой отец их ждать не заставил.

– Дитя мое, мы провели испытания. Действительно, эта смесь действует.

– Да, святой отец.

– Поэтому я просил бы вас о рецепте и заговоре...

– Вот они, святой отец, – Тони подала ему лист.

– Замечательно, просто замечательно.

По счастью, долго их мучить не стали. И все же ритана Розалия была довольна. Довольна настолько, что...

– Тони, тебе нужны деньги на карманные расходы.

– Благодарю вас, тетушка, но у меня все есть.

– Ах, эта молодость. Когда-то я думала точно так же... я поговорю с твоим дядей.

Результатом беседы стали два реала в неделю, которые выдавались Тони на руки. Все же член семьи...

Девушка решила копить. Мало ли что?

Мало ли кто?

* * *

Тан Риалон стянул с рук тонкие шелковые перчатки, пропитанные соком каучукового дерева. Не то чтобы он боялся заразиться...

Просто не хотелось вычищать из-под ногтей чужую кровь и прочие телесные жидкости. А они будут. Чего только не попадается, когда вскрываешь труп.

Но в этот раз вскрытие ничего не дало. Что делал, что не делал...

– Тан Риалон, что вы можете сообщить следствию?

Тан пожал плечами.

Следователя Серхио Марию Вальдеса он знал давно. Неглупый профессионал, очень дотошный, въедливый... это в равной мере осложняло жизнь и его коллегам, и преступникам. Последним больше, поэтому в следователя стреляли в среднем два-три раза в год, пытались подкупить, прирезать в темной подворотне, травили собак, поджигали дом...

Поэтому у него и личная жизнь до сих пор не сложилась.

Некроманту как-то было проще в профессиональном плане. Дураков с ним связываться не находилось – себе дороже. Ты его убить попробуешь, а он тебя так проклянет – сам помрешь.

Или даже убьешь...

Дохлый некромант еще и опаснее живого. Ты его второй раз не убьешь, а вот он тебя...

– Ничего приятного.

– Тан?

– Девушка на вопросы не отвечает. Дух явиться отказался. Причина смерти – обескровливание. То есть из нее каким-то образом выкачали всю кровь.

– Вампир?

– Нет. Совершенно другая рана. Я даже не могу предположить, чем ее могли нанести. Но рана чистая, без слюны, без слизи, без биологических жидкостей...

– Для анализа тоже взять нечего?

– Увы. Я все изложил в заключении, но если вкратце... есть след какой-то нечисти. Но мне таковая неизвестна.

– Вам – неизвестна?

– Я не Творец. Может быть, вам стоит поговорить с кем-то из боевых монахов... у орденов много тайн. Если им встречалось нечто подобное, думаю, они не откажут в просьбе.

– Благодарю, тан Риалон.

– Не стоит благодарности. Если будет еще подобный случай – вызывайте. Мне будет интересно поработать.

– Надеюсь, что не будет. Но случись что – обещаю.

Мужчины распрощались вполне дружески.

* * *

– Послезавтра мы едем к Эстевисам, – сообщила тетушка за обедом.

– К ритане Дануте и тану Хуану? – захлопала в ладоши Паулина.

Альба поморщилась.

– Мама! А надолго?

– На два дня. На выходные, дорогая моя, – ритана Розалия хитро прищурилась. – И семейство Риалонов они тоже пригласили. Планируется пикник на свежем воздухе, вечером небольшой прием, на следующий день снова игры, танцы, а на третий день, наутро, поедem домой.

– Риалоны будут? А... Эудженио?

– Полагаю, он тоже. Так что беги, собирай вещи! Тебе потребуется не меньше пяти перемен платьев.

– Лучше даже семи! – ахнула Альба. – Паула, со мной!

Девушки вылетели из-за стола, не спросив разрешения. Ритана Розалия посмотрела на Тони.

– Детка, мне жаль...

– Но на бедных родственников приглашение не распространяется, – внешне безразлично подвела итог Тони.

– Ты сама все отлично понимаешь...

Тони понимала.

А вот ритана Розалия – нет! Антония была бы счастлива видеть Эудженио, но видеть, как он увивается вокруг Альбы?! Это больно!

А еще эти два дня дадут ей хоть и относительную, но все же свободу! Она сможет побеседовать с сеньорой Луисой и побыть у нее подольше... Разве это плохо?

– Эстевисы не знают о тебе – пока.

А сказать было нельзя? Впрочем, Тони отлично понимала тетку. Это – не тот случай.

Два дня на виду у всех, а тетя не знает, насколько Тони... сможет справиться с такой ситуацией. И она права. Сама Антония иллюзий не питала – ей будет очень тяжело.

Очень.

Лучше и правда оставаться дома.

– Тетушка, я подчиняюсь вашему решению.

– Вот и замечательно.

Особенно после карнавала. Все же... Тони понимала, что поступила глупо, что навлекла на себя определенные подозрения, но...

Она тоже не стальная! И нервы у нее не из проволоки!

Пусть кто-то другой годами живет в чужой шкуре, но она – обычный человек! Хорошо хоть есть своя комната, не то она бы попросту с ума сошла. Не имея даже возможности побыть наедине с собой...

– Мама!!!

Альба в принципе не умела входить в комнату степенно и спокойно.

Она влетала, врывалась, пронеслась ураганом, жизненной энергии в девушке было столько, что она буквально взрывала окружающее пространство.

– Мама!!!

У Паулины это получалось намного хуже. Так... истерично-негодующе. Но надо отдать девушке должное, она старалась подражать сестре.

– Что случилось?

– Мама, это кошмар! Моя шляпка!

С точки зрения Антонии, все со шляпкой было в порядке. Но Альба так не думала. И путем пятнадцатиминутного шантажа заставила маменьку отправить Тони в шляпную лавку.

Потом Альба решила, что ей надо пойти самой... Антония ведь может что-то перепутать... и вообще! Шляпка?

Без примерки?!

Хуже – только сатанизм!

Ритана Розалия заколебалась, но тут вмешалась Паулина, которая принялась умолять о новых туфлях. И ритана сдалась.

– Хорошо. Тони... да, пожалуй, ты едешь с нами. Надо заказать тебе хотя бы один приличный выходной комплект к туфлям. Шляпку, перчатки и сумочку.

– Благодарю вас, тетушка.

– Не стоит благодарности. Ты умненькая девочка, и если не поглупеешь, будущее твое будет устроено.

По понятным причинам Тони это обещание не обрадовало.

Приличные туфли у Антонии были только одни.

Творение мастера Риколетти. Они благополучно выдержали маскарад и сейчас удобно облегали ножку. Бабочек Тони давно с них отлепила... бабочку. Одну. Хорошо, в парке на это никто не обратил внимания, но где-то Тони ее потеряла. Может, и в фонтане.

Мастер сдержал свое слово, и все украшения были приклеены на дешевенький клей, который легко отмывался водой с обычным мылом.

Вымыть, высушить – и туфли словно новенькие.

Лавки шляпника, перчаточника, портного – все было собрано на одной улице, которую, кстати, так и именовали, улицей Мод.

Помещения на ней, даже самые крохотные, стоили немалых денег, но мастера платили аренду. Имя стоило дороже.

На улице Мод одевались таны и ританы, это было модно, правильно, принято, это было своего рода знаком качества. Шить одежду у кого-то еще?

Это означало, что в благородном семействе дела идут не столь хорошо. И уж точно этого не могли себе позволить Аданы. Розалия слишком давно и упорно вживалась в свое положение, чтобы допустить хоть какие-то отступления от правил.

Хотя так и так, Антония подозревала, что в других местах шьют не хуже, но намного дешевле. Шляпка сеньоры Луисы была не хуже тетушкиной, но стоила наверняка раз в пять дешевле.

Надо спросить потом адреса модисток.

Лавки...

Голова у Антонии заболела уже на третьей лавке со шляпами. При том, что ей все заказали уже в первой. Перчатки из черных ниток, черную же сумочку и аккуратную шляпку-блинчик, украшенную белой лентой и белыми же цветами жасмина. Очень простенькую, но достаточно элегантную.

Своего рода закон.

Туфли, шляпка, перчатки, сумочка – все должно быть одного цвета. В идеале – с одинаковыми украшениями. Ритана Розалия, равно как и ее дочери, могли себе позволить по несколько десятков комплектов. Тони предстояло довольствоваться одним, но девушка не возмущалась. Честно говоря, ей это казалось жутко глупым.

Какая разница, что на тебе? Если сумку можно поменять, туфли выкинуть, ты остаешься сама собой? Но люди судят тебя по сумке и туфлям... не смешно ли это?

Паулина раскапризничалась в одной из лавок, и они с ританой Розалией задержались. Альба и Тони вышли вперед, и Альба покосилась на Тони.

– Молчи!

Антония скрипнула зубами. И вслед за Альбой нырнула в проулок между двумя лавками.

– Дженио!

– Ина!

Двое молодых людей слились в объятиях.

Антония не выдержала – отвернулась. Хотя кажется, ее поведение посчитали деликатностью?

Нет, вовсе не обратили внимания. Влюбленным было не до какой-то приживалки.

– Ина, я так скучал по тебе. – И звуки поцелуев...

– Дженио, без тебя солнце кажется мне черным!

– О, Ина, когда я смотрю в окно на звезды, мне кажется, что я вижу твои глаза, такие огромные и ясные... ты – моя звезда! Путеводная, сияющая...

– Дженио, я умираю без тебя...

И снова поцелуи...

Антония стиснула зубы так, что с них крошка посыпалась. Да что ж это такое! Хоть ты уши заткни!

Ну почему, почему ты не понимаешь, что она не сделает тебя счастливым?! Только я смогу это сделать! Только Я!!! Не Альба, не Паулина, не все прочие женщины мира! Они видят только смазливое лицо, только успех, только улыбку. А я смотрю глубже, мне нужен ты сам! Если ты будешь беден или заболеешь, разве останется с тобой эта избалованная дрянь!

Никогда...

А я останусь!

Я тебя не брошу! Я готова быть с тобой и в радости, и в горе, я понимаю, что жизнь не состоит из одной радости, я готова! Но ты меня не видишь! Ты проходишь мимо, не замечая света в моих глазах... почему?!

Что мне сделать, чтобы ты увидел?! Даже когда я танцевала, ты не понял... ты так ничего и не понял, а я горела для тебя. Даже тот мужчина из беседки понял, а ты – нет. Почему?

Потому что я тебе не нужна. И понимание не нужно...

Антония стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони, и развернулась. Кашлянула.

– Простите. У нас мало времени.

Возмущение в глазах Альбы. Любопытство – в глазах Эудженио.

– Девушка, простите...

– Ритана Лассара, – мертвенным тоном произнесла Антония. – У нас действительно мало времени, Альба. Скоро твоя матушка начнет искать нас.

Альба топнула ножкой, но ругаться не стала. И – чистая правда, и... не показывать же свой характер на глазах у Эудженио?

– Да... Дженио, мне надо идти.

– Ина, любовь моя, я надеюсь увидеть тебя вновь! Скоро!

– У Эстевисов?

– Да, я обязательно буду там! Барба получила приглашение... тетя Барба! И я приеду!

Девушку откровенно передернуло.

– С дядюшкой?

Эудженио поморщился.

– Да. Обычно он не любитель подобных выездов, но в этот раз решил развеяться. Тетушка в отчаянии, но спорить не решается.

– Бедная, жить с темным магом...

Антония кашлянула, привлекая внимание.

– Время.

– Да-да, – с досадой откликнулась Альба. – Идем... Дженио, ты мое сердце!

– Нет, Ина. Ты уносишь с собой мое сердце. Оно бьется только для тебя....

А я хочу, чтобы оно билось для меня... а ты меня даже не видишь...

И снова поцелуй. Долгий и нежный. Только в этот раз Антония даже отвернуться не успела. Она старательно смотрела в сторону, но все равно видела, как слились воедино две фигуры, как приникла к любимому Альба, как Эудженио обнял ее за плечи, словно защищая от всего окружающего мира, как прядь его золотых волос пощекотала щеку Альбы...

Почему так больно?

Словно ржавый штырь в грудь вонзили и медленно поворачивают... почему?!

– Ты понимаешь, что лучше помалкивать?

Альба спрашивала не агрессивно, но напористо. Антония махнула рукой.

– Мы ведь договорились.

– Главное, чтобы ты этого не забывала.

– Не забуду.

– Как ты думаешь, он меня сильно любит?

Не *правда* любит. Не *по-настоящему* любит. Сильно ли?

Значит, в любви Альба не сомневается.... Антония была бы святой, если бы удержалась. Но где вы видели святых среди потомков некромантов?

– Думаю, что сначала надо все узнать о его жизни. Доходах, долгах, любовницах и внебрачных детях. А уж потом говорить о любви.

Альба побелела от злости.

– Ты просто завидуешь!

– Моего жениха твои родители проверят с ног до головы. До того, как я натворю глупостей. А твоего – успеют?

– Дженио не нужны никакие проверки! А ты.... Ты просто завистливая дрянь!

Самое печальное, что Альба была права. На сто процентов. Но признаваться в этом Антония не собиралась – и промолчала. А что тут можно сказать?

Ничего...

* * *

Сеньора Луиса налила девушке кофе и погладила по голове. А что тут еще можно было сделать?

Как известно, кот из дома, мыши в пляс. Поэтому Антония дождалась отъезда своих родных – и сразу же ушла.

Туда, где могла хоть ненадолго снять маску.

В лавку антиквариата.

И не удержалась. Когда сеньора Луиса принялась расспрашивать девушку, что, да как, да зачем... Антония попросту разревелась. Слишком хорошо она понимала, что будет происходить в поместье.

Ухаживание.

Качели и пикник, танцы на лугу и вечерний бал, разговоры и взгляды. И даже поцелуи украдкой...

Эудженио...

Дженио...

Вот почему судьба так несправедлива?! Просто потому, что у нее нет денег?! Но это нечестно, неправильно! Мама тоже была бедна, и из приданого у нее был только Лассара, а отец все равно полюбил! И женился!

Неужели Антония – хуже?

Ладно, не будем забывать и остальные стороны вопроса. И что отец с матерью познакомились при дворе, и что Даэлис не была приживалкой в доме своих родственников, и уродовать себя ей не приходилось...

Но все-таки!

Где справедливость?!

Если Дженио ей так нужен, а она ему... она ему вообще не нужна. И это плохо и горько. Нечестно, обидно...

– Ну, если дело в деньгах, то я тебя могу порадовать, – сеньора Луиса подмигнула и поставила перед девушкой вазочку с шоколатой. – Продала я парочку вещей, так что тебе первые проценты пойдут. Думаю, около сорока реалов будет.

– Сколько?! – поперхнулась Антония. – За что?!

– А вот за все хорошее. Ты мне про вазочку сказала, что она пятисотлетняя, помнишь?

– Помню...

Была среди прочих вещиц и такая. Причем стояла она вовсе уж в глухом месте и пылью присыпана... неясно, как она попала к хозяину дома, но сеньор Саларанса ее явно не ценил.

– Я ее вчера клиенту отдала. Ну, и еще кое-что, по мелочи.

– Два процента – и около сорока реалов? – глаза у Антонии были большие и круглые.

– Девочка, одна ваза ушла за четыреста пятьдесят песет. Я хотела больше взять, но потом скидку сделала, пусть уж его... хороший клиент, давний.

Антония покачала головой.

– На такие деньги в нашей провинции год жить можно.

– А в столице... Твои туфли как бы не дороже стоят.

Тони вздохнула.

– Хорошая обувь и в провинции дорога.

– А еще есть осенние и зимние сапожки, да и туфельки на смену хотелось бы. Хоть парочку... коричневые и светлые, а к ним сумочки, шляпки... чувствуешь, как деньги медленно и неотвратно улетают между пальцев?

– Даже жутко, – созналась Антония.

– То-то и оно... мне еще повезло. Земля эта у меня в собственности, строение нашей семье уж сколько столетий принадлежит, муниципалитету я сантимом плачу, а не реалы. Колодец свой, опять же... А кто другой, вздумай торговать, быстро поймет, почем с плюща шишки! Там заплати, здесь дай, чиновники еще, пиявицы несытые!

– Долорес говорила – крапивное семя, – прыснула Тони.

– Полагаю, мы бы подружились, – важно согласилась сеньора Луиса. – Не хочешь со мной сходить, прогуляться? На развалы?

– Куда?!

– На развалы. Как ты думаешь, откуда у меня в магазине вещи?

Вот уж о чем Антония не задумывалась. Откуда в антикварном магазине берется товар? Ну... а он здесь не испокон веков стоял? Правда?

Сеньора Луиса рассмеялась, глядя на удивленное лицо девушки.

– Да все просто. Антиквара ноги кормят. Бывает так, что вот... как с сеньором Саларанса. Бывает я и сама прихожу, когда знаю, что человек помер. Объявления, опять же, расклеиваю, мальчишек уличных гоняю, они от меня получают долю малую. Им медяки, а мне когда и золотые. На рынке иногда удается что-то ухватить. С кораблей. А развалы – вообще сокровищница.

Антония с удивлением узнала, что раз в неделю, в выходной, за городом организуется «развал». Почему он так назван?

Да кто ж теперь скажет! Грандиозная барахолка, на которую люди тащат то, что хотят продать. А иногда и даром отдать, такое тоже бывает...

Это у сеньора Саларанса наследник знает, что дядино имущество хоть сантимом, да стоит. А бывает и так, что умер человек, а наследникам дом нужен. Или земля. А имущество они велят отвезти... нет, не на помойку.

Старьевщику?

Так тоже платить надо! Бесплатно он ничего не заберет.

А вот на развалах... Привези, отдай специальному человечку – есть те, кто подобным промышляют, глядишь, еще и пару сантимом получишь. Все себе в карман, не из кармана.

Бывает и так, что денег нет, а барахло есть. Бывает...

Да всякое случается в жизни. Вот, раз в неделю такая торговля и идет. И если Антония хочет...

– Мне опять надо будет одеваться мужчиной?

– К чему? Туда можно и в своем облике, что страшного?

– Если родственники узнают...

Сеньора Луиса задумалась.

– Даже если узнают, что тут такого преступного? Я понимаю, но... мужчину днем ты вряд ли изобразишь. Да еще темного мага....

Нам только внимания церкви не хватало.

– Об этом я не подумала, – сникла Антония. – Но я не хочу сложностей, пока живу под чужой крышей. У меня нет стабильного источника дохода, я не смогу себя обеспечить...

– И снова ты права. Но у меня есть одна идея.

– Какая?

– Ты не против поношенной одежды?

– Нет.

– Тогда минуточку...

Антония уже и думать забыла про свои горести. Любовь?

Да, безусловно! Но ведь восемнадцать лет! Восемнадцать! Как справедливо сказал мудрый человек, голова витает в тумане, сердце стремится к любви, попа ищет приключений, а ноги идут, куда захотят!
[3]

Вот, в данный момент голова и попа были едины, так что сердцу пришлось встать в очередь. А из шкафа появлялись на свободу длинная черная юбка, ярко-зеленая кофта....

– Что это?

– А ты примерь! Прямо на свое платье.

Антония послушалась.

Ну... и что? Бесформенная длинная юбка, бесформенная кофта, а еще одеты на платье. Так что выглядит она толще, чем обычно. Это важно?

– Фигура скрыта. А теперь – оп-ля!

На голову девушки опустилась шляпка с вуалью.

– Это...

– А вот смотри.

Антония посмотрела. Действительно... шляпка была старомодной. И вуаль тоже.

Не легонькая сеточка, которая едва закрывала глаза, кокетливо спускаясь с крохотной шляпки, нет. Широкополая шляпа, плотная черная вуаль...

– Берем сюда еще перчатки – и получится моя кузина. К примеру, Ирма Долорес Медина.

Антония подняла брови, что не осталось незамеченным.

– Что?

– А почему не сестра? Тоже ведь можно?

– Насплетничали уже?

– Конечно. Вот я и решила спросить. Но извините, если что. Сеньора Луиса пожала плечами.

– Чего тут извиняться? Было, да быльем поросло. Не первая такая история, когда клялся в любви одной, спал со второй... когда я узнала, что моя сестра к моему жениху в постель влезла, прощать отказалась. Отец у меня был строгих правил, ему такая подлость тоже не понравилась. Пришлось сестрице убираться, в чем была.

– Понятно.

– Ты не думай, это не потому, что мы такие злые. Семья, род – это всё. А что ждать от человека, который уже один раз предал? Новой подлости? Да еще в самый тяжелый момент? Ни к чему!

– А если по глупости или слабости? Побоялась признаться, огорчать не хотела...

– Знаешь, подлость, по любой причине, остается подлостью. Сестра не могла понять, что мне будет больно?

– Могла.

– Что спать с женихом сестры это гадко?

– Гадко.

– Вот и весь ответ. Отец у меня так же думал, а потому полетела гадюка впереди своего шипения – и правильно.

– Мне рассказывали, она просто сбежала...

– Ну так и правильно. Сбежала. А уж что ей вслед полетело – дело другое.

Антония кивнула.

– Семья... Предавать не годится.

Тут она была полностью согласна и сеньорой Луисой. Да, всякое в жизни бывает, и любовь дорог не разбирает. Но совесть быть должна!

Есть вещи, которые делать нельзя, если край не пришел, а тут вовсе не край. Так что Антония понимала. Да и спросить лучше честно, чем сплетни слушать.

– Вот именно. Так что одевайтесь, кузина Ирма.

– Да, кузина Луиса...

Дамы захихикали и принялись превращать девушку – в женщину постарше.

Перчатки, шарф на шею, еще пара шарфов на талию, чтобы казаться толще – и вот в зеркале отражаются две старушки. Правда,

одна под вуалью, но это как раз подозрений не вызовет. Так носят. Так бывает...

– Приходи завтра утром, да и пойдем на развал.

– Хорошо.

* * *

Антония спала крепко. Поэтому как оно началось – не знала.

Но разбудил ее громкий женский крик.

– Нееееет!!!

Девушка вскинулась на кровати.

Что происходит?!

Ответа не было. Но... с первого этажа доносился шум. И кто-то кричал. А от хорошей жизни кричать не станут, это уж точно.

Значит – что?

Антония ринулась к шкафу. На ходу стянула с себя ладанку, бросать не стала, просто зажала в руке. Она – темный маг.

Только вот пока не проявленный... не до конца. Ее сила еще не раскрылась. А и раскроется – некромантия штука сложная.

Ну, проклянет она кого... и?!

Дальше-то что?

Ничего.

Проклятие – не кинжал, это им можно убить сразу, а проклятию нужно время. Да и не умеет Антония ничего... такого.

По-настоящему серьезного. Тогда – что?

Надо узнать, что происходит в доме, удрать и позвать на помощь. А вот на это ее сил хватит. Именно как темного мага.

Ночь – ее время, ее сила, и уж что-что, но отвести глаза она сможет. Если не станут разыскивать персонально ее. Так что Тони кое-как нацепила на себя первое попавшееся платье, схватила тяжелый кувшин для воды (повезло, медный) и замерла сбоку от двери, которую предусмотрительно приоткрыла. Долго ждать гостей не пришлось.

Дверь скрипнула, в комнату вдвинулась чья-то тень, и Антония ударила. Сбоку, резко, жестко, в висок... человек упал. Антония даже не дернулась посмотреть, что там с ним. Жив, мертв... плевать.

Больше никого нет?

Пока – нет.

Тогда можно, продолжая прислушиваться, опуститься на колени и осмотреть добычу. Да, для начала добавить еще раз кувшином. Связывать некогда, да и нечем, веревкой ее не снабдили почему-то.

Странно.

Подобную породу Тони знала, да и кто б ее не знал? Отребье, подонки с городского дна... грабители? Определенно. Вот и морда темной тряпкой завязана. А еще огнестрел за поясом, кинжал... не человек, а склад с сокровищами!

Правда, огнестрел Антония сунула в свой шкаф. Применять их надо уметь, а она не умела. У сеньора Хуана такой был... похожий, но пострелять он не давал. Патроны дороги, да и не укупишь. Пусть полежит. А пока...

Чего тут думать?

Удирать надо. Ясно же – грабители. Так что дорога Тони в ближайший полицейский участок. А для этого...

Девушка вздохнула. Выпрямилась, вдохнула, выдохнула, и так несколько раз, до полного и абсолютного спокойствия. А потом...

Со стороны это выглядело так, словно кусок ночи отделился от покрывала за окном – и лег на плечи девушки. Темный, непрозрачный...

Обернулся вокруг, словно покрывало, смазал очертания, и вдруг оказалось, что девушки... нет? Или это не девушка?

Или она есть, но где-то в другом месте?

Нет, не понять... не видно, и смотреть туда незачем... кому это вообще нужно? Когда вокруг столько интересного происходит?

Тони предпочла бы выбраться в окно, но – не сумеет. Еще и ногу сломать можно, все же второй этаж. Так что только к двери...

Черные туфельки она надела сразу же. Они удобно облегли ногу, и бежать не помешают, и... и ударить можно, если что. Спасибо вам, мастер Риколетти.

Лестница.

В коридоре – никого.

Тони тихо-тихо заскользила вниз. Прислушиваясь, приглядываясь... не идет ли кто? А вдруг? Мало ли что и как?

Шум доносился со стороны гостиной. Тони прислушалась.

Нет, по именам никто друг друга не называл. А вот кабинет упомянули. И сейф...

Вот и кухня.

Пустая.

Хотя – неудивительно, если грабители знали, что в доме, считай, никого не будет. Чего его стеречь? Хозяева уехали, слуги частично разбежались по родным, а кого и сами хозяева отпустили, того же повара, к примеру... сейчас в доме человека три, не считая Тони. Может, пять... не больше.

Чего тут двери стеречь? Мешки добром набивать надо!

Кухня.

Пустая, темная. Вот и задняя дверь.

Тони толкнула ее. Но – тоже пусто. Сад.

Антония сошла с дорожки и пошла рядом, по траве, по ухоженному газону. Каблочки вязли в земле, но зато не скрипел гравий. Ее не видно, да. Но слух-то не отшибет! И не стоит недооценивать грабителей. Мало ли у кого какие способности?

Шаг, второй, третий...

Калитка.

Вот... пропасть! Калитку как раз и стерег парень явно нехорошего вида. Стоял внутри, озирался... понятно. Через забор не перелезешь, центральные ворота закрыть можно, а эту калитку стеречь – самое правильное дело. Бандиты умные, а ей-то что делать?

Антония задумалась.

Можно как-то отвлечь негодяя?

Ну... чисто теоретически – можно. Но что ей нужно? Да чтобы он выглянул наружу. Вышел и оставил калитку приоткрытой. Если он отвлечется на что-то внутри сада...

Она может открыть калитку, выйти, прикрыть ее, но не закрыть. Засов задвинут, она это видит даже отсюда, даже в темноте... хотя тут как раз не даже. Темные маги вообще хорошо видят в темноте. Тони свет не был нужен, чтобы рассмотреть каждую пряжку на одежде негодяя... пряжку?

Отлично!

Кошелек Тони захватила с собой. Не свой, отобранный у негодяя, который вломился к ней в комнату. Чисто машинально выгребла все из его карманов в свои... что тут? Трубка? Пойдет! Табакерка?

Открыть, поворошить пальцем табак... опа?

Колечко? Да еще с каким-то желтым камнем... табакерка отправилась обратно в карман. Трубка, ну и монетки из кошелька. Хорошо – медяки. Серебряные реалы ей было бы жалко, а вот сантимом...

Тоже жалко, но выбора нет. И хорошо, что забор не такой высокий перебросить через него можно что угодно.

А с той стороны каменная мостовая.

Поехали!

Тони отправила в полет первую монетку.

Ваши друзья грабят дом.

Вы стоите «на стреме».

И вдруг за забором начинает что-то звенеть, падать... непонятно. Вы хоть взглянете?

Если это прозвенит и затихнет – нет. Но если два раза? Три? Четыре?

Бандит, видимо, подумал то же самое, вслушиваясь в звон монеток по брусчатке. Не со всеми получалось, но часть прозвенела, а в ночной тишине было отлично слышно.

Дзын.

День-день...

Тенннь!

Бац! – это полетела трубка, когда бандит протянул руку к засову, но заколебался. После трубки колебаться он уже не стал.

Калле Тарралонга – место респектабельное, тут по ночам тихо-тихо. Надо осведомиться, что именно производит шум. Мало ли?

Калитка открывается наружу, как раз в ту сторону, в которую Антония бросала монетки. Мужчина открыл ее, сделал шаг, два, вышел, пригляделся...

И тут сработала вторая закладка.

Это ведь грабитель! Хищник по сути своей... а может, и падальщик! В любом случае вы живете с чужих карманов. Выходите на улицу, видите – деньги рассыпаны. Соберете? Или благородно проигнорируете?

Сантимо?

А этого сразу не видно, это Тони видит каждую монетку, а обычному человеку на улице темновато. Видно, что монеты, что они поблескивают в тусклом свете фонаря, а дальше-то как?

Грабитель, явно не из высокопоставленных, или заслуженных, или как это у них... вряд ли кого-то матерого поставят стеречь дверь, скорее, новичка возьмут для этой цели, логично не устоял. Отпустил калитку, шагнул вперед и принялся сгребать монеты в горсть – Тони их десятка три накидала, прежде чем негодяй прореагировал.

Сплошные убытки!

И уж конечно, он не заметил, как метнулся за его спиной из калитки сгусток тени. Вот если бы Антония его задела, если бы он услышал, почувствовал запах... но уже поздно! Девушка полетела по улице, словно на крыльях.

Полицейский участок!

Ну же, ну!!!

Где тут соседняя улица?!

Сержант Пио Кастильо сегодня дежурил. Преступники – нехорошие люди, которые работают по ночам, поэтому приходится из-за них и полицейским поработать. Обход он уже сделал, можно было перекусить, отдохнуть, выпить кофе.

Будни полицейского участка строились так. Сержант, десяток полицейских в его подчинении. Это ночью. Полицейские делали обход улиц, чтобы спугнуть грабителей, или оказать помощь, край – обнаружить жертву грабежа, убийства... Делились на пятерки. Сначала обход делала одна пятерка, потом вторая, потом опять первая.

Обход надо было делать каждые два часа, площадь-то большая. Улиц много. Но места спокойные... или уже нет?

Чего-чего, а визита в участок растрепанной девчонки в кое-как застегнутом темно-синем платье он точно не ожидал.

– Помогите!!!

– Что случилось, сеньорита? – выбрался из-за конторки Пио. Не хотелось никуда идти, но... лучше сходить сейчас, чем разгребать потом. Может, ее муж побил? Или еще чего?

На Антонию это «сеньорита», такое лениво-равнодушное, оказало воздействие, словно пощечина. Девушка выпрямилась, вдохнула, выдохнула, как привыкла. И более-менее успокоилась. Сюда-то, по

улицам она тоже шла с «отводом глаз», еще не хватало какую пакость встретить... так что спокойствие было вернуть несложно.

– Ритана Лассара, сеньор...

– Сержант Кастильо, – вздохнул еще грустнее сержант, понимая, что если ритана, то – проблемы. Явно тут семейным скандалом не ограничится.

– Сержант Кастильо, я живу на калле Тарралонга, дом два. Точнее, там живут мои родные – дядя с тетей, Араконы.

– Знаю, – загрустил сержант.

Вот уж в разборки знатных ему и вовсе не с руки встречать. Только как бы это объяснить девушке?

– Они с дочками уехали на пикник к знакомым. Я осталась дома... и сейчас в доме грабители.

Пио мгновенно оживился.

Грабители?

Это дело другое, их и сажать можно, и пристрелить, и тут ему только спасибо скажут... пожалуй, все и неплохо?

– Ритана, а вы...

– Прошу вас, собирайте людей, я буду рассказывать, – умоляюще сложила руки Антония.

Пио оценил – и свистнул ребятам. Мужчины выбегали из комнаты, в которой отдыхали, строились. Антония торопливо рассказывала.

– Я проснулась, кто-то закричал... женщина. Я у родственников живу недавно, они мои опекуны... ну и я небогата. Поэтому меня поселили неподалеку от комнат слуг.

Пио кивнул. Откровенность он оценил, тем более что было видно. И платье с чужого плеча, и сам вид девушки – ританы выглядят более ухоженными, чего уж там!

– Я испугалась. Оделась, взяла кувшин для воды, встала за дверь. Ударил того, кто полез ко мне. Он упал, а я побежала вниз. Там лестница недалеко, кухня, задняя дверь... бандиты были в гостиной и что-то говорили о сейфе. Слышно было плохо, да и некогда. Я через сад, к задней калитке, а там бандит стоит.

– И как вы выбрались, ритана?

Антония показала кошелек и честно объяснила. Правда, умолчала, что это *не ее* кошелек. К чему такие подробности хорошему человеку?

Пио фыркнул.

– Марио, давай скорой ногой к нашим, пусть туда же подходят. Крыс передавить надо. Ритана, а еще калитки есть?

– Нет. Ворота и задняя калитка. Кухонная.

– Плохо.

– И ключа у меня нет.

– Понятное дело. Вы и сюда-то чудом добрались...

– Я очень быстро бежала, сеньор.

– Вот и ладно. А теперь посидите здесь, в тишине и спокойствии.

– Как?

– Ритана, ну вы же не думаете, что мы вас с собой возьмем?

Подождете нас здесь, пока вернемся...

– Но я...

– Вы – гражданское лицо. И ритана. С меня, если что, шкуру снимут.

– Но я...

– Ритана, пока я вас буду уговаривать, грабители удрать успеют.

Марио?

Вот с этим спорить было сложно. И Тони молча отправилась в комнату отдыха. Устроилась на жестковатом, но диване, потянула на себя плед. Только сейчас она поняла, как промерзла, устала и испугалась. Будем надеяться, защитники закона не пожалеют для нее чашку горячего чая?

Не пожалели.

И чай, и печенье, в которое Тони буквально вгрызлась. И когда она успела *так* проголодаться? Хотя чего это она? Сил-то сколько потратила? Вот откат и пошел – Антонию затрясло, зазнобило, зуб на зуб не попадал, заколотилось сердце...

Молодой парень, кажется, Марио, ухаживал за девушкой, как мог.

Напоил чаем, в который плеснул приличную порцию крепкого алкоголя, укрыл еще одним пледом, принялся утешать и уговаривать.

Антония кивала, но дрожь не прекращалась. Все же она и силы потратила, и замерзла, и испугалась... больше всего ей хотелось свернуться клубочком и уснуть. Так в итоге и получилось.

Ну хоть ненадолго!

Марио посмотрел на спящую ритану, подсунул ей валик под голову и вышел из комнаты. Пусть отдохнет. Такое и кого посильнее до истерики доведет, а тут молодая девушка, считай, ребенок... конечно, ей плохо стало.

Пусть поспит.

* * *

Сержант Кастильо уверенно командовал своими людьми. Направил двоих стучать в главные ворота и требовать открыть – мол, у вас тут шум слышали. А остальных рассредоточил по улице, не забывая про задние ворота.

Так и сработало.

Ворье кинулось наутек, и полиции оставалось просто ловить их и вязать. Не обошлось и без накладок, конечно.

Двое были вооружены огнестрелами (дорогущая игрушка, откуда?) и без колебаний пустили их в ход. Одного полицейского умудрились ранить, второго едва зацепило по касательной, все же игрушка хоть и дорогая, но применять ее тоже надо уметь.

Остальные – только холодным оружием, и своими кинжалами и мачете размахивали вполне уверенно. Но и полиция недаром хлеб кушала.

По результатам – четверодохлых бандитов, шестеро увязанных. В доме две служанки и слуга.

Девчонок, понятно, изнасиловали, парня просто по башке треснули... хорошо – не убили. Хотя потом могли бы прикончить, просто им времени не дали. Когда полиция в двери ломится, не до свидетелей, надо шкуру спасать.

Пио чувствовал себя героем. А разве нет?

Поверил, примчался, предотвратил ограбление, всех спас!

Герой! Тут и на поощрение можно рассчитывать, и на премию... служанки пели соловушками. Одна из них, Рита, была без сознания, зато вторая, Анита, говорила за троих. Она и рассказала, что случилось.

Как оказалось, у грабителей в доме был наводчик, некий Роман, который служил здесь лакеем. Он не просто привел в дом всю эту

нечисть, он им и калитку открыл, и второго лакея, Хулио, помог оглушить и связать. И со служанками поглумился.

Хотя тут Анита... в претензии она была, понятно. Но если б Роман не захотел их... того... и не предложил это остальным, могли бы и сразу убить.

А они живы.

А остальное... авось, не сотрется. Риту жалко, девочка ж еще!

Ритана Лассара?

Ох, так это она подмогу привела? Вот спасибо ей громадное! Она у хозяев навроде приживалки, потому ее с собой и не взяли, там общество очень приличное, высокородное, а у нее платья – и те старые, хозяйские дочки отдали.

Не могла она вместе с Романом?

Нет, что вы! Это видно сразу. И не таковая она, и Роман ее ненавидел. За ней кто-то из бандитов пошел, Роман-то как раз Ритой занялся, схватил ее, та закричала, он бедняжку и ударил так, что несчастная и шевелиться не могла.

А еще один бандит пошел за ританой, но вернулся не сразу. Оказалось, его кто-то по голове стукнул...

Косвенные свидетельства тоже были в пользу Антонии.

Беспорядок в ее комнате, кровь на полу, ссадина и шишка на виске у одного из бандитов, так что Пио отбросил последние подозрения. Повезло ритане. Очень сильно повезло.

Да, выбраться она могла, ключ у нее от калитки был. Тут ее Анита заложила. Все служанки знали, что Рита ей ключ принесла, но не выдавали. Чего уж там, круговая порука.

Пио покивал и на эту сентенцию. Также понятно, Анита не знала, что там стоял один из грабителей... кстати, при осмотре мостовой пара сантимом все-таки нашлись, не все негодяй подобрал. Значит, правда.

И то хорошо, что все обошлось, философски подумал Пио. И решил заняться допросом.

Дел – полно.

Допрос, потом надо написать Араконам... или телефоновать, если там есть телефон где поблизости, проще, наверное, написать. Сельская местность, а телефон и в городе не везде есть. Дорогое удовольствие.

Пусть приезжают, составляют список украденного, потом все сверим, вернем по описи, вдруг ворье что уволочь успело... вряд ли, но ведь случается?

Хлопот предстояло по горло, но хлопот приятных. Из тех, что не сулили взбучку от начальства.

* * *

Завтрак на природе – милейшее занятие.

Птички чирикают, или что они там делают, травка колыхнется, ветерок приятный... и в эту идиллию вламывается, словно кабан в камыши, местный полицейский.

Ужас!

Даже не так.

УЖАС!!!

Ритана Эстевис едва сознание не потеряла от такого кошмара! Это... это как вы пирожное пекли-пекли, а вместо вишенки таракана положили!

Мысль о том, что полиция, как-никак, защищает ее от преступников, ритане в голову не пришла. Наверное, места не было, среди нарядов, бантов и увеселений.

А сержант проходит между разнаряженными парочками, наклоняется к ее супругу, что-то говорит... тан Эстевис выслушивает – и направляется к тану Риалону.

Вот как знала, что не надо, *не надо* было приглашать темного мага! Вечно эти личности все перегадят!

Темные, одно слово!

Тем временем тан Густаво Эстевис переговорил с таном Риалоном – и последний поднялся с места.

– Ладно, прогуляюсь.

– Неужели я даже здесь не обрету покоя?! – мученически возвела глаза к небу его супруга.

– Могу упокоить, – не спустил ей некромант.

И то сказать, страдай – в меру! Небось за изумруды, которые на тебе надеты, можно половину Астилии прокормить. Тогда не страдала, вот и сейчас не изображай.

Барба была неглупа и поняла, что переигрывать не стоит.

– Но мы только решили отдохнуть! Это просто ужасно! Нигде нет покоя!

– Лучше подумай, – тан Эрнесто, видимо, переел сиропа и теперь сплевывал лишний яд, – что меня просто так не приглашают. Вполне возможно...

Барба побледнела.

А ведь и верно... нечисть?

Оставаться в поместье Эстевисов никому уже не хотелось. Ладно... сначала узнать, что там произошло, а потом и уезжать можно! Любопытно же! Такая тема будет для обсуждения в салонах! На год хватит!

– Светлый темным об забор, – ругнулся некромант, наклоняясь над крестьянкой.

Молодой, симпатичной, безнадежно мертвой.

Да, и с теми же признаками.

На лице улыбка, выражение самое счастливое, части горла словно нет. Лицо белое... явно обескровливание. Если еще и астральная сигнатура та самая...

Да, инструменты некромант с собой брал даже на отдых. Это у него получалось автоматически. Чемоданчик маленький, и не ему ж таскать? Слуги погрузят-выгрузят!

Вот и сейчас полицейский отправился за инструментами, а тан Эрнесто считывал информацию. Пока с помощью своей магии, и все больше убеждался, что эта жертва – идентична с первой.

А может, и еще с другими? Не найденными?

Такое тоже может быть. Ох как может...

Что ж. Для девушки это, безусловно, плохо, равно, как и для ее семьи. Сразу убийцу найти не удастся.

Для местной полиции – хорошо. Данным убийством будут заниматься не они, их объединят в серию и передадут следователю Вальдесу. Для Вальдеса, кстати, лишняя информация. Цинично, но чем больше трупов, тем больше материала для следствия.

А для некроманта это как? Хорошо или плохо?

А никак. Просто любопытно.

Что его потянуло на природу? Эрнесто и сам не знал, в кои-то веки захотелось расслабиться, отдохнуть... да, и на супругу наплевать. Отношения между ними как были отвратительными, так и остались. Барба его терпела ради денег, у самой-то только и было, что штопаное бельишко, когда замуж выходила.

Эрнесто ее терпел ради сына. Ну и все же уют. Хоть какой. Хоть самый паршивый.

Он не сильно и осуждал супругу, все же... он – темный маг. Даже если он будет сдерживать свою силу, в его присутствии будет неуютно. Наверное, только один случай был, когда от него не шарахались, словно испуганные воробьи. Может, два. Или...

Интересную мысль испугнул прибежавший с чемоданчиком полицейский. И Эрнесто принялся за работу. Сначала на месте преступления, потом придется проехать в морг.

А местный морг, скорее всего, оборудован из рук вон плохо... так часто бывает. Пригород, хоть и столица. В провинции часто даже самого захудалого зеркала мертвых нету. Кошмар!

И как прикажете работать в таких условиях? Убивать некоторых чиновников мало! Потом поднимать – и снова убивать. И так раз по нескольку, и чтобы преступление не раскрыли из-за недостатка финансирования. Тогда может, и до полиции часть денег дойдет, а не только до чьих-то карманов!

Глава 8

Антония проспала чуть не до восьми утра. Проспала бы и дольше, но – разбудили.

– Ритана Лассара. Простите, ритана...

Будить ее доверили Аните. Благо ту и так забрали в участок для дачи показаний. Кто-то ж должен был?

Риту отправили в больницу, девочке потребовалась помощь лекаря, Хулио тоже сильно пострадал, ему руку сломали, несколько ребер, почки отбили... досталось парню. Хорошо еще, не убили. Не успели.

Анита пострадала меньше всех, так что сержант вежливо попросил ее принять участие, дать показания и помочь полиции. Женщина согласилась.

К преступникам она никакой симпатии не питала, так что пострадать немного стоило. И Антонию она будила достаточно бережно. Даже с благодарностью.

– А? – вскинулась Тони.

– Ритана, как вы себя чувствуете?

– Анита? Ты в порядке?

Заговорили они обе одновременно. И Анита ответила первой, забыв про субординацию.

– Спасибо, ритана. Если б не вы, они б там всех прирезали!

– А...

– Я, Рита, Хулио. Роман, с... навел бандитов! Еще и помогал им, тварь такая! Нас эти сволочи ... во все ... Хулио ребра переломали, ...

Матерщина Тони не тронула, а вот кое-что другое...

– Кошмар! – схватилась за голову Тони. – Он же... ой...

Анита опустила глаза.

– Ну да. Я уж говорить ничего не стала, пусть тан рассказывает, если пожелает... такое пятно на семью. А вы себя как чувствуете?

– Нельзя сказать, что идеально – прислушалась к себе Тони. – Сойдет.

Мышцы не болели, простуду она на память не получила... могло быть намного хуже.

– Вы бледненькая такая, смотреть страшно.

– Ничего, переживем, – отмахнулась Тони и принялась выпутываться из пледов. – Надо поблагодарить полицейских. Они так хорошо ко мне отнеслись, напоили чаем...

Анита погладила ритану по руке.

– Да, люди они хорошие. Давайте я вам платье застегну как следует и волосы переплету, а то все ж сбилось...

Антония послушно кивнула.

Сил она ночью потратила много, и слабость чувствовала... ох!

– Сеньора Маркос! Я же ей обещала! Прийти хотела! А сколько времени?

Анита махнула рукой.

– Ритана, не переживайте. Шума столько было, все в курсе. Не сомневаюсь, сеньора не обидится.

– Думаешь? Анита, милая, все равно надо бы к ней зайти.

– Да кто ж спорит, коли обещано? Только, ритана, вы сначала домой зайдите, вымойтесь, переоденьтесь, а то в таком виде по улицам ходить – себя не уважать.

Тони кивнула.

– Спасибо, Анита. Прости, что не смогла помочь...

– Я-то что. Вот Ритке досталось...

– Роман, – прошипела Тони, крепко сжимая кулачки.

Дико захотелось снять ладанку, да и проклясть негодяя. Так, чтобы подох вскорости.

Нельзя. Во всяком случае, пока – нельзя.

Если сейчас он в полиции, потом суд... еще посмотрит кто, да найдет темное проклятье, а это дело подсудное. Вот как он на каторгу отправится, там Тони и пошлет ему весточку вслед. Хорошо так пошлет, от души, чтобы долго не прожил и счастливо не жил! И помучился побольше, помучился! И считайте ее кровожадной тварью! Ей не жалко!

Сержант Кастильо встречал Тони на пороге комнаты отдыха.

– Ритана Лассара, мое почтение!

– Сержант, – вежливо ответила Тони. – Простите, я не запомнила ваше имя, я была не в себе...

– Сержант Пио Хуан Кастильо, к вашим услугам, ритана.

В следующую минуту сержант покраснел, аки маков цвет. Потому что Антония взяла его за руки и крепко расцеловала в обе щеки.

– Благодарю вас, сержант. Вы мне жизнь спасли!

Сержант зарделся, как маков цвет. И судя по смешкам, ему эту сцену еще припомнят. Но здесь и сейчас...

– Ритана, мы ж ничего особенно не сделали.

– А об этом предоставьте судить мне, – Антония еще раз расцеловала сержанта. – Верьте, я не забуду о вашем благородстве.

Смешки стихли.

Антония не издевалась, она говорила вполне серьезно, да она так и думала. Если бы сержант не поверил, если бы ничего не сделал...

Если бы выставил Антонию на улицу, а что греха таить, встречалось и такое, она бы просто умерла к утру. Сил она потратила столько, что упала бы где-нибудь в темном уголке – и все. А еще умерли бы Рита, Анита, Хулио...

Впрочем, этого не случилось, так что не стоит говорить о печальном.

– Ритана, вы сможете потом дать показания? Для протокола?

– Конечно, сержант. Сообщите мне, когда явиться.

– Я сам приду. Надо будет еще ваших родных опросить...

– Да, конечно. Я буду рада вас видеть.

– ТЫ!!! Ах ты ... и ...!!!

Вопль раздался так внезапно, что вздрогнули все. Кроме Антонии. Но девушка пока еще плохо соображала, поэтому просто запоздала с реакцией и вздрогнула, когда на нее уже не смотрели.

Истошно орал Роман, которого переводили из кабинета в камеру.

Допросили, и вели, а тут Антония. И сопоставить два и два было несложно, тем более что она держит сержанта за руки и благодарит. Вот и сорвало беднягу.

Антония и сказать ничего не успела. Один из полицейских сбил негодя с ног, второй пнул под ребра, прекращая вопли.

– А ну молчать, ...!

Антония не удостоила его и взглядом.

– Сержант, я вам очень благодарна. И расскажу обо всем своим родным.

– Я сейчас прикажу вас проводить, ритана. Обождите минутку.

Антония обождала.

И сопровождающего приняла безропотно. Она действительно не слишком хорошо себя чувствовала – и боялась упасть в обморок. Да и на Аниту рассчитывать не стоило. Ее бы в больницу...

Хорошо хоть идти недалеко.

Марио, тот самый полицейский, который ночью оставался с Антонией, проводил спутниц до самого дома. И даже внутрь проводил – и хорошо. Потому что внутри...

– Ритана!

– Анита!

– Что случилось?!

– Что произошло?!

– Как...

Слуг в доме было больше десяти. И сейчас на Антонию и Аниту набросились все те, кто по случайности не оказался в доме этой ночью. Антония зашаталась, и рухнула бы, не поддержи ее Марио. Он же и рявкнул вполне командным голосом (вспомнив сержанта):

– РRRРавняйсь! СмиRRRRна!!!

И плевать, что гражданские, а большая часть вообще бабы! Команду выполнили – любо-дорого посмотреть! Вот что строевая-то с людьми делает!

Марио сгрузил ритану на диван и принялся раздавать команды. Ну и просвещать народ.

– Сегодня ночью была предпринята попытка ограбления дома. Некто Роман впустил сюда грабителей, которые едва не убили всех оставшихся в доме. Ритана Антония вовремя их услышала, смогла сбежать и добралась до полицейского участка. К сожалению, это плохо сказалось на ее здоровье, поэтому ей нужна забота и доктор! Сеньорита Анита тоже пострадала в результате действий подонков, и ей также нужна помощь. Надеюсь на вашу сознательность. А теперь позвольте откланяться.

В чувство он слуг более-менее привел. Конечно, не стоило им открывать всего, но какая там тайна следствия? Анита что-то расскажет, Антония... здесь тайну не сберечь, да и какая там тайна?

После ухода Марио слуги все осознали, Антонию отвели в ее комнату, а героиней дня стала Анита, которая на кухне, попивая винцо,

рассказывала, как это было ужасно.

Как вломились негодяи, как подсказывал им Роман... С чего он вдруг?

Да кто ж его знает? Вроде как и не обижен был, и хозяйева хорошо платят, а вот – случилось...

Анита единодушно стала героиней дня.

Антония тоже, но она меньше, все же ритана. К ней так просто не подойдешь. А и подойдешь – стоит ли? Вот как-то враз припомнилось, что ритана-то из семейства Лассара. И связываться с ней достаточно опасно.... Может, она что и сделала.... Такое?

Потом слуги подумали еще немного и решили, что – нет. Вряд ли.

Вот, тан Риалон, на что уж душевный человек, а все ж в его присутствии мороз бежит. У кого по загривку, а у кого и ниже... а с их ританой такого не случается. Есть она – и есть, человек вроде как неплохой.... Спросить у нее?

Все переглянулись и единодушно возложили эту миссию на повара.

Сеньор Фарра подумал пару минут, а потом принялся собирать поднос. Давно известно, ежели маг чего делал, так сил потратил, и кормить его надо хорошо. Лучше чем сладким, мужчинам, говорят, еще и алкоголь полезен, но это ж ритана! Незамужняя!

Нет, ей вино не предложишь.

А вот сладкий малиновый ликер – вполне. Немножко, пару рюмочек.

И шоколату. Дорогую, но тут даже ритана Розалия не придерется. Заслужено. А еще булочки с кремом, с печеньем, и сахарные крендельки... ну и отдельно – тарелочки с нарезкой. С мясом, с сыром – вдруг ритане что посерьезнее потребуется?

Так сеньор Фарра и постучал в дверь к Антонии.

Рядом с ним переминался с ноги на ногу Бернардо со здоровущим подносом.

– Войдите! – отозвалась Антония.

Она разделась, приняла душ и забралась под одеяло. Но все равно...

Да, она проявленный маг. Но пока еще слабый. И не слишком хорошо обученный. Там, где надо капнуть из ложки на фитиль свечи, она льет ведрами. Но кому было ее учить?

Некромантия – это вам не целительство, там-то проще, хотя и там надо тело человека изучать. Но в целительстве может пострадать только твой пациент. А вот в некромантии...

Даже духа призывать – и то уметь надо. А то ведь может отозваться кто угодно. Ты открываешь ворота в другие миры, а кто проходит?

А вот тут – вопрос. Часто проходит тот, кто захочет. Если некромант неопытный, если...

Долорес и Хуан таких случаев понарасказывали, что Тони практиковаться не решилась. Ну его, от греха! Вот с отведением глаз... да, пару раз у нее получалось. Бывало.

А вот с возрастом вещей только здесь получилось, в столице. Раньше как-то и дела с антиквариатом иметь не доводилось. И с видением... может, это и есть часть ее способностей?

Надо бы проверить, но как?

Хотя чего она рассуждает?

Рано или поздно, так или иначе...

Размышления прервал стук в дверь. А на пороге обнаружился сеньор Фарра и лакей, кажется, Бернардо.

– Входите, – радушно пригласила их Антония.

Мужчины переглянулись – и вошли. Поднос опустился на тумбочку, и девушка округлила глаза. Ей столько было не слопать даже за два дня.

– Ритана, вам кушать хорошо надо! – наставительно произнес сеньор Фарра.

А если не съест – обидит человека. А съест – лопнет. И что делать? Выход нашелся быстро.

– Сеньор Фарра! Бернардо! Может, вы со мной посидите? Пожалуйста...

Получилось очень жалобно. Мужчины переглянулись – и остались. Быстро распределились и роли.

Ликер распили на троих, мясо перетаскал Бернардо, сеньор Фарра налегал на сыр и булочки, а Тони таскала шоколату. Вкусно же!

Дома она ничего такого не ела – дорого. А здесь можно себе позволить.

Тони честно рассказывала, что произошло. Как она проснулась, как выбралась на ночную улицу, как добралась до полиции...

Мужчины ахали, охали и очень сочувствовали. Под ликер оно хорошо получалось.

* * *

Совсем не так приятно проводила время компания в поместье тана Эстевиса.

Во-первых, случилось убийство. Рядом. Приятно пощекотать себе нервы, да и убита обычная сеньорита, но все же, все же...

В приличных домах такого не допускают.

Тан Риалон отправился помогать следователю и вернулся только под вечер. Его супруга была этим не слишком довольна, а поскольку натурой она была импульсивной, то отравила и все пространство вокруг себя.

Дамы нервничали и переживали.

Мужчины хотели спокойно обсудить происходящее, но куда там! При дамах?

А тут еще и телефонограмма Араконам. Еще один кошмар! Их дом пытались ограбить! Все предотвратили, грабителей поймали, кое-кто из слуг пострадал... надо бы ехать и разбираться, но...

Альба закатила такую истерику!

Ей позарез надо было оставаться на празднике. А вдруг?!

Вот именно здесь и сейчас может решаться ее судьба! Эудженио намекал, что им надо серьезно поговорить, так почему бы и нет? Убили кого-то?

И что?!

Какое это имеет отношение к ней, единственной и неповторимой?! Жизнь продолжается! А Альба Инес хочет замуж! За Эудженио Валеранса!

Лучше – завтра!!!

Но она согласна немножко потерпеть. Не слишком долго...

Тан Адан вздохнул – и махнул на все рукой. В конце концов, что изменит его присутствие или отсутствие в городе? Кража уже случилась, ее уже предотвратили, а преступникам больше спешить некуда. Подождут до понедельника.

Дети... что тут поделаешь?

И вечером таки был бал.

Восхитительный!

Под открытым небом! По случаю хорошей погоды тент не натягивали, и все видели звезды. И цветные фонарики, развешанные на ветках деревьев. И гирлянды из цветов.

И крохотные уютные беседки в углах сада...

Вот, одна из таких беседок и приняла в свои объятия молодую парочку, которая тут же слилась в долгом поцелуе.

Потом еще в одном. И еще...

Но когда рука мужчины, слишком осмелев, скользнула в вырез платья (хотя какой там вырез? Там все платье один сплошной вырез!), девушка остановила его.

– Дженио... умоляю, не надо!

– Обещаю, я не причиню тебе вреда!

– Я... прошу...

– Ина, ты меня с ума сводишь! Я рядом с тобой на все готов! Мне хочется совершать безумства, ты толкаешь мужчин на самые невероятные поступки! Ради твоих глаз, твоей улыбки, одного твоего благосклонного взгляда, я бы сразился с любым драконом.

Особенно учитывая, что звери это мифологические. И никто никогда их не видел.

– Дженио...

Томный вздох был ответом герою. Тем более что горячие губы прошлись по шее.

– Ина... ты выйдешь за меня замуж?

– Дженио...

– Я люблю тебя и не смирюсь с отказом.

Отказывать никто и не собирался. Альба Инес старательно изобразила смущение.

– Если родители будут согласны.

– Если они откажут – я тебя попросту украду!

– Мы будем, как Раймон и Доротея!

– Только у нас будет история со счастливым концом, – уточнил мужчина.

История про Раймона и Доротею была любимой слезодавильней столичных дам, а в сезон – и театров. Классика жанра.

Двое юных влюбленных, которых разлучили родители. Разумеется, ее хотят выдать замуж за старика. Его – выгодно женить. Конечно, они умудряются встретиться и договориться о побеге, но находится предатель – и родственники настигают влюбленную пару. И Раймон направляет карету в пропасть.

Родственники замирают на ее краю, а из пропасти в небо взлетают два лебедя.

Уже не один век эта история вызывала у девушек судорожные рыдания. Хотя встречались и исключения. Например, Антония, которая историю прочла, но и с лебедями была знакома. И знала, как милая птичка дерется, шипит и гадит. Очень романтично...

Альба Инес лебедей видела только на озере, а там они вели себя намного приличнее.

– О, я надеюсь, что мои родители тебе не откажут.

– Тетя Барба поговорит с ними.

– А тан Эрнесто?

Эудженио мило улыбнулся и еще раз поцеловал девушку.

– Не забивай свою очаровательную головку, дорогая. Ради тебя я переверну и небо, и землю!

– Дженио... я так тебя люблю!

– И я тебя люблю, радость моя.

И снова поцелуй. И еще один....

Нет, не зря Араконы остались до утра.

Когда парочка удалилась, мужчина вышел из-за кустов. Вообще, он тоже собирался устроиться в этой беседке. Но – не повезло. Молодые люди заняли ее ровно за минуту до его прихода. Он увидел, как они входят внутрь... и решил подслушать.

Хотя обычно такими вещами не увлекался. Некрасиво, да и недостойно мужчины. Но...

Мужчина потер подбородок, вспоминая увиденное. И оно ему не слишком нравилось. Нет, таны и ританы, вы как хотите, но...

Девушка явно льнула к мужчине и была влюблена. А он?

Нет.

Со стороны это хорошо было видно, Эудженио явно переигрывал. Хотя ему-то какое дело? Пусть женится, пусть заводит детей, пусть...

Да пусть хоть камнем станет и травой порастет! Лишь бы его не трогал!

И все же... неприятное ощущение. Вообще не стоило подслушивать, но вот – не удержался. Проявил любопытство, теперь ощущение, что в мед вляпался. Причем позапрошлогодний, засахарившийся и мухами усиженный. Не иначе.

Гаденькое такое чувство...

Но если он поговорит с Араконами, лучше не будет. К его словам просто не прислушаются. Куда уж там!

Красавец, умница, военный, само очарование – что еще надо?

Да ничего! Эудженио своего добьется, мужчина даже не сомневался. А еще...

Еще ему было тоскливо. И хорошо помнилось, как в такой же беседке, буквально несколько дней назад...

Он вошел внутрь, повязал ленту, давая понять, что беседка занята, и уставился в стену. Сунул руку в карман, вытащил ее и разжал кулак. На ладони лежала ярко-алая бабочка.

Кто же ты, неизвестная ритана?

И почему я не могу о тебе забыть? Почему вспоминаю каждую ночь? Зачем ты приходишь в мои сны? Зачем тревожишь?

Ты стала моим наваждением, моей марой, моим крохотным чудом, моим подарком... и я могу никогда не узнать твоего имени. Я даже лица не видел.

Я знаю, что у тебя есть родинка в ложбинке между грудей, но я не знаю твоего имени. Я знаю, как нежны твои губы, но не знаю, где тебя искать... я только могу надеяться, что у тебя все хорошо.

Или нет?

Кто тот мужчина, из-за которого плакало твое сердце? Кто толкнул тебя на безрассудство?

Встретимся ли мы еще раз?

Я не знаю. Но и забыть тебя я не в силах.

Где ты, девочка? Кто ты? Что с тобой?

Мужчина задумчиво сидел и смотрел на алую бабочку. А в саду бушевал разноцветный вихрь удовольствий.

– Папа! Мама!

Альба Инес выглядела совершенно счастливой. Так, что Паулина позавидовала.

– Вырез поправь, – шепнула она сестре, – сейчас вообще сползет.

Альба сверкнула на нее глазами. Подошедший сзади Эудженио вообще проигнорировал завистливую девицу.

– Тан Аракон. Ритана Аракон. Я официально прошу у вас руки вашей дочери. Мы с Альбой Инес любим друг друга и мечтаем о вашем благословении.

Араконы умиленно переглянулись. Не зря они задержались на празднике. Но...

Тан Аракон кашлянул и шагнул вперед.

– Я не стану препятствовать счастью своей дочери. Если она вас любит...

– О, да! Да, папенька! – не сдержалась Альба Инес.

– Тогда я буду ожидать ваших родителей.

Эудженио опустил светловолосую голову.

– Я сирота, тан.

– Простите, – ахнула ритана Розалия, наступая мужу на ногу. – Мы не хотели.

– Я понимаю, вы не знали. Мои родители погибли, давно. При очередном прорыве... меня они спасли, а сами остались. Меня воспитывали дедушка и бабушка, но они уже умерли.

– О, Дженио! Я так тебе сочувствую!

Альба погладила его по плечу.

Ритана Розалия вздохнула. С одной стороны... все же нужно родственников.

С другой – у ее девочки не будет свекрови. А это важно. Недаром про тещу скабрзные байки травят, а про свекровь печальные песни поют.

– А ритана Барбара? – вспомнил тан Адан.

Эудженио очаровательно улыбнулся.

– Собственно, ритана Барбара в свое время была близкой подругой моей матери. И для меня она все равно, что тетушка. Моя крестная мать.

– Что ж. Тогда мы с удовольствием примем вас в гостях – через три дня, – решил тан Аракон. Альба бросила возмущенный взгляд на отца, но спорить прилюдно не решилась. Девушка должна быть кроткой, послушной, нежной и трепетной. Во всяком случае, до замужества. Потом уже как повезет. Мужу.

– Тан, я подчиняюсь любому вашему решению. Если вы согласны на нашу помолвку...

Адан Аракон вздохнул еще раз. Альба выросла.

Дети так быстро вырастают, кто бы знал! Вот только вчера она сидела у него на коленках и качалась на деревянной лошадке. И требовала взять ее на ручки.

А сейчас она уже невеста. И собирается своих детей завести...

Так странно!

Так... да, ему это не нравится! Но не мешать же счастью дочери? Вот она стоит, смотрит удивленными глазами... его красавица. Его любимая девочка.

Тан Адан сделал шаг вперед.

– Таны и ританы! Позвольте мне сделать объявление! Сегодня тан Эудженио Валеранса сделал предложение моей дочери, Альбе Инес Аракон. И она его приняла.

Несколько минут царил тишина. А потом кто-то зааплодировал. И все бросились поздравлять Араконов, Эудженио...

Наверное, единственный, кого не поздравляли, был тан Риалон. Но с некромантами так сложно...

Утренние неприятные впечатления полностью загладились романтической историей. Это так мило...

* * *

Домой Адан Аракон возвращался с опасением. Что-то он там увидит?

С чем придется столкнуться?

Но...

Дом был точно таким же. Слово и не было ничего.

Так же открывал дверь... а вот тут – не то! Обычно дверь открывал Роман, а сейчас Бернардо. И не улыбался...

– Тан. Ритана Розалия, ританы...

– Бернардо! Я волновалась...

– Антония у себя? – решил начать расспросы с племянницы тан Аракон.

– А то как же! – просиял Бернардо. – У себя. Правда, может еще спать...

– Так поздно? – неприятно удивилась ритана Розалия. – Уже к полудню!

– Так ритана, оно ж как случилось! – развел руками Бернардо. – Когда эти гады вломились, ритана Антония сумела выбраться и помощь привести. Только промерзла вся, чудом не заболела, и вчера еще слабая была... Сеньор Фарра ее настойкой напоил на ночь. Крепкой. Вот она и спит, что тот сурок...

Ритана Розалия смягчилась. Лень племянницы получила разумное объяснение. А вот тан Адан задумался.

– Тогда попроси Риту ее разбудить.

– Рита в больнице, тан. Пострадала при ограблении... Анита меньше, она уж и оправилась, а вот Рите еще дней десять лежать. И Хулио...

Тан Адан задумался.

– А Анита...

– Позвать, тан?

– Зови. И пошли кого-нибудь к Антонии. Хотелось бы все узнать до того, как поеду в полицию.

– Конечно, тан.

Бернардо поклонился – и умчался за Анитой.

Альба и Паулина хотели присутствовать при беседе, но отец безжалостно отослал их. Девушки переглянулись – и решили все вытянуть из Антонии. При случае.

А пока...

Пока Альба была слишком занята своей помолвкой, чтобы протестовать. Надо было пересмотреть все свои вещи... Дженио завтра обещал заехать с родными, просить ее руки. А она абы в чем?

Такого допустить нельзя! Она должна быть великолепна!

Тан Адан расспросил Аниту. Узнал про подвиги Романа, про все остальное... пообещал наградить служанку и отпустил ее. И повернулся к супруге.

– Роза, тебе придется поговорить с отцом.

– Да, дорогой.

– Я не позволю вытаскивать из тюрьмы эту пакость.

– Отец огорчится.

– Зато твоя мать будет в восторге. Она... м-да, может, мне все же вытащить Романа?

– Адан!

– Все-все, дорогая, я шучу.

Розалия топнула ножкой. Шутит он!

Конечно, ее мать без всякого понимания отнеслась к ублюдку своего супруга. И сказала, что ноги ее под одной крышей с мерзавцем не будет. Но и отцу отказывать...

Кто знает, куда бы он еще пристроил Романа?

Розалии оставалось терпеть и ждать. Чего? Ну, пока Роман сам куда-то не денется.... Вот и делся, с-скотина! Мать действительно будет в восторге. И к дочери она может приехать. И говорила она, что Роман плохо кончит, рано или поздно, что мразь он, как и его мамаша...

Только толку с того? Разгрести данную навозную кучу все равно им!

Но слава Творцу, что Антонии удалось предотвратить преступление... о, а вот и она!

Племянница была бледной, усталой и осунувшейся. Применение силы даром не проходит.

– Тони, как ты себя чувствуешь? – участливо спросил тан Адан.

– Благодарю, дядя. Все более-менее в порядке. Я просто промерзла и переволновалась.

– Ты умничка, девочка. Ты сможешь мне рассказать, что именно произошло ночью?

Тони кивнула.

– Меня разбудил крик. Женский...

Рассказ о своей силе Тони опустила, а все остальное поведала честно. Так Адан выслушал и порадовался. Действительно, все могло кончиться плохо. И слуг убили бы, и дом подожгли... да много чего мог сделать этот выродок. Но – обошлось. И не в последнюю очередь благодаря Антонии. А коли так...

– Тони, я могу для тебя что-то сделать?

– Дядя? Тетушка?

Ритана Розалия вздохнула.

– Адан имеет в виду нашу благодарность. Если захочешь, мы дадим тебе денег, но...

Антония поняла правильно. Она – родственница. Да, приживался, да, из милости, но все же ее считают родственницей. Деньги получают слуги. А она...

Здесь и сейчас ей надо выбирать. Или она своя, или...

Это было несложно.

– О чем вы говорите, тетушка? Это было моей обязанностью – я одна оставалась дома, я обязана была сделать что-то... хотя получилось и не слишком хорошо.

– Замечательно получилось, – махнул рукой тан Адан. – И все же? Может, что-то мы сможем для тебя сделать? Вот что бы ты хотела? Хочешь, отправлю тебя к мастеру Риколетти и закажем полный гардероб?

Антония качнула головой.

– Дядюшка, мне это не столь интересно.... У меня есть все необходимое. Но если бы вы позволили мне чуточку больше...

– Больше? – насторожилась ритана Розалия.

– Дома я привыкла к свободе, – тихо сказала Тони. – Мне тяжело. Ритана... тетушка Розалия, я привыкла ходить, где хочу, располагать своим временем свободно... я соблюдаю правила вашего дома и буду соблюдать их впредь, но мне бывает тяжело.

Тан Адан сообразил первым.

– Тони, если пожелаешь, я дам тебе ключи от калиток и от дома. И ты можешь гулять по городу в свободное время. Но пообещай мне быть благоразумной. И брать с собой лакея... к примеру, Бернардо. Ты согласна?

Тони кивнула.

– Дядюшка, тетушка, я вам так благодарна! Это просто замечательно! Я обещаю, что буду все-все выполнять и никуда не влезу, но иногда так хочется просто выйти и пройтись по улице! Или погулять по рынку! Просто посидеть в парке на скамеечке, побыть в тишине... я обещаю! Я вас не подведу!

Ритана Розалия даже улыбнулась при виде такой искренней радости. Может, и правда. Ее дочери воспитывались совершенно иначе, а какое воспитание дал девочке Даэрон? Она старается, это видно, но Антонии действительно тяжело.

– Конечно, я дам тебе ключи, – успокоила она Антонию, – гуляй, сколько понравится. Но это будет не раньше, чем послезавтра. Сегодня необходимо все ключи поменять, мало ли что еще попало в руки негодяя. А завтра у нас важное событие.

– Тетушка?

– Эудженио сделал предложение Альбе. И она его приняла. Завтра его семья придет к нам в гости.

Антония не упала только потому, что уже сидела. Но в подлокотники вцепилась так, что едва дыр не понаделала.

– Замечательно...

По счастью, никому не было дела до ее тона. Ритана была занята размышлениями. Помолвка дочери! А тут еще и это...

Роман – все же скотина! Весь в свою мамочку-проститутку. Вот что значит дурная кровь!

* * *

Ритана Розалия строила домашних. Все перечисчалось, перетряхивалось, убиралось, был озадачен сеньор Фарра...

Тан Адан отправился в полицейский участок, разбираться с происшествием.

При деле были и Альба с Паулиной – они подбирали девушке наряды на завтра.

Антония осталась одна. И – удрала.

Шла по улице, перебирала бездумно бахрому шали, которую накинула на плечи... зачем? Ей не было холодно.

Или – было?

Что хуже? Никогда не увидеть любимого? Видеть изредка? Или видеть каждый день и знать, что он принадлежит другой? Альба любит родителей, она будет у них частой гостьей. А Тони...

Тони будет видеть, как светятся от счастья ее глаза, как растут их с Эудженио дети... и это было больно. Очень больно.

Она и сама не заметила, как ноги вынесли ее к знакомой лавочке. Но дверь толкнула и вошла внутрь. Сеньора Луиса была на месте. Подняла голову, усмехнулась.

– Явилась, героиня вся Тарралонга?

Антония кивнула. Шмыгнула носом – и разревелась.

Сеньора Луиса вздохнула – и пошла ставить чайник. Ох уж эта молодежь... она умнее была! Наверное...

Антония всхлипывала долго. Пила чай, объясняла, что так несправедливо, опять пила чай...

Сеньора Луиса гладила ее по волосам и сочувствовала.

– Не переживай. Подумаешь, на другой женится... так бывает!

– Я его... я его люблю!

– Может, он такой козел, что твоей сестрице посочувствовать надо!

– Он не козел! Он... он замечательный!

Козел.

Вслух сеньора Луиса этого не сказала, но утешения продолжила. А потом и вовсе постаралась переключить разговор на другую тему.

– Вот ты вчера со мной пойти не смогла, а мне такую вещь продали.

– Вещь?

– Говорят, это трубка самого Рейнальдо Игнасио Шальвена.

– Рейнальдо Игнасио Шальвен? А кто это?

– Ты не знаешь?!

Сеньора Долорес удивилась так искренне, что Антонии даже стыдно стало. Хотя – чего тут стыдиться?

– Нет, не знаю.

– Там была такая история... лет сто пятьдесят тому назад! С ума сойти просто!

– Какая? – заинтересовалась Антония. – Расскажите?

– Конечно.

Все лучше, чем этот слезоразлив пополам с признаниями выдерживать.

Дело было около ста пятидесяти лет тому назад.

Как водится, есть люди – есть преступность. Есть преступность – есть и организованная преступность.

Вот и организовались.

Было такое тайное общество, галисинцы. Торговали наркотиками, занимались контрабандой, ну и всякое... черное. Тоже там было. Во

главе стоял человек, на которого никто и не подумал бы. Тройродный брат его величества!

И жил в Римате обычный полицейский, Рейнальдо Игнасио Шальвен.

Как – обычный?

Умный, а таких всегда мало. Не любит их начальство. Раз он с ним схлестнулся, два, потом ушел на вольные хлеба, организовал детективное агентство, дела расследовал.

– Как интересно! – Антония уже и забыла о своих горестях.

По Римату поползли слухи. Там Шальвен преступника нашел, здесь, потом саму сеть зацепил.

Дальше было грустно. Сыщику сделали предложение не совать нос в чужие дела. Если, конечно, хочется сохранить его в целости. И не только свой нос. Еще брата, жены брата, племянников, еще родителей... Рейнальдо загрустил.

И согласился.

А потом оказалось, что он три года разрабатывал эту сеть. Три года. И когда настал момент, прорвался на прием к его величеству и дал ему все доказательства.

По стране прокатилась волна арестов. Да какая! Головы летели и среди простонародья, и среди танов – не важно! Лишился бы головы и особо умный королевский родственничек, но – не успели. Удрал.

И начал охотиться за Рейнальдо.

Дальнейшее история умалчивает. Но в один прекрасный день Рейнальдо просто пропал из своего дома. И что с ним стало – неизвестно. Впрочем, его родные и близкие не пострадали.

Антония покачала головой.

– И никто? И ничего? А некромант?

– И некроманты ничего не узнали.

– С ума сойти...

– Вот, распродавали вещи. И эту трубку мне продал человек... клялся, что его прадед был близким другом самого Шальвена и забрал трубку на память. Посмотришь?

– Конечно!

Тони протянула руку к трубке и медленно приняла в ладони прохладную тяжесть.

Мореный дуб, слоновая кость, старая, темная, такого характерного желтоватого оттенка... никакой отделки, никаких украшений. Голая функциональность.

Пальцы сомкнулись – и девушка снова потерялась в пространстве и времени.

* * *

Друг против друга стоят двое мужчин. Один – высокий, худощавый, чем-то напоминает паука-сенокосца. Немного нескладный и неожиданно обаятельный.

Не красавец, честно говоря. Лет сорока – сорока пяти, не больше. Темные волосы коротко подстрижены, высокий лоб, тяжелый подбородок, прямой нос... очень характерный профиль. Раз увидишь – не забудешь. И все же он очень уютный. Такому человеку хочется довериться. Доверить любые секреты.

Он – надежный. Словно бетонная опора моста.

Напротив него стоит мужчина совершенно другого типа.

Красавец?

О, да! По такому не одно поколение женщин будет слезами обливаться. Фигура – эталонная. Длинные ноги, тонкая талия, широкие плечи. Черные локоны крупными кольцами падают на плечи и спину. Картинно красивое лицо.

Точеный профиль, громадные глаза, подбородок с ямочкой... рядом с ним даже Эудженио поблекнет, столько обаяния в этом человеке. Столько харизмы. Он и начинает разговор.

– Не ожидал, Шальвен?

– Ошибаетесь, сеньор. Ожидал.

Красивое лицо искажается гримасой ярости.

– Как ты смеешь?!

– Согласно королевскому указу, вы, сеньор, лишены дворянского достоинства. И приговорены к смерти.

– Не ты ли возьмешься исполнять приговор?

Шальвен улыбается.

– Сеньор Николас, неужели вы думаете, что я не ждал вашего прихода? Я с радостью отдам свою жизнь, чтобы такие твари, как вы,

не поганили собой землю Астилии.

Красивое лицо становится вовсе уж страшным. Словно и не человек это вовсе, а чудовище.

– Ждал? Тем хуже для тебя. Выйдем?

– Почему нет?

Шальвен откладывает на стол трубку, проводит пальцем по чубуку, словно... прощается. Так и есть. Именно прощается.

Стык между слоновой костью и деревом пригнан неплотно. Это случилось не так давно, он уронил трубку, собирался починить, но не успел.

Как это странно – вещь переживает человека.

Мужчины выходят из гостиной.

* * *

– ТОНИ!!!

Девушку сильно встряхнули, возвращая в реальность.

– Все в порядке, – шепнула она. – Все хорошо.

Сеньора Луиса отпустила девушку.

– Ты что-то видела? Опять?

– Да. Если это были они... он. Шальвен.

– Расскажешь?

– Конечно.

Сеньора Луиса выслушала короткий рассказ. Потом достала с полки книгу и показала старинную гравюру.

– Этот?

– Да.

– Значит, не обманули.

На фото человек был в плаще с пелериной, в странном головном уборе, какие были в моде лет сто пятьдесят назад. Но не узнать это лицо?

Это ироничное выражение с капелькой грусти?

Невозможно!

– Шальвен?

– Их так и не нашли. Ни Шальвена, ни кузена короля...

– Он красивый был. Очень.

– И такая подлая душа! Если захочешь, я дам тебе книгу про те времена, считаешь...

– Буду очень вам признательна.

Антония решила, что хорошая книга ей не повредит. А то от молитв скоро круги в глазах поплывут. Сил нет, какая гадость! Понятно, необходимость, но тошно же! Тоскливо и скучно!

– А теперь посмотри еще пару вещей.

Тони послушно взяла в руки старинный подсвечник, возраст которого был примерно лет под сто. Но ничего не ощутила.

И со старинным креслом – тоже.

А вот столик...

* * *

И снова в видении двое людей. Мужчина и женщина.

Он – высокий, крепкий, но лицо самое обычное, ничего особенного.

Она – худая, нервная, старше его лет на десять...

– Не отрицай! Ты с ней спал!

– Неправда!

– Хулия говорит, что спал! Не лги мне, Жуан!!!

– Да не лгу я!

Ссора нарастает, женщина настаивает, мужчина оправдывается...

Они стоят друг против друга, он – красный и напряженный, похожий на быка во время корриды. Она бледная и решительная. Громкость нарастает.

Он оправдывается, потом отрицает, потом начинает нападать.

Она нападает с самого начала.

Кричит о разводе, о том, что оставит все свое имущество какому-то Энрико... и в какой-то момент все срывается.

Мужчина толкает женщину, та летит головой вперед, ударяется виском о край столика – и затихает на полу.

Мужчина опускается рядом на колени.

– Анна... Анна!

Бесполезно. Висок очень характерно вдавлен. Женщина мертва.

Это видение далось намного легче. Но Антония все равно долго лежала в кресле.

– Опять убийство? – прозорливо угадала сеньора Луиса.

– Да.

– Хочешь угадаю, чье?

– Хочу, – согласилась Антония.

– Ее звали Анна. Правильно?

– Правильно, – чуточку удивленно согласилась Тони. А потом догадалась. – Вы знали... о ней?

– Я и ее знала. Если ты заметила, одеты и Анна, и Жуан были вполне современно.

– Э... да. Наверное.

Сразу Тони и не поняла. Слишком уж затянула ее картина убийства. А вот сейчас...

– Жуана повесили в тюремном дворе десять дней назад. А столик мне продал...

– Энрико?

– Да. Внебрачный сын Анны. По молодости Анна влюбилась, родила от любимого человека, но не замужем, вот и ребенок – бастард. На мать он был сильно обижен. А уж когда Анна с этим бугаем спуталась... весь квартал говорил, что добра не будет. Но когда это влюбленные бабы умных людей слушали?

Тони откровенно обиделась.

– Вот все дуры...

– Не все. Но многие. А дальше все просто было. Анна – ты ее видела.

– Видела. Селедка костлявая. Страшная.

– Грустно, но правда. Жуан загулял, как таракан по столу, тут его тапком и накрыло. Анна как обнаружила, что он Матильду в углу прижимал, так сильно обиделась, устроила скандал...

– Кричала, что оставит все Энрико.

– Вот, он все и так получил, кстати. Хоть в одном она душой не оказалась – действительно оставила все сыну.

– И Жуан ее толкнул. Случайно. А она об столик ударилась головой – и все.

– Я примерно так и думала. И полиция тоже.
– М-да... а с канделябром ничего. И с лампой... Сеньора Луиса улыбнулась. Довольно и весело.

– Говоришь, проявленный дар?

– Да.

– Спиритизм?

– Да.

– И ты еще не поняла, в чем заключается твой талант? Где он нашел себе дорожку? Призывать духов ты не можешь...

– Могу, наверное. Но...

– Боишься. А сила, как вода. Где-то да будет просачиваться. Вот твоя и нашла себе выход.

– Какой?

– Ты видишь не просто сцены из прошлого. Ты видишь прошлое вещей. Но не всех, а только те, которые убивали. Или рядом с которыми произошла насильственная смерть.

Антония задумалась. Ненадолго.

– Столик – согласна. Перстень тоже. А трубка?

– У тебя есть сомнения? Шальвен шел на смерть?

– Да. Он точно знал, что его убьют, и готовился пожертвовать собой.

– Вот. Это не откровенное убийство, но мужчина, видать, был умный. А вещи... они несут на себе... как заряд, что ли? Вот если палочку потереть шелком... поняла?

– Да. Будет бить током.

– Правильно. Здесь то же самое. Память вещи осталась. Если никаких серьезных событий рядом с ней не происходило, ей и помнить будет нечего. А если были... И что может быть серьезнее смерти?

– Две смерти?

– Вполне возможно. Но тебе таких вещей еще в руки не попадалось.

Антония задумалась.

– А что мне теперь с этим делать?

– Что ты хочешь с этим делать?

– Не знаю...

Сеньора Луиса присела рядом, с материнской лаской погладила Антонию по волосам, отгоняя грустную мысль. Не был бы Фернандо

такой гнусной дрянью, была бы и у нее доченька.

Прыгнула на колени Антонии теплая тяжесть, свернулась и оказалась пушистым большим котом.

– Сеньор Маркус.

– Муррррррм.

– Подумай сама, Антония. Тут может быть либо одно, либо другое. Если ты хочешь – оставь свой талант втайне. В нашем деле он незаменим. Знать, сколько лет вещи, знать ее прошлое в некоторых случаях – это бесценно. Мы с тобой можем заработать состояние.

– Это хорошо...

– Есть и другой путь. Люди убивают, ты понимаешь.

– Да.

– И есть вещи, которые остаются на месте убийства. Что-то будет *помнить*.

Антония поежилась.

– Да. Будет.

– Ты можешь читать прошлое таких вещей. В полиции этот талант оценят.

Тони медленно кивнула.

Да, оценят. Наверняка. Но нужно ли это ей? Родственники уж точно не одобряют.

– Думай, Тони. Я тебя поддержу в любом случае, но решение принимать тебе. Только тебе.

– Страшно. Очень страшно.

– У вас, некромантов, вся жизнь один сплошной ужас. И живете же как-то...

Тони улыбнулась в ответ на попытку пошутить.

– Как-то живем.

Сеньора Луиса рассмеялась, взъерошила девушке волосы.

– Эх ты... дрозд.

Спать Тони легла очень поздно. Ей было о чем подумать.

С одной стороны – ее дар может быть очень полезен.

С другой... не найдется тех, кто захочет ее заткнуть? Да прорва! И рано или поздно до нее доберутся. Этот дар может быть использован и ради добра, и во имя зла. И... ей совершенно не хотелось лезть в драку.

Зачем?

Класть свою голову – во имя чего? Дед, вот, уже сложил! И его сын, дядя Антонии, тоже. Мать осталась одна, и где благодарность? Где помощь от государства?

Не выйди она замуж за отца, пропала бы. Наверное...

Нет, Антонии не за что было благодарить и кланяться в пояс. А потому решение было простым.

Пока она попробует изучить свой талант. Сеньора Луиса ее не выдаст, ей, наоборот, интересно. И полезно для магазина.

Антиквариат с историей, как ни крути, стоит дороже.

А обнародовать подобные таланты не стоит, если не случится какой беды. Перебьемся.

С тем Антония и уснула. И снился ей знаменитый сыщик.

И последняя его битва с противником.

Почему-то Тони казалось, что он выполнил свою миссию. Забрал с собой врага. И... упокоился с миром?

Этого она не знала. Но почему-то ей казалось, что эта история еще не закончена.

* * *

Альба была восхитительна. Даже Антония это признавала. В персиковом платье, сшитом из шифона и кружева, с тщательно уложенными волосами, и с книжкой. Повернутой вверх тормашками.

Ну и что? Все равно не читалось! И кто будет приглядываться к таким мелочам? Главное – что?

Что девушка прекрасна!

Паулина проигрывала ей по всем статьям, завидовала и слегка злилась на сестру.

Ритана Розалия нервно поправляла прическу, уложить которую с утра прибыл лично мастер Доменико. Тан Адан дергал шеей. Нет, это не нервный тик, это – новый галстук!

Одна Антония была... ладно, не была она спокойна! Не была! Но кто там будет обращать внимание на всяких серых мышей, когда в семье такое знаменательное событие?

Правильно, никто.

Все ждали. Такое событие, дочку отдадут... это ж счастье?

Да, наверное, это счастье.

Риалоны надежды оправдали, заявившись к одиннадцати утра всем семейством. Тан Эрнесто под руку с супругой, а сзади, словно два верных стража, Амадо и Эудженио. Амадо – спокойный, даже словно бы сонный! Светло-серый костюм ему к лицу, но сидит как-то неправильно, словно седло на корове. Чего-то ему не хватает. Грации? Изящества? Уверенности в себе? Нет, не понять. Эудженио, как всегда, очарователен, а сегодня особенно. В белом костюме, в широкополой шляпе, с улыбкой на губах...

Тан Эрнесто своим привычкам не изменил и был одет в черное. Барбара косилась на него с недовольством, но помалкивала. Кажется, за такой срок семейной жизни она поняла, что мужа не перевоспитаешь, дешевле брать таким, какой достался.

– Ритана Розалия, – склонился к ручке хозяйки дома некромант. Та ответила ему нежной улыбкой, благо сейчас темный источник на нее не влиял.

– Тан Эрнесто.

Последовали приветствия, объятия... досталось и Антонии. Первым, подавая пример, к ее ручке склонился тан Эрнесто, а уж за ним последовали и остальные.

Тони улыбалась сквозь силу.

Но помолвка же не свадьба, правда?

Она еще может расстроиться, она может... да что угодно может еще произойти! Еще есть время! Это – не конец!

Все равно было больно.

Наконец, все расселись в гостиной, и тан Риалон приступил к делу.

– Адан, я думаю, мы все знаем о поводе для сегодняшней встречи. Предлагаю дать слово молодым.

Эудженио сделал шаг вперед.

– Альба Инес Аракон! Ритана! Я люблю вас и официально прошу вашей руки.

Мужчина опустил на одно колено. В ладони его, словно по волшебству, материализовалась коробочка с кольцом. Альба ахнула.

Передала так и не прочитанную книгу Паулине, поднялась с кресла...

Розовый бриллиант был хоть и некрупным, но безупречной чистоты и идеальной огранки.

– Я...

– Умоляю вас составить мое счастье!

Альба бросила быстрый взгляд на родителей. Мать вытерла слезу, отец улыбнулся, одобряя. И девушка протянула руку.

Эудженио надел кольцо на палец ританы – и приник горячим поцелуем к маленькой ладошке.

Паулина ахнула и уронила книгу.

Тони потянулась поднять ее – и едва не нос к носу столкнулась с Амадо.

– Простите, тан...

– Простите, ритана.

Их глаза оказались близко-близко. Совсем рядом. И на миг Антонии показалось... бывает такое. Словно искра между двумя людьми проскакивает. И ты отчетливо понимаешь, что понравилась человеку.

Ты – ему.

А он тебе?

Не обязательно. Но это уже детали. Главное, что искра была. Тони подобрала книгу и опять спряталась в укромном уголке гостиной. Там было спокойнее.

Амадо откровенно скучал.

Вот ведь еще, приспичило матери! Его раздражало всё! И в первую очередь сам Эудженио.

Явился, понимаешь! Невесть кто, из невесть откуда, к матери, с рекомендательным письмом... конечно, мать не отказала. Умеет этот подлиза в душу влезть! И в доме поселился, и отец его принял более-менее радушно...

Амадо этот типчик не нравился. Почему?

Потому! Липкий он какой-то! Противный и гадкий...

Но – кто ему давал выбор? Приходилось терпеть, встречаться за столом, общаться, проявлять вежливость... а тут еще сватовство.

Мать была довольна, как обожравшаяся сметаны кошка! Только что не мурлыкала. И на отца она же надела, мол, надо помочь

мальчику! Надо сходить, надо произвести хорошее впечатление, мы же семья...

Отец спорить не стал и только махнул рукой. Мол, делай, что пожелаешь. Схожу, если нужно. И матушка развила бурную деятельность. Даже Амадо из библиотеки вытащила. Он бы лучше про времена завоеваний почитал, ему интересную статью прислали, но куда там!

Мать была неумолима. Надо одеться! Надо сходить! И только посмей меня позорить, заговоров про своих идиотских индейцев! Я тебе этого век не прощу!

Амадо закатил глаза и повиновался.

По дороге мать постоянно наставляла Эудженио, и как ему себя вести, и что делать, и что говорить... Амадо только что зубами не скрипел. Отцу было проще. Он медитировал.

Как он объяснил сыну, маги могут так поступать. Словно бы отключаться от реальности и собирать разлитую вокруг силу. Поэтому он может не слышать супругу.

Отцу повезло, а вот у сына так не получалось...

Так что к дому Араконов Амадо подъехал в отвратительном настроении. И потом оно не улучшилось.

Что за дурацкое гадкое лицемерие?! Как вы все надоели! Сколько можно изображать... вот это все?! Ведь всем известно, что сейчас будет! Понятно, что Валеранса сделает предложение этой дурехе, что та его примет, что дальше будут деловые переговоры, вроде приданого и прочей ахинеи... вот нельзя это сделать, не устраивая спектакль?

Тьфу, идиоты!

Амадо думал так, пока с колен девушки в желтом не упала на пол книга. А на книги юноша реагировал одинаково. Книгу надо было взять, прочесть название, пролистать... он и сейчас поступил бы так же. Но...

К книге скользнула серая тень.

Амадо поднял глаза, посмотрел...

И утонул в светло-серых озерах.

Какая же она красивая!

Прыщи? Невзрачное платье? Прическа? Амадо этого и не заметил. Он смотрел – и смотрел бы, только бы девушка не отвела взгляд! Только бы...

Но она опустила ресницы, и юноше показалось, что солнце скрылось за тучами. Кто это такая? Кажется, родственница Араконов?

Амадо понял, что не уйдет из этого дома просто так. Ему надо хотя бы поговорить с этой девушкой. Ее зовут... Антония Даэлис Лассара.

Антония!

Тони...

Какое чудесное имя!

– Я так счастлива! ТАК счастлива!

Ритана Розалия выглядела сейчас совсем молодой. И словно светила изнутри.

– Да, мама, – отозвалась Паулина.

Альбы не было рядом – сбежала в свою комнату, приводить себя в порядок. Вечером Эудженио обещал заехать и повезти юную ритану на прогулку по вечернему Римату. Разве это не восхитительно?

Помолвка, свадьба, а там и внуки пойдут! И замуж ее доченька выходит не за какого-то нищоброта, нет! За молодого тана, с достатком, умного, красивого, со связями... разве мало поводов для радости?

Много!

И от Романа избавились, и никаких убытков не понесли... почаще бы такие удачные дни выпадали!

– Паулина, а ты не стой столбиком. Иди, помоги сестре, и не завидуй. Придет и твой черед. Как тебе нравится Амадо?

– Не нравится. Скучный он!

– Ладно, поищем другого, – легко согласилась ритана. – Иди, помоги сестре.

Паулина вздохнула – и сбежала. Антония и тан Адан уже уехали. В полицейский участок.

От Антонии требовались подписи и показания. А тан Адан...

Ему позарез нужно было переговорить со следователем.

В полицейском участке Аракона встретили, как родного. Даже заулыбались, предложили чая, кофе, пирожки... тан Адан вежливо отказался. Тони отправилась к сержанту Кастильо, заполнять бумаги. Все же именно она была дома. Именно она привела помощь.

Именно она...

Надо будет в больницу заехать. К Рите и Хулио.

А сам Адан Аракон сидел в кабинете следователя. Сеньор Серхио Мария Вальдес радушно принял потерпевшего, показывая, что он, конечно, ни в чем не виноват.

– Тан Адан, я вам очень сочувствую. Но прошу понять меня. Это наша обязанность.

– Конечно-конечно. Спрашивайте, я отвечу на все вопросы.

Собственно, для начала сеньора Серхио интересовал вопрос чисто практический.

– Сеньор Роман Игнасио Монт – ваш родственник, тан?

Адан поморщился.

– Внебрачный сын отца моей супруги. Фактически ее сводный брат.

– Сочувствую, тан.

– Не стоит. Этот человек – язва на теле нашей семьи и семьи Мондиго. Мой тесть буквально впихнул его в наш дом. Но поверьте, я не был от этого в восторге.

Серхио верил.

– Ваша супруга к этому отнеслась... гмммм... положительно?

– У Розалии не было выбора. Этот идиот везде прогорал, везде влезал в неприятности, наш дом был единственным местом, в котором его можно было более-менее контролировать.

– Почему именно ваш?

– Потому что больше некуда. У моего тестя трое детей, два сына и дочка. Старший сын женат, но живет вместе с родителями. А теща не пожелала видеть ублюдка в своем доме.

– А средний сын?

– Пока еще не женат. Ездит по всему континенту... подозреваю, он никогда и не женится. И он не средний, а младший. Он поздний ребенок, лет на десять младше моей супруги, кстати, как и Роман. Теща родила сына, когда тесть начал гулять... думала, его это привяжет.

Серхио сочувственно улыбнулся. Прощупывал он почву не просто так. Бывает в жизни всякое...

Вот ты следователь! Ты стараешься, сажаешь всякую нечисть, доказательства собираешь, дело заводишь, а потом приходят их родственники... Тьфу! И пакостят!

И дела разваливают, и к начальству ходят, и нервы мотают...

Ах, мой мальчик не мог так поступить! Он в детстве подавал большие надежды, он замечательный, умный, красивый...

А что человека убил.... Так тот сам напросился! Точно-точно! Или это происки врагов...

Но здесь, похоже, такого ждать не стоит?

– Нам нужно известить вашего тестя, тан?

Адан подумал пару минут.

– Я сам его извещу. После слушания дела... это будет скоро?

– На днях. Дело ясное, тянуть незачем.

– И что ждет этих негодяев?

– Каторга, конечно, тан! Грабеж, изнасилования, причинение вреда... тут целый букет собрать можно.

– Вот и собирайте. Рано или поздно нарыв бы прорвался. Могли бы пострадать мои близкие... так что – делайте. Подонка каторга исправит! Могу я, кстати, поговорить с Романом?

Следователь охотно выдал тану Аракону разрешение на вход в тюрьму. Разовое. Он свое получил, его работу не испортят. А это – главное.

Теперь быстро komponуем дело – и в суд.

Роман сидел в общей камере, и похоже, там ему приходилось несладко. Но тан Адан ему не посочувствовал.

Подумаешь – минус четыре зуба, синяки и, кажется, сломанная рука! А ты что с людьми хотел сделать, сволочь?!

Они с Антонией разделились, Тони отправилась в больницу, а тан Адан решил заехать в тюрьму. Показал пропуск, попросил вывести к нему арестованного... Роман к нему кинулся, как к родному.

– Тан!!!

– Ну, здравствуй. Хорош...

Адан ядовито улыбнулся, но Роман принял все за чистую монету.

– Да! Это ужасно! Заберите меня отсюда!

– Зачем? – удивился Адан. Роман удивился не меньше.

– Но я же...

– Больше не будешь?

Роман иронии не понял и активно закивал.

– Да! Больше не буду!!! Меня заставили!!! Шантажировали!!!

– Пинками за игорный стол загоняли. Правда?
Тут уже и до Романа дошло.
– Ну... я...
– Ты. А кто ж еще?
– Я действительно случайно! И не хотел!
– Насиловать Риту и Аниту? Ломать ребра Хулио? Замечательно, у тебя будет время раскаяться. На каторге!
– Вы не можете со мной так поступить!
– Почему? – тан Адан даже заинтересовался. Хотя и понимал, что ничего интересного не услышит. Это ж обыденность. Я могу творить все, что захочу. А вот меня в ответ нельзя бить ногами. Потому как не за что! Это ж Я!
– Отец вас...
– Переживу.
Роман пытался что-то кричать, ругаться, но тан Адан дал знак конвоиру, и тот выпихнул заключенного в коридор.
Бесполезно.
Ничего эта сволочь не поймет. Никогда. Не судьба, увы...

* * *

Антония вошла в больницу. Медленно, словно опасаясь... чего?
Нет, не заразы. Но сама эта атмосфера... вот такая, с запахом, с ругательствами, со стонами... с обреченностью, разлитой в воздухе! Бедность, горе, тоска... просто так сюда не попадают. Или если очень плохо, или если заботиться некому...
Тони поднялась по лестнице, прошла по коридору.
Вот и палата, которую оплатил тан Аракон. Две палаты.
И сначала она зашла к Хулио. Лакей был бодр и весел, собирался выписаться и набить морду Роману.
Не получится? А если он все-таки выйдет с каторги? Лет через десять? И вряд ли выйдет? На соляных рудниках такие твари не выживают? Да и пес с ним.
А вот с Ритой было хуже.
И порвали ей много чего, как объяснил врач, и психологические травмы....

Насилие – всегда насилие. Как бы его ни заворачивали в красивую обертку, оно что-то необратимо ломает в женщине. А как потом жить с этим переломом?

Вот этого никто не скажет. Тут каждая женщина должна справиться сама.

– Лежит и лежит, – вздохнула соседка. – И в потолок смотрит...

Антония присела рядом с Ритой на кровать, застеленную сероватым больничным бельем. Коснулась тонкого запястья.

– Рита...

Девушка даже головы не повернула.

– Рита... – можно было сказать многое. Сказать, что жизнь не кончилась, что это не клеймо, что... Тони выбрала ту сторону, которая была ближе некромантам. – Хочешь сходить на суд? Этих подонков обязаны приговорить к каторге!

И в глазах девушки блеснула-таки искра интереса.

– И Романа тоже!

– Он же Мондигго!

– А тан Адан решил не сообщать ничего его отцу, – ухмыльнулась Тони. – Пусть сначала суд состоится, а уж потом... поняла?

Рита поняла. И уже вполне рассудочно повернула голову, поглядела на Тони. Куда и депрессия делась.

– Суд? Когда?

– Дней через десять, может, меньше. Следователь точно не сказал – хочешь, я для тебя узнаю?

– Хочу!

– Тогда тебе надо срочно поправляться. А то врачи не отпустят. Тан Адан оплатил лечение и для тебя, и для Хулио, он тут в соседней палате. Заглянешь к нему при случае?

– Он...

Тони отлично догадалась, о чем сейчас думает Рита. Все же это – свидетель ее позора. Боли, унижения...

– Ага, он за тебя жутко волновался. Все жалел, что Роману шею не свернул, когда мог.

– Мне тоже жаль.

– Не переживай, мы с ним еще сквитаемся, – Тони наклонилась к самому уху Риты. – Вот поедет он на каторгу, специально придем

полюбоваться. И всего хорошего ему вслед пожелаем. Как Лассара могут.

Рита улыбнулась.

Зло, болезненно, скорее, оскалилась, но все же! Это был хотя бы зародыш улыбки!

– Лассара?

– Что-то и я умею. Даже с непроявленным даром.

– Тони... ты это сделаешь?

– Кто его там на каторге проверять будет?

Побаивалась Антония справедливо. Проклятия приравнивались к уголовным преступлениям, и карались соответственно. Если обнаруживались, а это было несложно. Каждый врач может, с соответствующим оборудованием. Некроманту – так и просто посмотреть хватит. Но каторга? Действительно, кому там Роман нужен – в соляной шахте? Кто его проверять будет?

Да хоть ты с утра до вечера жалуйся! Особенно надсмотрщикам! Авось, да поверят! И лишний раз – кнутом! Сволочь!

Зато Рита заулыбалась. Все же мстительность – одна из главных черт любой женщины.

– Тони... спасибо.

– Это тебе спасибо! Если бы ты не подняла тревогу, я бы и отреагировать не успела. Прости, что не помогла.

– Как? Их много было, а ты одна...

– Я поэтому и метнулась за подмогой. Страшно было – жуть! Темно, улицы пустые, а вдруг они кого на стреме оставили? Неслась я как угорелая.

Девушки переглянулись и улыбнулись. Кажется, у Антонии появилась... подруга?

Лежащая на соседней кровати пожилая женщина вышла вместе с Антонией. Правда, Тони не думала, что это ради нее. В уборную захотелось, наверное. Или к медсестре....

– Ты молодец, девочка. Мне уж страшно за дуреху стало, лежала, как мертвая.

Тони посмотрела на собеседницу внимательно. Да, это уже не старость – дряхлость. Волосы белые, словно пух одуванчика, руки

тоненькие, как у младенца... видно, что смерть уже стоит за плечом женщины. И все же она не сдается до последнего. Это хорошо.

– Вы за ней приглядите? Сеньора?

– Пригляжу, сколько уж мне осталось. Я ей хоть и объясняла, что насилие – не конец жизни, а она все не верила. Плакала, а потом и реветь перестала. А это плохо.

– Очень плохо, – согласилась Антония, которая в своей деревне от правды жизни застрахована не была. – Очень...

– Ничего. Раз о мести задумалась – отживеет.

Антония кивнула и попрощалась. Да, выправится! Никуда не денется.

А Роман – сволочь! Так, Тони, спокойно! Держи себя в руках, не надо его проклинать!

Потом. Это – потом...

* * *

В этой комнате камин горел – всегда.

Зимой, летом, весной, осенью...

Просто – всегда.

Человеку, который находился в этой комнате, был необходим живой огонь. Он помогал сдерживаться. Успокаиваться, если хотите. Но иногда...

Хоть ты руку в камин суй.

А повредит ли огонь *этой* руке?

Зеленоватой, чешуйчатой, длиннопалой? Словно и не вполне человек. Но формы-то человеческие... только ногти, что те когти.

Странно.

– Что вы мне можете сказать?

– Тан, мы искали Сараласов по всему Эсклоту. Но их попросту там нет. Эта девка обманула нотариуса.

– Или нотариус – вас?

– Нет, тан. Мы потом проверяли, она брала билеты до Эсклота и другим упоминала про Сараласов...

– Поэтому и не поехала туда, понятно же!

Подчиненный потупился.

– Мы обязаны были проверить, тан.

– Ищите дальше. Проверяйте все остальные направления, все поезда. Смотрите, ищите.... Я хочу знать, где она может быть! Я хочу ЕЁ!

Капюшон плаща колыхнулся в негодовании, и подчиненный быстро склонил голову в поклоне. Видеть, что под ним таится, ему не хотелось. Нет, не хотелось...

– Да, тан.

– Что с Дальмехо?

– Он в столице, тан.

– Вот как?

– Да, они пока не поняли, что происходит, но... странные убийства уже выделили в отдельное дело. И занимаются ими...

– И кто такой умный?

– Тан Риалон.

– Ах, Эрнесссссто! Тогда неудивительно. Поймите мне его?

– Тана Риалона, тан?

– Болван! Дальмехо! Я хочу, чтобы его отловили и остановили раньше, чем он привлечет внимание к нам и к нашим планам! И надо ж ему было... чуть не в последний момент! Скотина... Поймите его!

– Да, тан.

– Свободен.

Подчиненный вылетел за дверь. Господин поморщился. Потер лицо, ощущая под ладонями чешую. Сухую, шершавую... стоит понервничать, как начинается! Скоро еще и чешуйки полезут!

Пакость!

Но справиться с этим никак не получится, это побочный эффект его силы. Ладно, это терпимо. А вот другое...

Где может быть эта малолетняя тварь?! Ей ведь все объяснили, это честь, и вреда ей не причинят... что ей еще нужно?! Жила на своей помойке, перебивалась с хлеба на воду... жизнь дает шанс – и что же?

Девка сбегает!

А другой подходящей у него пока и нет, слишком уж талант своеобразный. Светлые магички ему не подходят, а темных, проявленных, да еще сильных и из такого древнего рода – поди, найди!

Найдет.

Найдут.

Из-под земли выкопают. А потом под землю зароят. После...
когда Антония Даэлис Лассара перестанет быть необходимой.
Дрянь такая...

Глава 9

Эудженио заехал вечером, как и обещал. В новеньком мобиле. Правда, за рулем был не он. За рулем мобилы сидел Амадо Эрнесто Риалон.

Паулина ахнула и заметалась по комнате.

– Ты-то чего дергаешься? – удивилась Альба.

– А если... Я, наверное, поеду с вами!

– Если мама разрешит, – Альба недовольно скривила губки.

Паулина, конечно, сестра, но... но вот именно, что сестра! Ябеда и наушница! Доносчица и подхалимка! При ней ни поцеловаться не выйдет, ни уединиться толком, ни...

Да вообще ничего не выйдет!

А то еще начнет с Эудженио кокетничать, и считай – вечер пропал. Альба такого не хотела. А потому... А кого можно с собой взять? Все же девушка, двое мужчин... Точно! Антония!

Тихая и спокойная, и язык за зубами держать умеет... Альба вылетела из комнаты, махнув Паулине, которая спешно переодевала платье и, конечно, запуталась в крючках.

– Я сейчас!

Тони оказалась у себя. И едва успела спрятать книгу про сыщика в кипе молитвенников. Потом поняла, что это Альба – и успокоилась.

– Что случилось?

– Дженио приехал!

– Замечательно, – без особого восторга отозвалась Тони.

– Меня с ним одну не отпустят. Поедешь с нами!

– Свечку держать?

Альба топнула ногой.

– Не зли меня! Он с Амадо приехал, и за нами может Паула увязаться, а я не хочу! Поедешь, поболтаешь с Риалоном...

Антония сморщила нос. Альба подняла руку.

– А я тебе сумку подарю. Из белой кожи. И попрошу маму, чтобы мы туфли к ней заказали!

Антония и так согласилась бы, но чего ж отказываться, если предлагают? Надо брать!

Она мученически вздохнула и начала слезать с кровати.

– Ладно...

Амадо она помнила. Такой... паренек в очочках. Не парень, крепкий и крестьянский, не юноша, а вот именно, что паренек.

Не повзрослевший. Счастливое такое, лопоухое детство, живущее за папенькино-маменькиной спиной. И хорошо живущее. О чем с ним говорить?

Утром он пытался что-то сказать, но Тони ловко отгородилась от него сначала Паулиной, а потом и книгой. А там и попытка закончилась. А сейчас ей предлагают это продолжить... не хочется! Совершенно не хочется! Но Альба не отстанет, так что лучше согласиться сразу. Пока по-хорошему.

– Приводи себя в порядок, – и бегом вниз.

Тони кивнула и потащила из шкафа зеленое платье. Которое совершенно чудесно оттеняет ее прыщи. Бегом? Значит, спокойно и без суеты.

Амадо и Эудженио ждали внизу. Дженио расцвел при виде Альбы, медленно подошел, опустился на одно колено и поцеловал тонкую ручку с бриллиантом. Потом и вторую поцеловал – для комплекта.

Паулина закатила глаза. Тони, которая уже вышла в гостиную, только вздохнула про себя.

А у нее такого не будет.

Никогда.

И это – больно.

– Дженио, любовь моя.

– Альба, мое солнце...

– Куда вы собираетесь, молодые люди?

– Тан Риалон разрешил нам воспользоваться мобилем, поэтому я хотел бы свозить Альбу на Лебединый пруд, – отрапортовал Эудженио.

Адан Аракон кивнул. Знал он это место. Действительно, красивое и уютное. Пруд милях в двадцати от города, в тихой роще, и на нем гнездятся лебеди. Только добираться туда сложновато. На мобиле – в самый раз, в коляске можно, а пешком неудобно. Так что там сплошь чистая публика. И ее не так, чтобы слишком много. В самый раз для романтической прогулки.

– Хорошее место.

– Самые прекрасные птицы для самой прекрасной девушки, – Эудженио мечтательно смотрел на Альбу.

Альба зарделась.

– Можно подумать, она их кушать станет, – прошипела Паулина, за что и была наказана щипком ританы Розалии.

– Да, конечно. Я вас отпускаю, но возвращайтесь не позже девяти вечера. И...

– Маменька, можно с нами поедет Тони? – быстро вмешалась Альба, пока грозные слова «возьмите Паулу» еще не прозвучали.

– Ап... – растерялась ритана Розалия.

– Замечательная идея, – Амадо даже с симпатией посмотрел на Альбу. Он думал, ему придется хуже.

– Согласен, – вступил и Эудженио, сообразивший, что не просто так его невеста назвала определенное имя.

Ритана Розалия мученически скривилась. Но крыть было нечем.

– Ладно. Тони!

– Да, тетушка Розалия.

– Проследи за Альбой. И чтобы дома были не позднее девяти!

– Как прикажете, тетушка.

– Вот, будь любезна.

– А я? – взвыла Паулина, понимая, что остается «на бобах».

– Простите, ритана Аракон, но в мобиле только четыре места, – развел руками Амадо. Врал, честно говоря, но кто его проверять будет? Тони опустила глаза и отправилась надевать шляпку и перчатки.

Паулина наградила ее злобным взглядом, но Альба тоже сверкнула глазами, и сестра поплелась к лестнице. А вот надо было язык придерживать! Вот!

Первые несколько минут в мобиле царил тишина. Потом Дженио и Альба, на заднем сиденье, заворковали, что те голуби, а Амадо обратился к Антонии:

– Ритана, вы и правда из тех самых Лассара? Темных магов?

– Да, – сдержанно ответила Тони.

– И у вас тоже непроявленный дар? Я вам сочувствую. Я могу понять, каково это, когда не оправдываешь чужих надежд.

– Да?

– Я ведь и сам... мой отец один из сильнейших некромантов Астилии, может, даже самый сильный, а я ни на что не способен.

– Это очень грустно.

– О, да!

К моменту прибытия на место Тони освоилась и вполне нормально болтала с Амадо. Благо общие темы у них были. Та же некромантия, та же наследственность... и вообще! Лучше уж так, чем слушать воркование Альбы и Дженио. Амадо был достаточно приятным собеседником, умел и говорить, и слушать, а это редкость в любое время. Так что Тони приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не сказать ничего лишнего.

Не стоит.

У пруда две пары разделились. Дженио пошел со своей спутницей направо, Амадо – налево. Альба была в восторге, Тони не протестовала.

Они с Амадо медленно гуляли, беседовали... а потом услышали дикий крик.

– Альба? – ахнула Тони.

И сорвалась с места, подхватив юбку. Только ножки в черных туфельках мелькнули. Амадо медлил несколько секунд, а потом сорвался вслед за девушкой.

Мало ли что?

Как оказалось – очень даже что.

Альба и Дженио наткнулись на труп. Лежал под кустом. Лежала.

Молодая девушка, лет восемнадцати, не больше, на горле словно рваная рана...

– Творец Единый!

Амадо был самым корректным. Дженио выругался, Альба молча упала в обморок. Тони схватилась за свое горло. А потом...

– Надо вызвать полицию.

Эудженио скривился.

– Не хотелось бы...

– Почему? – удивился Амадо. – Надо же!

– Потому что Альбе срочно нужно к доктору. А ее сейчас замучают вопросами...

Тони медленно кивнула.

– Пожалуй, вы правы. Тан Валеранса, вы умеете водить мобиль?

– Да, ритана.

– Вам придется срочно отвезти мою сестру домой – и вернуться за нами.

Амадо удивленно посмотрел на Тони.

– Араконам сейчас не нужен никакой шум, – коротко объяснила Антония. – Я – другое дело. Я Лассара, нас дурной репутацией не запугаешь. Поэтому, Амадо, если вы не возражаете, мы с вами останемся здесь и найдем труп. А тан Валеранса отвезет Альбу Инес домой и немедленно вернется за нами. С полицией. Телефонировать-то мы отсюда не сможем, а кричать... смешно!

– Да, пожалуй, – согласился Антонио.

– Такая мудрость в столь юном возрасте? Я в восторге! – сделал комплимент Эудженио. И потащил Альбу Инес в мобиль. Тони посмотрела на Амадо.

– Ждем?

– Может быть, отойдем чуть подальше? – неуверенно предложил Амадо.

Тони кивнула.

– Да, пожалуй.

– Ритана, я бы предложил подождать неподалеку. Так, чтобы не видеть тела...

– Да, пожалуй, – согласилась Антония. – Амадо, если вы мне принесете воды, я буду весьма благодарна. Простите, но я не слишком хорошо себя чувствую.

– Конечно! – сорвался с места паренек.

Антония вздохнула ему вслед – и сделала шаг к телу. Пригляделась.

Страшно? Тошно? А вы видели, как свинью режут? Нет? Поверьте, это еще худшее зрелище. И запах, и звуки, и вообще... а кишки для колбасы промывать? Тоже... нанюхаешься.

Грязной работы Тони не боялась, крови и трупов – тоже. Она ведь Лассара.

Но тут труп был странным. Было полное ощущение, что часть горла девушке просто выгрызли.

Интересно... а она не сможет ничего *увидеть*? Если... Тони еще раз оглядела труп.

Девушка, лет восемнадцать, волосы черные, глаза сейчас закрыты, не поймешь, какие, личико миловидное, но ничего особенного, даже Паулина симпатичнее.

Одета достаточно просто... вот как хотите, больше всего она похожа на продавщицу из магазина. Узел волос, одежда, обувь... таких девушек Тони видела в лавках.

А чтобы... ага! Вот!

Тони протянула руку и аккуратно сняла с руки девушки браслет. Дешевенький, из бусин, цена – сантимом в базарный день. Хорошо, что сейчас на ней перчатки, позднее она попробует посмотреть в прошлое этой вещи.

А вдруг получится?

* * *

Эудженио себя ждать не заставил, равно как и полиция. И закрутилось...

Где были? Дома...

Что видели? Вот... девушку и видели. Мертвую.

Вместе с полицией прибыл и отец Амадо.

– Тан Риалон, – улыбнулась ему Антония. Мужчина внимательно взгляделся в лицо девушки.

– Ритана Лассара. Как ваше самочувствие?

– Лассара таким не напугаешь, – улыбнулась Тони. – Неудобно получилось, безусловно.

– Замечательное качество. Я уж испугался, что придется сейчас вас в чувство приводить.

Тони качнула головой.

– Не придется.

Не вам и не сейчас. Это уж точно.

– Тогда поговорите со следователем, да я попрошу Амадо отвезти вас домой.

– Благодарю вас, тан.

Антония чуть склонила голову. И улыбнулась контрасту. Насколько ж они не похожи – Амадо и его отец. Некромант просто искрится жизнью, ему нравится его работа, он увлечен, он занят

любимым делом. И кстати, очень просто одет. В куртку и брюки. И волосы не уложены.

А Амадо весь холеный, весь выглаженный, модный, с иголки, но... рядом с отцом он похож на вялую рыбу. Или дохлую. Он не горит, в нем нет внутреннего огня. Даже Эудженио... а вот он, кстати, просто сияет. Не хуже тана Риалона.

И почему так получается?

* * *

Ритана Барбара любила красивые столовые приборы, любила дорогую одежду, любила весь церемониал семейного ужина. Неважно, какие отношения в семье. Неважно, что думают друг о друге сидящие за столом люди. Это – неинтересно.

А вот сам ужин...

Вечернее платье с открытыми плечами, роскошные драгоценности, мужчины в вечерних костюмах, сверкание серебра и хрусталя на столе, вышколенные лакеи...

Об этом она мечтала в детстве, поедая грубую похлебку из глиняной миски. Этого она добилась – и не собиралась отказываться от своей мечты.

Правда, дома она принимала редко, из-за своего супруга. А постоянно ездить к кому-то? Ее рады были принимать, но не постоянно же!

Вот и приходилось устраивать мини-ужины дома. Обычно супруг на них не присутствовал, но сегодня сделал исключение, и за столом собралось четыре человека. Сама Барбара, Эудженио, Амадо и тан Риалон во главе стола.

Верно, что маги смерти давят на людей. Но верно и обратное – человек привыкает ко всему. В том числе и к ауре некроманта. За двадцать пять лет, как бы не больше, ритана привыкла ко всему. В том числе и к отвращению своего супруга.

Какое-то время у них действительно все было... неплохо, она честно старалась быть благодарной, Эрнесто тоже был доволен и женой, и сыном, а потом...

Чего стоит оказанная услуга?

Да ничего!

Барбара получила все, что хотела. Деньги, положение в обществе, даже сына... и муж стал ей не особенно нужен. Зачем ей, действительно, при таком раскладе – муж?

Она молода, богата, очаровательна... ладно, один раз родить пришлось, но больше она портить фигуру не будет! Есть снадобья, а можно и с магами жизни договориться. Что дальше?

Жизнь!

Любовь, радость, богатство... ну раз в неделю можно и муженька потерпеть, а то и реже. Зато она получила все то, что прогадили ее родители. Просадили за картами, прогуляли по балам...

Эрнесто все это знал и видел. Но – на что лучшее он мог рассчитывать, с его-то силой? Рядом с ним же даже лежать было сложно! А жить?

За завтраком встречаться каждый день?!

Ребенка его носить?!

Барбара считала, что она отработала каждый сантим и теперь может жить спокойно. А что по этому поводу думает муж?

Вот уж это ее никогда не волновало.

– Как неудачно сегодня получилось. Дженио, когда назначена свадьба?

– Через полгода, Барба.

– Так долго?

– Ничего не поделаешь, приемлемый срок помолвки – полгода. И Альба будет зимней невестой. Она уже планирует шубку к свадебному платью...

Барбара поморщилась.

– Пусть планирует.

– Я, наверное, тоже женюсь, – неожиданно для всех заявил Амадо.

– На ком? – впервые за всю трапезу заинтересовался Эрнесто.

– Ты ее видел, отец. Ритана Лассара.

– Кто?!

Тон у Барбары был неопиcуемый.

Какая-токая Лассара? Что это вообще такое вылезло?!

Это – ее сын! И он должен жениться выгодно! Кому выгодно? Разумеется, своей матери! Он ей вообще по гроб жизни должен за то,

что у нее талия на дюйм шире стала! Она его честно выносила, ладно – кормилицу наняла, вырастила... как могла! И тут какая-то Лассара?!

Вы вообще о чем?!

– Та девочка, которая сегодня была с тобой?

– Да!

– Она тебе нравится? – заинтересовался и Эудженио.

– Она замечательная, – честно ответил Амадо. – И красивая, и не орала сегодня, и истерик не устроила.

Барбара откинулась на спинку стула, забыв про все хорошие манеры.

– Амадо! Это – УЖАСНО!

– А что сама девушка, ты ей нравишься? – не обратил на супругу внимания тан Риалон. И не зря... все же – некромантка. Из темной семьи, так что может быть дар внуку передается?

А вдруг?

Даже если у нее дар непроявленный, но две спящих крови могут породить одну бодрствующую. Да и такой ли он непроявленный? Надо присмотреться при случае.

– Не знаю, – смутился Амадо.

– Насколько я понимаю, эта Лассара – приживалка в доме Араконов, – припечатал Эудженио. – Ни денег там нет, ни связей, одно старое поместье, и то невесть где! Так что перебирать женихами она не будет, ты для нее – счастье!

– Кошмар!

Барбара изобразила обморок, но никого этим не испугала и не убедила. Даже Эудженио, который вежливо сунул ритане под нос ароматические соли в хрустальном флаконе, но из-за стола ее не вынес и беседу не сорвал.

Эрнесто еще расспрашивал сына, а потом вынес приговор:

– Амадо, ты пока сильно на девочку не дави. Родственники ее могут заставить, но тебе от нее ведь чувства нужны?

– Да, отец.

– Вот и аккуратнее там. Она хорошая девочка, не испорти ей жизнь. И себе тоже.

– Да, отец...

Тони легла на кровать и медленно сняла перчатку. Одну, потом вторую. Расправила каждый палец...

Нет, не хотелось ей этого делать. Совершенно не хотелось. Но...

Браслет лежал на перчатке. Красивый, светло-голубой, из крупных неровных бусин на ленте... Тони решительно выдохнула, протянула руку и взяла его. И сжала в ладони.

Темнота накатила сразу же.

Вот девушка. Да, та самая. Волосы уложены в затейливую прическу. На лице странная смесь чувств – хотя почему странная? Обманутые надежды, горечь, тоска, решимость...

– Ты говорил, мы будем вместе!

Мужчина морщится. Недовольно и даже чуточку с отвращением. Красивый мужчина, на вид ему лет тридцать, может, даже меньше. Такая... очень мужская красота. Чуточку грубоватые черты лица, высокий рост, растрепанные ветром черные волосы, громадные синие глаза – бабы от таких картинок млеют. И одет он намного лучше девушки.

– Допустим... это было давно.

– Ты обещал!

– Катрина, чего ты от меня хочешь?

– Ты женишься!!! Это нечестно, нечестно!!!

– Потому что я женюсь не на тебе? Так бывает. Прими это и давай расстанемся друзьями.

Девушка топает ногой, глаза горят гневом.

– Ты лгал мне! Ты меня соблазнил...

– Какой слог! Не забывай – сейчас иные времена. Найдешь еще себе идиота, который женится, только не спи с ним до свадьбы. Кто будет покупать корову, если молоко можно получать бесплатно?

Девушка прищуривается.

– Ты.

– Я?

– Да, ты. Тебе придется жениться на мне.

– И почему же?

– Я беременна!

Тони в своем видении знает, что девушка врет. Но мужчина не в курсе. Его лицо искажает гнев.

– ЧТО?!

– Я – беременна!
– Так избавься от этого ублюдка!
– ЧТО?! – теперь наступает очередь девушки кричать. – Как ты смеешь?! Это твой ребенок, слышишь, ТВОЙ!!! Интересно, как это понравится твоему будущему тестю?!

Лицо мужчины искажается гневом.

– Ты никому ничего не скажешь!

– Правда, Аугусто?!

– Ты...

– И скажу, и покажу! Думаю, им это будет очень интересно!

Удар отбрасывает девушку в сторону. Нога подворачивается, она задевает головой о скамейку... даже не совсем головой, скорее, затылком. Глаза стекленеют.

Мужчина наклоняется к ней.

– Катрина... Творец!

Катрина безнадежно мертва. Мужчина оглядывается и тащит ее в кусты. И достает из кармана нечто... Тони так и не разглядела, что именно. Ее выбросило из видения.

– М-да...

Убийство. Это понятно. А вот что дальше-то с этим делать?

Советоваться Тони отправилась к сеньоре Луисе. Та думала недолго и положила перед Тони перо и лист бумаги.

– Пиши.

– Что писать?

– Правду. Почти. Я, аноним, прогуливаясь вместе с замужней дамой около пруда с лебедями, заметил подозрительную активность. Дальше описываешь все, что видела и слышала. И приписка – прошу меня не искать, все равно все отрицать буду. Потому как у дамы супруг ревнивый, а свекровь и вообще может поспорить характером с драконами прошлого.

– Я не думала...

– Ничего страшного. Считай, что за тебя подумала я. Договорились?

– Отлично!

И Тони принялась писать. Потом сеньора Луиса сама положила письмо в конверт, заклеила...

- Сегодня в почтовый ящик брошу. Общий, на углу.
- Спасибо, – искренне сказала Тони.
- Не за что. Сходишь со мной на распродажу? Завтра вечером?
- Конечно!

* * *

– Тан Эрнесто, вы уверены?
– Более чем. Сеньор Серхио, я ручаюсь своей репутацией, что ЭТО убийство совершено кем-то другим. Не нашим «горлохвatom».

– Но...

– Похоже, да. Но только что похоже. В первых двух случаях горло у девушек словно бы съедено наполовину. А здесь человек просто вырезал кусок. Края раны совершенно разные, в первом случае словно проплавленные, кислотой разъеденные или чем-то в этом духе. А во втором случае – поработали ножом. Коротким, широким, скорее всего, это наваха. Вот и видно, где сам клинок заканчивается, смотрите, сеньор.

Сеньор Серхио взгляделся в тело на столе, преодолевая тошноту, и кивнул.

– Тан Риалон, благодарю вас.

– Не стоит благодарности, сеньор. Это моя работа. Ищите еще одного убийцу, который может быть даже не связан с первым, просто что-то видел или слышал...

Сеньор Серхио поклонился.

В своей области тан Риалон был великолепен. И к его советам стоило прислушаться.

* * *

– Антония, нам надо серьезно поговорить.

– Да, тетушка Розалия.

Вот поговорить было решительно некстати. Антония мечтала остаться одна в комнате, да и удрать. На распродажу, с сеньорой Луисой! Интересно же!

А тут душеспасительная беседа намечается?

Тьфу!

Но ритана Розалия не собиралась спасать чьи-то души.

– Тони, ты понимаешь, что это больше не должно повториться?

– Что именно? – искренне удивилась Тони, перебирая свои прегрешения.

Вроде бы ничего такого она с утра не сделала?

Да, сходили на рынок за овощами, причем сеньор Фарра начал учить Антонию разбираться и в рыбе, и в пряностях – авось да пригодится?

Вернулись домой, потом Тони посидела часок, поучила молитвы, позавтракала со всеми, а к завтраку заявили этот... Риалон. И Эудженио!

И опять пригласили девушек на прогулку.

Эудженио уверял, что обязан загладить вину, хотя в чем он мог быть виноват? Он же не знал, что какой-то идиот решит прирезать у пруда свою любовницу?

Письмо ушло утром, и завтра уже будет на месте, в полиции... интересно, найдут ли они убийцу? Хотя Антония вряд ли когда об этом узнает.

Но на прогулку ехать пришлось. И кусать губы.

Эудженио в этот раз с Альбой не уединялся – не то время, не то место. Вся компания гуляла вчетвером, и Тони с трудом сдерживалась, когда любимый мужчина то наклонялся к ручке Альбы, то срывал ей цветок, то...

Почему он не понимает?!

Его счастье – ОНА! Антония!

Не Альба, нет! А он...

Почему он ее не видит?!

Зато она все отлично видит... что больнее? Не видеть любимого – или видеть его постоянно, ухаживающим за другой женщиной?

Все больно!

Вернулись домой, пообедали, и Тони до вечера учила молитвы.

Или тетушка про книгу узнала? Ладно, будем честны, среди молитвенников лежала книга про расследования Шальвена. Не просто лежала... Тони ее и читала. Интересно же!

Как Шальвен-старший обанкротился, как его сын провел первое в жизни расследование и разоблачил преступника, как пошел в полицию, благо родители теперь и слова против не сказали, как арестовал Душителя, как...

Ладно, дальше она еще не прочитала. Но не могла же тетушка про это узнать?!

Она к Антонии не подходила! Но что тогда?

Тони смотрела так удивленно, что ритана Розалия смягчилась и пояснила:

– Я говорю о ваших встречах с Амадо Эрнесто Риалонем.

Вот теперь Тони реально опешила.

Амадо Риалон? А... при чем тут этот тип? И при чем тут она? Ее бы воля, она бы этого Риалона сто лет еще не видела! Жила и радовалась!

Мысли эти так ярко отразились на личике девушки, что их даже прыщи не скрыли. Ритана Розалия тоже все поняла и подхватила девушку под локоть.

– Посекретничаем, племянница?

– Да, тетушка. Конечно.

На балконе было прохладно, но зато никто их не мог подслушать. А это важно. Ритана Розалия улыбнулась племяннице и кивнула на кресла.

– Присядем?

– Да, тетушка.

– Тони, я понимаю, что ты не со зла. И не виню тебя. Но... ты не должна больше так поступать. Я хочу, чтобы на следующую прогулку с Валеранса и Риалонем отправилась Паулина.

– Ура! – не сдержалась Тони.

Ритана прищурилась.

– Моя старшая дочь тебя просила ездить с ними?

Тони не стала отрицать. Альба же не просила ее держать договор в секрете?

– Да. Она была бы рада.

– А я – нет. Я хочу, чтобы Амадо Риалон сблизился с Паулиной. На прогулке у них будет шанс, если ты не сможешь поехать... хотя бы пару раз, а там Паула справится.

– Они будут хорошей парой, – кивнула Тони.

Они действительно чем-то подходили друг другу.

Оба – домашние, балованные, неприспособленные к жизни... два волнистых попугайчика. Неразлучники из тех, что не выживут на воле.

Но вслух Тони этого не сказала, не враг же она себе?

– Я рада, что ты это понимаешь, – ритана потрепала племянницу по руке. – Мы и тебе подыщем мужа. Но Амадо я хочу для Паулы.

– Тетушка... у меня так болит голова, – картинно взялась за виски Тони. – Валеранса обещал Альбе пригласить ее на прогулку и завтра... а я просто умираю!

– Это ужасно, – подыграла тетушка.

– Наверное, будет гроза, – Тони пожалала плечами. – Я всегда это чувствую... И не смогу никуда поехать. У меня дикая мигрень... вы же не обидитесь, если я весь день пролежу в своей комнате, с мокрой тряпкой на голове?

– Боюсь, это не поможет.

– А если я запрусь и попрошу не беспокоить? А вы мне дадите снотворных капель?

– Хм... думаю, так будет правильно.

Тони расцвела в улыбке. Да, так определенно будет лучше. Второе такое утро... нет у нее пока сил!

Нет!

А грозу она чувствует.

Этой ночью точно будет гроза...

* * *

– Семьдесят песет раз! Семьдесят песет два! Семьдесят песет – три! Продано!

Сеньора Луиса расплылась в улыбке. И недаром! Кому еще так посчастливится?

Они с Тони прибыли на распродажу одними из первых, чтобы Тони в наряде темного мага успела все обойти, перещупать, прицениться...

Она и успела. И несколько вещей они с сеньорой Луисой выбрали совместно. Вот, как это кресло, к примеру.

Высокое, с резными лапами и подлокотниками, с сиденьем в белую и зеленую полоску... старое. Что-то Тони в нем чувствовала... такое. Знакомое.

Сеньора Луиса пожала плечами – и купила его.

Или лампу, которой по документам всего пятьдесят лет, а так – сто пятьдесят, не меньше. Просто ей абажур восстанавливали и меняли лет пятьдесят назад. Но основание там старинное.

Или столик, в котором Тони чувствовала нечто... кажется, там есть тайники.

Обычно такие вещи некроманты не чувствуют. Но, видимо, в этом тайнике пролилась кровь, а вот это Тони как раз неплохо ощущала.

Сеньора Луиса покупала без сомнений. Она сможет выгодно пристроить эти вещи. Повезло ей с девочкой, ох как повезло...

И девочка хорошая, и с чутьем, и руки у нее из нужного места растут.

Что еще надо?

Надо подумать. Но это – потом. А сейчас надо торговаться вон за тот столик... тоже с тайником.

В антикварной лавке сеньора Луиса упала в кресло. Вещи доставили сразу же, была такая договоренность, и теперь она отдыхала, а Тони оглаживала кончиками пальцев столик.

– Где же, где...

– Что ты ищешь, нинья?

Последнее время сеньора взяла себе за привычку так и обращаться к Тони.

Нинья. Девочка. Своя, родная... такие нюансы обе женщины остро чувствовали. И Тони не возражала. Для сеньоры это было очень важно.

– Тайник, сеньора Луиса.

– Думаешь, и здесь он будет?

– Уверена! – девушка провела пальцами по резьбе, с одной стороны, с другой... точно! Столик щелкнул и раскрылся. Крышка поднялась кверху, и Антония присвистнула.

– Смотрите, сеньора Луиса!

– Что тут?

– Кинжал...

Не кинжал, собственно, а пуныял. Хорошее такое оружие, подходит и для колющих ударов, и для режущих, а при случае его и метнуть можно в противника. Шикарная вещь! Особенно такая!

С гибким лезвием, с наборной рукоятью из слоновой кости, с небольшой перекладкой, чтобы в тело не уходил дальше необходимого, идеально сбалансированный...

– Посмотришь? – предложила сеньора Луиса.

Тони кивнула.

Что-то она чувствовала знакомое в этом клинке.

Что-то...

Это было, было уже где-то!

Было!!!

Но где она чувствовала эту энергетику раньше?

Тони потерла виски, припоминая, потом ее взгляд упал на кресло, метнулся дальше по магазину – и девушка топнула ногой.

– Точно!!!

– Что – точно, нинья?

– Это Шальвен!

– Что?!

– Ну... трубка, помните?

– Да, я помню, она у меня под замком. Абы кому я такую редкость не продам...

– Вот! Я тогда почувствовала Шальвена. А потом кресло... оно ему когда-то принадлежало!

– Думаешь?

– Уверена! Я даже это кресло видела – тогда, в видении! Именно с него он встал, когда к нему пришли гости... в последний раз.

– Вот оно что.

– Сеньора Луиса, я не спрашивала, но...

– Я узнаю историю семейства. А так – тут ничего удивительного. Все вполне обыденно, престарелый родственничек скончался, и молодые стервецы решили распродать его добро. Ничего нового.

– Понятно...

– Я узнаю. А что за кинжал?

– Я почти уверена, – прикрыла глаза Тони. – Я почти уверена, это именно тот клинок, который принес Шальвену смерть.

– Даже так?

– А мы сейчас посмотрим.
И Тони решительно взяла в руки пуньял.

* * *

– Здесь все и решится, Шальвен.

– Здесь? Сеньор Николас, у вас отличный вкус.

Этого места Тони не узнает. Она вообще плохо знает окрестности столицы. Это побережье моря, и скалы там приметные. Белые-белые, словно молоко.

Синее море и небо.

Белые облака и скалы.

Белый песок под ногами.

И – тишина. И ни одного человека вокруг.

Сеньор Николас вытаскивает клинок. Длинный... шпага? Второй летит Шальвену.

– Защищайся, плебей!

Шальвен весело улыбается.

– Надо же! Чайник обзывает котелок чумазым!

Лицо противника кривится, дергается, теряет все очарование, он кидается вперед диким вепрем...

Звенят клинки. Сталкиваются, высекая искры... недолго. Настоящий бой совершенно не зрелищный. Это не турнир, не дуэль, не показуха... нет. Настоящий бой решается несколькими верными ударами и достаточно быстро.

Вот и решил.

Шальвен падает на колени, зажимает пробитое легкое... он обречен. С такими ранами не живут. Он это знает.

– Я утоплю твой труп в подводной пещере, – ухмыляется Николас. – Авось, рыба тобой не потравится!

Шальвен рвано выдыхает, с кровавой пеной на губах... но ничего не говорит.

На слова у него уже сил нет.

Только на один взмах рукой. И пуньял летит напрямиком в горло противнику.

Они оседают на песок оба. И белая пыль окрашивается алым. Шальвен умирает, но в последние минуты своей жизни он видит, как корчится с ножом в горле его враг.

Он победил.

Ценой своей жизни – он победил!

* * *

– Определенно, я наведу справки, – решила сеньора Луиса. – Ужасно интересно, как клинок оказался в столе? И ведь такое совпадение!

Тони пожала плечами. Она как раз ничего удивительного не видела. Если прежние хозяева знали историю этих вещей, они их и берегли, понятно. А почему не рассказали наследникам?

Все ли мы рассказываем своим родным? И знали они сами – или нет?

Столик мог стоять долгое время, кресло переходить из рук в руки, трубка – вообще чистая случайность.

Сеньора Луиса медленно кивнула.

– Да, вполне возможно. Но справки я все же наведу.

Тони не возражала.

– Мне пора домой.

– Гроза собирается. Пережди...

Тони поглядела в окно.

– Успею. Хотелось бы вернуться, мало ли что... мне кажется, она на всю ночь зарядит.

– Думаешь?

– Почти уверена.

– Так-то и у меня кости ломит...

– Не зря их ломит, сеньора. Не зря.

– Ну тогда беги. Авось, успеешь. Но если что – возвращайся.

Тони кивнула – и внезапно поцеловала сеньору в щеку.

– Спасибо вам.

– Иди, нянька. Иди...

Гроза действительно грохнула на полпути. Калле Тарралонга не самая короткая улица. Тут живут богатые люди, и у них большие дома. И участки земли рядом с домами.

Пока дойдешь...

А ливануло сразу. Да так...

Тони промокла в единый миг. И прижалась к забору. Там был крохотный навес, неясно зачем, но переждать под ним можно было. Спереди все равно лилось, но хоть не за шиворот!

Стоит ли ждать?

Тони пока не знала, надо бы приглядеться. Гроза – она тоже разная бывает!

Сверкали молнии, гремел гром...

Дождь лил как из ведра. словно это самое ведро наверху опрокинули, а потом еще и колодец уронили. И что теперь делать? Ждать?

Если она явится домой в мокром платье... ничего страшного! Высушить его можно в ванной комнате, туда никто не заглянет. Или слуг попросить, ей не откажут. Потихоньку на кухне просушат. Но...

Тони мечтательно посмотрела в небо.

Хорошо!

Грозу она начинала чувствовать заранее. Давило, тянуло, словно бы плющило, ей было тяжело, душно... даже если погода не портилась, а гроза налетала неожиданно, Тони чуяла ее за несколько часов. И маялась.

А потом ветер приносил град и гром, и девушка встряхивалась. Ей становилось легче, спокойнее, уютнее. А в Лассара она ждала конца грозы, а потом бегала босиком по лужам.

Здесь так не получится.

Но хочется...

Душа просила свободы, ветра, танца... душа рвалась в полет! И Тони не выдержала.

Гроза чуточку стихла, ушла в сторону, а девушка, наоборот, вышла из-под прикрытия козырька.

И – раскинула руки, словно крылья.

Дождь еще лил. Но это как раз было неважно! Если ты мокрая до ниточки, то сильнее уже не промокнешь! А ей так хотелось сорваться! Хоть ненадолго отпустить себя... она даже свой мешочек с солью

оставила дома. Ее дар был свободен, и Тони была свободна, и гроза буйствовала недалеко, она тоже была свободна... это ощущение полета!

Счастья, распахнутых крыльев – и ветра под ними!

Шаг, другой... здесь нет оркестра, но разве это важно? Разве он – необходим, если в душе звучит музыка? Если душа рвется в небо, схватить за хвост молнию, оседлать стихию...

Раз-два, раз – два – три...

Запрокинув голову, поводя руками, словно крыльями, Тони шла по улице, танцуя. Это было счастье.

Это была свобода!

* * *

Бензин – субстанция, которая всегда кончается не ко времени. Это – судьба, если хотите.

Казалось бы, что стоит потерпеть еще пару улиц, но – нет!

Мобиль чихнул, булькнул и заглох. Мужчина посмотрел на датчики и грязно выругался.

Надо было заправляться в обед, а он... раззява! Обо всем за своей работой забыл... и что теперь?

Да ничего особенного! Добраться до дома и отправить сюда лакея с канистрой. Постоит мобиль пару часов, ничего с ним не случится, только запереть мобиль надо.

Гроза?

Да и плевать на нее! Куртка из кожи не промокнет, брюки тоже кожаные, так удобнее, сапоги на высокой подошве – дойдет. Тут и идти-то пару улиц, не больше. Если проскочить по калле Тарралонга – вообще получится срезать, и неплохо.

Посидеть в мобиле?

А толку тут сидеть до самого утра?

Не размокнет, не сахарный.

Мужчина накинул капюшон, застегнул куртку – и выбрался под дождь. Стало резко прохладнее, струи воды, стекая по гладкой коже, забирали с собой тепло. Но добежать сможет, не простудится. О, кстати!

В мобиле и плащ лежал, можно и его сверху накинуть! Он промокнет намного быстрее, все же ткань но на какое-то время плаща хватит.

И – вперед.

Пройти по калле Шадалер, свернуть на калле Тарралонга...

И застыть.

Потому что под дождем танцевала ОНА.

Та самая девушка из парка.

Он из сотни, из тысячи и сотни тысяч узнал бы ее походку, ее движения, ее манеру вскидывать голову. Ее улыбку...

Лицо...

Сейчас ее лицо не было прикрыто маской, и мужчина пристально вглядывался.

Кто она?!

Кто?!

Он обязательно найдет эту девушку... совсем молодая, может, лет восемнадцати? Вряд ли больше...

Она уверенно шла под дождем, волосы давно лишились последних шпилек, и густая черная грива летела вслед за ней, плясали вокруг струи дождя, плясала гроза неподалеку и диким аккомпанементом гремел гром, приветствуя смелую танцовщицу.

Платье намокло и облепило тонкий стан, но девушка не обращала на это внимания. Она запрокидывала голову назад, привычно взмахивала чуточку коротковатой юбкой...

Там, где живет искренность – не место условностям.

Даже святой не смог бы устоять, а мужчина отнюдь не был святым. Он дождался, пока увлеченная своим танцем девушка подойдет поближе – и возник перед ней.

Словно правитель подземного мира.

– Ты!

Одно слово. Только одно...

Узнает?!

Нет?!

В другом состоянии Тони не узнала бы. Испугалась, закричала. Но сейчас...

– Ты?!

Лицо мужчины дважды было прикрыто капюшоном – и плаща, и куртки. Но на губах появилась улыбка.

– Узнала?

– Узнала.

А потом и узнавать было уже не нужно. Потому что устоять мужчина не смог. И снова склонился к губам танцовщицы.

Дождь?

Гроза?

Тони это тоже было безразлично. Она закинула руки на шею мужчины – и скользнула под ткань плаща. Приникла к кожаной куртке, ощущая, как неровно, толчками, движутся под ней мышцы, запрокинула голову, отдаваясь новым ощущениям.

Свобода?

Да, свобода...

Каких усилий мужчине стоило ее отпустить? Разомкнуть руки?

Он и сам не знал. Но...

Здесь и сейчас было не место ни для слов, ни для поцелуев. А потому на плечи Тони легла тяжелая ткань плаща. Пока он еще не промок...

– Я провожу тебя.

– Нет.

– Я хочу.

– Я прошу...

Тони подняла руку и коснулась пальцем губ мужчины.

Не надо.

Не ходи за мной.

Я – не твоя, как это ни печально. Я люблю другого. А это...

Это просто безумие, но оно проходит. Уже почти прошло. И гроза прошла...

Она не знала, что понял мужчина, но настаивать он не стал. А вместо этого еще раз коснулся ее губ поцелуем. Уже легким, почти невесомым.

– Чудо...

Тони не ответила. Она накинула на лицо капюшон – и поспешила домой.

Чудо?

Сеньор, вы немножко перепутали слова. Не чудо.

Чудовище.

И ей хотелось уйти ДО того, как мужчина это обнаружит. Все же дар некроманта... проявленный дар некроманта...

Это – судьба.

* * *

Мужчина стоял и смотрел вслед девушке.

Совсем ребенок.

Вряд ли ей есть даже двадцать лет. И – куда он полезет?

Жизнь ей портить? Будь он сволочью и эгоистом, было бы намного проще. А он... второй раз судьба сталкивает их. И второй раз...

Не удержался! И сейчас... и третий раз не удержался бы. Руки помнили шелковистость волос под пальцами, губы до сих пор горели от ее поцелуя...

Почему она себя так повела?

Первый раз – понятно. А сейчас?

Мужчина задумчиво смотрел вдаль, не обращая внимания на дождь.

Как странно складывается судьба. Как причудливо и хаотично... кто же ты, незнакомка? Я знаю о тебе так много, я знаю, какие у тебя удивленные и глубокие глаза, я знаю, как ты улыбаешься, я узнаю твой голос среди тысяч других голосов. Но я не знаю твоего имени, адреса...

Я даже не знаю, увижусь ли с тобой еще хоть раз в жизни?

И все же, здесь и сейчас – я пьян от счастья. Так странно...

* * *

У себя в комнате Тони упала на кровать и раскинула руки.

И что это на нее нашло такое?

Танцевать под дождем?

О, это как раз неудивительно! Она постоянно живет под гнетом приличий, рано или поздно она обязана где-то сорваться. Долорес

рассказывала, давно, когда она была еще молоденькой и даже пыталась семью создать, ее так утомляли окружающие...

Ведьма уходила на весь день в лес, за грибами и ягодами, забиралась в самую чащу, сидела на поляне – и просто орала.

В голос!

Так, что деревья качались и листва облетала. Вот – довели!

Тони тоже довели – и она сорвалась. Тем более гроза! Это так восхитительно!

А вот каким образом судьба столкнула ее с тем же самым мужчиной? Снова? И как он узнал... хотя это – глупый вопрос. Сложно было бы *не* узнать. Танец человека весьма характерен. Как почерк, как отпечатки пальцев, недаром сорок человек спляшут – не интересно, а сорок первый выйдет – и все ахнут.

В этом как раз ничего удивительного нет. Что судьба их вот так столкнула...

Может, она и раньше сталкивала, просто они друг друга не узнали. Но если так – у мужчины преимущество. Он видел лицо Антонии. А вот она его до сих пор не знает.

У девушки вырвался нервный смешок.

Так хоть бы в кровати с незнакомцем не оказаться, а то вовсе уж весело будет. Постель не повод для знакомства. В буквальном смысле.

Впрочем...

Странно одно.

Она – маг смерти, проявленный. Активный, действующий, и никакой защиты на ней не было. А мужчина целовал ее, словно так и надо было. Хотя она сама видела, как дрожала тетка рядом с Риалоном. По идее, рядом с Тони сейчас должно быть нечто похожее.

Хотя...

Долорес не нервничала.

Хуан Мартель – тоже. И вообще, маги смерти – существа редкие. Может, у кого-то есть иммунитет?

Вполне возможно.

Тони вздохнула – и уткнулась лицом в воротник плаща. М-да... и как тут вернуть чужое имущество?

Воротник приятно пах.

Мята, лимон, хороший кофе, только сейчас эти запахи были более выражены. Прикажете ей ходить и всех обнюхивать?

Как-то все это несправедливо. Человек, который ей нужен, не обращает на нее внимания. Хотя чтобы поцеловаться с Эудженио, она позволила бы себе ухо отстричь. А этот... чужак...

Как так получается?!

Почему?!

Еще один вдох...

И Тони с воплем ужаса слетает с кровати.

Романтика?!

Ага, конечно! Плащ-то мокрый! И спать она, похоже, будет в луже... нет! Повезло! Промокло только верхнее покрывало.

И все же – интересно. С кем она целовалась?

Глава 10

– Интересно девки пляшут...

Следователь Вальдес письмо получил. Распечатанное, понятно, в целях безопасности. Чего только не бывает в жизни!

Преступники и проклятия шлют, и ядом конверт смазывают, и иголки вставляют... сталкивались. Кто и помер от такого. Но обычно такие письма отправляют на дом.

А тут – на адрес департамента. И подписано совершенно безлико.

По вопросу убийства на Лябединых прудах.

Хорошо еще вовсе не выкинули. А могли. Но распечатали, проверили, и теперь письмо лежало на столе у Серхио, внушая... опасения? Недоверие?

Наверное, все – и сразу.

Странно как-то.

С другой стороны, тан Риалон тоже говорит, что это другой убийца, не тот, что в первых случаях. А ему доверять можно.

Уважаемый следователь!

Так палучилась, я был на Лябединых Прудах, и видел там девушку и мушину. Она его называла Августо.

Мы были с ба... дамой. Она чужая жина, и я ни хочу, чтобы вы нас искали.

Мы прятались от пастороних, паэтому нас ни заметили. А потом он ее убил.

Она сказала, что тяжелая, а он что на другой женится.

У него черныи волосы и синие глаза.

*С уважением,
даброжилатиль.*

С одной стороны, звучало странно. Просто – где там на прудах прятаться?

С другой – и не такое бывает, дело житейское. Одно убийство и вовсе кошка раскрыла. Кинулась на убийцу хозяйки, да с когтями, да с воем... а ведь милейшей души существо было.

Может, оно и тут такое?

Хотя... кто ему мешает попросту проверить? И если найдется в окружении погибшей девушки такой Августо, прояснить вопрос.

Где был?

Кого любил?

Зачем убил?

Серхио осмотрел листок с обеих сторон. Дешевая бумага, дешевые, с комочками, чернила, да и перо не из лучших, такое видно. Отправлено тоже из бедного квартала...

Ладно!

Проверить – надо!

* * *

– МАМА!!!

Сильно скандалить Альба не решалась, но получилось очень выразительно.

– Или вы едете с Паулой – или вы никуда не едете, – припечатала ритана Розалия.

Альба сверкнула глазами, проклиная наглуую кузину, которая умудрилась свалиться... не нашла другого времени?!

Стерва!

Но – выбора все равно не было.

– Ладно! Я возьму Паулу с собой! Пусть одевается!

И на крыльях любви – вниз, к Эудженио.

– Дженио, я готова!

– Антония не поедет? – расстроился Амадо.

– Она себя плохо чувствует, – проинструированная Паула бдила. – Надеюсь, вас не расстроит, если я составлю вам компанию?

– Никогда.

Вежливость – иногда сущее проклятье. Но заявить девице, что она и рядом не нужна, Амадо попросту не мог. Его не так воспитывали.

Сеньор Серхио улыбался так, что голодный крокодил позавидовал бы. И как это у людей получается?

Зубов меньше, а улыбка страшнее!

– Вы говорите, что не встречались с сеньорой Катриной Эухенией Кано?

Мужчина замялся.

– Ну... Она делала мне определенные намеки.

Сеньор Серхио продолжал улыбаться.

Такой благообразный тип. И такая сволочь! Дал он задание полицейским, те быстренько проверили все необходимое, когда знаешь, что искать, оно куда как душевнее ищется. И обнаружилось, что действительно, есть такой Августо в окружении покойной. И подруга ее показала, что Картина очень за него замуж хотела, и что было у них все, и он обещал...

Совершенно неинтересная история. Когда любишь девушек – и любишь деньги. Деньги, понятно, важнее, баб-то может быть хоть вагон. Катрина была для тела, а другая, Бланка, для дела.

Бланка...

Да, такое сокровище увидишь, так плащом не отмахнешься! Страшна, что те черти на болоте! Вот и гулял мужик. А как жениться так не на беднячке, как жениться, так на ком из состоятельной семьи. Чтобы деревянными ложками пустой суп не хлебать.

Понятно, ему продавщица из бедного квартала и даром не нужна. И с любовью не нужна, и с ребенком ее. Понятно, что убивать он не хотел, все случайно получилось.

А за случайно бьют отчаянно. И точка.

А еще...

Отец Бланки оказался одним из полицейских чинов. Вот и ответ, откуда Августо узнал про горло – небось, дома обсуждали, а Бланка это пересказала любимому. Надо же показать, какая она осведомленная!

Понятно, Августо не знал, как выглядит след на горле, но – рваная рана, кусок горла словно вырван... можно попробовать подделать.

Сеньор Серхио дотошно выпрашивал, что, где, когда, захлестывал петлю на шее преступника... скоро подсекать надо.

Пойдет на каторгу как миленький, все же убийство получилось по чистой случайности. Поэтому не смертная казнь, а просто каторга. Но так как убита беременная женщина – пожизненная каторга. Уж сколько там той жизни ему останется.

Поделом!

* * *

– Все ужасно интересно!

Сеньора Луиса налила своей гостье чая и придвинула вазочку.

– Кому рассказать, так и не поверят. Кресло и столик эта дама унаследовала от отца.

– А отец?

– Отец нас интересуется меньше. А вот прадед...

– Прадед?

– Некий Хильберто Дези Сото. Который был близким другом того самого Николаса, и даже проходил с ним по одному делу. Расследование его зацепило, но друзей у Николаса было много, поди, разбери, кто с ним просто вино пил, а кто и...

– Одним словом – отмазался, – кивнула Тони.

– Да.

– Отсутствие приговора не подтверждает невиновность...

– Да виноват-то он был по уши. Но Шальвен его как-то упустил из виду. Или еще что – теперь уж и не узнаешь. И мог... да, мог присутствовать и на месте убийства, и кинжал прибрать мог...

Тони кивнула.

И так это ярко накатило, словно она вживую видела. Нет, это как раз не было видением, и в руках она ничего не держала. Но...

* * *

Два тела на белом песке.

Алая кровь, которую меланхолично слизывают морские волны.

И мужчина, который выходит из-за скалы.

Лицо его Тони не представляла, но разве это так важно? Вот он наклоняется к телам, трогает за плечо одного, второго...

– Тан Николас! Тан!!!

Нет ответа. Только море шипит рядом, хищно перекачивая свою тушу с камня на камень. Однажды оно свое возьмет, и это будут не жалкие подачки! Оно все возьмет.

И всех...

Мужчина пытается нащупать пульс, но все бесполезно. Оба человека мертвы.

Тогда он вытаскивает клинок из груди своего господина и тащит оба тела в подводную пещеру.

Они должны исчезнуть без следа.

* * *

– Страшно это.

– И больше ста лет никто ничего не знал, и дальше бы не узнал, – вздохнула сеньора Луиса. – Тони, а ты можешь описать это место?

– Могу. Но...

– Что толку?

– Ну да. За столько лет все сорок раз поменялось.

– Да не скажи... скалы – долговечные. Нам бы примерно место определить...

– А зачем?

Сеньора Луиса вздохнула.

– Вечно я забываю, что ты плохо знаешь историю.

Тони надулась, но долго это не продлилось, ровно до следующего кусочка шоколаты.

– И что?

– И ничего. Николас Матео Мединальо был одинок. Жены у него не было, детей тоже. А вот состояние было.

Тони заинтересовалась.

Деньги... да, деньги!

Ей быгодились, это факт! Можно восстановить Лассара, можно стать независимой от родственников, можно уехать из Астилии, путешествовать по всему миру!

Деньги дают свободу. Можно это отрицать, но факт останется фактом.

– И это состояние никто не прибрал?

Сеньора Луиса хитро улыбнулась.

– В том-то и дело, что неизвестно.

– Это как?

– Неизвестно, что это было за состояние. Драгоценные камни? Ценные бумаги? Сейф в банке? Тайник? Ничего не известно...

– И?..

– Чтобы вызвать дух, нужно тело. Это обязательное ограничение. И то – дух может отказаться прийти, может отказаться отвечать...

– А мне и духа не надо. Вы надеетесь, что я что-то увижу на его вещах?

– Почему нет?

Тони поморщилась.

Не хотелось. Вот откровенно – не хотелось.

– Да и Шальвена жалко. Хоть упокоился бы с миром...

Жалко, конечно.

Тони вздохнула.

– Я рисовать вообще не умею.

– Ты попробуй описать те скалы. На что они похожи, сколько их было...

Девушка кивнула.

Авантюра? А что они теряют-то? Почему бы нет?!

Вскочил на колени Маркус Мендоса, потерял пушистой головой о щеку, муркнул...

– Поищем тебе денежку на мясо? – предложила коту Тони.

– Муррррм!

Кто это целиком и полностью одобрял.

Да, ему. Денежку, на мясо. И побольше, пожалуйста. Мяса.

Скандал Тони услышала издали. Да и странно было его не услышать, небось вся улица в курсе.

– ТЫ!!! Моя дочь!!! Он же твой брат!!!

– Поэтому он меня и обокрасть пытался!

– Розы, ты должна понимать. Ему было тяжело. Его унижали и обижали! Ты первая его притесняла, и не считала ровней! Ты его на

это подтолкнула!

– На то, чтобы грабить? Насиловать женщин? Убивать? Отец, ты не в своем уме!

– Не смей так со мной разговаривать! Мала еще! Чтобы завтра же заявления в полицию не было! Скажете, чего в семье не бывает!

Тони покрепче прижалась к стене. Войти и вмешаться? Ну уж нет! Свои собаки грызутся, чужая – не встревай. Пусть ритана Розалия сама со своим отцом разбирается.

Но если Романа выпустят...

Тони пообещала себе, что проклянет мерзавца так, что вшестером не снимут. Он будет ходить – но только под себя! Зато постоянно!

Ритана Розалия обошлась без посторонней помощи.

– Отец, присядь, – звякнул колокольчик. – Бернардо, прикажи Аните принести напитки и закуски.

Тони довольно улыбнулась, но подслушивать продолжила. И не пожалела об этом. Ритана Розалия позвала Аниту не только ради угощения. Стоило женщине прийти...

– Присядь, Анита. И расскажи, пожалуйста, как произошло нападение. Это важно.

Тони молча слушала. А вот старый Мондиго молчать не пожелал.

Визгу бы-ыло...

И такая Анита. И сякая. И...

Не учел старик только одного. Это на дочь можно было орать, и она не стала бы отвечать. Все же отец. А вот служанка, которой рот не заткнешь...

Тем паче что Анита была уверена – ее не выгонят. Хозяева ей вообще по гроб жизни должны.... Или должны хорошую компенсацию.

Так что ответила ему женщина знатно.

И по Роману прошлась, и по его родословной, и отца его щадить не стала... Тони не успевала новые выражения запоминать. Кое-чего она и на рынке не слышала.

Старый Хорхе Луис Мондиго сначала еще пытался что-то сказать, но куда там! С тем же успехом лягушка могла бороться с лавиной.

Кажется, под конец Анита даже решила показать мужчине место, которое пострадало от насильников... едва ритана ее остановить успела.

Столкновение закончилось полной победой Аниты.

А вечером, на кухне, она рассказывала о своей беседе, щедро приправляя ее солеными моряцкими словечками. Ишь ты...

Не виноват его деточка!

Заберите все заявления, пусть и дальше на свободе ходит!

СВОЛОЧЬ!!!

Мондиго – народ упорный. А потому...

Конечно, старый Хорхе Луис не смирился. И конечно, он хотел освободить своего сыночка. А потому...

А потому он явился в больницу. И по стечению обстоятельств там оказалась Тони. Ничего удивительного в этом не было.

Тони навещала Риту, которая пока еще лежала в больнице, а тут еще такой повод! Рассказать о визите старого Мондиго, предупредить...

Едва не опоздала.

Мобиль с фамилией Мондиго на дверце она увидела у больницы – и рванула вперед по коридорам. Да, была такая привычка у простонародья. Таны могли вешать на дверцы карет или мобильных свои гербы, хотя это и считалось... немного излишеством. А вот простонародье отрывалось.

Фамилия, написанная золотом на дверцах и переднем бампере мобиля, выглядела откровенно вызывающе.

И разозлилась.

Ну, если этот старый паразит решил досаждать Рите!!!

Она его!!!

УХ!!!

Никакого почтения к старости у Тони отродясь не было. Жизнь не располагала.

Да, была Долорес. Был Хуан Мартель. Была сеньора Луиса. И что? Теперь каждому, кто старше шестидесяти, на шею кидаться?

Были и другие.

Трактирщик, который, заметив хорошенькую девочку, начал дарить ей леденцы и делать непристойные предложения. Тони по малолетству не справилась бы, но сеньора Долорес узнала – и так его отчесала! И думать забыл про нехорошее...

А ему тоже было за шестьдесят.

Была бабка, которая кинула в Тони палкой с воплем: «Ведьмино семя!» Синяк потом дней десять держался. Бывало...

Так что Тони была твердо уверена – возраст не показатель чести, порядочности, благородства... был человек мразью в юности?

Так к старости это будет мразь феерическая! Вот как Мондиго!

Но в палате Риты пока еще было тихо.

А Хулио?

Тони подкралась на цыпочках к двери палаты, прислушалась.

– Пятьсот песет.

– Тысячу. И я обо всем забуду.

– Хорошо, тысячу.

– Вы приносите деньги, я отказываюсь от всех обвинений.

– По рукам. А девка где лежит?

– Рита? Рядом...

Тони скрипнула зубами – и пробежала в палату к Рите.

– Ритана, – приподнялась на локтях девушка...

– Цыц! Сейчас сюда Мондиго пожалует, будет уговаривать взять деньги за прощение сыночка. Ты как? Простишь?

Можно было и не спрашивать.

Лицо Риты побледнело так, что девушка даже испугалась, пальцы судорожно вцепились в покрывало.

– Нет! НИКОГДА!!!

– Тогда...

– Ишь ты, козел! – проворчала соседка. – Не боись, нянька, отобьемся. Водички ей дай, что ли?

Тони послушалась.

Она как раз поила Риту, когда дверь в палату отворилась.

* * *

Мондиго не шел.

Шествовал.

С полной уверенностью в своих силах, с полным самодовольством и равнодушием.

Расступись, грязь!

Навоз плывет!

Подлость? Мерзость? Да вы что! Он такого по определению совершить не может! Это же ОН! Сам Мондиго! Он вообще честь оказал, снизошел ко всякому быдлу, вроде служанки, а они...

Тони впервые с симпатией подумала про свою тетку.

Ритана Розалия не была ангелом, но ведь и сволочью не выросла! Благодаря матери? Кто знает. Но определенное благородство в ней было.

– Выйди вон.

Тони даже не поняла, что вот это, процеженное через губу хамское высказывание относится к ней.

К ней?!

Чашка с водой дрогнула в руке. И кто знает, что было бы со стариком, если бы не вмешалась соседка Риты по палате.

– Ты кто такой-то, милоч?

И так прозвучал этот вопрос... Мондиго даже осекся. Но быстро опомнился.

– Хорхе Луис Мондиго. А вы...

– А я тут лежу, болею. С чем пожаловали, сеньор?

– Я хочу поговорить с Ритой Кармелой Пенья. Наедине.

– Это невозможно, – спокойно произнесла Тони. – Впрочем, вы можете сразу поговорить и со мной.

– И кто вы такая, сеньорита?

– Ритана Лассара, – Тони уже взяла себя в руки и последовала заветам сеньора Мартеля.

Блефуют со спокойным лицом.

Не умеешь управлять собой? Брысь из-за карточного стола! Брысь, сказал! Не позорь высокое искусство игры! Не порти красоту момента!

– Ага, – ухмыльнулся Мондиго. – Значит, это вам я обязан...

– Что ваш сын не стал убийцей? Да, можете меня за это поблагодарить, – согласилась Тони с самым благодушным видом.

Сеньор Мондиго сбавил обороты.

С одной-то стороны – он Мондиго! И денег у него столько, что Лассара он три раза купить и продать может.

С другой...

Лассара.

Семейка некромантов с жутковатой репутацией. Он и двадцать лет назад о них справки наводил, и сейчас не забыл. И жить хотелось. Ох, как хотелось!

Тони могла и проклясть, да так, что костей не соберешь. Ее-то потом посадят, да для Мондиго толку чуть! Ведь и не снять могут!

Ему тогда, двадцать лет назад, намекали. Мондиго ж тоже взбесился – такая сделка срывается! Дочь в девках, жених удрал, так нельзя ли – лъзя?! Вот, к примеру, ежели наглуую Лассара где потемну встретят, да и объяснят, что так поступать нехорошо...

Наемник долго смеялся.

А потом объяснил купцу, что деньги не все купить могут. А мертвый некромант еще опаснее живого бывает. У него со смертью свои отношения, а посмертное проклятие...

Может, и выживешь. Если *не* повезет. А уж что с твоими близкими будет...

У старых родов свои секреты, тем паче у Лассара...

А тут еще и Адан повернулся, так что Мондиго от мыслей о мести отказался. Но не забыл. И разговаривал сейчас осторожнее. Дураком он не был. Самодуром, наглецом, мерзавцем, но ни разу не дураком.

– Ритана, – запыхтел купец. – Тут дело такое... хоть и дальняя, а Роман и ваша семья получается. Он мой сын, считай, ваш дядя, хоть и не родной.

Тони фыркнула.

– Любезнейший, – обычно это обращение не употреблялось, но сейчас девушка подчеркивала свой статус, и оно оказалось кстати. – Я правильно понимаю, вы хотите предложить мне денег за прощение подонка? Который изнасиловал Риту, Аниту, который покалечил Хулио? А что бы сделали со мной – даже думать неохота.

– Да ничего б Роман не сделал! Не дурак же он!

– Именно что дурак. Злобный и безнаказанный.

– Вы это, ритана...

– Правду не говорить? Сеньор Мондиго, мне жаль. Но ваш сын виновен. И отправится на каторгу.

Хорхе Луис запыхтел сильнее, набирая обороты. Но...

Лассара. Этим все сказано.

– Ритана, чего вы хотите?

– Наказания для подонка. Справедливого.

– Я его сам накажу! Обещаю...

– Неужели?

Купец решил, что Тони прогибается – и рванулся давить на жалость.

– Ритана, поймите! Я ж его мать любил! Всю свою жизнь! Ну, не получилось у меня как следует Ромку воспитать, но мальчик он хороший! А я из него дурь выбью! Заречется! Закается!

Тони молча слушала.

Да, конечно. Он был неправ, он хороший, он просто оступился... сколько раз можно это повторять? В деревне по соседству был мужчина, который постоянно лупил свою жену. А она его оправдывала.

Он хороший, он устал, его довели, он просто выпил...

Однажды он ее убил. И дети остались сиротами, потому что негодя повесили. А если бы его жена не оправдывала подонка? Если бы – сразу его посадила?

Долорес на эту тему высказалась жестко: сама, дура, погибла, и детям ее плохо, и родителям, и мужику. А так, получи он вовремя по морде и пойми, что другому человеку тоже больно бывает, глядишь, и иначе бы сложилось!

Кто-то, может, и погибнет. И Тони подозревала, что Роман не переживет каторгу.

Но будет лучше, если он окажется на свободе?

Разумеется, он преисполнится благодати и не кинется мстить. Правда?

Правда же?

– Сеньор Мондиго, я могу с вами договориться. Вы знаете о моей фамилии?

– Да, ритана.

– Я обещаю, что не буду проклинать Романа. Так и быть. Взамен вы заплатите Рите две тысячи песет. Положите их в банк на указанный счет и не будете портить ей жизнь. И тысячу Аните. Роман поедет на каторгу, но заметьте, живой, здоровый – и без проклятий.

Мондиго заскрипел зубами.

– Ритана, вы...

– Я.

– Вы... вы его убьете!

– Я – нет. Возможно, его убьют в тюрьме или на каторге, но на моих руках его крови не будет. А вот моя на его руках могла быть. Я не прощаю врагов, сеньор.

Сеньор побагровел. Тони смотрела спокойно.

Да, видно, что они с Романом родственники. Сынок – копия папаша, просто папочка к старости располнел, обрюзг и выглядит отвратительно. А сынок ничего так... пока.

На каторге у него найдутся поклонники!

– Ритана, подумайте!

Выслушивать кучу благоглупостей Тони не собиралась. И решительно подняла руку.

– Сеньор, еще одна попытка – и я сообщу о вас в полицию. Это первое. Вы сейчас уйдете отсюда – это второе. Не будете надоедать Рите своими визитами – третье. И переведете деньги, куда она скажет – четвертое.

– Может, и вам тоже денег перевести?

– Мне не требуется от вас ничего. Мне ваш сын не причинил физического вреда, в противном случае наш разговор не состоялся бы. Надеюсь, вы в курсе, что стихийный выброс силы, даже у некроманта, не является подсудным?

Намек был понят.

Именно, что стихийный выброс силы.

Если Тони специально пойдет и целенаправленно проклянет Романа – ее за это могут привлечь к ответственности. Так поступать нельзя.

А вот если девушку доведут, и она в сердцах что-то ляпнет...

Никакой ответственности за это не предусмотрено. Но случаи бывали самые разные.

К примеру, один из некромантов, застав со своей женой любовника, рывкнул: чтоб у тебя поотсыхало! Под корень!

Так что вы думаете?

И десятидневья не прошло! Несчастливого кто-то так «удачно» толкнул, что мужчина оказался под конскими копытами. И наступила ему лошадь... да, именно туда.

Восстановлению не подлежало. Даже с магией.

Таких случаев Мондиго мог припомнить множество. И связываться с некромантом...

Казалось бы – девчонка!

Но...

– Ритана сколько вы хотите?

– За что?

– За прощение моего оболтуса.

– Я уже сказала – мне его не за что прощать.

– А если было бы?

– Сеньор, я бедна, но не сошла с ума, – отрезала Тони. – Верьте, на каторге вашему сыну будет лучше. Особенно если вы заплатите, кому надо.

Мондиго посмотрел на нее бешеными от злости глазами – и вылетел из палаты. Дверью на прощание так хлопнул, что та на одной петле повисла.

– Хам, – подвела итог Тони. – Быдло.

В палате раздались медленные аплодисменты. Лежащая на соседней койке сеньора хлопала в ладоши.

– Bravo, нинья!

Тони встала и раскланялась.

Рита помотала головой.

– Ри... Тони, мне ничего не нужно! От него – ничего!

– Цыц! – не удержалась второй раз ритана Лассара. – Ты мне сама рассказывала, что у тебя четверо младших!

– Ну да...

– И мать прачкой работает!

– Ритана...

– Отец рыбу ловит, мать стирает, а тебе деньги у подонка зазорно взять?! Чай, не обеднеет, а тебе он действительно должен!

– Как-то это...

– Не за прощение. За то, что своего сына подонком воспитал!

Рита колебалась недолго, да и махнула рукой. Все верно, и о родителях, и о младших... деньги им потребуются.

Мать может стирку оставить, отец взнос в артель заплатит, сейчас-то он на своей лодке ходит, на свой страх и риск. А в артели – дело другое. Но туда поди, попади!

Нужно вступительный взнос оплатить, и за лодку деньги отдать, а где столько наберешь? Сейчас они смогут...

– Спасибо вам, ритана.

Тони улыбнулась, наклонилась и поцеловала Риту в щеку.

– Выздоровливай, подруга.

– Я отдарюсь. Правда...

Тони качнула головой.

Вот как так получается? Тот же Мондиго богат, но такая скотина! А у Риты ни сантимато за душой, но благородства на шестерых хватит. И ведь будет считать себя должницей... нет! Так дело не пойдет!

Долг некроманту – не лучшее дело, а вот если...

– Рита, ты же говорила, твой отец рыбачит?

– Да.

– А можно мне с ним поговорить? Если узнаю то, что мне интересно, считай, ты с лихвой расплатилась!

Рита закивала.

– Конечно! Только я...

– Цену я сама назначаю, – погрозила пальцем Тони. – Я поговорила, со мной поговорят – справедливо?

– Да.

– Тогда говори, где твоего отца найти – и я пошла. Дел еще много...

– Рыбная слободка. Спросите Педро-четырепалого, всяк дорогу покажет, – улыбнулась Рита.

Палец ее отец потерял еще в детстве. Попал рукой между веслом и бортом, ну и разmozжило...

– Спасибо.

Тони попрощалась и вышла из больницы. Мобилиа рядом уже не было.

* * *

– Тони, – тан Адан смотрел серьезно. – Спасибо тебе.

– Дядюшка?

Девушка искренне удивилась.

– Я в курсе твоего визита в больницу, – пояснил тан Адан. – И благодарен тебе.

– Но я...

– Прощать подонка было нельзя. Но и с тестем мне ссориться не хотелось.

– Зато теперь, дядюшка, вас теща любить будет, – ухмыльнулась Тони.

– Даже обожать. Уже телефонировала по такому случаю, умоляла отправить негодяя на каторгу.

– Дядюшка, не знаю, насколько вы в курсе, но я от имени Риты...

– Потребовала с тестюшки деньги. Правильно сделала!

– А, – Тони даже рот приоткрыла от удивления.

– Я в курсе. Ты в своем праве, и даже если бы ты с него деньги потребовала – не жалко.

– Нет.

– Я понимаю... в тебе многое от Даэрона, Тони.

Антония пожала плечами.

– Может быть.

– Он бы тобой гордился.

– Спасибо, дядюшка.

– Тебе спасибо, Тони. Розалия этого вслух не скажет, но она тебе тоже благодарна.

– Я понимаю. Не надо ничего говорить, дядя. Если я смогла отплатить добром за добро – уже хорошо.

Адан Аракон на секунду крепко обнял племянницу, тут же отпустил – и ушел.

Тони пожала плечами. Она не планировала ничего подобного, но так – значит, так.

А ритана Розалия промолчала. Но через пару дней взяла Тони с собой к портнихе и заказала ей осенний плащ и теплое пальто.

За некоторые вещи сложно благодарить. Но и неблагодарностью за них тоже платить не хочется.

* * *

– Тан Эрнесто.

– Сеньор Серхио?

Следователь и некромант не первый раз встречались в морге. И каждый раз по весьма печальному поводу. Работа...

Вот и сейчас на столе лежало девичье тело, разделанное вдоль и поперек. Но ни некромант, ни следователь такими мелочами не смущались.

Бывает...

У них тоже кровь красная. И потроха примерно такие же.

– Тан Риалон, это уже шестая девушка.

Эрнесто пожал плечами.

Да, шестая. Ну, так что же? Ему тоже хотелось бы прищучить мерзавца, который появился в столице. Но... как? Его дело не преступники, а покойники.

– Я в курсе, сеньор Серхио.

– Тан Риалон, скажите, а нельзя ли попробовать провести обряд... поднять ее?

– Нельзя, сеньор. Я пробовал.

– Может быть, вызвать призрака? Призвать духа? Ну хоть что-то!!!

Тан Эрнесто задумался.

– Сеньор Серхио, я пробовал все это делать. Но призрак не приходит, дух не отзывается, а тело отказывается подниматься. Я это все отразил в отчете.

– Тан Риалон, как специалист – объясните мне, когда это может быть. Я читал отчет, но... ваши узкоспециализированные термины для меня слишком сложны.

Эрнесто медленно кивнул.

– Располагайтесь, попробую объяснить на пальцах.

Если кто-то думает, что некромантия – это легко и просто – зря. Каждый раз некромант уходит за Грань. А там не так уж и уютно. Живым.

Вот отсюда и флер, от которого плохо обычным людям рядом с некромантами. Понятное дело, все мы рано или поздно помрем. Но зачем же постоянно об этом напоминать? А рядом с некромантами поневоле... вспоминается. И думается. И все остальное – тоже.

Сеньор Серхио тоже себя спокойно не чувствовал. Но – работа.

Тан Риалон не стал читать длительных лекций, обошелся тезисами.

После смерти тело остается здесь. Душа уходит.... Тут некроманты немного расходятся в теории с официальной версией.

Церковь считает, что все души после смерти уходят к Творцу. А там он взвешивает их на специальных весах, и если душа чистая – отправляет в рай. Где та и пребывает до скончания веков.

Если душа грешна, ее сбрасывают с весов прямо в пасть чудовищного змея – и та вечно блуждает в его чреве, не находя выхода.

А настроение у гада грустное, вечный запор... м-да...

Некроманты считают чуточку иначе. По их мнению, души после смерти уходят на перерождение. Не сразу, нет, чистая душа проходит свои круги воздаяния и перерождения быстрее, душа, отягощенная проступками – медленнее. Именно потому некоторые души можно вызвать, а некоторые – нельзя. К примеру, если вы попытаете вызвать дух человека, который умер вчера – это получится.

А если лет триста тому назад – нельзя. Не придет никто.

Есть исключения, но они подтверждают правило. Это духи, которые задержались на земле. Неупокоенные, или те же призраки... да много кто!

А есть...

В каком случае нельзя призвать душу еще?

– Да, в каком? – поддержал Серхио.

Эрнесто пожал плечами. Да, такого в его практике раньше не было. Но это не значит, что он не читал, не узнавал, не...

– Две версии. Или душа уже ушла на перерождение. Или душа повреждена настолько, что прийти попросту не может.

– Такое тоже бывает?

– Чего в той жизни не бывает, – отмахнулся тан Эрнесто. – Правда, я не представляю, что там должна быть за тварь, чтобы такое сотворить...

Серхио вздохнул.

– Шестая уже. Шестая...

– И у всех словно кусок горла растворили.

– И всех нельзя призвать и спросить.

– Да.

– Тан Эрнесто, а что это, действительно, может быть за тварь – и как ее ловить?

Тан Риалон качнул головой.

– Серхио, давай без чинов. Мы друг друга сколько лет уже знаем?

– Лет пятнадцать?

– Как-то так. Риалоны – род светлый, сам знаешь...

– Знаю.

– Я когда выяснял, откуда мой дар пошел, наткнулся на прабабку, вроде как у нее в родне что-то такое было, а вот на мне проявилось.

– Да. Но...

– При чем тут моя история? Да при том! Я тебе скорее по огню или воде что найду. Не по некромантии! У меня род молодой, особых записей нет, а вот у кого могут быть...

– У кого? Какие у нас вообще древние рода с некромантией?

– Да ты их и сам знаешь. Те же Лассара, Деливерес, Карраско, Аднален... кто еще? Вроде бы все, если именно о роде говорить, а не об отдельных выродках, вроде меня.

– Эй, ты это прекрати! Что значит – выродках?

– А то ты не знаешь, как ко мне остальные Риалоны относятся?

Обычно Эрнесто не допускал такой откровенности. А тут вдруг... повело! Тоскливо стало до ужаса, обожгло, затянуло...

– Да мне плевать, как и к кому разное дурачье относится, – махнул рукой Серхио.

– Плевать ему... даже тебе рядом со мной неуютно.

– И что? Это как-то отменяет, что специалист ты – лучший в столице?

Эрнесто опустил голову.

– Не лучший.

– А... эти рода? И где их можно найти?

– Андален? У них форпост...

– Ну да. Все на границе. Кстати... Лассара! Лассара... что-то знакомое! – Память у Серхио была всем на зависть, так что долго и вспоминать не пришлось. – Точно! Девчонка, которая с твоим сыном, да и с племянником... Антония Лассара, кажется так?

Тан Эрнесто медленно кивнул.

– Кажется, да.

– Надо будет вызвать, допросить, – кивнул следователь. – Так, запомним... благодарствую. А еще где бы про эту тварь можно узнать?

– В храме.

– Где?!

– Чего ты удивляешься? Самое их дело – с такими бороться.

– Действительно... вот я дурак! – Серхио как-то про храм и не подумал. А ведь знал все, и про нечисть, и про боевых монахов... точно, дурак. – Тан, спасибо!

Момент откровенности прошел, и Серхио собрался удирать. Эрнесто остановил его на пороге.

– Подожди минуту.

– Да?

– Когда пойдешь разговаривать с Лассара...

– Я хотел ее к себе вызвать.

– Тоже хорошо. И меня пригласи, договорились?

– Да. А зачем?

– Ну ты же сам сказал, что дурак, – поддел старого друга Эрнесто. – А я умный, я интересуюсь...

Серхио осознал, что действительно – дурак. Вот что бы Эрнесто и не спросить про записи предыдущих Лассара? Ему это наверняка по работе пригодится!

А девчонке?

А, пусть сами разбираются...

Следователь пообещал как можно скорее вызвать Антонию Лассара повесткой, сообщить об этом некроманту – и откланялся.

Оставшись один, Эрнесто протянул руку к бутылке и допил из нее остатки.

И было некроманту очень тоскливо.

* * *

– Я не хочу, чтобы Паула с нами ездила!

– Своей матери это скажи, – огрызнулась Тони без малейшего почтения.

Альба зашипела, словно жир на сковородке.

– Ты... да ты...

– Ну я? – нагло осведомилась Тони. – И? Что я могу сделать, если твоя мамочка внятно попросила меня с вами не ездить? Не послушаться?

Альба задумалась.

Даже в ее затуманенную любовью голову проникла простая истина, что не в положении Антонии права качать. И девушка засопела.

– Ладно... прости. Паула, стукачка мелкая, так и бегают за нами...

Тони развела руками, мол, и рада бы, да где там!

Она действительно за Альбой не бегала. Смотреть на то, как они с Дженио целуются... да лучше мелкого Риалона слушать! Хотя и это тяжко. Интересно, в кого парень занудством удался? Даже и не отвлечешься, слушая его... нет, на такие попытки Тони готова не была. Все должно иметь свой предел.

– Если Паула с нами поехать не сможет, ты – поедешь? – впилась в нее глазами Альба.

– Если меня в этом не заподозрят, – поставила жесткое условие Тони – Сама понимаешь...

Сложность задачи тут же подскочила на несколько пунктов. Кажется, Альба по-простому собралась добавить сестре зеленку в крем или слабительное в суп. Но это на один раз хорошо, а на второй ритана Розалия догадается, что нечто неладное. И...

Кому влетит?

Правильно, Тони. А ей такое и даром не нужно, поэтому Альбу она мигом сдаст. И не задумается.

– Я что-нибудь придумаю, – уже с меньшей уверенностью пообещала Альба.

Тони развела руками и удрала. Ей надо было в лавку к сеньоре Луисе. Поговорить с рыбаком, которого нашла сеньора.

Могуч, вонюч и волосат. Таким и должен быть настоящий самец гориллы... эээээ... простите, мужчина.

Наверное.

У Тони при взгляде на найденного моряка все пальцы на ногах поджались. А был бы хвост – и он бы тоже поджался. А то ж!

Стоит этакий амбал, на две головы ее выше ростом, плечи шире двери, волосы ниже плеч, черные, с проседью, борода до середины груди, лицо (там, где его видно) просоленное насквозь, и пахнет от него рыбой. Да так, что аж жутко рядом стоять.

– Милейший человек. Сеньор Гаспар Хильберто Ваэс, – представила его сеньора Луиса.

– Рад знакомству, – прогудел сеньор.

Голос у него вполне сложению соответствовал. И где-то внутри отдавался.

Тони поежилась и села без разрешения.

– Я тоже... рада...

– Опиши ему, пожалуйста, место, которое ты видела.

Тони горестно посмотрела на сеньору Луису.

Опиши... ага.

Видела-то она – да. И описать пыталась честно. Но...

Не стоит забывать, что она видела все с одной точки – с той, на которой встретил свою смерть Шальвен. А как это должно выглядеть с моря?

Наверное, иначе?

Вот, окажись она на том пляже, мигом бы все узнала... а описать... вот почему она рисовать не умеет? Но ведь правда не умеет, вообще никак не получается.

Они бились почти два часа, пробовали нарисовать, рассказать, чуть ли не в лицах скалы изображали... первым сдался сеньор Гаспар.

– Простите, ритана. Прости, Лу. По такому описанию это не найдешь, слишком много на побережье похожих скал.

Ага, остановили антиквара подобной мелочью!

– Гаспар, а если с другой стороны зайти?

– С какой, Лу?

– Вот, понадобится тебе труп схоронить? Или разобраться с кем... есть такие места на побережье?

– Конечно! Считаю, все побережье и есть!

Сеньора Луиса схватила за голову.

– Но так же не может быть! Это должна быть укромная бухта! Чтобы ее не было видно с моря, чтобы можно было спрятать тело, то есть доступ в подводный грот...

– Лу, ну ты сама подумай, если ее даже с моря не видно – мне оно зачем?

Сеньора Луиса вздохнула – и махнула рукой.

– Ладно! Пошли, выпьем!

– Жалко до безумия! Но если не судьба, то не судьба.

Моряка выпроводили через два часа и три бутылки рома. И сеньора Луиса сидела за столом вместе с Тони, печально глядя на лампу.

– Сеньора Луиса, мы не с той стороны подошли, – качала головой Тони.

– А с какой надо?

– Так вы все правильно сказали. Укромная бухта. Рыбаки в такой не нуждаются, им что главное – течения и клев. А вот контрабандисты... Или малышня, которая всюду лазит...

– А ведь и верно, – обрадовалась сеньора Луиса. И тут же загрустила. – Контрабандисты... нет, Тони, не пойдет. Гаспар мне, считай, по гроб жизни обязан. А вот к тем ребятам у меня подхода нет. Если и найдется... мы все отдадим. Еще и умолять будем, чтобы взяли, понимаешь? Там народ серьезный...

Тони медленно кивнула.

– Понимаю. А дети?

– Можно поспрашивать. Только аккуратно. Не объясняя, что да зачем.

Тони кивнула еще раз. И принялась рассказывать про Риту и ее семью. Может, и правда чего выгорит? Интересно же...

* * *

Амадо Риалон вызывал у Эудженио только отвращение. А как еще можно относиться к человеку, которому всё досталось с колыбели?!

Всё!

Деньги, титул, статус, вообще – всё! Разве что золотого ночного горшка не купили, и то, попросила б деточка, так принесли бы!

И где результат? Более самовлюбленного зануды свет не видывал! Ум? Нет, не заметил! Разные это вещи – ум и книжная ученость...

В чем-то Эудженио и был неправ, но в жизни бы никому не признался. А, какая разница! Но сейчас Дженио пришлось стиснуть зубы – и почти пихать в спину этого тьюфяка.

– Тебе Паулина нравится?

– Она глупая и жеманная. Нет.

– Тогда почему ты не пригласишь Лассара?

– Ее тетушка против. Она дала это понять...

– Тебе тетка нужна – или Лассара?

Амаод задумался.

– Антония – хорошо воспитанная ритана. Она не пойдет против своей семьи.

Эудженио возвел глаза к небу.

Хорошо воспитанная!

Да вы это самое... воспитанное... видели? У нее на лбу написано: «не тронь, укушу!» А то и чего похуже! Лассара же!

Кто про некромантов не слышал?

– Тогда терпи и дальше эту приторную куклу.

Терпеть Амадо не захотел.

– Что ты предлагаешь?

– Сказать ее тетке в открытую, что тебе эта дура не нравится – нельзя. Сказать то же самое Пауле – не выход.

– Тогда что ты предлагаешь?

Амадо тоже не слишком привечал кузена. А чего он...

Эудженио был всем тем, чем не был Амадо. И это было... обидно.

Может быть, кому-то и казалось, что у Амадо Риалона нет никаких проблем. А вот как оно было на самом деле? Что он чувствовал, чего хотел?

Амадо в этом никому не признавался, но...

Но!

Легко ли быть разочарованием для своей семьи?

Он прекрасно знал, что именно было и чего не было между его родителями.

Что было?

Холодный голый расчет с обеих сторон. Жесткий и четкий. Матери нужны были статус и деньги. Отцу нужны были жена и дети... с последним возникли определенные сложности. Амадо отлично знал, что после его рождения доктора запретили матери носить детей. Та этим воспользовалась и старалась увиливать от интимных отношений с мужем, сколько могла.

Фактически отец оплатил продление своего рода. И неудивительно.

Сил у тана Риалона было немерено, в детстве Амадо просто не мог находиться рядом с отцом – заходил в испуганном плаче. Потом

уж попривык.

Барбара мужа тоже не любила, передергивалась, когда он входил в комнату, а что до Амадо... сына она не любила тем паче. Как можно любить свои воспоминания о боли, страхе, отчаянии? Сын стал гарантией ее сытой и спокойной жизни, но любви не получил, нет.

От матери – в принципе. От отца... да, отец его любил, насколько мог. Но когда обнаружилось, что у Амадо даже зачатков дара нет, обычный человек, копия матери, что от отца у него только внешность, и та...

Тан Эрнесто не отказался от сына. Но Амадо стал его разочарованием.

А тут является... *этом!*

Если бы у Эудженио была магия, было б вовсе несправедливо! До слез и до крика. Ну хоть магии у него тоже не было. Зато все остальное!

Красивый, умный, с хорошо подвешенным языком... откуда мать его только выкопала?! Р-родственник!

– Альба мне сказала, Паула пещер боится.

– Я их тоже не люблю, – поежился Амадо.

– И не надо. На побережье есть такое место – Хрустальный грот. Знаешь?

Амадо знал.

По какой-то причуде судьбы сталактиты и сталагмиты, соединяясь в гроте, образовали там причудливый лес тончайших каменных ветвей. И когда в этот грот проникали лучи заходящего солнца, зрелище было феерическое. Пригласить туда даму считалось объявлением о намерениях. И число желающих не иссякало.

Хочешь – иди вместе со всеми, в будний день. Хочешь – договорись отдельно, тогда зрители закроют грот для тебя и твоей подруги.

– И что?

– Амадо, ты недогадлив! Я приглашаю туда Альбу, я уже договорился на послезавтра.

– Так...

– А Паулу бери с собой. И мы ее потеряем.

– Где?!

– Альба сказала, там за Хрустальным гротом целая сеть ходов.

Амадо медленно кивнул.

– Альба знает проход до одной из пещер, ей нянька рассказывала. А Паула не знает. Мы можем туда пройти, а потом просто забыть ее в пещере.

– Ты в своем уме? Дженио?!

– Да ненадолго! Минут на пять! Просто все свечи погасить и не отзываться! А потом объяснить, что нечего ей с нами напрашиваться, ей тут никто не рад.

– Нажалуются родителям.

– Альба обещала, что проблем не будет. Она сестру хорошо знает. Амадо заколебался.

С одной стороны – идея гадкая. И юноша отлично это понимал. С другой... как же ему надоела эта жеманная дура, с которой даже поговорить нельзя. Чуть что – начинается хлопанье ресницами, и эти ее идиотские: «Ах, вы такой умный...», «Ах, вы такой тонко чувствующий»...

Да! Он очень тонко чувствует скуку! Особенно в присутствии этой дуры!

Пять минут?! Ну и ничего с ней за эти пять минут не случится! Постоит в темноте, да и отвяжется. Амадо закрыл книгу и кивнул.

– Я согласен.

Эудженио и не сомневался. Характер Амадо казался загадочным только самому Амадо. А те, кто поумнее, отлично видели и слабости парня, и как им манипулировать... вот еще, нашлась проблема! Тьфу!

Глава 11

Минус три реала, розданных детям.

Жалко? Да, себе Антония честно признавалась, что жалко. Последствия нищего детства просто так не вытравишь, после смерти матери денег у них были считанные сантимы, и те от отца прятать приходилось.

Но сеньора Луиса настаивала, и Тони возражать не стала. Сегодня она таки сходила в гости к отцу Риты, кстати, с полного дядиноного благословения. Сообщить сеньору Тилесу хорошую новость.

Побережье...

Рыбацкая слобода, лачуги, которые, кажется, первым штормом в море смоеет, такие они ненадежные... ан нет! Тот не рыбак, кто в течениях не разберется, уж для себя-то они нашли самое безопасное место. В море хоть что может бушевать, хоть тебе шторм, хоть тебе смерч, а здесь всегда спокойная и защищенная бухта.

Действительно, домик Педро-четырёхпалого Тони показали сразу же. Еще и проводили, благо тот стоял с краю слободки.

М-да.

Нищета.

Этим емким словом все и сказано. Но это и понятно – Педро был пришлым. Чего отец в столицу переехал? Рита не знала точно, но им с матерью приходилось тяжело, особенно первое время. Потом он себе дом кое-как выстроил, лодку сделал...

Нельзя сказать, что сильно хорошую, но тут еще – артель.

Лодки на три, четыре, шесть человек, а то и больше – для тех, кто состоит в артели.

Для пришлых – одноместная лодка. И точка. А много ли с такой выловишь? Много ли привезешь?

Почему так?

А вот... закон! Понятное дело, артель о себе заботится. Ты сначала взнос оплаты, все купи, помощников себе найди, а уж потом поговорим, что тебе можно, а что нельзя. А то ползет всякая пена прибрежная, накопиться пришлая...

А столица не резиновая, не растянется...

Это Тони могла понять. Только вот родителям Риты с того легче не стало. И видно это на них было очень хорошо. И на матери Риты, усталой и измученной родами и тяжким трудом. И на ее отце, который выглядел как бы не вдвое старше своего возраста... седины у него... да считай, вся голова седая. И мальчишки – Ритины братья, тоже уже... хоть и стараются отцу помочь, а видно, им тоже тяжело.

Быть чужаками – всегда испытание. И мало кто его выдерживает.

Тони поздоровалась и протянула корзинку, которую собрала Анита. Ну и кухарка там поучаствовала. Пахла корзина так, что Тони сама половину дороги облизывалась. Вкусно...

– Благодарю, ритана. А что... с Ритой никак что?!

Мать Риты схватилась за сердце. Тони замахала руками и принялась все объяснять. И про Мондиго, и про все остальное.

– Тысячи... реалов?! – ахнул Педро, хватаясь за сердце. – Ритана, да что ж мы на улице... зайдите, не побрезгуйте!

Тони и не думала брезговать. Ей не лучше приходилось.

Да, в доме было тесно, в нем были земляные полы и он топился по-черному. Ну так что же? Будут деньги – чай, получше выстроит! А Тони было важно другое.

Да, худо-бедно, но у каждого ребенка была своя лавка. И игрушки им Педро делал, это сразу видно. И каждую досочку выглаживал... старался. Бедно, да с заботой, а это иногда и получше, чем во дворце, да чтобы всем на тебя плевать было.

Тони рассказала про договор с Мондиго и посоветовала открыть счет в банке. Не брать деньги даже в руки, а пусть кладет на имя Педро Пио Тилеса, а уж там видно будет. Не хранить же такую сумму дома?

Конечно, нет!

Педро был полностью согласен. Да и дураком не был.

– Это вы, ритана, правы. Сделаем так... а когда он прийти должен?

– Суд со дня на день, вот и придет со дня на день, – пожала плечами Тони. – Ему ж важно, чтобы я его отродье не прокляла в зале суда, а я могу.

– Спасибо вам, ритана. Вы не думайте, мы бедные люди, но за благодарностью не постоим, – вмешалась мать Риты.

Тони согласно кивнула. И обозначила размер оплаты. За такую помощь понятно, денег не берут, но ведь и оставлять людей так... нет,

нехорошо это. За добро платить добром надо, иначе не удержишь, все развеется, что тот дым. Пусть заплатят тем, что для Тони важнее денег.

– Я и Рите говорила, и вам скажу то же самое. Мне нужно одну бухту найти на побережье, а кто его может знать лучше, чем рыбаки?

– Какую бухту?

Тони честно попробовала ее описать, сбилась, начала еще раз, Педро слушал, думал, потом покачал головой.

– Нет, не знаю... я поспрашиваю, ритана. И мальчики.... Слышали?

– Да... да, отец... поспрашиваем, – вразнобой отозвались старшие.

– А вот это им, – Тони решительно вытащила из кармана горсть меди и вручила мальчишкам.

– Ритана! – ахнул Педро.

Тони пожала плечами.

– Считайте, это не им, а для расспросов. Я их как нанимаю, а всякий труд должен оплачиваться.

– Ритана, вы и так... дочке нашей...

– О справедливости оплаты судят двое, не так ли?

Больше Педро не спорил. А Тони отлично понимала – у мальчишек он деньги не отнимет, не тот человек. И расспросят они все, и выяснят, и побегают...

Может, и найдут они ту самую бухту? Кто ж его знает? Дети – они везде лезут, даже там, где им бы век не ходить. А все одно – проползут! Просочатся!

И ремень их не устроит...

Пусть хоть какая польза будет.

А дома Тони уже ждала повестка в участок. На завтра.

Дядя и тетя не ругались. Поводов было аж два – и грабители, и найденное тело девушки... тут надо отнестись с пониманием и порадоваться. Их дочери не нужны. Только Тони.

А она все равно Лассара, это хорошо!

Пусть идет! С нее не убудет!

Ночь скользнула по улицам города. Ночь заставила цветы прикрыть глаза, обволокла сумраком флюгеры на крышах, перекрасила мостовые в серый цвет, а кошек – в черный.

Заглянула ночь и в комнату, где на кровати лежала девушка. Лежала спокойно, словно мертвая, и только кулаки были сжаты так, что кожа на ладонях прорвалась под нажимом ногтей и показалась кровь.

Кажется, она что-то шептала, но прислушиваться темноте было некогда. Она лоскутом прикрыла лицо девушки – и поползла дальше. Сейчас – ее время.

Тони снился Лассара.

Такие сны были редкими, и оттого девушка их только больше ценила.

Снился дом – таким, какой он был до маминой смерти. Светлым и уютным, наполненным цветами и смехом.

Снились мама и папа.

Здесь и сейчас они были счастливы, и папа играл с Тони, а мама смотрела на них, сидя в кресле, и улыбалась. Тони видела себя, ребенком, и словно бы со стороны, слышала свой голос. И в то же время осознавала себя – там.

Счастье.

Горькое, утраченное, но счастье.

Потом картинка начала меняться. Из замка вышла женщина в белом. Высокая, светловолосая, она шла к Тони. Мама и папа не то чтобы пропали... Тони знала, они были рядом, особенно мама, но их словно туманом каким-то затянуло.

– Мама? – позвала она. – Папа?

– Не бойся, дитя мое.

Женщина в белом протянула к Тони руку.

– Я не боюсь, – отозвалась Тони, хотя страшно ей было даже во сне. – Кто вы?

– Я та, кто вечно будет стоять за твоим плечом, няня.

– Вы...

Как-то Тони догадалась почти сразу. Наверное потому, что из-под светлых роскошных волос, из-под вуали, улыбался ей оскаленный череп.

– Я. Я всегда буду рядом с тобой. Я никогда тебя не оставлю.

– Зачем я вам?

– Мне нужны все мои дети. Вас так мало, что я рада каждому. Не бойся меня, нинья.

– Я... я не боюсь.

Тони сказала правду.

Страшно ей не было, наоборот. Даже как-то спокойно. Смерть пришла, остального можно больше не бояться.

– Это правильно, – промурлыкала, иначе и не скажешь, богиня. – Не бойся ничего. Ни меня, ни моих даров, ни моих детей.

– А...

– А я еще приду. Я довольна тобой, нинья, ты правильно идешь.

Прощальная улыбка черепа показалась Тони даже нежной. И грустной.

Некроманты – дети Смерти? Сложно ей, наверное, с таким беспокойным потомством...

* * *

– Добрый день. Я к сеньору Вальдесу, – сообщила Тони.

– Серхио Мария Вальдес?

– Да.

Дежурный посмотрел на Тони с сомнением, но дорогу показал. Четырнадцатый кабинет.

М-да...

Полиция содержалась не роскошно. Обшарпанные стены, покрашенные некогда в мятно-зеленый цвет, а сейчас поцарапанные и поблекшие, скамейки из некрашеного дерева в коридоре, двери...

Тоже старые. Потрепанные временем и жизнью.

Вот и цифра «14», нарисованная мелом.

Тони постучала в дверь.

– Войдите.

Девушка толкнула ее – и замерла на пороге. Вот никак она не ожидала, что сеньор Серхио будет не один. Но это-то ладно! А вот что в кабинете будет некромант...

Тан Риалон сидел за соседним столом и глядел на Антонию. И почему-то Тони почувствовала себя неудобно под этим взглядом.

Горящим, жестким, каким-то... обвиняющим?

Не бойся моих детей...

Что ж, Смерти виднее. Тони заставила себя расслабить плечи и улыбнулась.

– Тан Риалон. Сеньор Вальдес.

– Здравствуйте, ритана Лассара, – сеньор Серхио встал при ее появлении. Да и некромант тоже соизволил. – Простите, что пришлось вас побеспокоить, но дело достаточно деликатное.

– Я вас внимательно слушаю, сеньор Вальдес.

Тони уже успела усесться на придвинутый стул, положить рядом перчатки и сумочку, улыбнуться некроманту.

– Ритана Лассара, вы не испытываете неудобств в моем присутствии? – поинтересовался тан Эрнесто.

Тони качнула головой.

– Нет, тан. У меня есть защита.

– Защита?

Сеньор Серхио молчал. Слушал.

Тони потратила немного времени на объяснения, потом показала висящий на шее мешочек.

– Это из запасов Лассара.

– Обязательно воспользуюсь вашим средством, – поблагодарил некромант. – И буду обязан.

– Вам может помочь хуже. Слабее, – не стала скрывать Тони. – Вы сильнее меня и намного, поэтому...

– Даже частично – уже неплохо, – отмахнулся некромант. – Вы же меня не чувствуете.

– Но я и сама Лассара. Хоть и непроявленный маг.

– И как Лассара, ритана, просим вас о помощи.

– О какой? – напряглась Тони.

Сеньор Вальдес опустил голову.

– В Римате и окрестностях уже достаточно долгое время находят тела девушек. Им... словно горло растворили. Ритана, умоляю вас, если вы знаете нечто о такой нечисти...

– Я... не знаю, – растерялась Тони. – Мне надо посмотреть... мама рассказывала, конечно, и я читала достаточно много, но горло может порвать кто угодно. Вампир, оборотень, может, кто-то из низших демонов...

– Ритана, вы сможете посмотреть на труп? – уточнил сеньор Серхио.

Тони этого делать не хотелось. Но...

– А тот труп, который я...

– Это бытовые дела. Но есть и другое.

Тони зажмурилась на пару минут – и тряхнула головой.

– Ладно. Ведите.

Морг.

Царство некромантов, в которое и сопроводил ритану лично тан Риалон. Вежливо поддерживая под локоть. Тони не возражала. Более того, она по дороге даже сняла амулет и протянула его тану.

Для примерки.

Проверяли на сеньоре Вальдесе, и следователь констатировал, что давящая аура стала намного меньше. Словно вдвое уменьшилась.

Может, даже и втрое. Он привык, конечно, да и характер у него не тот, его аурами не запугаешь, а вот народу тяжело. Но вот смотрите, тан, и сторож от вас не шарахается, и санитар смотрит спокойнее.

Ладанку тан вернул со вздохом. Ему явно этого не хотелось делать. И Тони сжалилась.

– Тан Риалон, отдать свою я не могу, ее делали для меня и заговаривали для меня. Но могу вам сделать свой амулет. Горсть соли у меня есть, а найти и смешать травы несложно.

– Я буду вам очень признателен, ритана.

– Если сеньор Серхио вызовет меня... к примеру, послезавтра, в участок, это будет просто замечательно.

– Ритана, я могу заехать к вашим родственникам.

– Тан, я просила бы вас так не поступать, – вежливо отказала Тони.

– Почему? Ваши родственники плохо относятся к вам? Я могу вам чем-то помочь?

Тони отрицательно качнула головой.

– Тан Риалон, мои родственники – хорошие люди. Настолько, насколько это вообще возможно... в наших обстоятельствах. Но некромантия для них... неприятна. Вам ли не знать?

Эрнесто медленно кивнул.

– Я понимаю, ритана. Серхио, ты не возражаешь?

– Как можно? Ритана, возможно, в деле откроются новые обстоятельства. Или вы можете прийти по делу об ограблении...

Тони улыбнулась.

– Я приду, разумеется, сеньор.

И получила в ответ две мужских улыбки. Все же некромантам сложно жить в этом мире. И дружить с ними тоже сложно.

Морг встретил холодом. И телом, которое лежало на прозекторском столе, накрытое белой простыней. Специально служитель прикатил из холодильника.

Тан Эрнесто не стал стягивать всю простыню, он обнажил только горло девушки, ну и ее лицо. Но Тони и этого хватило.

Девушка дернулась, сглотнула...

Закрыла глаза, открыла... только сеньор Серхио знал, насколько ей неприятно – Тони что есть сил вцепилась в его руку. Подошла поближе...

– Горло не выгрызено, следов зубов нет...

Тан Риалон коротко кивнул.

– Его словно... даже не вырвали, тут вообще нет никаких следов. Его... растворили?

– Да, ритана. Вы что-нибудь слышали о такой нечисти?

Тони медленно кивнула. Растворили плоть...

Да, именно растворили, она слышала о таком, она знает... это было давно, очень давно... что же ей говорили и кто?! Девушка зажмурилась, взялась за виски, восстанавливая в памяти эти слова... так давно! Творец, это было невероятно давно...

– Да, слышала. Но не совсем о такой.

– Ритана? – даже немного подался вперед Эрнесто, ловя каждое слово.

Тони задумалась ненадолго, формулируя свои мысли. А потом заговорила.

– Это даже не учебник, не дневник, это сказка, которую мне рассказывала мама, когда была жива. По ее словам, именно с чем-то подобным столкнулся один из Лассара... это было давно.

И словно во сне всплыли и тихие мамины слова, и ее глаза, и улыбка...

– Это было давно, может, вскоре того, как произошло Разделение. Вскоре после того, как на земли нашего материка хлынули полчища

нечисти из джунглей. Один из Лассара отражал их нападения. И он же заметил, что у солдат, которые пали в бою, часть груди словно бы растворена. Не выгрызена, а просто – словно часть плоти растворили на костях. У индейцев было такое приспособление... вроде губки. Если его приложить, оно растворяло плоть.

– Никогда о таком не слышал, – честно высказался сеньор Серхио.

– Тем не менее. Плоть превращалась в кашу, которую индейцы и использовали.

– Для чего?

– Не знаю, – честно созналась Тони. – Это была сказка на ночь, и я уснула.

– Вам родители рассказывали о таком на ночь? – выпучил глаза сеньор Серхио.

Тони хмыкнула.

– Мама. Она же из рода Лассара и некромант.

Отец предпочитал истории о принцессах.

– А маленькая принцесса? – неожиданно спросил тан Риалон.

– Истории о некромантах, – легко ответила Тони.

А по сердцу полоснула боль, БОЛЬ!

Что предпочитает ребенок?!

Чтобы родители были рядом! А там пусть хоть про что рассказывают... только не бросают! Эх, папа... мама-то умерла, а вот как мог ты меня бросить?

Внешне она постаралась этого не показать, но как-то некромант смотрел излишне внимательно. А еще...

Тони колебалась недолго.

Сказать?

Не сказать?

Выбрала нечто среднее, сказать полуправду.

– Тан Риалон, у Лассара есть родовое умение. Если есть какие-то личные вещи погибшей, я могу попробовать призвать духа.

– Не тело? – уточнил некромант. – Не... частицы плоти?

Тони качнула горловой.

– Нет. Нужно именно что-то личное. Какая-то вещь. Если получится, я... я непроявленный пока некромант. Но дар у меня есть.

Тан Эрнесто пожал плечами.

– Если получится... будет интересно понаблюдать.

– А... вы не пробовали? – уточнила девушка. Если раньше она смущалась, то морг из нее это смущение вытряхнул. Начисто. Сложно было смущаться в двух шагах от мертвого тела, да и запах тут такой... в обморок бы не упасть.

– Я пробовал, но у меня не получилось, – с обаятельной улыбкой развел руками тан. – Вы не в курсе, но в своей ветви я – первый некромант. Со мной не спешат делиться родовыми секретами, вот, если бы сын мою силу унаследовал...

Тони качнула головой.

– Нет. Он... хороший человек, но магии в нем нет. И я прошу вас не разглашать мой маленький секрет. Да, я Лассара. Но я не хочу пугать своих родных. Некромантов не любят, а я и так пользуюсь их любезностью.

Дураков среди присутствующих не было. Мужчины поняли все правильно. Что тут поделаешь – не любят у нас некромантов! Необходимость признают, услугами пользуются, но – не любят! Вот и не надо осложнять девочке жизнь, информируя ее родственников.

– Я распорядюсь насчет вещей, – подхватился сеньор Серхио. И вышел из комнаты, оставляя двух некромантов наедине с трупом.

Тони разглядывала мертвое тело.

Тан Эрнесто разглядывал девушку.

– Антония, скажите, я могу вас так называть? На правах старшего?

– Можно просто Тони, – отозвалась девушка.

Интересно, для чего нужно... такое делать? У всякого действия, учил Хуан, есть свои причины, хорошие или плохие. Да, иногда эта причина – глупость человеческая. Но по глупости убивают не так!

Нет, не так!

По глупости убивают спьяну, с раздражения, с дури... вот столкнуть с лестницы по глупости – можно. Сковородку схватить по глупости – можно. А вот так?

Нет, это точный расчет. Но зачем? Что это могло значить?

– Тони, скажите мне, прошу вас. Что происходит между вами и моим сыном?

– Ничего, – честно отозвалась Антония, думая о своем. – Амадо хороший, но мне он не нужен.

– Так жестоко?

Тони пожала плечами.

– Наверное, жестоко. Но делать вид, что я отвечаю на его чувства – еще хуже.

Такая принципиальная? Или просто глупая?

– Хм... Тони, я примерно представляю себе ваше положение. Вы понимаете, что любой мужчина, которого найдут у вас ваши родственники, окажется *хуже* Амадо?

Антония отвлеклась от трупа и посмотрела на некроманта в упор.

– Тан Риалон, к чему этот разговор?

– Мой сын увлечен вами. Я это вижу и знаю.

– И вы хотите, чтобы кровь Лассара влилась в вашу семью? Усиливая Риалонов?

– Допустим?

– Тан Риалон, – глаза Тони были безнадежно уставшими. Слово даже потухшими. – Я НЕ ХОЧУ замуж за Амадо. Более того, я хочу, чтобы мой муж стал Лассара. Моя семья не заслуживает окончательной гибели.

– Вы уверены, что ваши родственники посчитаются с вашим мнением? – не удержался Эрнесто.

– Уверена, что *не* посчитаются.

– Тогда стоит ли проявлять ненужное благородство?

Ответом некроманту был насмешливый взгляд светлых глаз.

– Благородство ненужным не бывает.

Кто знает, куда бы зашел разговор, но в комнату вернулся сеньор Вальдес. И протянул Тони небольшой бумажный сверток.

– Все ее вещи. Одежда, туфли...

Тони кивнула, положила сверток на свободный стол и развернула. Достала оттуда первое, что попало, туфельку. Сжала в руках.

А потом...

Мужчинам, которые за этим наблюдали, показались разные вещи.

Серхио – что у девушки вдруг побелели и лицо, и руки. И глаза закатились.

Эрнесто увидел, как вокруг Антонии сгущается белесая дымка. И кажется, даже услышал какие-то голоса. Но не смог ничего разобрать.

Тони сжимала в руках туфельку. Старенькую, с потрепанной подошвой, с обшарпанным носочком, с испачканным в грязи бантиком – и была на темной улице, по которой спешила домой Катарина.

Спешила домой с работы.

Там ее ждал муж.

Ждал, а у нее еще ужин не готов... наверное, ругаться будет. Что она за жена такая? Ни мужа не обиходить, ни дом...

А что она вынуждена надрываться в закускойной... ну так что же? А у других баб еще и дети, и как-то ж они справляются?!

Правда?

Правда...

Спина болела от подносов с тарелками, болели руки, болели ноги – поди, походи между столиками, то принося тарелки, то собирая их... а муж еще ругаться будет. Приличные бабы задницами по харчевням не крутят...

Эх, была бы у нее возможность... но Пабло зарабатывает так мало... слишком мало...

Задумавшись, Катарина и не заметила, как метнулась из подворотни темная тень. И только когда что-то ледяное коснулось горла...

Нет, она даже крикнуть не успела, проваливаясь в темноту.

Увидеть, что с ней случилось?

Она тоже не смогла. На нее напали со спины, из темноты... она ничего не успела.

Ничего... даже побыть счастливой.

* * *

Тони медленно открыла глаза. Мужчины смотрели на нее серьезно, задумчиво.

– Ну и мразь же ее муженек, – хрипло припечатала девушка.

– Мразь?

– Она целыми днями убивалась на работе, а он не мог себе дела найти. Сидел, ждал ее дома, еще и ругался. Ее звали Катарина?

– Да.

– Мужа – Пабло.

– Да, – кивнул сеньор Вальдес. – Тони, милая! Вам удалось призвать ее душу?

Тони качнула головой.

– Не то чтобы призвать... такое ощущение, что она далеко, очень далеко...

Мужчины переглянулись – и безоговорочно поверили. Эрнесто тоже не мог призвать душу, потому что ее... что?!

Но у Лассара больше... не сил, не опыта. Нет. Лассара – древний род, а для некромантов и это важно. Когда поколение за поколением живет со Смертью за плечом, это отражается на человеке. Это видно, это чувствуется...

– И что вы увидели?

– Она ничего не знает. Было темно, она спешила домой. Потом ее схватили, а горла коснулось нечто ледяное. И она больше ничего не знает, – озвучила Тони.

– Вот даже как... Тони, а вы можете это проделать еще раз?

Тони пожала плечами.

– Не знаю. А зачем?

– Потому что обычно, когда призывают дух, я могу задать свои вопросы. А вот сейчас... к примеру, была ли там тень на мостовой? Если на нее напали из тени, значит, рядом был свет, и на мостовой могло быть видно... хоть что-то! Это холодное – металлическое – или нет?

Тони пожала плечами.

– На один вопрос я могу ответить. – Она сосредоточилась, вспомнила тень на мостовой. Действительно, это было. – Тень... да, но она была бесформенной и размытой. У нее не было четких очертаний.

Металлическое?

Или...

Когда Тони была... там... ощущений там не было. Был холод – и все. Поэтому металлическое или нет... она не знала. Не могла ответить.

– Это уже хорошо. Ритана, вы можете так же попробовать и с другими?

– Другими?

– Шесть девушек, ритана. Шесть...

Тони поежилась, обхватывая себя за плечи.

– Не знаю. Мне нужно что-то, что было на них в момент смерти. Тогда я смогу... попробовать.

– И в меру, – некромант подхватил Тони до того, как та окончательно замерзла – Накиньте, ритана.

Лабораторный халат – не слишком теплый, но все-таки лучше, чем ничего. И стул с удобной спинкой, чтобы опереться. И чашка горячего крепкого кофе.

Тони вдохнула его запах – и даже глаза прикрыла от удовольствия.

– Тан Риалон...

– Можно просто Эрнесто... коллега.

– Вы старше меня, – констатировала факт Тони – И... окружающие не поймут.

– Тан Эрнесто?

– Хорошо, тан Эрнесто. Спасибо!

– И еще – вот.

Пирожки с малиновой начинкой были вообще восхитительными. Тони впилась в один из них зубами и даже глаза прикрыла от счастья. Противная внутренняя дрожь прекратилась.

Странно, что это с ней? Раньше так не было... или точнее – было не так. Было легче.

– Как это... неприятно.

– Неприятно? Тони, я несколько раз пытался призвать дух. И у меня ничего не выходило. А у вас получилось... вы уверены, что ваш дар такой уж непроявленный? – поддразнил некромант.

– Тан Эрнесто, мне просто повезло.

– Через два дня посмотрим, – решил следователь. – Тони, я вам скажу, на что обратить внимание, ладно? Какие вопросы задавать, о чем... я правильно понимаю, дух общается только с вами?

– Видимо, да. Мое направление – как раз спиритизм, – созналась Тони.

– Нам повезло.

– Это не значит, что надо перегружать девочку, – рыкнул Эрнесто. И подвинул поближе к Тони пирожки. – Приятного аппетита.

– Спасибо, – Тони не удержалась и утащила еще один. Ну до чего ж вкусно!

Ступеньки полицейского участка были крутыми и достаточно скользкими. Недавно прошел дождь, и капельки воды блестели на полированном камне.

Тони шла медленно.

Тан Риалон провожал ее, поддерживая под локоть, но оступиться все равно не хотелось. Голова до сих пор кружилась. Не сильно, но неприятно! Все же она много сил потратила!

– Ой...

И увернуться не успела.

К крыльцу лихо подкатил большой черный мобиль, взвизгнули колеса, плеснула вода из грязной лужи, которые появляются неизвестно откуда, словно заколдованные.

Тони ожидала холодный душ, но вместо этого...

Эрнесто Риалон резко рванул на себя девушку, развернулся – и большая часть грязной воды стекла по его спине.

– Тони?

На миг, только на миг девушка позволила себе замереть в кольце сильных рук. Ничего подобного она не испытывала с детства. С того момента, как отец...

Безопасность.

Тебя закрыли от всего мира – и ты можешь спокойно улыбаться. Что бы ни случилось, этот человек встанет между тобой – и любой опасностью...

Миг иллюзии, только миг.

– Тан Эрнесто, я...

– Риалон! Ты ли это?!

Выскочивший из мобиля мужчина казался примерно ровесником тана Эрнесто.

– Освальдо? – почему-то тан Риалон смотрел на него без малейшей симпатии. – Какими ветрами?

– Разумеется, волей его величества, – пожал плечами мужчина.

Тони сравнивала стоящих друг рядом с другом... кого?

А ведь похоже... некромантов?

Определенно...

Та же аура, тот же холод, но Эрнесто Риалон явно сильнее. А этот... Освальдо – слабее. И ему это не нравится. При этом они внешне очень похожи. Черные волосы, с едва заметной сединой,

черные глаза, аккуратные бородки, разве что черты лица у Освальдо как-то мягче... отточеннее? Да, наверное. А вот фигура более сухощавая.

Они одногодки?

Да, наверное.

– Ритана Лассара, позвольте вам представить тана Освальдо Фаусто Карраско. Освальдо, ритана, которую ты едва не окатил из лужи – Антония Даэлис Лассара.

– Лассара? – тут же сделал стойку Освальдо. – Рад знакомству, очаровательная ритана. Очень рад! ОЧЕНЬ!

А вот попытка поднести руку девушки к губам закончилась неудачей. Потому как запас хороших манер у Тони также не был бесконечным.

– Тан Риалон, – обратилась Антония к своему спутнику, нарочито игнорируя тана Карраско. – Я благодарна вам за помощь. И буду рада новой встрече.

– Ритана, – поднес ее руку к губам Эрнесто.

И ответом ему стала улыбка.

Тони развернулась – и пошла по улице.

– Ритана, я могу вас подвезти? – спросил Освальдо.

Тони даже не обернулась.

– Ритана? Надеюсь на новую встречу.

Девушка даже головой не тряхнула, чтобы как-то обозначить, что она слышала его слова.

Освальдо сдвинул брови, обернулся к Риалону, но... но того уже не было рядом. Некромант призвал на помощь свое искусство – и растворился, словно призрак.

Освальдо стоял несколько секунд неподвижно. А потом тряхнул головой.

Лассара, говорите?

Что ж, легкая победа – это поражение. А потому... где там Риалон?

* * *

Это была ОНА.

Его ночная танцовщица, мужчина готов был поклясться в этом спасением своей души. Да чем угодно поклялся бы!

Она...

Она его не узнала, наверное, это и к лучшему. А он... он стоял рядом и шалел от запаха ее волос. От ее улыбки, от ее голоса.

Красивая?

Вот лицо его и не интересовало. Бывает и такое...

Неважно, как выглядит та самая женщина. Важно уже то, что она существует. Здесь, сейчас, на этой земле! Творец милостив – он подарил им уже несколько встреч! Разве этого мало?

Да!

Трижды ДА!!!

Люди – отвратительно жадные создания, дай им палец, так они по уши руку отгрызут. И сердцем закусят!

Мало, конечно!

Эта девушка была нужна мужчине здесь, рядом, постоянно!!!
Нужна, как воздух, как сама жизнь...

Смешно слышать это от некроманта?

Смейтесь, кому смешно. А мужчине было невесело. Потому что шансов у него не было. Никаких. И неважно... ничего нет важнее!

Хочется сказать – Творец, благодарю тебя! Она есть на этой земле!
Я видел ее! Пусть будет счастлива – и я буду счастлив вместе с ней!

И вторая часть кричит – НЕТ!!! Не отпускай! Ни за что не отпускай! Это та единственная женщина, которая создана для тебя! А ты – единственный мужчина, рядом с которым она может быть счастлива! Кто-то другой... да кто еще?!

Кто сможет ее понять?!

Кто сможет смотреть в ее глаза, и видеть там душу? Не просто пользоваться, пусть даже как женой, как матерью чьих-то детей, а именно любить? Беречь? Защищать от всего мира?

Просыпаться рядом – и улыбаться от счастья. Она здесь.

Засыпать рядом – и знать ее рядом.

Встречать взгляд светлых глаз, и понимать, что нашел ЕЕ. Свое второе крыло, свою половинку, свою...

Не его.

В том-то и дело, что НЕ ЕГО!!!

У него нет никаких прав на эту девушку. И надо быть благодарным Творцу, надо быть счастливым... надо!

Не получается...

И хочется большего.

Мужчина твердо знал, что эта жажда останется с ним на всю жизнь. Можно пить из любого родника, но нельзя напиться болотной жижей. А любая другая женщина для него тем самым и будет...

Как же больно.

Эта боль с ним останется навсегда. Но, наверное, это лучше, чем бесчувствие?

Мужчина не знал ответа. Променял бы он это горькое, но счастье любить – на обычную бесстрастность? На леденящий холод смерти?

Или нет?

Он не знал ответа. А потому... налил на пару пальцев горькой настойки и выпил залпом, как лекарство. Больше не надо, пьяный некромант – бедствие для окружающих. Но чуть притупить эту боль – можно и нужно.

Антония Даэлис Лассара.

Антония.

Тони...

Почему я встретил тебя?! За что?! Творец единый, спасибо тебе за эту встречу!

В душе у мужчины царил полнейший хаос.

* * *

Освальдо вошел в дверь морга без стука.

– Я смотрю, Эрнесто, ты такой же зануда, как и раньше.

– Смотри в другую сторону, – отрезал Эрнесто.

– Не дуйся. Ты прекрасно понимаешь, что я не нарочно тебя окатил грязью.

Тан Риалон сощурился.

– Вальд, тебе сколько лет? Дуйся, не дуйся... что за детский сад? Ты сделал, что хотел. Доволен? Свободен!

– Ладно, Эрни, не обижайся. Что это за ритана Лассара? Откуда?

– Твое какое дело?

Освальдо прищурился. Тан Риалон отлично знал этот прищур, еще со времен учебы. И не сулил он ничего хорошего оказавшейся в зоне интереса Освальдо девушке.

– Почему бы и не мое?

– Потому что у тебя есть семья...

– Семья – дело наживное. Сегодня жена есть, завтра – нет. А против моего брака с Лассара даже дед возражать не будет.

– А что – Сарита тебе уже надоела?

– Сарита, – Освальдо безразлично пожал плечами. – Толку от нее мало. Твоя хоть сына родила, а эта одних девок плодит. Тоже неодаренных.

– Тебе посочувствовать?

Освальдо зло сверкнул глазами.

– Рассказать про Лассара.

– Не сомневаюсь, ты найдешь кого расспросить. Помимо меня.

– Для себя решил приберечь? Сомневаюсь, что ты какой-нибудь бабе нужен будешь, если от тебя даже семья отказалась.

Удар был нацелен мастерски. У Эрнесто вспыхнули красные пятна на скулах, но голос был по-прежнему ровным.

– Вальд, моя семья – не твое дело. А девчонку не трожь, нечего ей жизнь ломать.

– Так я наоборот... она еще и благодарна будет. Что бабам нужно? Деньги, связи, власть, ну и мужик чтоб на что-то годился. У нее все это и будет.

– Если ты себя имеешь в виду?

– Не тебя ж. Что ты можешь предложить жене? Сантимо, которые тут получаешь? Вот и просидишь всю жизнь на заштатной должностишке. А девочка – бриллиант, ей огранка нужна.

– Я б вас послал, да вижу – вы оттуда, – не выдержал Эрнесто. – Иди, не мешайся. Слушать тебя тошно, а смотреть – противно.

На губах Освальдо заиграла насмешливая улыбка.

– Не дожدهшься. Его величество попросил меня разобраться в этой истории с девушками.

Эрнесто сделал широкий жест рукой.

– Не стесняйся. Разбирайся.

– Материалы дела. И тела.

– Все – по согласованию с сеньором Вальдесом и приказу его величества, – отбрил Эрнесто. – В рабочее время.

– Официально хочешь? Сделать запрос?

Эрнесто обрел спокойствие и улыбнулся.

– Тан Карраско – не стесняйтесь. Располагайтесь, будьте как дома, общайтесь. А у меня рабочий день закончился примерно полчаса назад. Всего хорошего.

И сделал ручкой, выходя за дверь.

Пес с ней, с испорченной курткой. И с рубашкой. Дома переоденется. А пока он еще не ушел домой...

Серхио наверняка еще на работе. Надо к нему заглянуть.

* * *

Тони медленно смешивала соль и травы.

В окно заглядывала луна, девушка подставляла смесь под лунные лучи и шептала наговор.

Старый, ведьминский...

Долорес хорошо ее научила.

– ...двери затворяю, силу закрываю, как тень от креста, все, дочиста...

Дверь она предусмотрительно подперла стулом.

Ведьминская ворожба – тихая. Никто не узнает, если не увидит. Вот и пусть не видят, так спокойнее будет. Пусть не слышат...

Антония Лассара не должна так поступать?

Наверное...

Маги с презрением относились к ведьмам, пожимая плечами. Да что могут эти тупые деревенские бабы? Кому нужны их убогие травки?

А ведь эти бабы знали не меньше иного мага, и не всегда хорошее и доброе. Знали, практиковали, учили, передавали свои знания другим. Книжки передавали по наследству.

Долорес учила Антонию больше из жалости. Кусок хлеба заработать разве что. Мало ли какая беда случится... пусть ту силу в обряды она не вложит, какую надобно, но хоть внешний вид покажет. Так и сложится...

Сила магов и сила ведьм шла от разного корня. Маги управляли стихиями. Ведьмы черпали свои силы от земли, от природы. Если сравнивать – маги рубили топором, ведьмы вышивали гладью. Сил у них было куда как меньше, чем у самых слабых магов, но именно поэтому они могли... многое.

Можно убить человека мечом.

А можно – и иголкой. Надо только знать, куда эту иголку воткнуть. И ведьмы накапливали знания. Медленно, уверенно, поколение за поколением... с тех пор, как на них перестали охотиться. Сейчас ведьм карали только за конкретную и доказанную вину. И церковь уже так не кидалась...

Долорес учила, Тони училась, но ведьминские заклинания в ее устах обретали новый смысл. Все же сила, которая их наполняла, имела смысл.

Вот и сейчас...

Изначально это был заговор от воров.

Двери запираю, засовы замыкаю, злу не войти, добра не найти...

Но с вложенной в него силой некроманта заговор от воров превратился в нечто новое. Всем, кто спросит, Тони говорила, что это знания Лассара, так было проще.

Вот и готов мешочек с солью. Может, сейчас тану Риалону будет легче?

Тони вспомнила лицо его супруги, сына...

Нет, легче не будет. Не намного. Но это лучше, чем ничего.

А этот... Карраско!

Тони отлично знала эту фамилию. Лассара были некромантами. Карраско были некромантами. Между собой они, кстати, не роднились. Связей вообще не было. Это Тони помнила, но не знала – почему?

Хотя какая разница?

Рядом с таном Эрнесто ей было спокойно и уютно.

Рядом с Карраско...

Как же ее раздражал этот... этот гад!!! Может, он не гад? Он хороший?

Тони об этом и задумываться не собиралась. Ей Карраско НЕ ПРАВИЛСЯ! До сжатых кулаков, до желания пнуть в колено...

Антония искренне надеялась с ним никогда не пересекаться! Вот!

Паулина предвкушала замечательный день.

Сегодня они едут на море!

В Хрустальный грот!

Паулина бывала там пару раз, но с родителями, а это, согласитесь, совершенно не то! Вот когда с любимым человеком... с мужчиной...

Амадо ей в любви не признавался? Так может, все еще впереди? Паулина была твердо уверена, что рано или поздно, так или иначе...

Конечно, Амадо ее полюбит! Просто он такой робкий, нерешительный... ему все объяснять надо! Вообще все-все!

И намекать! Мама постоянно учила Паулу, что мужчины, как дети. Их надо хвалить, что бы они ни делали. Им надо говорить, какие они умные и хорошие. О них надо заботиться.

Тогда мужчина из категории «мужчина вообще» перейдет в категорию «твоего мужчины». И никуда не денется. В качестве примера ритана Розалия приводила своего супруга. Который уж сколько лет не собирался никуда деваться. Любовницу – и ту не заводил.

А зачем? Ему и дома хорошо было!

Паулина собиралась добиваться того же самого с Амадо. Просто пока Риалон не понимал своего счастья. Но ничего, она ему объяснит...

Хотя...

Если уж совсем честно, ночью, в подушку и шепотом...

Амадо Паулине не слишком-то нравился. Она понимала, что из него получится хороший муж. Домашний, управляемый, кстати говоря – богатый. Удобный и послушный.

А сердце упрямо отстукивало свое. Сердцу хотелось любви. Романтики!

Вот, как у Эудженио и Альбы! Хотя бы! А если уж как у Раймона и Доротеи...

Любовь – это ТАК романтично... а любить Амадо – это как любить манную кашу. Никаких особых чувств он у Паулы не вызывал, и сердце в груди часто не билось, и то, о чем рассказывала Альба – как будто земля из-под ног уходит, и ты плывешь на громадном облаке, и никого нет, кроме любимого...

У Паулы такого не было.

А хотелось. Очень хотелось. Но с Амадо такого никогда не будет. А кто-то другой...

Никого другого рядом не было. Достойного, подходящего... как так получается? Кому-то все, а кому-то...

Паула тихонько позавидовала сестре. Еще раз позавидовала, что уж там! Альба красивая, умная, яркая, броская, любимица... А сама Паула? Родители ее любят, но сравнивая с Альбой, ставят всегда на второе место. Да Паула и сама это видит! И волосы у нее хуже, и фигура...

Да, на фоне Альбы Паулина выглядит бледно. А вот на фоне той же Антонии... Там Паула выигрывает! У нее и кожа чистая, и улыбка хорошая, и фигура...

Ничего, вот Альба замуж выйдет, и настанет черед Паулы. И она за все отыграется! И платья у нее будут самые лучшие, и туфельки...

Мечты оборвало явление молодых людей. Стукнула в дверь служанка, и Паула побежала по лестнице вниз. Альба уже была там, и так смотрела на Эудженио... и он на нее!

Паула опять позавидовала, но недолго. И подала руку Амадо для поцелуя.

У нее свои радости! Вот!

Короткого взгляда, которым обменялись двое мужчин, она и не заметила.

* * *

Хрустальный грот...

Там, где есть романтическое место – есть влюбленные парочки. А значит, должен быть и смотритель. И оградка, маленькая, но заметная. И фонарики на стенах грота.

Эудженио вручил сторожу, деду лет шестидесяти, несколько монет и что-то шепнул на ухо. Дед кивнул – и заковылял к сторожке.

Все правильно, нечего ему под ногами болтаться!

Компания отправилась в грот.

Сначала они просто ходили и все рассматривали. Потом Альба и Дженио начали отставать то здесь, то там... все чаще слышался

смешок Альбы, кокетливый и призывный, все чаще они пропадали из вида.

Паула взглянула на Амадо.

Вот болван!

Идет, нудит какую-то глупость про историю, керамику... да какая ей разница?! Она эту подглазурную роспись век бы не видела... даже не представляет, что это такое! Нет бы девушке комплимент сказать! Или хотя бы под руку взять... ну хоть что-то!

Зануда!

Альба и Дженио в очередной раз отстали. Амадо замолчал и шел рядом с таким тоскливым видом, что Паула поняла – надо спасать ситуацию. И затрещала сама, как сорока.

– Амадо, смотрите! Какой интересный потек! И такая структура... как вы думаете, это похоже на что? Нет, правда... вы такой умный, вы должны мне это сказать... как вы думаете, сколько лет растут эти сталактиты? Или сталагмиты? Или... как их вообще называют? Я вечно забываю...

Она оборачивалась то к спутнику, то от него, но в полумраке пещеры, который скорее подчеркивали, чем скрывали цветные фонарики, не замечала сосредоточенного выражения на лице спутника.

Амадо считал повороты... вот... уже!

Все сложилось бы хорошо и удачно в их розыгрыше, если бы днем раньше сюда не пришла весьма... разгульная парочка, которая захотела любви. Сторожу они заплатили, сторож им уединение обеспечил. Но одну из оградок, которая закрывала опасные пещеры – с провалами, трещинами и кавернами, они таки сломали. Сторож как раз собирался ее починить.

А пока вход в пещеру был ничем не перекрыт. А зачем? Никто ведь туда не пойдет, правда? Незачем же...

Паула вдруг ощутила сильный толчок в плечо. Охнула – и полетела в темноту.

Все бы обошлось, но Амадо...

Альба рассказала Дженио про удобный поворот в пещере. Дженио объяснил Амадо. И получился испорченный телефон. Им нужен был следующий поворот, а Амадо перепутал. Точнее, просчитался. Альба не сказала про закрытый загородкой вход, понятно же, его надо пропустить. А вход-то оказался открыт.

И получилось то, что получилось.

Паула пролетела несколько шагов – и оказалась в темноте. Потому что Амадо резко затушил светильник на стене. А потом и еще один.

Он-то видел, куда идти. А она – нет.

А уж наличие трещины в стене никто не принял во внимание.

Паула была в туфлях на каблуке. Так ее ноги выглядели намного лучше. Вот, каблук и подвернулся, неудачно потянув свою хозяйку в сторону. Паула дернулась, чтобы не упасть – и рука не ощутила опоры. Она полетела куда-то вниз, даже не успев толком завизжать, стукнулась головой – и потеряла сознание.

Амадо развернулся – и направился в противоположную сторону.

Он как раз за собой вины не чувствовал. Альба сказала, что там будет небольшая пещерка, да, темная, но очень маленькая и почти круглой формы. Выйти из нее несложно... ну, шлепнется Паула пару раз, но выход найдет – и быстро.

А потом – что сложного? Дойдет и до главного выхода, светильники на стенах горят, дурак выйдет... вот и она тоже выйдет.

Истерика?

А вот дальше пусть Альба сама справляется со своей сестричкой. Обе Аракон одинаково не нравились Амадо. Обе пустые, вздорные, наглые и трескотливые, словно сороки на базаре... пусть сами разбираются! Вот!

Амадо развернулся и зашагал к выходу из пещеры.

Альба и Дженио задержались. И появились... растрепанные. У Альбы были взъерошены волосы, а от ветра припухли губы и щеки. Да и шеей она за что-то зацепилась. Синячок там получился очень выразительный.

Дженио имел вид сытого довольного котяры.

Одежда была... более-менее в порядке, если не приглядываться. А так надо бы пару пуговиц все же застегнуть правильно. И на платье, и на рубашке.

Амадо этого говорить не стал, но глазами повел вполне выразительно. Дженио понял и привел себя и Альбу в более-менее приличный вид.

– А где... прилипала?

Альба сделала вид, что ничего не слышит, и вообще занята. Что-то там поправляет в своем туалете. Шляпку, что ли?

– Пока еще не вышла.

– Вот и отлично. Предлагаю пока перекусить, – Эудженио широким жестом показал на корзину для пикника, которую не потащил с собой в пещеру. Она так и стояла у входа. Благо здесь были оборудованы несколько небольших столиков с навесами, для тех, кто пожелает устроить пикник. Вот за одним из них и устроилась компания.

Пока все разложили, расставили, пока то да се...

Когда они спохватились, что Паулины все нет – прошел почти час.

Долго Паула в обмороке не пролежала. И трещина была неглубокая, и ударились она не слишком сильно. Но...

В том-то и дело, что – но!

Если ты попал в пещеру, если у тебя при себе ничего нет, если тебя будут искать – не уходи! Не уходи со знакомого места!

Так больше шансов, что тебя найдут быстро.

Конечно, варианты бывают разные. И завалы, и землетрясения, и выхода другого нет, и потопы, и рудничный газ... да, бывает всякое. Но для Паулы все было безопасно.

Подожди она какое-то время, за ней бы пришли, и ее бы вывели наружу! Но в том-то и беда, что Паула сейчас не могла адекватно соображать.

Она закричала, но крик ударился о стены и попросту рассеялся.

Темнота.

Вокруг была темнота.

Тот, кто никогда не был в полной темноте, тот не поймет этого ощущения. Когда она физически давит на тебя, когда она плотная, непроглядная, когда рассеять ее нет возможности, когда тебя словно пожирает громадное злобное существо...

Паула кричала несколько минут. Пока горло не засадило. А потом приняла решение обследовать место, в котором оказалась. Она просто не вспомнила, что провалилась вниз!

Последнее что она помнила – толчок Амадо. И все.

В ее памяти засело, что где-то рядом выход, а значит – что?

Надо в него выйти. И все.

Повела руками вокруг себя. Камень, еще камень... пустота.

Проход...

Туда Паула и направилась в четкой уверенности, что идет к выходу. А искать ее начали только минут через двадцать. И то...

– Мы так Пауле ничего не оставим! – спохватилась Альба. Эудженио ласково коснулся ее руки.

– Да, действительно... что может так долго делать в пещере твоя сестрица?

– Сидеть и реветь, – сморщила хорошенький носик девушка. – Дуться и обижаться!

– Она уже давно дуется, – осторожно заметил Амадо.

– Ладно, – Альба с неохотой поднялась из-за стола, – я пойду, приведу ее.

– Я с тобой, любимая.

– Дженио, не надо. Пауле будет неудобно...

– Мне это безразлично. Но одну тебя в пещеры я не отпущу, – мужчина проявил властность и заботу. Альба просто растаяла. Ах, какой он...

Замечательный! И такой... такой...

Просто – ах! И внутри все сладко замирает!

Как неохота в такой момент идти за этой дурочкой Паулой! А надо...

Дженио помог своей девушке выбраться из-за стола. Амадо решил не ходить с ними и занялся паштетом. Он успел съесть два бутерброда, прежде чем из пещеры вылетела белая, словно песок, Альба.

– Амадо! Паулы нигде нет!!!

Еще около получаса ушло на прояснение всей ситуации. Амадо показал пещеру, в которую толкнул Паулу. Собственно, и узнать ее было легко – напротив не горели светильники. Горели они дальше по коридору – и по направлению к выходу, а напротив пещеры были потушены. До конца освещенного коридора Дженио уже пробежался.

Покричал, позвал...

Никого.

– Именно эта пещера? Это ответвление?

– Ну да...

Альба потерла лоб.

– Но это *не та* пещера! Мне кажется, та дальше... – девушка прошла по коридору еще несколько шагов. – Дженио, посвети мне, прошу!

Эудженио снял со стены горящий светильник и подошел к Альбе.

Ну да!

Вот эта пещера была правильной. Круглой, аккуратной, и любой, кого толкнули бы сюда, очень быстро нашел выход наружу.

А та?

Молодые люди вернулись к предыдущей расселине.

Дженио осторожно просунул руку внутрь, осветил все перед собой...

Альба ахнула – и было отчего. Эта пещера была узкой, вытянутой, и буквально в трех шагах от входа зияла большая расселина. В которую запросто мог провалиться человек.

– Паула!!!

Эудженио едва успел удержать дурочку, чтобы она тоже не полетела вниз.

– Ина! Стой!

Альба дернулась, но вырваться из его хватки не смогла.

– Дженио!

– Стой, говорю! Я сам посмотрю...

Эудженио предусмотрительно снял пиджак, расстегнул жилет и лег рядом с расщелиной на пол. Протянул в нее руку со светильником, осветил вниз...

– Паула! Вы там?!

Ответа не было.

Дженио встал и на правах старшего принял решение.

– Мы сейчас пойдем к сторожу. У него должны быть факелы, веревки, может, лестница. Спустишь и осмотрю расщелину. А без снаряжения здесь делать нечего.

Альба закивала. Вот уж не думала она, что ее шуточка окажется с такими последствиями!

Ой, мамочки... что же теперь будет?! Что будет?!

Веревки нашлись.

И в расщелину Дженио спустился.

И...

На самом дне лежала маленькая жемчужная сережка. Она, видимо, сломалась при падении, может, Паула неудачно головой дернула... Альба сережку опознала.

Дженио спустился вниз еще раз. Огляделся.

И выругался.

Потому и была закрыта пещера. Каверна уводила вниз, а из нее шла расщелина. Мужчина пригнулся и попробовал по ней пройти, благо вода за века такие коридоры промыла, хоть ты тут бал устраивай!

Увы.

Его путь оборвался через пять минут, на первой же развилке. Куда могла пойти Паула? В темноте? Одна?

Непонятно...

И Дженио решил не искушать судьбу. Еще ему заблудиться не хватало! Паулу, конечно, жалко, но себя ему было еще жальче. А потому...

Паула давно сбилась с пути.

Темнота окружала ее со всех сторон, давила, заставляла паниковать, она бестолково дергалась то вправо, то влево, кое-как нащупывала проходы... несколько раз падала, поднималась, шла дальше...

На упрямстве?

Нет.

Слезы у девушки лились потоком.

Она думала, что никогда, никогда уже не выйдет из пещеры! Не увидит небо, солнышко... она умрет здесь. Одна, в темноте, в этой жуткой тишине, всеми покинутая, и ее никогда не найдут... и родители будут плакать, и Альба... и она еще так молода!

И никогда никого не любила...

Это *так* несправедливо!

И так больно...

Паулине хотелось упасть и умереть. Но в том-то и дело, что сидеть неподвижно на одном месте было намного страшнее, чем идти. Когда она шла, была хотя бы иллюзия действия. А когда она просто сидела...

Пещеры.

И тишина.

Страшная, обволакивающая, давящая... тишина, лишаящая рассудка. Хотелось кричать, петь, да хоть ногтем по камню царапать, лишь бы что-то слышать... Паула просто не могла остановиться. Она шла не из упрямства. Вперед ее гнал дикий неуправляемый страх, тот самый страх, что заставлял первобытных людей жаться к костру.

Во мраке обитают чудовища.

Пока Паула шла, чудовища прятались. Но стоит ей остановиться – и они выйдут, и накинутся на нее... и сожрут, наверное!

Как же страшно!

Как жутко, и больно, и...

Паула шла и плакала. Она не думала о том, что расходует впустую драгоценную воду, не думала ни о чем. Ей было просто больно, плохо и страшно. Очень страшно...

Мама, папа... найдите меня!

Пожалуйста!!!

– Ина, слушай меня внимательно. Мы сейчас едем к вашим родителям.

– Да, Дженио.

– Амадо, тебя это тоже касается. Запомните оба. Мы, все вместе, осматривали пещеры. Потом мы с Иной решили уединиться. Паула устроила нам скандал, раскричалась – и направилась к выходу. И наверное, по дороге, забрела сюда. Все поняли?

Амадо поднял брови.

– Ты предлагаешь солгать?

– Нет. И учти – мы ее сначала искали снаружи. Посмотрели в мобиле, потом решили сервировать стол и позвать ее к столу, а потом уж обнаружили, что ее и нет нигде.

– Дженио, ты уверен?

– Ина, лучше, если все сразу начнут разыскивать твою сестру, а не выяснять, кто виноват.

Вот с этим Альба была согласна. И верно... зачем?

– Но когда Паула найдется, – пробормотал Амадо. – Она же скажет правду...

Несколько секунд Эудженио молчал. А потом качнул головой.

– Полагаю, Альба Инес сможет объяснить сестре, что именно надо говорить.

– Да, конечно! – закивала Альба.

– Вот и отлично.

Но Амадо отлично понял, почему Дженио взял паузу.

Когда Паула найдется?

Если найдется.

Доехать до города.

Рассказать все старшим.

Организовать помощь.

Сколько времени на это требуется? Поверьте, немало. Особенно, учитывая, что ритана Розалия упала в обморок, что Альба и Антония хлопотали вокруг нее, что тан Адан тоже почувствовал себя дурно, хорошо хоть ненадолго...

А потом помчался в полицейский участок.

Эудженио и Амадо поспешили с ним. Добровольцами. Надо же найти бедную девочку?!

Альба крутилась рядом с матерью.

Приносила воду, растирала ритане Розалии уксусом виски...

Тони молча смотрела на это.

Слушала, как Альба рассказывала о произошедшем в пещерах. Думала.

Это на Эудженио она не могла смотреть здраво. А вот на Альбу...

Если бы она любила Паулу! Если бы любила дядю и тетю... Если бы разум ей затуманивали чувства... только вот единственным ее чувством была любовь к Эудженио. А он как раз был занят. Сейчас двадцатка мужчин собирались в пещеры. Обвязывались веревками, запасались водой и мелом, факелами и спичками...

Паулу будут искать. Не факт, что найдут, но искать будут.

А вот что могла сделать Антония?

Ничего.

Вообще ничего.

Что тут сделаешь?

Никаких идей у Тони не было.

Встать в очередной раз Паула просто не смогла – ноги подкосились. Пол был покрыт слоем влажной липкой грязи, но ее это уже не пугало – сил бояться просто не было.

В грязи было все.

Руки, ноги, платье... разве это важно?

Нет, неважно.

Дико хотелось есть, пить, хотелось к маме... она уже несколько раз... несколько десятков раз падала, рассадил локти и колени, получила кучу синяков, а протискиваясь в какую-то щель порвала платье. Замерзла?

Пауле казалось, что все ее кости заменили на кусочки льда. Все, до одной. И холод идет откуда-то изнутри нее. Тепло?

Разве в мире где-то есть тепло?

Одеяло, горячий чай, солнце...

Она в это практически не верила.

Я здесь умру – осознала Паула. Вот именно здесь, ляжет и умрет, и ничего она больше не может... истерика вырвалась в диких рыданиях.

Девушка забилась на полу, как рыба без воды, колотя кулачками по полу и стенам, но сил у нее было намного меньше, чем у той рыбины.

Крик, второй, третий... и тишина.

Паула попросту потеряла сознание.

Глава 12

Двенадцать групп по три человека.

Собаки.

Мужчины, сосредоточенно проверяющие снаряжение. Фонари, веревки, мелки... одежда, обувь, одеяла. Это – пещера.

В ней очень легко замерзнуть, заболеть, потеряться... Адана Аракона с собой не взяли. Как он ни просил, как ни ругался, как ни умолял – полиция осталась непреклонна. Еще им не хватало с родителями потеряшки возиться. С ней-то хлопот полно будет, если найти удастся.

Если собаки возьмут след.

Если...

Это – пещеры. И случаи там бывают самые разные. Не просто так в Хрустальном гроте открыто для посещения только несколько пещер, и все они проверены. А бывает... всякое.

К примеру, шла группа из десяти исследователей. А потом одному поплохело. Мужчина решил вернуться к выходу... и – всё.

Никто и никогда его больше не видел.

Нашли фонарик, рюкзак и след, словно нечто тяжелое волокли... в стену. Возле стены след волочения оборвался.

Где пропавший?

Нет пропавшего.

Шел опытный исследователь пещер, профессор, доктор наук... точно известно – в пещеру он вошел. Хотел собрать редкий вид лишайника и тут же выйти. А что потом?

А ничего.

До определенного места нарисованы стрелки, кое-где они выложены из камня. В одной из пещер расстелено одеяло, на нем расставлена нехитрая еда – сухари, вяленое мясо, вода... рядом стоят сапоги, в которых ушел ученый. Лежит куртка.

И никого.

Что с ним случилось – до сих пор никому не известно.

Группа из пяти исследователей – погибла в пещере. Вошли внутрь, но тут их хоть нашли. Они мирно прошли по маршруту, дошли

до пещеры, легли спать. И – не проснулись. На лицах печать ужаса, на телах никаких следов.

А что произошло?

Неизвестно. И таких случаев можно рассказать не одну тысячу^[4].

Тан Адан обещал ждать у входа в пещеру. Не один, конечно, кто б его там одного оставил? Уйдет еще в пещеру – ищи потом двоих.

Один за другим мужчины проходили в ту самую пещеру, спускались в расщелину, помогали друг другу...

Найдут ли они девушку? Найдут ли живой?

Не факт. Но искать все же стоило.

– Я должен! Ты понимаешь?! Должен!!!

Амадо зло смотрел на Эудженио, который не проявлял никакой тревоги.

– Что ты должен – и кому?

– Я должен хотя бы принять участие в поисках.

– Зачем?

– Это я виноват...

– В том, что Паула – тупая курица?! В том, что она идиотка, которая всех достала?! В том, что Альба решила разобраться с сестрой?

Амадо засопел. Определенная правда жизни в этом была. Но...

– Я ее туда толкнул.

– И забудь об этом! Навсегда!

– О чем должен забыть мой сын?

Тан Эрнесто Риалон вошел в самый неподходящий для него момент. Или – для парней?

Амадо отвел глаза. Эудженио пожал плечами.

– Ни о чем, тан...

– Мне повторить вопрос?

Эрнесто не повысил голос. Не стал ругаться. Не шелохнулся...

За него все сделала аура некроманта, которой он обычно старался не давить. Но сейчас парням так хлестнуло по нервам, что еще чуть-чуть и испортил бы тот же Дженио хорошее кресло.

– Мы не хотели, – сознался Амадо.

– Чего не хотели?

– Это был просто розыгрыш. Мы хотели завести Паулу... Паулину Аракон в пещеру и оставить там ненадолго, а потом прийти за ней. А

она куда-то делась...

Тан Риалон слушал молча, только скулы побелели, так крепко он стискивал зубы. И подвел жесткий итог:

– Мой сын вырос дураком и мерзавцем. А мой гость – мерзавец и дурак. Тан Валеранса, с этой секунды вам отказано от дома. Потрудитесь собрать вещи.

Эудженио вспыхнул.

– Вы...

– Я, – согласился некромант. – В своем доме. У вас есть время до вечера, потом вас выкинут отсюда.

Эудженио сверкнул глазами – и вылетел из комнаты.

Эрнесто обратил внимание на сына.

– Я думал, ты умнее. Ты понимаешь, что сделал подлость?

– Да.

– Что смерть Паулы будет и на твоей совести?

– Да.

– Может, ты и не безнадежен. Собирайся.

– К-куда?

– Поедешь на взморье. К спасателям. Будешь ждать результатов вместе с Аданом Араконом.

Амадо кивнул головой.

– Сейчас. Это справедливо.

– Справедливо? – прищурился его отец. – Отнюдь. Вот тебе справедливость. Если Паула окажется жива – ты на ней женишься. Или хотя бы сделаешь предложение.

– Я ее не люблю!

– И что?

– Я вообще люблю другую!

– И кого же? – вкрадчиво уточнил некромант.

Амадо покраснел.

– Ты... ты видел... Антония Лассара.

– Лассара, – кивнул согласно некромант. – А она?

– Не знаю. Мы не говорили еще... все из-за этой дуры! Араконы нам ее просто на голову навязали!

– И вы решили развязать этот узел одним ударом. Нет дуры – нет проблемы?

Амадо потупился. Но возразить было нечего.

– Дорогой, что происходит?! – ритана Барбара вплыла в комнату, словно корабль о сорока восьми пушках. Величаво и непобедимо. Эудженио рядом не оказалось. Разумно, а то бы и ему досталось.

– Ничего страшного, – пожал плечами тан Риалон. – Наш гость уезжает чуть раньше.

– Эрнесто! Как ты можешь?! Выгонять бедного мальчика на улицу, из-за... нелепой случайности!

Эрнесто Карлос Риалон сделал шаг к супруге.

Один.

Второй.

Барбара отшатнулась, вжалась в стену.

– Ты...

– Ты забыла, дорогая, кто хозяин в этом доме? Придется напомнить. Советую убрать из моего дома эту гадину, пока я его не раздавил.

– Ты не можешь...

– Я? Не могу?

Барбара побледнела, как мел. Супруг не так часто показывал свой характер. Она уж и забыла, когда... дом был на ней, а Эрнесто все было безразлично. Но сейчас...

– Я...

– Я не расскажу Араконам об их проделке только потому, что не хочу опозорить своего сына на всю страну. Но запомни, дорогая, стихийный выброс у некроманта преступлением не считается.

– Я...

– Я надеюсь, ты об этом не забудешь. Амадо, собирайся. Барба, у вас есть время до вечера.

Учитывая, что до вечера было буквально пара часов, выглядело это откровенным издевательством. Но Эрнесто было плевать.

Навоз не стоит тащить домой! Но если уж получилось так...

Выкинуть, вымыть дом и забыть! И никаких разговоров!

* * *

Тони чувствовала себя отвратительно ненужной.
Даже не бесполезной. Хуже.

А что тут можно сделать? Что сказать?

Когда женщина, в доме которой ты живешь, то заливается слезами, то впадает в истерику, то рвется куда-то бежать, то хватается за одну дочь, то зовет другую...

А ты стоишь с флаконом нюхательных солей и чувствуешь себя дура душой...

И уйти вроде как нельзя, все же... Тони удивилась себе, но... она волновалась за Паулу! Паулина была дурехой, избалованной и ленивой дочкой богатых родителей, Тони ее почти презирала. Но... в том-то и дело!

Заблудиться в пещерах...

Наверное, это страшно.

Тони как-то в лесу заблудилась, два дня проплутала. Но там был свет, было солнце и звезды, там была роса, она нашла ручей, там была жизнь.

А в пещерах?

Там же даже света нет! Как там должно быть страшно такому тепличному растению, как Паулина! А что чувствует Альба, которая не уберегла сестру? Тони видела – Альба вся просто растерзана! Еще бы...

У Тони не было ни сестер, ни братьев, но разве простила бы она себя в такой ситуации?

Никогда.

А что можно сделать?

Да ничего она не могла! Оставалось сидеть и ждать вестей от дядюшки, который где-то на побережье организовывал поисково-спасательные группы...

Тони первая и увидела Риалонов. И даже обрадовалась. Хоть что-то... кто-то без маски скорби на лице. Паулину в доме любили.

Выглядели отец и сын достаточно странно. Амадо явно не хотел идти в дом Араконов, а его отец... хотел? Нет, кажется, тоже нет. Но сына упорно тащил за собой.

– Тан Риалон, – поздоровалась Тони.

– Антония, рад вас видеть, – тан Эрнесто тепло улыбался. – Как дела? Известно что-либо о Паулине?

Тони помрачнела.

– Нет, тан Риалон.

– Плохо, Антония. Я надеялся... скажите, где сейчас находится штаб спасателей?

К счастью, Тони это знала.

– Около Хрустального грота, тан.

– Как ритана Розалия?

– Ужасно, – созналась Тони. – Она просто на части рассыпается.

Некромант помрачнел и поглядел на Амадо.

– Я оставлю сына с вами, Антония. И отправляюсь в штаб.

Тони поняла, что сейчас в картину мира добавится еще и Амадо – и едва не передернулась. Вот еще не хватало. А потом сообразила...

– Тан, можно мне с вами?!

– Куда? – даже опешил от неожиданности тан Риалон.

– На берег моря! Если Паулину найдут, я могу оказаться кстати. Раздеть, побыть рядом... и с женщиной ей может быть легче...

Аргумент был так себе, но тан Риалон посмотрел на Тони и хмыкнул.

– Собирайтесь, Антония. Оденьтесь потеплее, возьмите что-нибудь для вашей кухни и приходите... где сейчас ваша тетушка?

– В будуаре.

– Я сообщу ей, что мы уезжаем, а Амадо остается.

– Но я...

Тан Риалон пригвоздил его ледяным взглядом. И Тони даже под защитой почувствовала, как давит аура некроманта.

– Его любовь к Паулине столь велика, что он даже на шаг не отойдет от вашей тетушки.

Тони не поняла, но кивнула.

– Тетушка в малой гостиной, тан. Я буду готова через пять минут. Анита!!!

И девушка вылетела из комнаты.

– Но почему?! – тихо возмутился Амадо. – Я тоже хочу на берег... и пользы от меня может быть больше...

Эрнесто поднял бровь.

– А ты, сынок, посмотришь на мать девушки, которую ты, скорее всего, убил. Полнобуешься. Будет тебе впредь урок.

– Но...

– Антония это не заслужила. А вот ты – и не такое заслужил.

На этом месте воспитательную беседу пришлось прервать, потому что появившийся лакей проводил мужчин в малую гостиную.

Как может измениться человек!

Амадо не видел ритану Розалию... сколько? Пару дней, не больше. И... не узнал ее.

Куда исчезла очаровательная моложавая ритана?

В кресле скорчилась, сжимая в руках сумочку дочери, полуседая старуха. Иначе и не скажешь.

Альба сидела рядом, на полу, держа мать за руку, но та, кажется, даже этого не замечала.

– Паула, дитя мое...

– Тан Риалон, – Альба едва не подскочила на полу. – Вы...

Эрнесто пригвоздил ее взглядом.

Чего он не собирался делать, так это разговаривать с самодовольной глупой девчонкой. Да, в его глазах были примерно равны все трое. И наказать бы стоило троих. Но...

Эудженио поплатился за всех.

Несправедливо?

Но Амадо был единственным сыном некроманта, а узнай кто... ему не подадут руки. Разве что плюнут в нее.

Альба Инес... выпороть бы маленькую дрянь. Но лишать ее родителей двух дочерей сразу... смогут ли они простить старшую, если младшая умрет по ее вине? Эрнесто не знал, и решил не рубить сплеча. И поэтому ограничился кратким:

– Альба. Мы с Амадо поговорили о его чувствах к вашей сестре.

Альба поняла – и побелела, словно мостовая.

– Тан Риалон, вы...

– Амадо любит вашу сестру. И останется здесь, пока ее не найдут.

– Д-да...

– Ритана Лассара едет со мной. На берег.

– Тан Риалон? – вдруг очнулась ритана Розалия.

И вся подалась вперед. – Тан!!! Моя девочка...

Эрнесто шагнул вперед и опустился на колени перед несчастной матерью. Мягко взял ее ледяные руки в свои, растер, стараясь хоть чуточку согреть.

– Я еду сейчас на берег, ритана. Мы найдем ее, верьте.

– Да, конечно...

Иногда аура некроманта может быть и полезна. Эрнесто намеренно выпустил ее из-под контроля, окутывая ритану Розалию – и это оказалось для нее уже непомерным усилием. Женщина обмякла в кресле, словно тряпичная.

– Она проспит до утра, – спокойно сообщил Эрнесто. И еще раз сощурился на сообщников. – Если я узнаю, что ее оставили одну....

Альба закивала. Некромант внулшал ей почти животный ужас. Эрнесто посмотрел с отвращением.

– Надеюсь, в следующий раз вы будете думать головой, – только и сказал он. И развернулся.

Тони вихрем влетела в гостиную.

– Тан Риалон!

– Вы готовы, Антония?

– Да, тан!

– Едем.

Тони была тепло одета, в руках корзина с продуктами, через плечо сумка с одеждой и лекарствами... что нашлось!

Тан Эрнесто галантно открыл перед ней дверцу мобиля и помог сесть внутрь. Поставил ее ношу на заднее сиденье.

– Тони, ваша задача – приглядывать за Аданом Араконом. Он уже немолод.

– На берегу есть врачи?

– Наверняка. Но возраст, да и сама обстановка... приглядите за вашим дядей.

– Тан Риалон...

– Антония, мы вроде бы одни.

– Тан Эрнесто, – тут же перестроилась Тони. – Вы думаете, Паула еще жива?

– Надеюсь.

– А вы не можете посмотреть... точнее?

– Что вы имеете в виду, Тони?

– Моя знакомая ведьма могла посмотреть и определить, жив или мертв человек.

– Я так не умею. Могу попробовать призвать дух, но даже если Паула не явится... причины могут быть самые разные.

Тони поняла и кивнула.

– Да, тан Эрнесто.

– Тони, а вы сами не знаете, что именно делала ведьма?

Тони качнула головой.

– Знаю, но у нас разная сила. Если я повторю ритуал, он в лучшем случае не сработает. А в худшем... даже думать не хочется.

– Понимаю.

– Тан Эрнесто, а нельзя как-нибудь поискать Паулу нашими методами? – решила Тони.

– К примеру?

– Людям сложно в пещерах. А призракам? Или зомби?

– Зомби слишком тупы, – махнул рукой Эрнесто. – Им все надо объяснять... да и съесть они вашу сестру могут. А призраки... это не моя специализация.

Тони со злостью стукнула рукой по колену.

– Вот ведь как! Моя специализация, но у меня ни сил, ни знаний толком нет! А у вас и силы, и знания, но другая направленность!

Тан Эрнесто прищурился.

– Это надо обдумать. Тони, а вы сможете мне довериться, если я попрошу?

Антония пожала плечами.

– Смотря, о чем вы попросите.

– Объединить силы.

Тони подняла брови, и Эрнесто решил объяснить понятнее.

– Вы знаете, что маги могут работать в связке? По два – по три мага?

– Да, тан Эрнесто. Я читала. Воздух-вода, воздух-огонь, воздух-огонь-земля...

– Некроманты тоже могут работать в связке, Антония. Как и все маги одной направленности. Просто когда работают маги разных стихий, они усиливают и дополняют друг друга. А в случае одной стихии происходит рассеивание сил. Это как с двумя лошадьми в одной упряжке.

– Это я понимаю.

– Но иногда другого выхода нет. У вас направленность – спиритизм. У меня – опыт и сила. Если я вас поведу, мы сможем призвать духов тех, кто погиб в пещерах... хотя бы часть. И они

смогут поискать вашу кухню. Правда, будет ли польза? Не знаю, но попробовать надо.

– Я ничего не умею.

– Умею – я. От вас будет сила и направленность. От меня знание ритуала и защита. Обещаю, что вы не пострадаете.

Тони задумалась.

– Тан Эрнесто, дайте мне время на размышления.

Эрнесто очень хотелось сказать, что у ее кухни этого времени может и не быть.

Сдержался.

Вот Антония как раз единственная, кто не причастен к этому кошмару. И не надо ее впутывать. Она и сама решит помочь. Хорошая девочка. Правильная.

Антония молчала несколько минут. А потом все же не утерпела.

– Тан Эрнесто?

– Да, Тони?

– А вот тот человек, с которым вы общались... тан... простите, я не запомнила фамилию. Некромант.

– Освальдо Фаусто Карраско, – отозвался Эрнесто. Руки в перчатках сильнее стиснули руль, но и только. – Он вас заинтересовал?

– Нет!

Ответ был таким искренним, что плохое настроение Эрнесто развеялось, словно дым. И он решил рассказать девушке хотя бы часть старой гадкой истории.

Если им еще придется встречаться по работе... а им наверняка придется пересекаться, с ее-то талантами! Пусть лучше знает, что это за гнилое болото, а не бежит доверчиво, видя перед собой зеленую лужайку. Серхио он уже предупредил, что за гнилое яблочко к ним закатилось, а чем Тони хуже? Ей бы тоже знать надо.

– Освальдо Фаусто – отпрыск рода Карраско. Слышали о таком, Тони?

– Как Лассара.

– Все верно. Но уж простите – если у Лассара принято было жениться по любви и так же выходить замуж, об этом вся страна знает, то в роду Карраско к вопросу подошли более жестко. В каждом поколении должен быть хотя бы один некрмант. Лучше – несколько.

Не получается с этой женщиной – брось ее и найди другую. Получилось десять детей? Пусть так. Самый главный из них тот, кто некромант, а уж от кого он рожден – не так важно. И что будет с остальными детьми – тоже. Останутся в роду, но на вторых-третьих ролях, должна ведь у некроманта быть свита?

– Фу!

– Это политика семьи. И Карраско жестко ее придерживаются вот уже несколько сотен лет.

Тони сморщила нос.

– Мы с Освальдо учились вместе, – объяснил Эрнесто. – Дело в том, что некромантов мало. Очень мало. Поэтому мы учимся чуточку иначе, чем остальные. Базовые знания мы получаем с основным потоком, а вот потом, когда начинается специализация, нам становится сложно. Некроманта должен учить некромант. А это – Деливерес, Андален, да, и Карраско тоже. Мы с Освальдо дружили. Он на год старше меня, я младше, но сильнее... нам было легко вместе. Гулять, искать приключений, драться, учиться... нас учил его дед. Старый Фаусто Карраско лично приполз в Академию. Ради нас. Ради внука, конечно... ну и мне заодно достался один из лучших учителей. Сейчас я этому рад.

– А... мне не показалось, что сейчас вы друзья? – осторожно заметила Тони.

Тан Эрнесто усмехнулся.

– Минутку терпения. Я как раз к этому подхожу. Аура у некромантов весьма своеобразная...

– Ой! Тан Эрнесто, я ваш амулет сделала. Только сегодня под лунные лучи положить осталось, чтобы как следует напитался... ничего! Он у меня на подоконнике, даже если не вернусь на ночь – работа все равно будет сделана! – вспомнила Тони. Если уж речь зашла про ауру.

– Спасибо, Тони.

– Не стоит благодарности, тан. Простите, что перебила.

– Ничего страшного. Женщины, которые способны выдержать нашу ауру, Тони, чрезвычайно редки. Женщина-некромант тем более драгоценна. Но таких не было. А вот первое... Ее звали Сарита Амалия Дюран. Магичка, воздушница, красавица и умница. Правда, училась она не слишком хорошо, зато замечательно танцевала, пела...

и вообще! Богатая семья, девочке нужен титул и муж. Из хорошей семьи. Догадаетесь, что было дальше, Тони?

Девушка фыркнула. Сложно было *не* догадаться.

– Тан Эрнесто, девушку любили двое, а она выбрала одного?

– Это очень романтический вариант, Тони. Попробуйте еще раз?

– Пожалуйста. Девушка никого не любила, а выбрали ее родители?

– Уже ближе.

– Девушку любили только вы?

– Не были б у меня руки на руле, я бы поаплодировал. А так – простите, отвлекаться не хочу, – рассмеялся Эрнесто. – Все правильно. Влюбленный по уши щенок – и второй щенок, которому до ужаса хочется отобрать косточку у первого. Что, собственно, и произошло.

– Ну да. Карраско породистые, а вы первый в своей линии. Правильно?

– Абсолютно. Фаусто Карраско посватался к Сарите для внука, Дюран не отказали, наоборот, обрадовались. А я доучился и уехал.

Тони промолчала. Представила себя на месте Эрнесто и от души посочувствовала. Ей предстоит нечто подобное – с Дженио. Только она не сможет уехать. И о ее чувствах хотя бы никто не знает, гордость спасена...

Она молчала. Просто коснулась рукава куртки из добротной, но не слишком дорогой ткани. Не сочувствие, нет. Спустя столько лет оно ни к чему. А вот понимание...

– Все в порядке, Тони. Это было давно и не со мной. Некроманты часто умирают.

Тони кивнула.

Забавно, но эта поговорка употреблялась не только в прямом смысле. А еще...

Когда ходишь за Грань и смотришь в глаза Смерти, в тебе что-то меняется. И необратимо. Год назад был один человек, а сейчас уже совсем другой. И вспоминаешь себя, прежнего, даже с тоской. А ведь хороший был... только вот – был. И куда что девается?

Потому и нужны некромантам якоря.

Дом, дети, любовь... Лассара на любовь и сделали ставку. Чтобы не изменяться вовсе уж безвозвратно. Карраско – нет. Что ж, это их право.

– Освальдо вами заинтересовался, – нарушил молчание Эрнесто.

– Да?

– Вы – Лассара. И с даром, хотя он думает, что непроявленным.

– И? Он женат на этой... Сарите?

– Как сказал Освальдо, жена рождает ему только девочек. И без дара.

– Ага. А я могу родить мальчика и с даром, – огрызнулась Тони с непонятной Эрнесто горечью. – Да пошел он...

Грубые слова и уличный жест удивительно не шли к девушке. Но про Освальдо лучше не скажешь. А потому Эрнесто сделал вид, что ничего не заметил.

Тони в своем праве, а он ее предупредил. И не до Освальдо сейчас. Девчонку жалко, Паулу. И сына с таким грузом на душе оставлять не хочется, он Амадо знает. Вот Эудженио уже все забыл, это видно. А Амадо так и будет себя грызть...

А вот и Хрустальный грот.

Ни влюбленных парочек.

Ни музыкантов.

Ни даже сторожа.

В оборудованном на скорую руку временном лагере сидят четыре человека. Тан Адан Аракон, врач и двое мужчин, по виду – полицейские. Горят костры, лежат две собаки, что-то варится, распространяя вкусный запах – поисковиков кормить надо.

– Тони? – удивился Адан. И вдруг схватился за сердце. – Ты... дома все хорошо?

– Насколько может быть. Альба с матерью, там же Амадо, а я вот приехала к вам, дядюшка, – Тони отвечала уверенно, пока Эрнесто разговаривал с полицейскими. – Паулу не нашли?

– Нет.

Адан не мог выдать из себя больше. Он прекрасно понимал, чем это чревато.

Замерзнуть, переохладиться, заболеть... свалиться в расщелину, где-то застрять... сколько бед может случиться в пещерах?

Лучше об этом и не думать. Паулина, девочка, где же ты?! Сердце Адана болело... доченька, родная...

Тони погладила дядю по руке.

– Я сюда на всякий случай. И вам нужен хоть кто-то рядом, и когда Паула найдется, ей наверняка понадобится женская помощь.

Не если. Когда. Никаких сомнений в благополучном исходе. Тан Адан погладил Тони по руке.

– Спасибо, детка.

Именно здесь и сейчас он принял племянницу в семью. Не на словах, не на бумаге.

По-настоящему.

Что такое семья? Это общие интересы, это готовность стоять друг за друга против всего мира, это поддержка и понимание, доверие и спокойствие. Это люди, которые поставят твои интересы вперед своих. Это те, кому ты доверишь спину.

Так было для Даэрона, так было для Адана.

Здесь и сейчас Тони тоже стала родной для своего дяди. Но оценила ли?

Антония не стала ничего говорить, она молча поискала в корзине и вытащила теплый плащ. Адан Аракон уехал днем, тогда было тепло и солнечно. А сейчас время к ночи, закат уже догорает, и с моря ветер ледяной. Так что теплый плащ, перчатки, шляпа – слуги все положили. И даже...

– Оденьте, дядюшка.

– Тони, мне неловко...

– А воспаление легких ловчее будет? Пауле ваша забота потребуется, а вы сами сляжете? Помочь?

– Спасибо, не надо.

Адан Аракон смирился и принялся стягивать сапоги. Тони пронаблюдала, как он надел тонкие, но очень теплые носки из козьего пуха, и довольно кивнула.

Вот так!

Она такие же надела, кстати говоря. Поэтому ей тепло и уютно.

– Тан Адан.

– Тан Эрнесто. Благодарю вас...

– Оставьте, тан. Не до красотостей. С вашего разрешения, я ненадолго умыкну вашу племянницу.

– Зачем? – напрягся Адан.

Риалон мне друг, конечно, но... что это за прогулки с незамужней девушкой по ночам?

– Попробую один некромантский ритуал провести.
– Паула жива!
– И ее надо скорее найти. Только я боюсь, сил не хватит, а вот Тони согласилась меня поддержать. Если получится – поиски быстрее закончатся.
– Спасибо, Эрнесто. Тони...
– Дядя, мы действительно ненадолго. Ко входу в пещеру. И вы нас видеть сможете... а вдруг получится?
Адан тоже на это надеялся. Но...
– Ты – непроявленный маг.
– И что? Сил у меня все равно хватает.
Адан и спорить не стал.
Некромантия?
Да хоть бы и жертвоприношения! Он на все согласится, лишь бы дочь найти! Сам кого хочешь жертвопринесет! Два раза!

Тони вся дрожала.
От холода?
От нервов?
Тан Эрнесто, отойдя на пару шагов, занимался делом – аккуратно, с соблюдением углов и расстояний, чертил на полу пещеры пентаграмму.
– Можно и без нее, но так проще. Меньше сил тратится, – пояснил он в ответ на вопросительный взгляд. – Тони, вы все же замерзли?
– Д-да...
– Возьмите мою куртку.
На плечи Тони опустилась теплая тяжесть. Девушка непроизвольно потерлась щекой о воротник, отделанный мехом, принюхалась...
От куртки пахло очень знакомо.
Мята, лимон, табак, кофе...
Но...
Этого же не может быть?!
Или может?!
И плащ, который лежит в ее шкафу, пахнет так же... но...
Тони вскинула глаза, встречаясь с непроницаемым взглядом некроманта.

– Тан Эрнесто...

– Да, Тони?

Эээээ... а как о таком спросить? Это не вы меня застали в беседке полуголой? Это не вы меня поймали, когда я танцевала под дождем? Это не с вами я целовалась?

Приличную формулировку подобрать было сложно. Поэтому Тони попробовала издалека.

– У вас какой-то сложный парфюм... странный запах. Кажется, я уже встречалась с чем-то подобным?

– Наверняка, – пожал плечами тан Эрнесто.

– И не помню где...

– Ничего удивительного. Мята, лимон, кофе – это основные составляющие. Те, кто работает с трупами, часто пользуются чем-то подобным. А то от запаха разложения ничего не спасает.

– Это нечто вроде артефакта? – сообразила Тони.

– Да, что-то вроде. Казенный аромат. Барбара вечно раздражается, говорит, что он для нищевродов. Но ее дорогая парфюмерия не срабатывает, в результате от меня пахнет хорошо надушенным трупом.

Тони выдохнула.

Ну, если казенный, тогда понятно. Мало ли с кем она встретилась.

– Тан Эрнесто, а что именно от меня потребуется?

Некромант вернулся к вписыванию символов в круг.

– Практически ничего, Тони. Направлять силу буду я, контролировать тоже, вы должны будете стоять и не пугаться. И если понадобится – отдать команды призракам. Подозреваю, меня они могут не послушать.

Тони кивнула.

– Хорошо. Когда...

– Можно уже приступать. Идите сюда, Тони.

Девушка так и подошла, в куртке. Раздеваться не хотелось, ночь просто пронизывала влагой и сыростью.

– Вам придется дать мне руку. Мне нужно несколько капель крови.

– Если вас не затруднит – из безымянного пальца или мизинца, – попросила Тони.

– Как прикажете, ритана.

Свою руку Тан Эрнесто кольнул не глядя, вполне привычно. С Тони замешкался, выбрал место на безымянном пальце, аккуратно кольнул в самую подушечку. Было даже не очень больно – нож у некроманта был отточен до бритвенной остроты.

В центр пентаграммы, на выписанную руну «Кровь» упали несколько капель крови, смешиваясь с кровью Эрнесто.

И Тони замерла, вцепившись в руку мужчины.

Пентаграмма медленно, словно нехотя, светилась красным цветом. Таким... кроваво-красным, багряным. Сильнее всего свечение было над каплями крови, но и остальной рисунок не сильно отставал.

И одновременно Тони ощутила... нечто неприятное.

Когда она видела прошлое вещей, было проще. А сейчас...

С чем сравнить это ощущение?

С разрезанными венами. И из тебя медленно вытекает кровь. Пустота, тоска, отчаяние. Свербеж в груди, словно туда нож вставили и медленно поворачивают... не так больно, сколько тоскливо. Наваливается пустота, отчаяние, ничего не хочется делать... жить – и то не хочется. Заползти куда поглубже и лежать, пока за тобой не придет смерть.

– Ох...

Рука Эрнесто сжалась сильнее, но помочь некромант уже не мог. У него была своя задача.

Тони видела, что их соединенные руки тоже светятся красным. А потом...

Не было никаких внешних эффектов. Просто вокруг пентаграммы начали появляться призраки.

Белесые, прозрачные, с пустыми глазами, заполненными словно бы белой мглой. Они вставали вокруг сплошной стеной.

Тони различала рыбаков. Видела нескольких детей, двух женщин... сколько их здесь?

Сколько людей погибло в этих проклятых лабиринтах?!

– Вы с Паулой родня. Прикажи им искать твою кровь.

– А?

Тан Эрнесто сильно встряхнул девушку.

– Тони, соберись! Ну!!!

Девушке действительно было тяжело, сложно и неприятно. Но если не отдать приказ сейчас, значит, все будет напрасно.

– Найдите мою кровь!

Белесая стена дрогнула, но не поддалась. Сейчас призраки все сливались воедино, словно на Тони смотрел чудовищный многоглавый и многоглазый слизняк. Равно жуткий и омерзительный.

Девушка задрожала сильнее и рухнула бы на пол, не притяни ее к себе некромант.

– Смелее! Ты справишься!

И Антония Даэлис Лассара медленно расправила плечи.

Она – некромант. Потомственный. Она здесь главная.

Эрнесто и так сделал, что мог. Отдал свои силы, защитил ее, продолжает защищать, она это понимает. Она чувствует холодную ярость потревоженных духов, которые мечутся вокруг, не находя лазейки...

– Я, Антония Даэлис Лассара, приказываю вам обшарить пещеры и найти в них человека моей крови! – на этот раз голос прозвучал намного жестче. А Тони ощутила и еще кое-что.

Ее гнев стал материальным.

Ударил в скопище призраков, обжег, заставил отступить... и она поняла, что справится. Это ее боятся потусторонние твари! ЕЕ!

Не она!

Последняя из Лассара не дрогнет!

И медленно, очень медленно, начала отступать белесая муть.

Тони выдохнула – и почти повисла на Эрнесто.

Некромант подхватил напарницу, взгляделся в бледное лицо с полуприкрытыми глазами. Да, для девчонки это сложно. Не стоило подвергать ее такому стрессу.

Но...

Сначала он ни о чем таком не думал. Просто взял ее с собой. По двум причинам сразу, честно говоря. И ей было плохо в доме. И не хотелось оставлять ее рядом с Амадо. Сынок сейчас в растерзанных чувствах, еще начнет признаваться Антонии... нет, ни к чему!

Женится как миленький на Пауле.

Третья причина появилась в мобиле, когда Тони предложила поискать Паулу методами некромантов. Сюда бы мага земли, или воды, хотя бы воздуха. Лучше всего – земли. Но достаточно сильные маги – очень редкие. Это – пещеры. Есть в них нечто такое... магическое.

Поиск в них работает просто отвратительно. Ощутить что-то можно, но в очень небольшом радиусе, а работы предстоит много.

Если к утру девушку не найдут...

Мага вызвали, понятно, но пока он еще приедет, пока включится в работу, пока найдет девушку... может быть уже и поздно.

Зато в любых пещерах есть те, кто в них погиб. По глупости, неосторожности, случайности, чьему-то умыслу...

И не всегда они уходят за Грань.

Не прочитаны молитвы, не отпущена душа... уходят многие. Но кто-то и остается, не в силах отойти от своего тела.

Призвать духов – и дать им свободу в определенных пределах. Пусть ищут. При жизни они были людьми, они могут.

Эрнесто знал и разновидности неуспокоенных духов, которые могут навредить. Но тут уж – безвыходно. Да и не рассчитывал он, что их будет так много. Но...

Все было правильно, все было по учебнику. Старый Карраско тоже, кстати, был духовидцем, как и Тони, и о случаях из своей практики рассказывал. Так что Эрнесто знал, чего ожидать.

Объединения магии с девушкой. Это как костер, зажженный рядом. Ты греешься у него – и отдаешь свое тепло. Но вот чего Эрнесто не мог предвидеть...

Сила.

Антония была не просто сильна – в своей области она заткнула бы за пояс даже старого Карраско. Это было, как пытаться погреться у костра – и очутиться в вулкане во время извержения. Как плавать в ручье – и попасть в водопад. Мощный, ревущий, перекатывающий камни размером с человека...

Антония Даэлис действительно была – Лассара. И предки могли гордиться своей кровиночкой. Еще бы она что-то ощущала!

Эрнесто и сам был не из слабых, поэтому мог оценить чужую силу. Сейчас Тони еще молода, но лет через десять-двадцать, если ее силу раскрыть, если обучать ее вдумчиво и терпеливо...

Владычица Мертвых.

Такое уже бывало, и кстати, в семействе Лассара. Фаусто рассказывал – слюной со злости брызгал. Не у них!

У Карраско все больше середнячки получались. Неплохие, но звезд с неба не хватавшие. Даже Освальдо было далеко до Эрнесто.

А уж до Тони...

Несколько десятков призраков!

Непроявленный дар!

Необученный маг!

И вообще – ее силу использовал Эрнесто. То есть – сколько смог зачерпнуть, а смог он не так уж и много. Девушка испугалась...

А не испугалась бы – тут половина столицы слететься могла. Неупокоенной...

Эрнесто коснулся ладонью черных волос, таких шелковистых под его пальцами.

– Тони, не время падать... Тони...

Антония не шевельнулась.

– Тони, очнись... очнись, нянька.

Эрнесто вспомнил про флягу в кармане пиджака, достал ее – и приложил горлышко к губам девушки. Спиртное – гадость, и маг его не любил, но иногда это необходимая гадость. С собой он флягу носил по множеству причин. Промыть царапину, согреться, сделав глоток, перебить желание поблевать – да, бывало у некроманта и такое, хоть его профессия и не располагает к брезгливости, дать выпить кому-то другому, вот как сейчас...

Тони сделала глоток – и закашлялась.

– Тьфу! Кхе!!! Гадость!!!

Эрнесто, продолжая поддерживать девушку, одной рукой загнал на место пробку, нацепил колпачок – и вернул флягу в карман.

– Вы очнулись, Тони?

– Да.

– Тогда ждем.

– Чего?

– Ваших слуг, Тони. Ваших. Слуг.

– Но я...

– Вы призвали мертвецов. И вы должны будете выслушать их и отпустить.

Тони кивнула.

– Хорошо. Тан Эрнесто... вы мне объясните, в чем смысл ритуала? И сколько нам еще ждать?

Эрнесто кивнул.

– Конечно, Тони. Вы и так умничка. Спасибо вам за доверие...

– Вам можно доверять, – Тони не договорила, что до определенных пределов, но Эрнесто и не настаивал. Ни к чему.

– Ваше доверие сэкономило нам время. А пока мы ждем... Тони, вы очень сильный некромант – в перспективе.

Антония смотрела без малейшего воодушевления. Кажется, она об этом и раньше знала.

– Сейчас, пользуясь вашей силой и вашими способностями, ну и добавляя свою силу, я призвал призраков тех, кто погиб в этих пещерах. В радиусе... думаю, километров десять мы точно захватили.

– Это много или мало?

– Для новичка с непроявленным даром? Лет через десять, Тони, вы меня превзойдете. Без усилий.

Тони качнула головой.

– Я не хочу.

– Ваши способности все равно будут расти и развиваться. А будете их подавлять – произойдет взрыв. К примеру, в один прекрасный день в вашей спальне соберутся все призраки столицы...

– Бррррр!

Эрнесто фыркнул.

– Да, и так бывает. И похуже бывает. Но – не будем о грустном. Призраков мы позвали, задание им дали, теперь надо ждать.

– Много?

– Нет. Минут двадцать, может, полчаса – и то много будет. Потерпите?

– Потерплю. А можно пока пойти, с дядей посидеть?

Эрнесто качнул головой.

– Не стоит. Неупокоенные призраки, а вы без защиты... ни к чему.

– Но дядя, и спасатели...

– Ничего с ними не будет. Сейчас опасности подвергаетесь только вы, Тони. Ну и я. Мы их позвали, мы им приказали – они такого не любят. И надо будет потом их отпустить.

– Как – отпустить?

– На свободу. Пусть уходят туда, куда давно должны были уйти.

Тони вздохнула. Поежилась.

– Тан Эрнесто...

– Да, Тони?

– А они не причинят вреда Пауле?

– Нет. Не причинят. Разве что напугают – но куда уж больше?
Тони задумчиво кивнула. Действительно, куда еще-то?

* * *

Паула лежала на холодном грязном полу.

Вокруг была полная темнота.

Девушку постепенно охватывало полное тупое безразличие.

Она умрет?

Ну и пусть...

Она скоро умрет?

Ну и пусть...

Она...

Когда темнота осветилась белесым светом, девушка даже головы сначала не подняла. Она же умирает... это ей все кажется. Точно...

– Вставайте, ритана. Немедленно вставайте.

Мужской голос царапнул по нервам Паулы, словно наждак. Она подняла голову – и вскочила на ноги. И завизжала так, что скалы дрогнули.

Рядом с ней в воздухе парил призрак.

При жизни он явно был мужчиной, лет сорока, может, чуть больше. Худощавым, симпатичным, с приятной улыбкой. Но как призрак симпатии он у Паулы не вызвал.

– Вы... вы...

– Ритана, не стоит так тратить силы. Вам еще надо выйти к людям.

– А...

– Ритана, давайте я вам объясню ситуацию. Вы заблудились в пещерах. Ваша кузина, судя по всему, сильный некромант... у вас есть такая родственница?

Паула даже и думать не стала.

– Тони... она вроде Лассара. Она – некромант?

– Она и еще один некромант призвали нас и попросили разыскать ее родную кровь. Что мы и сделали.

– А...

– Мне удалось вас найти. И я буду очень признателен, если вы, ритана, сейчас пойдете за мной.

– К-куда?

– К людям. Вас ищут.

Паула вздрогнула. Только сейчас она поняла, насколько плохо себя чувствует.

– Тан... я не смогу!

– Ритана тут недалеко. Вы к спасателям выйдите, а там они вас на себе понесут...

– Правда?

– Конечно! Неужели я стану обманывать столь очаровательную девушку?

Паула зарделась. А призрак галантнейшим образом склонился над ее исцарапанной и испачканной ручкой.

– Простите, ритана, я без цветов сегодня. Но возможно, вы мне их принесете – на могилку?

– Какие цветы вы предпочитаете? – подхватила внезапно даже для себя его тон Паула.

– При жизни я обожал маки.

– Для вас, тан, любой каприз. А куда их нести?

– Эммм... пока еще некуда. Я поговорю об этом с вашей кузиной.

– Я сама с ней поговорю! И молиться за вас буду! Обещаю!

Паула медленно, едва-едва, но шла за призраком. Благо теперь было светлее, и она видела, куда ставить ногу. Не падала. Потустороннее существо слабо, но светилось, а после полного и абсолютного мрака для Паулы и того было много.

– Можете молиться за Игнасио. Я буду рад вас услышать... если там что-то можно услышать.

– Игнасио...

– Ритана, расскажите мне, пожалуйста, что нового в столице? Кто сейчас правит?

– Его величество Аурелио Аугустин... он правит мудро уже тридцать шесть лет. Последнее время ему тяжело жить в столице, поэтому королевский двор пребывает в Каса Норра.

– Каса Норра... я помню этот замок. Он так же красив, как и прежде?

– О, да!

– Вы бывали там, ритана?

Призрак расспрашивал, говорил комплименты... и неожиданно для себя Паула перестала обращать внимание и на жажду, и на голод...

Не так уж долго она пробыла в пещерах. Сил у нее еще хватало, надо было только перестать себя жалеть. Чего и добивался собеседник. А там...

Поворот.

Еще один, и еще.

Коридор.

Шкуродер.

И – люди! К которым Паула понеслась с воплем дикой радости, забыв про призрака. Впрочем, тот не особенно огорчился. А вместо этого подождал, пока девушка налетит на спасателей, с ликующим криком и счастливой истерикой, полюбовался пару минут на дело рук своих – и втянулся в камень. У него было еще одно очень важное дело.

Когда перед защитным контуром опять начали появляться призраки, Тони не выдержала. И так вцепилась в руку некроманта, что у Эрнесто пальцы онемели. Ругаться он не стал – все понятно.

Девочка все же боится.

– Тони, спокойнее.

Призраки смотрели на них белесыми глазами. А потом от толпы отделился один из них.

Где-то Тони его видела... где?

Она даже не представляла. Сейчас она бы ничего не вспомнила и никого не узнала. Но....

– Приказание выполнено. Мы нашли ее...

– Где?! – ахнула Тони. Шагнула вперед, и настала очередь некроманта удерживать девушку.

– Куда?!

– Ой...

– Ее нашли люди. Она жива. Отпусти нас...

Тони посмотрела на Эрнесто. Тот кивнул.

– Призраки не лгут. Могут молчать, могут недоговаривать, но не лгут.

– Паулину нашли спасатели? – шагнула вперед Тони.

– Да...

– Тогда... Вы свободны! Я отпускаю вас!

Белесое существо дрогнуло.

Тони непроизвольно ахнула, когда вокруг защитного контура взвихрилось, завертелось веретеном облако... белесое, страшноватое, словно водоворот на секунду ожил и переместился сюда с морского дна. Громадный, чудовищный, до потолка пещеры...

По нервам полоснуло ледяным холодом, по душе – болью и отчаянием.

И – закончилось.

Призраков больше не было рядом.

– Ой, – повторила Тони.

Эрнесто плюнул на все, подхватил девушку на руки – и вытащил из пещеры. Понес к костру. Она была такой легкой... почти невесомой.

У костра еще ничего не менялось, но некромант знал – и решил не длить мучения отца.

– Тан Адан. Ее нашли.

– Эрнесто?!

– Нам сказали. Ее нашли спасатели. И идут сюда. Она жива. Тьма и смерть!!!

Ругайся, не ругайся...

Тан Адан Аракон сползал с камня в глубоком обмороке. Слишком уж сокрушительным оказалось известие. Радостным, но ведь и радостью убить можно, ежели умеючи!

Хорошо хоть спасатели были рядом.

Подхватили, не дав сползти на землю, захлопотали...

Эрнесто особо на Аракона не смотрел. Он поудобнее устроил Тони у костра, налил ей в большую чашку вина с пряностями, щедро разбавил кипятком.

– Пей. Запомни – магам нельзя вино, разве что иногда.

Тони послушно сделала глоток. Второй.

– Почему?

– Потому что маги должны воспринимать мир во всех его проявлениях. Как ты будешь это делать, если твой разум затуманен?

– А...

– Вино, дурман – любой! Запомни, все, что отравляет разум и тело, противопоказано магу.

– Запомню. А сейчас – не в счет?

– В счет. Но ты еще непроявленный маг – это первое. И если не выпьешь чего горячего, то заболеешь – второе. Думаю, скоро Паулина будет здесь...

– Эрнесто... брат!

Тан Адан еще пошатывался, и на ногах стоял не слишком твердо – спасатели, не мудрствуя лукаво, влили в него рюмку коньяка.

И на волне благодарности тан Адан готов был некроманта даже расцеловать. Хорошо, что у Риалона таких склонностей не было. Некромант выставил вперед руку.

– Адан, сядь и успокойся. Дочку сейчас встречать будешь.

– Да... да!!!

– И проследи, чтобы и племянницу твою тоже накормили, напоили и спать уложили. Я сегодня ее измучил...

– А... что вы хоть делали-то?

Эрнесто вздохнул.

– Адан, ты знаешь, что у твоей племянницы направление – спиритизм? Она может разговаривать с духами мертвых.

– Ну да.

Ритана Розалия сказала.

– А я не могу. Но воспользоваться чужим даром и поработать вместе – вполне. Даже если дар непроявленный.

– Вот оно как?

– Да. А Тони, конечно, измучилась, испугалась, замерзла и устала. Но если б не она, думаю, Паулину еще долго искали бы.

Тан Адан сглотнул. А потом опустил перед Тони на колени, взял ее руку (вторая была занята чашкой с вином) в свои ладони.

– Спасибо, детка. Спасибо тебе...

Тони ахнула, едва не выронила чашку...

– Да что вы! Дядя!!! Прекратите!!!

Но так легко бы ей от благодарности отделаться не удалось, если бы в это время...

– Нашли! НАШЛИ!!!

Адан Аракон кинулся туда, словно молоденький. Эрнесто Риалон улыбнулся Антонии.

– Давайте-ка, ритана Лассара, я вам помогу добраться до мобилы. И домой отвезу.

– А Паула?

– Не думаю, что ей нужна ваша помощь. Но сейчас посмотрю...

* * *

Свет!
Море!!!
ЛЮДИ!!!

У вас все это есть – и вы не цените? Тьфу, идиоты!!! Вот Паула еще как оценила, после того, как потерялась в пещерах! И точно знала, до конца дней своих она в гадские пещеры ни ногой!

Детям закажет приближаться!!!
– ДОЧЕНЬКА!!!

Адан Аракон подбежал, сгреб Паулу в охапку и разрыдался. Люди смотрели с пониманием. Кто-то протянул флягу с вином...

Нашли!

Разве это не замечательно?!

Но... сами поисковики выглядели странно.

– Ребята, вот хотите верьте, хотите нет, – поделился один из них. – Там что-то странное было! Я как краем глаза увидел – в темноте что-то холодное сияет, а потом оттуда девчонка к нам бежит. Сама бежит... не мы ее нашли, а словно она сама на нас вышла.

Паула ничего не слышала. Она обнимала отца и ревела в голос.

Тан Эрнесто оказался рядом как нельзя более кстати.

– Тан Адан, у меня в мобиле есть сменная одежда, еда, и вообще – вас лучше доставить домой. И врача бы вызвать.

– Да, – кивнул Адан Аракон. Но рук не расцепил. – Паула, детка...

Паулина тем более не могла отцепиться от отца. Она боялась.

Что все это только сон, бред, морок, а она сейчас умирает в грязи, на полу, в страшной пещере. Эрнесто качнул головой, а потом подхватил на руки Паулу.

– Судьба у меня сегодня такая – девушек носить.

Паула на его ворчание внимания не обратила. Куда там! Вцепилась в отца и не выпускала его руку, пока не оказалась сгружена на заднее сиденье мобила.

Тони сама едва двигалась, вино ударило в голову. Но еехватило, чтобы стянуть с Паулы промокшие насквозь грязные туфельки и чулки

и надеть на нее теплые сапожки. Прямо на голые ноги, ладно уж!

Лучше так, чем никак!

Эрнесто уселся за руль, Антония рядом с ним, Араконы на заднем сиденье, крепко прижавшись друг к другу, не в силах поверить, что все уже закончилось – и мобиль сорвался в темноту.

Дома...

Всеобщее радостное безумие, вот как это называется.

– Паула, дитя мое!!!

И слезы хлынули потоком.

Прилетела, словно на крыльях, Альба Инес, явился в гостиную Амадо...

Единственными людьми в здравом уме были Тони – по причине своей глубокой усталости, и тан Эрнесто. Но некроманты вообще люди циничные. Их такой мелочью, как всеобщее счастье, не проймешь. Вот если бы его, личное...

Так что тан Эрнесто, видя, что Адан Аракон сейчас просто не в себе, принял командование.

Телефонировал в лечебницу, прося прислать врача. Лучше – двоих. И для дочери, и для матери...

Распорядился – и Тони отправили в ее комнату, снабдив громадным подносом со всякими вкусоностями.

Цыкнул на слуг – и те принялись переодевать Паулину в нечто приличное и домашнее. И не такое грязное. Правда, с ванной возникла проблема – Паула решительно отказывалась отцепляться от матери, да и ритана Розалия не выпускала обретенное чадо из рук...

Так Эрнесто решил просто.

Все вышли, а в гостиную, где и произошло воссоединение семьи, зашли две служанки с кувшинами горячей воды и тазиками. Хоть грязь стереть...

Родители остались с дочкой, помогать ей раздеться, ну и просто – не могли отпустить чадушко. Даже не минуто. Амадо смотрел на отца большими круглыми глазами.

Тан Эрнесто ухватил за руки и сына, и Альбу Инес, и отвел их в сторону.

– Поговорим, молодые люди?

Выбора у молодежи не было.

В кабинете Адана Аракона тан Эрнесто преспокойно занял место за письменным столом и кивнул молодым людям на кресла.

– Присаживайтесь, сынок, Альба. Разговор у нас будет неприятный.

Амадо повиновался сразу. Альба Инес помедлила пару секунд, а потом кивнула и села.

Эрнесто мило улыбнулся – и выпустил из-под контроля свою силу. Позволил ей растечься по кабинету, заполнить окружающее пространство, дал в полной мере присутствующим ощутить ее вкус. Пусть запомнят, как это...

Паула сегодня заглянула в глаза Смерти. Справедливо будет угостить тем же блюдом и ее обидчиков, нет?

Несколько секунд Эрнесто ждал. А потом медленно и жестко заговорил. Когда понял, что предварительная обработка проведена, в дополнении никто не нуждается.

– Сегодня вы стали убийцами. Запомните это. Ваша жертва спаслась чудом, и не благодаря вам. Сегодня вы трое убили человека.

Альба поднесла руку к горлу, словно ей тяжело было дышать. Вдохнула, выдохнула...

– Я...

– Родную сестру, Альба Инес. Родную кровь...

– Мы ведь не хотели! – почти стоном вырвалось у девушки. – Правда!!!

– Именно поэтому я умолчу о вашей роли в этой истории. Если вы сами не расскажете – никто и не узнает. Ни о чем.

– Вы...

– Я участвовал в этой истории. Без меня Паулину могли бы не найти – или найти гораздо позже, когда ей уже ничего не помогло бы, – спокойно подвел итог тан Эрнесто. – И как человек, который исправил последствия вашего поступка, а вас уберег от груза на совести, выношу вам приговор. Первое. Вы будете молчать. А если расскажете обо всем – сами и получите все последствия. Это ваша общая кара. А частности... Тана Валеранса я из своего дома выставил. Впредь я не желаю иметь с этой... пакостью ничего общего. Вы, Альба, если решитесь выйти за него замуж, сами себя накажете. А пока – смотрите сестре в глаза. Смотрите и думайте, что из-за вас она могла умереть.

Из-за вас ваша мать перенесла такое горе, которое не дай Творец никому. Из-за вас...

Альба то краснела, то бледнела, но молчала. Взгляд Эрнесто переместился на Амадо.

– А ты, сынок, все понял. Ты женишься на Паулине Аракон. Точнее так. Ты при мне, по всей форме, сделаешь ей предложение. Дальше все будет зависеть от девушки. Захочет она выйти за тебя замуж – выйдет. Но если я узнаю, что ты проявил по отношению к ней хоть капельку неуважения... надеюсь, ты понимаешь, что даже моя смерть тебя от проблем не избавит.

– Отец!!!

– Почему ты так вскинулся? Убийцами вы сегодня стали, а человеку свойственно решать проблемы одним и тем же способом.

– Тан, – почти прорыдала Альба. И не притворялась, слезы у нее были самые что ни на есть настоящие. – Мы же правда... ну кто ж мог знать?!

– Вы меня слышали, Альба Инес Аракон. Я не исповедник, отпустить вам грехи, я – некромант. Который сегодня потратил много сил, пытаюсь исправить последствия вашей гнусности, и сильно устал. Так что позвольте откланяться.

Эрнесто встал и вышел из кабинета.

Альба и Амадо остались сидеть друг напротив друга. И – нет.

Друг на друга они не смотрели. Им было очень стыдно и противно. И жить им с этим предстояло до самой смерти.

Альба думала, что она действительно дура и дрянь. И хорошо, что Паула жива.

А Амадо думал, что отец сейчас ломает его жизнь. Но не убивает ведь. А он сегодня действительно чуть не убил...

Какой же мразью он себя чувствовал!

Тан Эрнесто прошел в другую часть дома, постучал кончиками пальцев в запертую дверь.

– Кто там?

– Антония, это я.

– Тан Эрнесто?! Секунду!

Антония распахнула дверь практически сразу. Она недавно приняла душ, переоделась в домашнее платье, и сейчас стояла перед

некромантом с мокрыми волосами, растрепанная... и удивительно красивая.

– Что-то случилось? Тан?

– Нет. Тони, все в порядке, но я хотел бы поговорить с вами об одном обстоятельстве.

– Да, конечно. Проходите, тан Эрнесто.

Некромант послушно вошел в комнату. Тони покраснела, подхватила с пола что-то белое – и запихнула под подушку.

Ну... и что?!

Раздевалась девушка, где стояла, и мчалась в душ, отмокать и успокаиваться. И даже поплакала там немного, все равно вода слезы смое! Она тоже живой человек! А уж после такого...

Спасибо, ей врач не понадобился, а мог бы!

Поднос с едой стоял на столе, пока нетронутый.

– Тан Эрнесто, составите мне компанию?

Некромант молча кивнул, продолжая смотреть на Тони.

Девушка и сама не знала, насколько хороша сейчас. Босая, с распущенными волосами, с капельками воды, которые блестели в них, словно бриллианты, с фигурой, которую сейчас не портили модные платья с чужого плеча...

Не просто красота!

Нечто неподконтрольное, еще с той поры, когда мужчинам привычно было видеть своих женщин босыми и беременными.

Кто знает, что бы сказал или сделал тан Эрнесто, но Тони уже вела его к столу, ловко раскладывала по тарелкам бутерброды...

– Подозреваю, сеньор Фарра хотел зайти. Но потом ему доложили, что пришли вы...

– Сеньор Фарра?

– Дядин повар! Он замечательный человек, но очень любопытный, – Тони впилась белыми зубками в лепешку. Эрнесто махнул рукой на все приличия – и последовал ее примеру.

Лепешка оказалась с сыром внутри, с мясом, с удивительно вкусным соусом...

– За такие лепешки – пусть любопытствует, – почти со стоном вырвалось у некроманта.

Тони молча налила ему вишневого взвара.

Поднос был почти опустошен, когда некромант все же решил заговорить.

– Тони, я прошу вас сейчас об одном. Не откровенничайте ни с кем – о своей силе. Все делал я и только я, а вы просто подчинялись. Хорошо?

– Хорошо. А почему? – Тони слизнула с пальца капельку соуса.

Кокетство?

Его и в помине не было! Просто салфетки куда-то делись, а язык – всегда рядом.

– Потому что Карраско здесь. И будьте уверены, его эта история очень заинтересует.

Тони кивнула, признавая аргумент достойным.

– Хорошо.

– Вы придете завтра к следователю?

Тони выдохнула.

– Ох... Да, конечно! Сегодня столько всего произошло... я бы точно забыла! Спасибо что вы мне напомнили.

– Не стоит благодарности, Тони.

Девушка улыбнулась.

– Ладно. Свою благодарность я вам завтра отдам, – кивок на окно, на котором лежал небольшой вышитый мешочек, такой же, как и у самой Тони. – Сегодня ему еще надо напитаться лунными лучами. А уж завтра...

– Хорошо. Я буду рад видеть вас завтра, Тони.

– И я вас, тан Эрнесто.

Тони говорила абсолютно честно. И в глаза некроманту смотрела без страха. Она и так-то не боялась, а теперь добавились и другие чувства.

Восхищение. Уважение. И то странное чувство, которые испытывают все ученики по отношению к талантливому учителю.

Влюбленность?

Да, но не столько в учителя, сколько в тот огонь, который в нем горит. Огонь, который он раздает, словно Прометей, идущим рядом людям.

Огонь знания...

Некромант поцеловал тонкие пальчики – и откланялся, почти силком выставляя себя за дверь.

Тони заперла дверь на засов, упала в кровать – и вытянулась во весь рост. Как хорошо, что закончился этот длинный безумный день!

Как хорошо, что он закончился... вот так!

Не памятью о пещере, призраках, поисках, жутких белесых монстрах, не слезами в душе, а улыбкой. Ужином и разговором с замечательным собеседником, добрым и остроумным.

Сейчас она уснет – и спать будет хорошо. И сниться ей будут хорошие добрые сны.

А все остальное?

Завтра!

И еще раз – завтра!

С тем Тони и заснула. И во сне улыбалась...

По улицам спящего города скользила белесая тень.

Тихо скользила, приглядывалась к домам, наверное, кого-то искала. Но людям старалась на глаза не показываться.

Тень шла туда, где чувствовала нечто знакомое.

Родное, уютное, свое...

Она обязательно дойдет.

Впервые за несколько десятков лет у тени появилась цель, и она не собиралась сдаваться и раствориться в небытие. Тени очень хотелось жить.

Глава 13

Утро приходит вполне ожидаемо, стучится солнечными лучами в окошко, щекочет нос, приносит с собой прохладу и неповторимый утренний запах свежести. День еще не начался, все чистенькое, умытое с ночи, отдохнувшее...

Тони потянулась под одеялом – и решила вставать. Рано, но дом уже не спит, и можно попасть на кухню, посплетничать со слугами...

Почему нет?

А еще сеньор Фарра готовит восхитительный кофе, от которого нет сил отказаться, и Тони пыталась у него научиться.

Девушка спрыгнула с кровати, потянулась... отлично! Вчерашние приключения никак на ней не сказались.

А сейчас – в душ.

Душ, небольшая разминка с утра, чтобы потянуть расслабившиеся за ночь мышцы, шкаф с одеждой...

Стук в дверь оказался неожиданностью, но...

– Войдите!

– Доброе утро, ритана.

Анита.

А...

– Это – что? – удивилась Тони.

Букет белых цветов. Не банальные розы и не душистые лилии. Тони подарили небольшой букет гардений.

– С утра принесли. Сказали ритане Лассара. Там и карточка есть.

Тони послушно протянула, – Анита развернула букет боком так, что стало видно небольшой конверт. Запечатанный черным воском.

Не красным сургучом, достаточно обычным, а черным. Впрочем, и в этом нет ничего странного, его много кто покупает, просто прислал цветы человек с достатком.

Черный воск дороже красного, намного дороже... а вот запечатано чем-то гладким. Может, даже пресс-папье прижали.

Два слова. Всего два слова, но почему от них так сильно забилося сердце?

Потому что ОН – рядом.

Тот мужчина, с которым она поцеловалась, рядом. И знает, кто она.

Моему чуду.

Тони пожала плечами, отправляя вазу с цветами на стол.

– Не знаю. Кто мог мне это прислать?

Анита прищурилась, потом поняла, что ритана не врет, и вздохнула.

– Мужики – странные существа. За моей теткой ее парень ухаживал, так год подарки дарил, по почте слал, и хоть бы раз подписался.

– И что?

– И ничего. Поженились, живут счастливо.

– Пусть Творец приглядит за ними. Но я правда не знаю, кто это мог прислать.

И не лгу. Я знаю, почему, я знаю, кто, но я не знаю ни имени, ни фамилии – ничего иного.

– Да кто угодно. Девушка вы, ритана, красивая, видная...

– Я? – Тони выразительно показала на свое лицо, но Анита только рукой махнула.

– Это вы Араконам показывайте. А то мы все слепые! Видно ж все, и глаза у вас сияют, и фигурка замечательная, а вот это... вы о нем и не думаете. И никто не думает!

Тони опустила глаза.

– Ладно... Араконы знают?

– А зачем им знать? Появился кто – вот и ладно. Человек вы хороший, уважительный, а добрые люди друг друга завсегда поймут, в каком бы сословии ни были.

Тони задумчиво кивнула.

– Хорошо. Спасибо, Анита.

– Да не за что. Ритана, а что вчера было-то?

– Сейчас спущусь – расскажу, – пообещала Антония, и Анита исчезла за дверью. Надо ж собрать всех слуг в предвкушении новой сплетни?

Надо!

Антония коснулась пальцем лепестка гардении, вдохнула замечательный аромат....

Красивые цветы. Красивый жест.

Кто его сделал?

Она не знала, но почему-то не волновалась. Конечно, и плохие люди могут выбрать хорошие цветы, но не в этот раз. Нет, не в этот.

Наверное, это чутье некроманта. И оно шепчет, что эти цветы прислал кто-то хороший.

Но кто?

Странные существа эти мужчины...

* * *

Утро началось достаточно спокойно. Ночью Паулину увезли в больницу.

После прогулки по пещерам у нее подскочила температура, вызванные врачи осмотрели девушку и сказали, что девушку нужно госпитализировать. И чем быстрее, тем лучше.

Надолго ли?

Как получится, вы ж не думали, что все так легко обойдется? Да и матушку тоже хорошо бы – того...

А то свалится с сердечным приступом... вы, папенька?

С вами все более-менее нормально. Вот, капельки попейте, а лучше по старому народному обычаю. Грамм двести – и не колодезной водички.

Тан Адан послушался, тяпнул крепленого, заполировал рекомендованными капельками, и сейчас мучился сильной головной болью.

Ритана Розалия и Паулина лежали в больнице.

Альба к завтраку выползла, но бледная и несчастная. Проревела она всю ночь. Некроманту удалось достучаться до ее совести. И мать вчера...

Альба отчетливо поняла, что если бы Паула не нашлась, хоронить пришлось бы двоих. А то и троих – думаете, отец пережил бы эту трагедию?

Даже если и пережил бы, то сколь надолго?

Именно Альба высказала идею избавиться от Паулы. Подшутить, зло и ядовито. И то, что она ничего плохого не планировала, ее не извиняет.

Можно ради шутки натравить на человека собаку. Не всерьез, так, чтобы она его поваляла. А если у человека большое сердце и он умрет? Шутили?

Поздравляю, дошутились...

Амадо Риалон также присутствовал за завтраком. Вчера он до поздней ночи размышлял, что жизнь его будет разрушена. И все из-за мелкой глупости...

Ну и из-за отца тоже.

Надо поговорить с матерью... ну не хотелось ему жениться на Пауле! Дура же!

А еще за завтраком присутствовала девушка, которая ему больше, чем нравилась.

Антония.

Тони единственная, кто вышел из этой истории без потерь. Чувствовала она себя замечательно, выспалась просто чудесно, силы восстанавливались, а с утра она даже успела забежать на кухню и получить там порцию малинового мусса. И рассказать сеньору Фаррра обо всем, что вчера произошло.

Конечно, по большому секрету!

Сеньор Фарра оценил, проникся и пообещал героине еще и апельсиновый крем к вечеру. Ну и ританам тоже...

– Антония! – обрадовался тан Адан.

– Дядюшка, доброе утро. Как ваше самочувствие?

– Спасибо, Тони. Намного лучше, чем могло быть.

Сейчас позавтракаю и поеду в больницу.

– Я сказала сеньору Фарра... рассказала про вчерашнее. Он обещал приготовить что-нибудь вкусненькое для ритан.

– Спасибо, Тони.

– Не стоит благодарности.

– Я не за это. Я за вчерашнее... тан Риалон мне все рассказал. Спасибо тебе... дочка.

Альба подавилась кофе.

Амадо выпучил глаза.

Тони улыбнулась.

– Дядя, если я могла помочь – разве можно было поступить иначе? Я знаю, вы бы сделали для меня то же самое.

Не сделали.

Даже не подумали бы. Адан это отлично понимал.

Но вслух говорить не стал, и вместо ответа улыбнулся.

– Тони, хочешь съездить с нами в больницу? Мы с Альбой поедem – будет хорошо приехать туда всей семьей.

Семьей.

Вот так. Слово сказано. И Тони его приняла.

– Дядя, я не возражаю. Но мне потом надо будет в полицию, помните, по тому случаю у пруда...

– Да, конечно. Они еще ни в чем не разобрались?

– Нет, – качнула головой Тони.

– Ужасно. Может, стоит съездить с тобой?

– Все в порядке, дядюшка. Меня никто ни в чем не подозревает, просто надо подписать кое-что, – успокоила его Тони.

– Ну, если так. Но обещай, что скажешь мне, если возникнут проблемы.

– Обещаю.

Амадо Риалон кашлянул.

– Тан Адан, я благодарю вас за гостеприимство. Наверное, мне пора домой...

Домой не хотелось. Но тан Адан только благодушно кивнул.

– Да-да, юноша. Приезжайте к нам еще, будем рады...

Амадо кивнул.

– Я надеюсь, вы позволите мне реабилитироваться перед Паулой.

– Обязательно. Но никаких пещер.

– Обещаю.

Тони расправилась с омлетом и намазала рогалик маслом.

– Дядюшка, мы поедem сразу после завтрака?

– Да, Тони.

– Тогда буквально пару минут – и я готова.

– Не спеши. Сейчас торопиться некуда. Все живы, все в безопасности...

Тони кивнула, запихивая в рот кусок рогалика и придвигая к себе абрикосовое варенье.

Вкусно же! И хочется... после вчерашнего-то...

На Амадо она даже внимания особого не обращала. Да, сидит. Да, глядит.

И что?

Пусть смотрит, дырку не протрет. С тем Тони и взялась за кофе. Ее совесть не мучила. Не с чего было.

Если у Араконов утро выдалось тихим и потерянным, то у Риалонов...

Амадо явился домой – и попал в разгар семейного скандала.

Тайфун, цунами и торнадо – это были сущие мелочи по сравнению с гневом ританы Барбары.

– Как ты мог?! Невыносимо и невозможно!!!

Что именно невыносимо?

Амадо перемигнулся со слугой, и тот шепнул на ушко молодому господину, что тан Валеранса никуда не съехал.

Они с ританой, значит, понадеялись, что некромант до утра остынет, да и махнет рукой.... Не тут-то было!

С утра тан Риалон поинтересовался, вывезли вещи Влерансы – или нет, узнал, что сам Эудженио еще в доме – и отдал решительный приказ.

На улицу.

Ритана Барбара вступилась за крестника, и начался скандал. Громкий, отвратительный и безнадежный. Последнее – потому что тан Риалон смириться с присутствием в своем доме всякой дряни не собирался.

Его дом? Его жена, его сын, его правила, в конце концов! Не нравится супруге?

Отлично!

Развод ее ждет!

Ритана этим очень возмутилась, но сбить с толку некроманта не представлялось возможным. Слуги поспешно собирали вещи гостя, сам гость не протестовал, и было отчего. Сила и злость Эрнесто так хлестали по нервам, что хотелось не спорить, а прятаться. Уползти куда поглубже и забиться под корягу.

Жить хотелось.

– А вот и еще один герой, – заметил сына любящий отец. – Не стесняйся, помоги дружку собраться. И напхни, что отныне его в

этом доме видеть не желают.

– Я... да.

– Дорогая супруга, если вас что-то не устраивает, вы можете составить компанию вашему крестнику. И не возвращаться.

– Я тебе лучшие годы жизни отдала!!!

– Я их более чем щедро оплатил, – смутить некроманта пафосом было невозможно.

– И теперь ты выкидываешь меня на улицу!

– И на панель.

– Ты... ты...

– Изобразишь сердечный приступ – оболью водой.

– Я тебя ненавижу!!!

– Вот это уже ближе к истине. Я сейчас иду на работу. Чтобы когда я вернусь, здесь не было ни Валеранса, ни его вещей – ничего!

Добавлять всякие пошлости вроде: «ясно», «понятно», «попробуйте только послушаться» некромант не стал. Зачем?

Мудрому достаточно, а дурака проще похоронить. Один раз. А не доказывать каждый раз.

* * *

Есть в мире зло неизбежное.

Репортеры.

Столица, знаете ли... забавно, но именно столица – один из самых тихих городов. И ничего удивительного.

Где в основном живет император?

В столице.

А значит, при нем и гвардейцы, и маги, и охрана, и мэр города старается не за совесть, которая у чиновников по сей день не обнаружена, а за страх. Даже сейчас, когда император отдыхает в летнем дворце, порядок поддерживается. Император-то вернется к осени. И огребут все причастные.

Обратная сторона медали – тихо, а значит, газетчикам писать не о чем.

А тут такое событие...

Ритана Аракон заблудилась в катакомбах... нашлась, целая и невредимая...

А что там с ней произошло?

А как?

А почему?

Вопросов – много. Часть из них уже задали спасателям, но это ж только одна статья, а можно и еще несколько сделать!

С самой ританой, с ее родственниками...

Если кто не знает – репортеру платят за количество слов. Вот они и стараются, льют воду (или иную биологическую жидкость) в уши обывателям. Надо ж зарабатывать?

Надо!!!

Один из шелкоперов и атаковал Араконов, стоило им из дома выйти. Вчера их отвез тан Риалон, поэтому мобиль дядюшки остался у грота. Пригнали его ночью, но во двор не загнали, так и стоял мобиль неподалеку от ворот. Вот, пока к нему шли, и налетел на троицу репортер.

– Тан Аракон, пару слов! Почему ваша дочь оказалась в пещерах одна? Правда ли, что она убежала от жениха, застав его с сестрой? Теперь ее сердце разбито?

Альба возмущенно ахнула.

Тан Адан обошелся и без слов, и без охов-ахов. Одним ударом. Четким и точным, прямиком в нос.

Репортер полетел на мостовую, а тан Адан с огромным удовольствием растоптал его блокнот.

– Чтоб близко вас рядом с моей семьей не было! Стервятники!

Тони нахмурилась.

Зря дядя так... потом не разгребешь. Не то чтобы она с этим племенем общалась, но Хуан Амон Мартель рассказывал. Мошенник же...

Работа такая, понимать надо! Приезжаешь ты в город... у кого водятся деньги? У танов! Но как попасть в их круг? Прийти с улицы?

Вот тут и приходят на помощь газетчики. Разузнать потребное, дать пару телеграмм, где и телефонировать – и готово! В наш город приехал... кто?

А кто нужно!

Аристократ из соседнего государства, или путешественник, или изобретатель, ученый, разве что магом Хуан не притворялся никогда.

Альба прошествовала мимо репортера, едва ногой его не пнула. Тони уронила сумочку и пока поднимала, подмигнула мужчине.

Репортер оказался опытный, даже вопросов задавать не стал, обошелся поднятой бровью.

– Через четыре часа, кафе «Две розы».

Репортер улетучился.

Тони подумала, что дядюшка может рассердиться... да и пусть! Она в этом сильно заинтересована! Репортеры ж так работают, чего не узнают, то придумают, а ей лишняя известность ни к чему. Лучше рассказать все самой и в нужном ключе.

С тем Тони и последовала за дядей, который ее маневра даже не заметил. Не до того ему было, равно как и Альбе.

* * *

Больница.

Белые стены, белые потолки, почему-то светло-зеленого цвета полы...

Палаты для богатых.

Это не те клетушки, в которых лежала Рита. Это для благородных, для тех, у кого денег куры не клюют, кто может себе позволить комфорт.

И роскошь тоже.

Правда, Тони не хотела бы тут лежать. В простой больнице врачи каждый день лечат, у них практика. А тут...

За такие деньги они пациентов, небось, раз в год видят. И какое тут мастерство?

Зато полы паркетные, простыни из чистого шелка, медсестрички все как на подбор... красавицы, ног не так, чтобы слишком. Смотреть приятно, но злить ритан они своим видом не будут.

А еще цветы, телефон и даже... о, Творец!

Кошка, которая вальяжно разгуливает по коридору. На ней зеленый ошейник, и выглядит мурка вполне довольной жизнью. Никто ее и не гоняет.

Ритана Розалия и Паула лежали в одной палате. И искренне обрадовались гостям.

– Дорогая!

– Мама! Паула!

– Тетя Розалия...

Тони быстро нашла себе занятие – принялась выкладывать на стол гостинцы из дома. Альба хлопотала вокруг сестры. Адан разговаривал с супругой, тихо, так, что Тони не слышала, но хватало и вполне красноречивых взглядов, которые бросала на нее тетка.

Закончив объяснения, Адан отошел к дочери, а ритана Розалия протянула руку.

– Тони, детка, подойди. Прошу тебя...

Тони послушно сделала пару шагов.

Да, досталось вчера тетке.

И морщины пролегли, и седые пряди проявились – понятно, дочь же!

– Все в порядке, тетушка?

– Да. Теперь да. Тони, Адан мне рассказал... спасибо тебе.

– Тетушка, я сделала то, что должна была. Вот и все.

Розалия Аракон кивнула.

– Я рада, что ты пришла в наш дом. Рада, Тони. Теперь у меня три дочери.

Тони не придумала ничего лучше, чем поцеловать ритану Розалию в щеку.

– Выздоровливайте, тетушка. Что говорят врачи?

– У Паулы сильное переохлаждение. Еще немного – и было бы воспаление легких. Но и так ей лучше побыть под присмотром.

И верно, девушка хлюпала носом не только от счастья. И глаза больные, и кашель нехороший. Долорес таких мигом на ноги ставила своими методами, но где сейчас Долорес?

– А вы?

– Я побуду с дочерью. И сердечко заодно поправлю, тоже надо.

Тони коснулась руки тетушки.

– Не переживайте. – И уже тихо-тихо: – За Альбой я пригляжу, ничего лишнего она себе не позволит.

– Спасибо. Я с ней еще поговорю, но чуть позже. Спасибо, няня.

Тони ответила улыбкой.

Все было правильно. Не хорошо или плохо, а именно правильно. Не стоит говорить о любви, которой пока неоткуда взяться. Но ритана Розалия тоже все понимала.

Она приняла в свой дом чужую девчонку, потому что должна была это сделать.

Кровь – не только права, но и обязанности.

Тони отплатила добром за добро. Она не любит Паулину, не любит никого, но так – честно. Если тетюшка захочет сделать шаг ей навстречу, так тому и быть. Тони ответит взаимностью.

* * *

Полицейский участок кипел и бурлил. Все же – потеряшка нашлась, это хорошо. Целая, невредимая, теперь и на премию можно рассчитывать. Тоже чудесно.

Сеньора Вальдеса это кипение особо не затронуло. Некроманта – тоже, просто не осмелилось тронуть. Поэтому они ждали Антонию в кабинете следователя.

Тони постучалась, как и положено вежливой ритане, вошла – и улыбнулась.

Весело, от души, по-настоящему...

Ах, если бы женщины знали, как их украшает искренняя улыбка.

Настоящая, когда и глаза светятся, и ты действительно рад видеть человека. Не протокольный оскал, тот и гиену не украсит, а именно настоящее.

Сейчас Тони была очаровательна, без оглядки на платье, прическу и испорченную магией кожу.

– Тан Риалон, сеньор Вальдес.

– Тони, – чуть укоризненно протянул Эрнесто.

Девушка ответила еще одной улыбкой – и протянула небольшой вышитый мешочек.

– Пробуйте, тан Эрнесто.

Мужчина послушно перехватил шнурок.

– Надеть на шею?

– Да. Так, чтобы касалось голой кожи. Если контакт с кожей прерывается – не работает.

– Понятно. Спасибо, Тони.

Эрнесто послушно надел шнурок, но зацепился им за ленту, которая стягивала его черные волосы в хвост.

– Уй...

Неприятно. Некромант ты там, или нет, а все же...

– Давайте я помогу.

Тони скользнула за спину некроманта, распутала шнурок и улыбнулась.

– Так лучше?

– Да. Спасибо, Тони.

– А ведь действует, – хмыкнул следователь. – Действительно, спасибо. Сразу легче дышать стало.

– Вы очень сильный, – объяснила Тони некроманту. – Поэтому вас может не до конца закрывать. Но людям действительно будет легче.

Эрнесто улыбнулся и поцеловал девушке руку.

И кто бы сомневался – именно в эту минуту запахнулась дверь.

– О-ла-ла! Какие люди! Ритана Лассара! Мое почтение.

Тони сморщила нос. А ведь день так хорошо начинался!

– Освальдо, закрой дверь с другой стороны, – попросил тан Риалон.

Тони точно знала, спокоен он только внешне. А внутренне – кипит от гнева. Это несложно почуять... наверное, остаточные явления.

Вчера они работали вместе, они скользнули за Грань и вернулись, это оставляет отпечаток. Какое-то время Тони будет чувствовать своего напарника, а он – ее.

И сейчас она тоже раздражена. Карраско ей не нравился. Слишком он...

Не навязчивый, нет. Для этого есть другое слово.

Высокомерный.

Снисходительный даже.

Он не говорит любезности, он снисходит до того, чтобы сказать их тебе, фактически снисходит до тебя. И это неприятно.

– Риалон, ты не много на себя берешь? Я здесь...

– По поводу одного дела. А ритана Лассара пришла по другому. В мой кабинет. Ко мне на прием, – сеньор Вальдес не нарывался, но давал понять, кто здесь главный. – При всем моем уважении, тан, вы

лишь прикомандированный к нам эксперт, и я прошу не мешать моей беседе со свидетелем.

– Даже так, Вальдес?

– Для вас – сеньор Вальдес. Или сеньор следователь.

– Это ненадолго.

Серхио ухмыльнулся во все зубы.

– Что – ненадолго? Следователь? Вы не стесняйтесь, тан, идите, жалуйтесь. Удачи вам в этом нелегком деле.

Освальдо вылетел за дверь, хлопнув ей от всей некромантской души.

Тони посмотрела на следователя.

– А у вас не будет неприятностей? Сеньор?

– Не будет. Обещаю.

– Сеньор Серхио – Вальдес, – пояснил Эрнесто, улыбаясь.

– И?

– Паршивая овца в семье купца, – Серхио тоже улыбался. К девушке он испытывал самую искреннюю симпатию, а уж после рассказа Эрнесто о вчерашнем...

Молодец, девчонка! Правильная.

И пингвин этот, Карраско, ей не нравится. Вдвойне правильно!

– Вальдесы вот уже лет дести официальные поставщики тканей ко двору.

– И не таны?

– А к чему? Мы свое место знаем, ритана, нам титулы не нужны. Опять же, торговля и своя земля – вещи очень разные. Можно с одним управиться, а с другим прогореть. Лучше уж мы своим делом будем заниматься... у нас в семье не принято детей насиловать.

– Даже так?

– Конечно. Отец ругался немного, когда я следователем стать захотел, но не сильно. Бывает, что ж теперь. Свой человек он везде полезен будет, если не глуп и не туп.

Антония задумчиво кивнула.

Да, с Вальдесами даже Карраско ссориться побоится. Она просто не догадалась сразу, что это *те* Вальдесы. А так она слышала, конечно. Богатая купеческая семья, очень богатая.

Но она здесь действительно для дела.

– Сеньор Серхио, давайте я тогда посмотрю вещи девушек?

– Вы сможете, Тони? Не будет тяжело?

Антония качнула головой. Еще раз прислушалась к себе.

– Нет. Я полностью восстановилась.

– Вот, что значит – молодость, – подшутил тан Эрнесто.

– Для некроманта все, что до пятидесяти – все молодость, – пожала плечами Тони. – А до ста пятидесяти – зрелость. Разве нет?

– И пожаловаться старику не дадут, – хмыкнул тан.

Ну да.

Нельзя сказать, что сильные маги жили, сколько хотели. Но раза в два больше обычного человека – безусловно. Был рекорд – двести пятьдесят лет, но это уж действительно очень много.

А правда...

Интересно, сколько лет Риалону? Хотя Тони и так знала. Где-то около сорока, не больше. Когда работаешь вместе, когда сливаешь силы, такие вещи чувствуются. Чем больше разница в возрасте между партнерами, тем им сложнее.

Есть такое...

Сеньор Серхио тем временем выложил на стол три вещи. И развел руками.

– Больше не было.

Медальон на простой цепочке, даже не серебро – дешевая медяшка, чеканка, такие чуть не на развес продают.

Гребень из черепахи.

Лента для волос.

И кто бы знал, как Тони не хотелось брать их в руки! Но надо, надо!!!

Кроме нее никто этого не сделает. И девушка решительно потянулась к ленте.

* * *

Эва бежала домой вприпрыжку.

Она такая счастливая, такая счастливая!!! Девушке казалось, что за спиной у нее развернулись громадные белые крылья.

Пабло сделал ей предложение!

Наконец-то!

И родители, которые были против... они же должны понять, что так будет лучше для них? Они любят друг друга, у них все будет хорошо....

Эва даже не поняла, что случилось.

Она пробежала мимо темной подворотни.

Что-то холодное коснулось горла.

Всё...

* * *

Тони открыла глаза. Вытерла слезинку.

– Бедная девочка...

– Кто именно?

– Эва, ее звали Эва... Эвита?

– Да, – кивнул сеньор Серхио. – Все правильно.

– Она была такая довольная... ей парень сделал предложение. Она собиралась рассказать обо всем родителям...

– И кто ее? Она не увидела?

Тони качнула головой.

– Нет. Пробежала мимо темной подворотни, а оттуда что-то холодное коснулось горла. И все.

– Запах? Тень? Может, какой-то звук?

Тони сосредоточилась.

– Запах, да... запах был.

– Какой?

– Кофе. Очень сильный запах кофе.

– Кофе? Или под ним что-то еще? – уточнил Серхио.

– Не знаю. Эва больше ничего не почувствовала.

– Кофе – один из самых сильных запахов, – разъяснил Эрнесто. – Мы им тоже пользуемся, мало что может трупную вонь перебить. Поэтому... это основной запах – или им что-то перебивали?

– Не знаю. Эва не поняла, – покачала головой Тони.

Сеньор Серхио подвинул два других предмета.

– Тони, миленькая. Посмотрите еще, прошу вас! Хотите – кофе?

Девушка немного нервно рассмеялась. А потом махнула рукой.

– А, хочу! И что-то сладкое!

– Сейчас принесу, – по-доброму улыбнулся ей некромант. – У вас отличные инстинкты, ритана Лассара, именно сладкое хорошо помогает от истощения.

Тони улыбнулась хорошему другу. Да, уже другу.
И потянулась за гребнем.

* * *

Три истории. Три девушки, точнее две девушки и одна женщина. Эва бежала домой со свидания, женщина, которой принадлежал гребень, возвращалась поздно ночью от любовника, а вторая девушка относила заказ и задержалась. Так уж получилось – допоздна.

Три разных женщины, три разных жизни. А что общее?

Одно и то же.

Темнота. Тень, скользнувшая рядом. Холод на горле...

И везде запах кофе.

Резкий, навязчивый, интенсивный. А под ним что?

Тони ощущала какую-то нотку, но... какую? Чем пахло? Что-то такое... нет, не понять. Но не морг, там она была и трупы пахнут по-другому. Тухлятина? Нет, не оно....

Сырое мясо!

Да, что-то такое, что-то близкое. Сеньор Серхио только вздохнул, принимая сбивчивые объяснения, но лучше хоть что-то, чем ничего.

И тень.

Одна из женщин заметила-таки очертания тени.

Длинной, изломанной, но вроде бы похожей на человека. Руки и ноги там явно были, ну и все. Что еще можно сказать по тени? Антония не художник, а потому и не могла воспроизвести все в точности. Свет, тень, перспективу... ей показалось, что эта тень высокая и худая. Но – и только.

В остальном – никаких подсказок.

Ни звука, ни чего-то еще, ни... нет, ничего. Это только в книгах злодеи оставляют улики. А в жизни...

В жизни они их тоже оставляют, но запах к делу не пришьешь. Сеньор Серхио понимал это и грустил. Тони уничтожала апельсиновое варенье.

– Спасибо, тан Эрнесто.

– Не стоит благодарности, Тони.

Некромант честь по чести проводил девушку до дверей участка, предлагал вызвать для нее такси, но Тони отказалась и пошла по тротуару.

Как же ей нравилась столица!

Белые камни мостовой, белые камни заборов и стен домов, алые и фиолетовые цветы, зеленые пятна деревьев...

И запах.

Запах моря...

Здесь не просто красиво, здесь уютно. Хотя ей и в Лассара нравилось. У ее родного озера, в родном лесу... интересно, сложится ли так, что она вернется домой с мужем? Тони не знала, но ей хотелось бы показать детям, где она росла.

Каблучки задорно стучали по старым камням кладки.

– Ритана Лассара?

Тони едва не застонала.

Карраско!

Да чтоб тебя ночная нечисть разодрала! Вот что тебе не сиделось спокойно?! Хотя Тони и так знала.

Освальдо Фаусто Карраско дураком не был. Прекрасно понял, что в участке ему поговорить с девушкой не дадут, и подстерег ее на обратной дороге. А она ведь еще в кафе не зашла...

Ладно!

Сам ты, сволочь, напросился!

– Что вам угодно, тан?

– Поверьте, ритана, ничего такого особенного. Мне просто приятно познакомиться с представительницей древнего рода...

Словоблудие Тони слушать решительно не собиралась. Опять же, спасибо сеньору Хуану. Для картежников это часть жизни, и сеньор, передавая свое искусство девочке, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами, не скупился на житейскую мудрость.

– Говорить-то сутками можно. А вот что именно от тебя нужно? – как живой, прозвучал в голове голос старого шулера, и Тони словно липкую паутину с себя стряхнула.

– Вы со мной познакомились. Я тоже горда и счастлива, тан. Это всё?

– Ритана, скажите, если я нанесу визит вежливости вашим родственникам, вы не будете против?

Антония пожала плечами.

– Ваше право – ваша воля, тан. А против или за могут быть ваша супруга и ваш глава рода.

Освальдо скорчил непередаваемую гримаску.

– Антония...

– Ритана Лассара, с вашего позволения.

– Ритана, стоит ли сейчас о юношеских ошибках? Я был молод...

– Стоит-стоит, – заверила его Тони. – У вас и сейчас еще возраст не старческий, успеете еще новых ошибок наделать.

– А если я хочу их исправить?

– И об этом надо говорить не со мной, а с вашей супругой и главой рода.

– Ритана, вы жестоки.

– Нет, – отозвалась Тони. – Я просто в вас не заинтересована.

– Совсем? Ваш дар требует развития, обучения...

– У меня непроявленный дар.

– Это ненадолго. Вы сильны, судя по ауре, дар должен скоро раскрыться...

Уже раскрылся. Но...

Тони наивно улыбнулась, последовав одному из советов Долорес: «Улыбайся. Это так бесит...» И применила совет сеньора Хуана.

– Тан, давайте напрямик. Меня не интересует ничего из предложенного Карраско.

– Что бы я ни предложил?

– У вас нет ничего такого, что мне нужно.

– Вы так уверены, ритана?

– Деньги? Власть? Сила? И даже любовь, семья, дети... Вы сейчас прощупываете, на что меня можно зацепить. Так вот – у вас этого нет.

– Вы так уверены в себе, ритана?

Тони улыбнулась еще раз, и судя по сузившимся глазам оппонента – безуспешно.

– Давайте я предположу, как было дело, тан? Когда вы услышали мою фамилию, вы вспомнили нечто знакомое. Лассара – тоже известны, хотя и на свой лад, как и Карраско, Андален... навели справки. И решили прибрать находку к рукам, пока никто не опередил.

Прошу передать главе рода – я буду разговаривать только с пастухом. А не с бараном.

Тони была нарочито груба – и это дало свой эффект. Глаза некроманта вспыхнули гневом.

– Бараном?

– Я сказала, а вы услышали, тан.

– Бараном?!

Разозленный Освальдо схватил девушку за руку – и рванул на себя. Зря.

Тони сопротивляться не стала. Наоборот, качнулась вперед, и правильно. Освальдо рассчитывал, что она будет сопротивляться, дернул чуть сильнее, чем надо бы, а когда еще Тони добавила свой импульс – он попросту потерял равновесие. И начал заваливаться назад... он бы выправился! Не упал, и даже девушку удержал, но Тони и сама не зевала.

Толчок вперед – и выкрутить захваченную руку от себя, преодолевая сопротивление не всей пятерни, а только большого пальца. И Освальдо улетает спиной вперед на мостовую.

Судя по звуку – он хорошо приложился. Качественно.

Выяснить, не сломал ли бедненький что-то важное, к примеру, хвост, Тони не стала. Развернулась и ушла при полном молчании Карраско.

Где тут кафе, которое ей нужно?

* * *

– Добрый день, ритана.

– Ритана Лассара. Сеньор?

– Сеньор Диас. Дези Херман Диас, к вашим услугам, ритана Лассара.

– Антония Даэлис Лассара. Я племянница тана Аракона, – пояснила Тони, усаживаясь за стол. – И готова ответить на ваши вопросы. Дяде пока не до того, тетушка плохо себя чувствует...

– Ритана, может, вы расскажете, что произошло? А я потом задам вопросы? – предложил репортер.

– Я не так много знаю, – пожала плечами Тони. – Мои кузины, Альба и Паулина поехали за город. Альба с женихом... тан Эудженио Валеранса, – голос Тони чуть дрогнул, но это было почти незаметно. – Они давали объявление в газету о помолвке.

– Я уточню.

– Уточните, но тетушка что-то такое делала, – отмахнулась Тони. – Паулина поехала с ними.

– А четвертый?

– Тан Амадо Риалон. Кузен Валеранса.

Репортер заметно скис.

Ну и какая тут любовная история? Двое влюбленных, двое сопровождающих. Ничего интересного.

– А потом?

– А потом тоже ничего такого вроде не было. Как рассказала кузина, – Тони без зазрения совести закладывала Альбу, решив, что поцелуи с законным женихом не грех. – Они с таном Валеранса решили ненадолго уединиться, – улыбка репортера показала, что все бывает. Дело молодое... – Паула и Амадо осматривали пещеры, там же красивые сталактиты, или что там такое... как я поняла, Амадо замешкался, а Паула прошла вперед. Обычно пещера там была закрыта, но в этот раз ограждение сняли. Паула туда зашла – и провалилась в каверну. Ударилась, потеряла сознание, а когда Амадо Риалон спохватился – было поздно. Криков она не услышала.

– Вот оно что...

– Ну да. Пока ее искали, она была без сознания, а потом, через полчаса, когда пришла в себя... Паула сказала, что ударилась головой. Она и не соображала ничего, просто попробовала выйти к людям, и окончательно заблудилась.

– Хвала Творцу, ее вовремя нашли!

– Так собаки же! Они след и взяли, разве нет? Я толком не поняла, – развела руками Тони. – Альба оставалась дома, с матерью, то есть с ританой Розалией. А я поехала с дядюшкой. Мало ли что, у него уже возраст...

– А тан Риалон?

– Амадо или его отец? – не стала скрывать Тони.

– И тот, и другой...

– Как я поняла, Амадо Риалон чувствовал себя виноватым – не уследил. Хотя и не обязан был следить за Паулиной. Поэтому он оставался с Альбой и тетушкой. Мало ли что... А его отец поехал к пещерам – тоже, мало ли что? Он же некромант, а там может быть какая-нибудь нечисть, или еще что такое...

– Вот оно что...

– Ну и дядюшке, конечно, мобиль водить в таком состоянии не стоило. Дочь пропала – тут с ума сойдешь, – развела руками Тони. – Доехал бы он до ближайшего столба, еще и сердце прихватить могло...

Репортер явно погрузился. Такие они, работнички пера и топора. Вот если бы сенсацию... к примеру, Паулина застала целующимися Риалона и Валерансу, и от ужаса помчалась куда глаза глядят...

Или Альба решила убить сестру и с помощью жениха и его кузена схватила дуреху, раскачала за ноги – за руки, да и сбросила в пропасть...

Может такое быть?

Может. Но не было, и это приводит репортера в уныние. Он задает еще пару десятков вопросов, но толком ничего не добывается и грустнеет. А что тут добавишь?

Что убавишь?

Совершенно обыденная история, таких сотни и тысячи. Каждый год пара-тройка дурачков в пещерах теряются, благо их по побережью – не пересчитать. А уж сколько тайн они хранят...

Кого-то нашли, а кого-то и до Страшного суда не найдут.

– Спасатели говорили, вроде как она сама к ним выбежала?

Тони развела руками.

– Может, и выбежала. Это ж пещеры... мало ли что там может быть? Голос услышала, или свет увидела – всякое бывает.

– Ага... Спасибо вам, ритана.

Тони развела руками. Мол, чем богата, то и рассказала. А больше ничего и сделать не могу.

– Вы еще дядю расспросите. Или Альбу... Паулина пока в больнице, ну и тетушка тоже. Им вчера досталось... вы уж не обижайтесь, что дядя так. Он в себя придет, сам извинится. Переволновался он за дочку, сильно испугался.

Репортер кивнул.

– Да все в порядке, ритана.

А Тони словно за язык кто дернул.

– Если уж секретничать... я вам так скажу. Амадо Риалону Паулина очень нравится. Это видно... может, и сложится у них что? Он вчера так переживал, ТАК переживал, вы бы видели!

– И тан Риалон-старший потому помогать взялся...

Тони развела руками. Мол, бывает же и такое, правда?

Репортер согласился, что бывает, и удрал писать статью. Тони оплатила его и свой заказ – чего там платить-то, пара чашек кофе, да два пирога, и вышла на улицу.

Ну не твою ж за... попу!

Напротив таверны стоял мобиль, и из него выглядывал Освальдо Карраско.

Гррррр!

Прежде чем Тони успела что-то придумать, некромант вышел из машины.

– Ритана Лассара, прошу меня простить. Мы неправильно начали... могу ли я надеяться, что мы забудем этот неприятный эпизод?

Тони закатила глаза. Но – что поделать?

– Тан Карраско, я не знаю, о каком эпизоде вы говорите.

Тан чуточку расслабился, но улыбаться не спешил.

– Ритана, поймите меня правильно. Некроманты очень редки в нашем мире, и такая встреча... я слишком волнуюсь.

Волнуется он!

Тони едва не фыркнула. Но... куда денешься? Иногда хорошие манеры выручают, иногда подкладывают свинью.

– Все в порядке, тан. Поймите и вы меня правильно – в моем положении, без денег и особых связей, легко оказаться слишком навязчивой.

Или у кого-то в долгу.

Или в зависимости от кого-то нехорошего.

Вариантов много, но их Тони проговаривать не стала, некромант и сам понял, чай, не дурак. И развел руками, признавая, что тоже погорячился.

– Ритана, могу ли я загладить свою вину перед вами?

А как?

Тони подумала пару минут – и решила, что может.

– Тан, вас не затруднит меня отвезти, куда я попрошу? Идти пешком долго, а на такси тратиться неохота.

– Ритана, для вас любой каприз!

Магазинчик сеньоры Луисы, вот куда нужно было Тони.

Надо поговорить с сеньорой, надо...

Освальдо галантно распахнул перед Тони дверь мобиля и даже помог усесться поудобнее. Устроился на соседнем сиденье, завел вежливую беседу...

– Ритана, вы не находите, что погода сегодня просто чудесная?

– Да, тан. Хотя немного жарко...

– В это время года в столице всегда так. Жара, грозы... недаром его величество предпочитает проводить лето подальше от побережья.

– А вы к нам...

– Из Каса Норра. Вы никогда не слышали об этой крепости?

– Нет, тан.

– Вы много потеряли, ритана. Я надеюсь, в один прекрасный день вы там побываете... я бы с радостью показал вам всё.

Так, в вежливой беседе проходят пятнадцать минут – и Тони оказывается перед дверью антикварного магазинчика.

Заперто?

Но почему?

Тони постучала сильнее. Потом еще сильнее... нет ответа. Разве что кошачий мяв послышался.

Освальдо вышел из мобиля.

– Ритана, вам надо... сюда?

– Да, тан...

Освальдо прислушался к себе. Или к чему-то... такому?

– Едем, ритана.

– Куда?

– Ваша сила вам ни о чем не говорит?

– Я же не проявленный некромант, – напомнила Тони.

– Простите, ритана, забыл. Так вот. Там, внутри – покойник. Надо ломать дверь.

– Ох...

Тони побледнела.

Сеньора Луиса?!

Но...

– Нам надо в полицейский участок, а уж они займутся этим делом. Надо вскрывать дверь, вызывать врача... скорее, труповозку.

Тони стиснула руки.

– Прошу вас, тан...

– Да, конечно, ритана. Едем немедленно...

Карраско – это имя. Поэтому спорить в участке никто не решается – выделяют двоих полицейских помассивнее, выписывают ордер на вскрытие двери – и мобиль разворачивается обратно.

Тони ломала руки на переднем сиденье, полицейские устроились сзади...

– Ритана, это ваша родственница? – решил отвлечь девушку один из них.

– Нет... да... почти!

– Понятно. Да вы не переживайте, ритана, может, это еще и не она...

– Надеюсь.

Мертвеца Освальдо определил четко. А вот КТО это – непонятно. Так что Тони надеялась до последнего момента.

Надеялась, когда ехала в участок и обратно.

Надеялась, когда вскрывали дверь.

Надеялась...

А потом надежды больше не осталось. Потому что с жалобным мявом кинулся к девушке сеньор Маркус Мендоса.

А сеньора Луиса лежала на полу. Окончательно и безнадежно мертвая.

– Убийство, – определил Освальдо.

И было сложно сомневаться в его словах. Сами по себе ножи в сердце у человека не появляются.

– Тан Карраско, – посмотрел на некроманта один из полицейских. – Может, вы того... духа призвать попробуете? Или узнать чего у трупа? Кто ее так?

Освальдо pokrивился.

– Не моя специализация. С этим к Риалону.

Полицейские переглянулись и настаивать не стали. Вместо этого телефонировали в участок, и вскорости на место преступления прибыл

тан Риалон.

– Добрый день. Что случилось? Тони?

Антония так и сидела в углу, тиская кота. Сеньор Мендоса, словно что-то ощущая, забился ей под локоть, вжался так, что один хвост торчал – и непрерывно двигался из стороны в сторону. Кот нервничал.

Тони тоже переживала, жаль, у нее хвоста не было.

– Тан Эрнесто!

Освальдо нахмурился, но Риалон, не обращая внимания на соперника, пересек комнату и коснулся руки девушки.

– Это ваша знакомая?

– Да. Тан Эрнесто, прошу вас!

Некромант качнул головой.

– Тони, я бы рад помочь, но ничего не получится.

– Почему?!

– Вот поэтому, – тан Эрнесто коснулся ножа, который так и торчал из груди сеньоры Луисы. Тони к нему не присматривалась. Ей было слишком больно. А нож действительно был интересный, с рукояткой из кости, с вырезанными на ней какими-то символами, которые теперь заполнились кровью...

– А что это?

– Проводник душ, – опознал клинок Карраско. – Однако...

– Этот клинок убивает... окончательно.

– Как?! – ахнула Тони. – Душа... тоже?!

– Все не так страшно, – отмахнулся Эрнесто. – Тони, душа после смерти остается рядом с телом три дня. Путешествует по миру – девять дней. И примерно сорок дней ее можно призвать, чтобы пообщаться. Потом это становится намного сложнее, потому что она отправляется на перерождение. А этот нож отправляет туда – сразу. Мы не сможем призвать душу, она уже ушла. Вызвать призрака или духа – тоже. Некого вызывать...

Тони вздохнула. Но спрашивать про свои таланты не стала – потом. Не при всех. И уж тем более не при Карраско.

– Тан Эрнесто, а что теперь будет... с телом?

– Пока заберем в морг. Потом будем искать наследников, чтобы похоронили, – отозвался один из полицейских.

Тони согласно кивнула.

Наследники так наследники.

– А я смогу присутствовать на похоронах?

– Я поговорю с Вальдесом, – успокоил ее Эрнесто. – Запишем в дело, и ты все узнаешь.

Тони не обратила внимания на это «ты», а вот Карраско заметил и нахмурился.

– Ритана, давайте я вас домой отвезу. Вы устали и едва на ногах держитесь.

Тони оглянулась вокруг.

– А... сеньор Маркус?

– Кто?!

– Вот...

Тони предъявила кота на всеобщее обозрение. Сеньор Маркус зашипел.

– Берите с собой, – решил тан Эрнесто. – Одного его здесь не оставишь, а на улице он явно не выживет. Домашний...

Тони кивнула – и перехватила кота поудобнее. О чем и пожалела – пушистая скотина заякорилась в ней всеми когтями – не отдерешь. Ладно, авось, родные не будут против. Но разве можно его здесь бросить? Считай, на смерть обречь.

– Пойдемте, ритана, я вас отвезу, – Освальдо был сама галантность.

Эрнесто посмотрел с неодобрением, но Тони было уже все равно. Она едва ноги передвигала. Да и тан Риалон отлучиться пока не мог – все же случай нештатный. Такие ножики не каждый день попадаются.

И спорить сейчас...

Нет, ни к чему.

Девочка едва на ногах держится, еще не хватало, чтобы ее тут делили всем напоказ, как собаки – кость. Эрнесто попросту подхватил Тони под руку и проводил до мобиля старого «приятеля». Освальдо смотрел недовольно, но кто не успел – тот не успел.

По дороге домой Тони даже разговаривать не могла – сил не было.

Освальдо довез ее до ворот, потом проводил до дома и передал с рук на руки слугам.

Девушка, так и не отцепляя от себя кота, прошла в свою комнату, а там упала на кровать – и разревелась.

Сеньора Луиса!!!

Ну как же так?!

Почему?!

Гадко, жестоко, несправедливо!!!

Так она в итоге и уснула, не раздеваясь. Сеньор Мендоса, постепенно успокоившись, обследовал комнату, потом подумал – и забрался к девушке на кровать. Прижался поближе, Тони во сне запустила пальцы в теплую шерсть и чуточку успокоилась. Все же коты – лучшее снотворное во всех мирах.

Завтра у нее будет нелегкий день.

* * *

– Тан, ваше кольцо.

Задняя комната таверны. Для решения деликатных вопросов.

Двое мужчин – один повыше, второй пониже. Больше о них ничего сказать нельзя – плащи мешают. Темные, глухие...

Перстень с лиловым камнем в обрамлении маленьких черных гематитов лег на стол.

Мужчина подхватил его, надел на палец, покрутил.

– Благодарю. Сколько я вам должен?

– Вот сумма, тан.

Написанная на листочке цена вопроса заставила мужчину досадливо присвистнуть. М-да, недешево.

Но жизнь дороже. Особенно богатая, спокойная и счастливая.

Кошелек лег на стол.

– Благодарю вас. Проблем не возникнет?

– Нет, тан. Проблем не возникнет.

– Тем более, благодарю вас.

На стол ложится еще один кошелек. Плата уже отдана, это... надбавка за скорость и качество. И кажется, ее оценили.

– Обращайтесь, тан.

Мужчины выходят за дверь и расходятся в разные стороны.

Дело сделано. А кольцо...

Кольцо сегодня же утонет в море. Там много тайн хранится, и ни одна еще на берег не выплыла. Так будет хорошо, так будет правильно.

Проклятая старуха!

И как она только узнала?

Впрочем, сейчас это уже неважно. Дело сделано, концы обрублены. Все хорошо.

Все *будет* хорошо. И горе тем, кто попытается этому помешать.

* * *

Когда на улицу опустилась ночь, белесая тень скользнула в опечатанную лавку.

Да, именно здесь.

Здесь были якоря, которые привязывали тень к земле, не давали рассеяться, заставляли вспоминать прошлое.

Именно здесь.

Теперь оставалось только дожидаться хозяина. У тени были большие планы.

Глоссарий

- Адан Мигель Аракон – дядя Тони.
Даэрон Эктор Лассара – брат Адана, отец Тони.
Антония Даэлис Лассара. – главная героиня.
Доктор Ассуна, тан Саллеро, нотариус Александр Мария.
Авиель – жители городка.
Розалия Инесса Аракон, в девичество Мондиго – тетка, жена дяди Тони.
Альба Инес – старшая двоюродная сестра.
Паулина Мария – младшая сестра.
Даэлис Серена Лассара – мать Антонии.
Эрнандо Лассара – дед Антонии.
Страна – Астилия. Столица – Римат.
Служанки в доме дяди – Анита, Дита, Рита Кармела Пенья.
Роман Игнасио Монт – дворецкий, Хулио, Бернардо – лакей.
Арендаторы в Лассара – Долорес Делия Веско, травница, Хуан Амон Мартель – картежник.
Доктор Эрнандо Мендес.
Эрнесто Карлос Риалон – тан, темный маг, патанатом.
Барбара Исабель Риалон – жена Эрнесто.
Амадо Эрнесто Риалон – сын Эрнесто.
Отец Анхель – духовник.
Отец Томмазо – легендарная фигура.
Мастер Доменико – парикмахер.
Эудженио Рико Валеранса – племянник Барбары Риалон.
Луиса Каталина Маркос – владелица магазинчика антиквариата «Монисто», ее сестра Хелена Каталина. Бывший жених – Фернандо Хуан Эсколан.
Кот – Маркус Мендоса.
Сеньор Бенито Дези Фарра – повар.
Мастер Риколетти – обувщик.
Хорхе Дуардо Саларанса – наследник коллекционера.
Пио Хуан Кастильо – сержант полиции.
Серхио Мария Вальдес – следователь.

Хуан Густаво Эстевис – тан, друг Араконов.

Данута Пилар Эстевис – жена Хуана.

Марио – полицейский.

Рейнальдо Игнасио Шальвен – сыщик, призрак.

Дальмехо – измененный, сошедший с ума.

Хильберто Дези Сото – подручный Николаса. Николас – родственник короля, который убил Шальвена (аналог – Мориарти).

Николас Матео Мединальо – троюродный брат короля, проф. Мориарти.

Хорхе Луис Мондиго – отец Розалии.

Гаспар Хильберто Ваэс – рыбак.

Педро-четырепалый, он же Педро Пио Тилес, отец Риты, рыбак, мать – прачка, у нее четыре брата, младших. Гомес, Доминго, Педро и Мартинес.

Освальдо Фаусто Карраско – также некромант, соперник Эрнесто с юности. Жена – Сарита Амалия Карраско, в девичестве Дюран.

Дези Херман Диас – репортер.

Пако Патрисио.

Хименес – нотариус в Римате.

Его величество Аурелио Аугустин... он правит мудро уже тридцать шесть лет. Последнее время ему тяжело жить в столице, поэтому королевский двор пребывает в Каса Норра.

1 песета – 100 сантимо – 4 реала.

<https://atmosfear.ru/strashnye-istorii-pro-peshhery>

Письменный прибор писателя.

notes

Примечания

Культ Санта Муэрте реально существует в Мексике. Правда, там он считается сатанинским. В этой реальности к нему относятся чуточку лояльнее. – *Прим. авт.*

Один испанский фунт равен 0,451 кг, так что мешочек и до пятидесяти кило не дотягивал. Самые мелочи. – *Прим. авт.*

У классиков не нашла, подозреваю, что знакомый сформулировал это выражение сам, но в афоризмы еще не попал – пожить хочет. –
Прим. авт.

Автор не претендует на истину в последней инстанции, данные истории она слышала в свое время от спелеологов и геологов. Сколько в них правды – неизвестно.